

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998.); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Передня Д.Г.</i> Методика исследования управленческой культуры организации	5
<i>Костикова Ю.С., Толкунова М.С.</i> «Падонки» как феномен интернет-субкультуры России начала 2000-х	11
<i>Симонова М.М., Камнева Е.В., Попова А.В.</i> Особенности социально-психологического состояния и адаптации людей «предпенсионного возраста»	15
<i>Тихонова С.В.</i> Толерантность как социокультурный феномен. социальные аспекты толерантности и интолерантности в современном российском обществе	19

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

<i>Бурняшева Л.А., Романько И.Е., Марченко С.В.</i> Формирование брендинга туристских территорий России	24
<i>Гостенина В.И., Мельников С.Л., Новиков А.С.</i> Социальные факторы формирования корпоративной культуры в российской нефтегазовой отрасли	27
<i>Заякина О.А.</i> Оценка потребностей в социальной защите семей с детьми: обобщение результатов социологического исследования	33
<i>Кузнецова А.Д., Ерохина Е.В.</i> Инструменты сокращения диспаритета доступности цифровой среды: региональные аспекты	36
<i>Сарбаа Л.Н., Коньков А.Т.</i> Методы и технологии формирования репутации организации сферы образования	40
<i>Чжан Хаопэн.</i> Дифференциация уровня жизни городского и сельского населения Китая: аспекты социальной стратификации	46
<i>Скуратов А.Б.</i> Современная интернет-коммуникация: социосемиотический аспект	50
<i>Тимофеев М.О.</i> Особенности комплектования военно-социальных групп, выполняющих служебные задачи в полярных широтах и арктическом регионе	53
<i>Челенкова И.Ю.</i> О ценностном концепте идеологии в российском государстве	59
<i>Чжан Хаопэн.</i> Тенденции изменения социальной стратификации населения Китая в период до реформы открытости (1949–1978)	64

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Го Синьюй.</i> Исследование идей философско-политического учения В.И. Ленина в аспекте воздействия на политическую систему Китая	67
<i>Грибакин А.В.</i> К онтологии юридического закона	72

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.

ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Ответственный секретарь:

Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО) РАНХиГС при Президенте РФ (Москва); **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва); **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону); **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва); **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИПИ РАН (Москва); **Карпухин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург); **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Криволюсов Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва); **Михайленко Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.01.2023 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

<i>Гусейнов Ф.И.</i> Толерантность или нетолерантность: Габриэль Марсель и Нассим Талеб	77
<i>Дзюба Л.М.</i> Особенности синтеза социального и индивидуального в повседневной реальности включающего общества: конструктивистский подход.....	82
<i>Захарова В.А., Эмирбекова Э.Э.</i> Аксиологическое содержание экологического поведения молодежи.....	86
<i>Рахимова М.В.</i> Театральные техники шамана: философско-антропологический аспект	90
<i>Филатов Д.Л.</i> Социальная деятельность РПЦ в XXI веке: идеологические принципы и методы реализации.....	96
<i>Яновский М.И.</i> Психологический комментарий к мыслям Ф.М. Достоевского о русофобии	100

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Аванесова Г.А., Миронов А.В.</i> Постижение России: прорывы и тупики в развитии отечественной гуманитарной мысли (XVIII-начало XXI вв.)	103
<i>Добреньков В.И.</i> Протестантизм и философская герменевтика Канта	111

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

<i>Асонов Н.В.</i> Почему Россия хочет мира	119
---	-----

<i>Борисенко В.И., Чернышева Е.Н.</i> Закрепление в федеральном законодательстве России понятия единой системы публичной власти	123
<i>Вафин А.М.</i> Идеология государственного служения в Нидерландах.....	126
<i>Данкова В.В.</i> Концептуальные подходы к выявлению и оценке ценностных установок семейной молодежи: по материалам российских и международных исследований... ..	130
<i>Кучинов А.М.</i> От практик к институтам	134

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Зяблова О.А.</i> Правовое регулирование и механизмы предотвращения появления неграждан в Федеративной Республике Германия.....	137
<i>Попов В.В., Тимофеев В.А.</i> Особенности корреляции темпоральности и социального времени в структуре субъективного времени индивида во включающем обществе: концептуально-семантический аспект	140

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Иванова Т.В., Афанасьев М.Ю.</i> Потенциал медийно-информационного образования в системе российской высшей школы.....	144
<i>Фомин М.С.</i> Деструктивная трансформация фундаментальных аспектов жизни современника модными трендами.....	148

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Perednya D.G.</i> Methodology for studying the management culture of an organization	5
<i>Kostikova Yu.V., Tolkunova M.S.</i> "Padonki" as a phenomenon of the Internet subculture of Early Russia in the 2000s.....	11
<i>Simonova M.M., Kamneva E.V., Popova A.V.</i> Features of the socio-psychological state and adaptation of people of «pre-retirement age».....	15
<i>Tikhonova S.V.</i> Tolerance as a socio-cultural phenomenon. social aspects of tolerance and intolerance in modern russian society	19

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<i>Burnyasheva L.A., Romanko I.E., Marchenko S.V.</i> Formation of branding of tourist territories of Russia.....	24
<i>Gostenina V.I., Melnikov S.L., Novikov A.S.</i> Social factors of the formation of corporate culture in the russian oil and gas industry.....	27
<i>Zayakina O.A.</i> Assessing the needs for social protection of families with children: summarizing the results of a sociological study	33
<i>Kuznetsova A.D., Erokhina E.V.</i> Tools for reducing the disparity in the availability of the digital environment: regional aspects	36
<i>Sarbaa L.N., Konkov A.T.</i> Methods and technologies for building the reputation of an educational outreach organization	40
<i>Zhang Haopeng.</i> Differentiating Living Standards between Urban and Rural China: Aspects of Social Stratification	46
<i>Skuratov A.B.</i> Modern internet communication: sociosemiotic aspect	50
<i>Timofeev M.O.</i> Peculiarities of recruitment into military-social groups, performing service tasks in the polar latitudes and the Arctic Region	53
<i>Chelengkova I.Y.</i> On value concept of ideology in the Russian state.....	59
<i>Zhang Haopeng.</i> Trends in social stratification of China's population in the period before the opening up reform (1949–1978).....	64

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Guo Xinyu.</i> The study of the ideas of the philosophical and political teachings of V.I. Lenin in the aspect of the impact on the political system of China.....	67
<i>Gribakin A.V.</i> To the ontology of juridical law	72
<i>Guseynov F.I.</i> Tolerance or intolerance: Gabriel Marcel and Nassim Taleb	77
<i>Dzyuba L.M.</i> Features of the synthesis of the social and individual in the everyday reality of the inclusive society: a constructivism approach	82
<i>Zakharova V.A., Emirbekova E.E.</i> Axiological content of the ecological behavior of youth	86

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section), member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow); **Balbeko Anatoliy Mikhailovich** – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow); **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Educ.), prorector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow); **Volkov Yury Grigorievich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don); **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow); **Kapicyn Vladimir Mikhailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Dr. Sci. (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow); **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich** – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg); **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Dr. Sci. (Soc), Prof. of the State university governance (Moscow); **Makarov Anatoliy Vasilievich** – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrey Victorovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow); **Mihajlenok Oleg Michailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow); **Orehovskaya Natalya Anatolievna** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentyna Vasilievna** – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tihonovich** – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPa, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd); **Haziev Valeriy Semenovich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.01.2023. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

<i>Rakhimova M.V.</i> Shaman's Theatrical techniques: Philosophical and anthropological aspect.....	90
<i>Filatov D.L.</i> Social activity of the roc in the XXI century: ideological principles and methods of implementation.....	96
<i>Yanovsky M.I.</i> Psychological commentary on F.M. Dostoevsky's thoughts on russophobia.....	100

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

<i>Avanesova G.A., Mironov A.V.</i> Understanding Russia: Breakthroughs and Dead Ends in the Development of Russian Humanitarian Thought (XVIII – early XXI centuries).....	103
<i>Dobrenkov V.I.</i> Protestantism and Kant's philosophical hermeneutics Annotation.....	111

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<i>Asonov N.V.</i> Why does Russia want peace.....	119
<i>Borisenko V.I., Chernysheva E.N.</i> Consolidation in the federal legislation of Russia of the concept of a unified system of public authority.....	123

<i>Vafin A.M.</i> Ideology of public service in the Netherlands.....	126
<i>Dankova V.V.</i> Conceptual approaches to identifying and evaluating the values of family youth: based on Russian and international studies	130
<i>Kuchinov A.M.</i> From practices to institutes	134

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

<i>Ziablova O.A.</i> Legal regulation and mechanisms for preventing the appearance of non-citizens in the federal republic of Germany.....	137
<i>Popov V.V., Timofeenko V.A.</i> Features of correlation of temporality and social time in the structure of subjective time of an individual in an inclusive society: a conceptual-semantic aspect	140

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

<i>Ivanova T.V., Afanasev M.Y.</i> Media education potential in Russian higher education system	144
<i>Fomin M.S.</i> Disruptive transformation of contemporary's fundamental aspects of being by the modern trends.....	148

Методика исследования управленческой культуры организации

Передня Дмитрий Григорьевич,

к.с.н., доцент, доцент кафедры социологии, Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: 2975829@mail.ru

В статье представлен вариант изучения управленческой культуры в организации. Показана актуальность разработки методики эмпирического исследования этого феномена. В статье подробно излагается апробированная комплексная методика изучения управленческой культуры организации. Методика в теоретико-методологическом плане основывается на надывидуальном характере управленческой культуры. В рамках представленной методики, на этапе сбора данных описано применение таких методов как экспертный опрос; массовый анкетный опрос; полуформализованные и глубинный интервью. Важной частью исследования становится расчет агрегированного показателя – «индекса управленческой культуры». Агрегирование данных для получения индекса управленческой культуры осуществляется методом суммарных оценок. Для обеспечения надежности инструмента определения «индекса управленческой культуры», предусмотрено вычисление внутренней согласованности (internal consistency) переменных. Для расчета которой применялся коэффициент Кронбаха (Chronbach). Согласование экспертных оценок проводится с помощью метода расщепленной надежности (split-half reliability). Индексы полученные по результатам измерения управленческой культуры в разные периоды времени делают возможной оценку и интерпретацию ее динамических параметров. Описанная комбинация методов сбора данных представляет наиболее релевантный вариант методики изучения управленческой культуры, позволяющей получать относительно надежные и валидные социологические данные.

Ключевые слова: методика исследования, индекс управленческой культуры, агрегированный показатель.

Введение

Рождение замысла изучения управленческой культуры вызвано стремлением исследователей ответить на вопросы, которые выходят за рамки существующих объяснительных теорий управленческих наук. В частности, комплекс наук об управлении стал испытывать затруднения в связи с осмыслением вопроса о том, почему похожие организации в обществах разных стран функционируют по-разному и как так получается, что разработанные теоретические модели управленческих действий в одинаковых институциональных условиях приводят к неодинаковым результатам. Учреждения, схожие по функциям, располагаются в различных социокультурных контекстах. Например, в странах Запада распространена низкоконтекстуальная культура, в ней принято называть вещи своими именами, получаемая информация ясна и не противоречива. Для восточных стран характерна высококонтекстуальная культура, в ней главную роль играет умение «читать между строк» и понимание контекста. Существенное влияние на систему управления оказывают и другие культурные параметры [15]. Подобные наблюдения свидетельствуют о том, что в процессе управления важны как формальные, так и не формальные элементы. Учет доминирующей и организационной культуры позволит изучить и лучше понять реальные способы управленческих практик в организации [1; 3; 7; 8; 12].

При разработке методики исследования важно четко различать природу исследуемого феномена. Знакомство с большим количеством научных источников, связанных с нашей предметной областью, позволило обратить внимание на различные, в том числе и неоднозначные трактовки понятий «управленческой культуры» и «культуры управления» и подходов к их исследованию. Подробный критический их анализ займет много места, поэтому мы ограничимся лишь перечислением авторов, приложившим усилия к изучению этих феноменов. К их числу относятся работы Е.Г. Ерохина [5], М.Р. Шавруковой [13], Ю.В. Мирюшкина и Н.А. Пасько [7]. Характерные для управленческой культуры надывидуальные свойства заставляют использовать различные методы в комплексе. Творцами управленческой культуры в той или иной степени становятся все члены организации. При этом влияние и вклад каждого меняется в зависимости от времени членства в организации, статусных позиций индивидов, а также множества других факторов, обуславливающих развитие и функционирование социальной системы. В то время как культура управления находит воплощение на индивидуальном уровне, многие ее слагаемые существуют в потенции, представлены в идеализированном виде. При ее исследовании не нужно учитывать последствия социальных взаимодействий всех участников управленческого процесса. Знание и понимание того как именно осуществляется управление в организациях позволяет более осмысленно и предметно подходить к проблемам оптимизации управления.

Цель статьи заключается в обоснованном описании методики изучения управленческой культуры как надиндивидуального феномена, позволяющей получать релевантные социологические данные, в том числе в виде индекса управленческой культуры.

Основная часть

Комплексный подход к изучению управленческой культуры организации

Реальные практики управления представляют собой результат совместных действий, основанных на понимании и учете множества социально-психологических обстоятельств и намерений членов организации. Сложность познания обусловлена надиндивидуальным характером управленческой культуры. Теоретическая, эмпирическая и операциональная интерпретация основных понятий, основываясь на деятельностном подходе к предмету исследования, выводят нас на совокупность индикаторов способных охарактеризовать типичные способы управления в какой-либо организации. Итоговая цель исследования, помимо отдельных характеристик изучаемого феномена, состоит в получении обобщенного интегрированного показателя управленческой культуры, для достижения которой применяется комплекс методов. Важную роль на первичном этапе исследования играет экспертный опрос. Этот метод сбора данных позволяет решать задачи по обнаружению типичных способов, приемов, средств, характеристик управления принятых в той или иной организации. Информация, получаемая от экспертов, обнаруживает проявления современного состояния практик управления в организации. При подборе экспертов необходимо обеспечить представленность всех направлений деятельности организации.

Полный спектр всевозможных способов и приемов управления весьма обширен, однако своеобразие и многообразие «культуре управления» всех членов организации в процессе мультиплицирующихся интеракций приводит к появлению характерной для текущего социокультурного контекста управленческой культуры. В результате эксперты, описывая управление в своей организации, выделяют наиболее типичные, характерные, преобладающие способы управления.

В качестве иллюстрации перечислим некоторые индикаторы, на которые мы вышли в ходе исследования управленческой культуры органов внутренних дел Российской Федерации (ОВД): соотношение решений осуществленных и тех, которые выполняются формально, например, путем отписок, имитации деятельности и пр.; оценка оптимальности документооборота в ходе осуществления управления; степень распространенности ситуаций когда ошибочное решение, в силу специфики управления, все равно выполняется; равномерность распределения служебной нагрузки, оперативность управленческих воздействий и реакция на них; феномен откладывания решений или действий по их реализации на максимально более поздние сроки; восприятие частоты и плотности контроля, в том числе посредством различных проверок структурных подразделений; присутствие в системе управления протекционизма, уклонение руководителей от ответственности, наличие у них желания переложить ответственность на других должностных лиц.

Управленческая культура вбирает в себя слагаемые как собственно управления, так и самоуправления, саморганизации. Их пропорции могут быть различны, как и варианты упорядочивания внутриорганизационных процессов. Организации многообразны и различаются по многим основаниям. Например, по степени открыто-

сти, численности персонала, «рисковой нагрузке» [14, с. 108]. Данные обстоятельства будут сказываться на исследовательских приемах осуществления методики.

В нашем случае экспертный опрос проводился в два тура. В первом туре он был письменный, индивидуальный, затем устный групповой. Первая группа (N-14) опрашивалась на предмет особенностей, свойств управления в различных подразделениях российской полиции. Эксперты второй группы высказывали предложения по оптимизации управления в организации. Второй опрос (N-14) позволяет проверить и подтвердить соответствие свойств, способов и характеристик управления, полученных в ходе первого общения с экспертами. Например, эксперты в ходе первого тура высказались об избыточности документооборота в ходе управления, который забирает много времени и сил и отвлекает от решения задач по предназначению. В ходе второго тура, эксперты предложили оптимизировать управление путем сокращения объема документооборота. Происходит контроль и обогащение экспертных данных. Работа экспертов второй группы не предполагает знакомство с ответами специалистов, полученными в ходе первого тура. По итогам экспертного опроса подытоживается набор переменных для массового анкетного опроса. Ценность показателей, полученных таким образом заключается в том, что их природа не теоретическая, априорная, а проистекает из реальности, обусловлена опытом и наблюдениями участников управленческого процесса.

Массовый опрос

Цель массового формализованного опроса членов организации – выяснить типичность и распространенность управленческих особенностей, свойств, приемов, выявленных в процессе применения метода экспертных оценок. Исследование может быть, сплошным, но чаще опрашивается основной массив сотрудников, или формируется выборка. Общий объем выборки рассчитывается исходя из целей исследования, и количества сотрудников учреждения. При этом можно изучить общие черты управленческой культуры, присущие всей организации, или же сфокусироваться на особенностях и преобладающих способах управления, принятых в отдельных подразделениях.

При исследовании управленческой культуры ОВД, вопросник включал тридцать переменных. Подавляющее большинство вопросов закрытые. База данных создавалась в программе IBM SPSS Statistics. Уровень измерения преимущественно порядковый. Множество переменных обеспечивает описание состояния и различных особенностей управленческой культуры, но все это не позволяет сформулировать общий вывод касательно всей управленческой культуры и отслеживания ее изменений во времени. Для преодоления этих сложностей, повышения информативности эмпирических данных, применяется процедура агрегирования полученных данных с помощью метода суммарных оценок [11, с. 244]. Совокупность переменных, полученных путем применения однообразного способа измерения проверяется на внутреннюю согласованность. Внутренняя согласованность (internal consistency) представляет собой оценку, которая базируется на корреляции между показателями, для ее определения, рассчитывают коэффициент альфа Кронбаха.

Агрегированный показатель управленческой культуры, оценка его надежности

Альфа Кронбаха (Chronbach) по сути является одной из форм коэффициента надежности внутренней согласованности [2, с. 136], его значения располагаются в диапазоне от 0 до 1. Для получения максимально качественной

модели изучаемого явления рассчитывается коэффициент Кронбаха для всех переменных. Затем при помощи IBM SPSS Statistics рассчитываются коэффициенты для вариантов, когда одна из переменных исключена. Эта процедура производится до тех пор, пока значение альфа не окажется максимальным. В итоге индекс управленческой культуры вбирает в себя показатели, где альфа Кронбаха оказался наибольшим. Это подтверждает обоснованность включения переменных в индекс, показывает внутреннюю сообразность вопросов анкеты.

После получения надежных компонентов количественной модели управленческой культуры организации, следует выяснить и оценить вклад каждого из них в общую сумму индекса. Взвешивание отобранных для индекса переменных осуществляется при помощи метода экспертных оценок. В качестве экспертов чаще всего отбирают руководителей среднего управленческого звена. Именно эта категория специалистов наилучшим образом подходит для определения весовых коэффициентов выделенных показателей, так как управленцы этого уровня соприкасаются как с сотрудниками исполнительского звена, так и с руководителями верхних уровней власти. К тому же они одновременно выступают как субъектами, так и объектами управленческого процесса.

Определенные экспертами веса необходимо согласовать. Делаем это с применением метода определения расщепленной надежности (split-half reliability). Весовые значения четных и нечетных экспертов суммируются, после чего рассчитывается коэффициент корреляции. Если его значение превышает 0,6, то это является относительно оптимальным показателем, который приемлемым образом характеризует единое понимание экспертами сути управленческой культуры.

Затем в базе данных массового опроса осуществляется суммирование выборов респондентов по переменным, которые прошли отбор для агрегирования [11, с. 244]. Каждое значение переменной при суммировании корректируется путем умножения на весовой коэффициент. Итогом проделанной работы становится индекс управленческой культуры. Значение этого агрегированного показателя, позволяет оценить состояние управленческой культуры в данный период времени.

Интерпретация значений индекса управленческой культуры

Что бы понимать содержание индекса управленческой культуры представленного в виде цифры, нужно вычислить континуум значений «индекса управленческой культуры». Рассмотрим это с использованием значений из нашего исследования. Сумма из девяти переменных, измеренных по пятичленной шкале от 1 до 5, имеет размах вариации от 9 до 45 единиц. Это без процедуры взвешивания каждой из переменных. Нормирование крайних значений шкалы привело в соответствие теоретических значений с реальным обобщенным показателем управленческой культуры. Для этого каждая градация шкалы каждого вопроса умножена на определенный коэффициент (табл. 1). В результате этой процедуры появляется минимальное и максимальное значение индекса. В нашем случае минимальное значение индекса 6,18, максимальное, 30,9. Серединный пограничный уровень, левее и правее которого управленческая культура смещается в одну или другую сторону равен 18,54.

Далее описываются крайние точки обобщенного показателя управленческой культуры. Минимальное значение 6,18 соответствует ситуации, когда: управленческие решения в подразделениях принимаются оперативно; руководители не уклоняются от ответственности, не перекладывают ее на других; доля принятых управленче-

ских решений в ОВД, которые выполняются формально – отписки, имитация минимальна, можно сказать, стремится к нулю; ошибочные решения быстро распознаются и исправляются; документооборот и количество проверок подчиненных подразделений оптимальны; служебная нагрузка между сотрудниками распределена равномерно; протекционизм по принципу личной преданности в системе управления ОВД отсутствует; руководители чувствуют уверенность и социальную ответственность за свою работу; феномен, когда руководитель задерживается на службе с целью показать свою незаменимость, значимость и обезопасить себя перед вышестоящим начальством – отсутствует.

Таблица 1. Взвешенные слагаемые «индекса управленческой культуры» на основе согласованных экспертных оценок

№ п/п	Характеристики преобладающих способов управления	Весовой коэффициент в диапазоне от 1 - характеризует управление в сильной степени, до 0,1 характеризует управление в слабой степени
1	Оценка доли принятых управленческих решений в ОВД, которые выполняются формально, отписки, имитация и т.п.	0,87
2	Оценка оптимальности документооборота для управления ОВД	0,80
3	Частота встречаемости ситуаций, когда начальник явно неправ, но в силу специфики системы управления в ОВД, ошибочное решение все равно выполняется	0,72
4	Частота встречаемости в ОВД неравномерного распределения служебной нагрузки между сотрудниками	0,70
5	Распространенность в практике управления ОВД феномена откладывания руководителями решений на потом	0,69
6	Оценка оптимальности количества проверок подчиненных подразделений	0,65
7	Степень распространенности в системе управления ОВД протекционизма по принципу личной преданности	0,64
8	Распространенность в ОВД явления ухода руководителей от ответственности, перекладывание ее на руководителей других подразделений, на заместителя или подчиненных	0,62
9	Частота встречаемости в ОВД феномена, когда руководитель задерживается на рабочем месте с целью показать свою незаменимость, значимость и обезопасить себя	0,49

Значение 30,9 соответствует обратной ситуации, когда: принятие управленческих решений затягивается; сотрудники стремятся уклониться от ответственности, перекладывают ее на других; практически все принятые управленческие решения в ОВД выполняются формально, деятельность часто имитируется; ошибочные решения не распознаются, не исправляются, а выполняются несмотря ни на что; имеет место «управление по хвостам», когда управленческая активность репрессивного, ограничительного характера начинается только когда что-нибудь произошло; документооборот в ОВД избыточный; служебная нагрузка между сотрудниками распределена не равномерно; количество проверок подчиненных подразделений не оптимально, отвлекает внимание от основных видов деятельности, парализует работу; в системе управления распространены протекционизм по принципу личной преданности; руководители чувствуют ответственность только перед вышестоящим начальством, часто задерживаются на рабочем месте с целью показать свою незаменимость, значимость и, тем самым, обезопасить себя перед руководителями верхних уровней [9, с. 80].

Далее следует оценить разницу между средним теоретическим и средним реальным (эмпирическим) значением индекса управленческой культуры. В нашем случае это значения 18,54 и 22,2 соответственно. Эмпирическое значение моды 24,6, медианы 22,4. Индекс управленческой культуры равен 22,2. Разница между средним теоретическим и средним реальным составила 3,7. Для улучшения качества обобщенного показателя его значение целесообразно округлить до 4, тем самым приблизив его к наиболее часто встречающемуся значению признака. Отклонение кривой нормального эмпирического распределения обобщенного показателя управленческой культуры от теоретического на 4 единицы не случайно и вызвано совокупностью объективных факторов, которые определяют текущее состояние изучаемого феномена и поведенческие практики всех сотрудников организации. Для оценки абсолютной величины, приведем относительно значение отклонения, которое составляет 32%. Это означает, что современное состояние управленческой культуры на 32% смещено от теоретического центра в сторону крайнего правого (максимального) значения (30,9).

Изучение динамических показателей управленческой культуры

Выше описанная методика позволяет измерить текущее состояние управленческой культуры организации, и создает основу для изучения динамики управленческих практик. Если требуется изучить тенденции, динамические аспекты управленческой культуры тогда проводится повторный массовый опрос по той же методике. Обнаружить генетические связи в изменениях управленческих практик можно путем проведения лонгитюдных исследований, в любом из их разновидностей: трендовым, когортным и панельным. При этом нужно чтобы отслеживались преобладающие способы управления, в одном или нескольких подразделениях организации, изучались причинно-следственные связи, влияющие на распространенность тех или иных регулирующих воздействий. В нашем случае спустя пять лет был проведен повторный опрос, в ходе которого была обеспечена преемственность методики измерения и однообразие ее применения. Изменения обнаруживались путем сравнительного анализа признаков двух, или нескольких баз данных, созданных в начале, и в конце исследуемого периода.

В целом траектории анализа данных могут варьироваться в зависимости от исследовательских задач. Как

правило, применяются типичные методы и приемы обработки эмпирических данных, строятся как одномерные, так и условные распределения по всем показателям, которые характеризуют различные способы управления, получившие распространение в современных условиях функционирования организации.

Соблюдение однообразного измерения отобранных признаков позволяет вычислять агрегированный показатель – индекс управленческой культуры для каждой волны опросов. Расчет значений индекса в различные годы и последующее их сравнение делает возможным оценить состояние управленческой культуры в разное время и отследить тенденции ее развития. На основе данных за разные периоды времени мы сможем определять, как меняется изучаемый феномен, либо насколько он инертен, устойчив к изменениям.

Качественные методы

Как уже было нами отмечено, наряду с количественными методиками, уточнение и обогащение смыслового содержания преобладающих способов управления в организации осуществляется посредством применения совокупности качественных методов, в числе которых могут быть использованы метод семантического дифференциала, полужформализованные, глубинные интервью, фокусированные групповые интервью. Комплексная методика позволяет получать релевантные данные, отражающие именно управленческую культуру без искажающих тенденций измерения индикаторов, свойственных культуре управления.

В качестве информантов для качественных методов целесообразно отбирать тех, кто, с одной стороны подходит по основным критериям отбора экспертов и, с другой готов относительно долго коммуницировать по поводу того, как организовано управление в учреждении. Полезно уделять внимание пропорциональной представленности представителей разных полов исходя из их распределения в общей численности организации, а также длительность работы в ней сотрудников. Неформализованные интервью, в нашем случае, позволили лучше понять результаты массового опроса, узнать, насколько осознанными, отрефлексированными оказались феномены, выявленные в ходе изучения состояния и тенденций управленческой культуры.

Нередко, применение «мягких» методов сбора данных обнаруживают интересные особенности управленческой культуры. Развитие управленческой культуры наиболее часто происходит вследствие ее адаптации к изменившимся внешним условиям или необходимости разрешения накопившихся внутренних противоречий, а также в результате творческой инициативы отдельных субъектов. С момента реформирования российской милиции в полицию возросли требования к сотрудникам и контроль работы ОВД. Это привело к, проникновению в управленческую сферу новых культурных образцов. В частности изменился внутриорганизационный информационный фон, под влиянием которого протекают процессы управления. Применение качественных методов показало, что сотрудники различных подразделений ОВД выполняют свои обязанности в состоянии постоянного лавирования между нормами законодательства и указаниями прокуратуры, следственного комитета, судебных органов, которые не редко имеют существенный субъективный и конъюнктурный оттенок. Часто это становится дополнительным фактором, увеличивающим неуверенность, нерешительность в управленческих действиях, рискофобию [6, с. 4]. Фактически сотрудники полиции оказались в ситуации, когда они лишены права на добросовестную ошибку. Избыточный контроль и чрезмерная

требовательность ускорила сменяемость руководителей. Это привело к тому, что они не успевают накопить опыт и не в полном объеме располагают необходимыми знаниями. Названные обстоятельства проявляются в коммуникативных аспектах управленческой культуры. Например, в речевом поведении участников управленческого процесса обнаружено снижение позитивного типа мышления сотрудников. Зачастую такой тип мышления выражается в запрограммированном неверии в успех и ожидании провалов, и неудач в работе.

Заключение

Предложенный вариант методики исследования есть результат теоретического, методического и эмпирического осмысления управленческой культуры на текущий момент времени. Без выверенной теоретической основы изучаемого объекта трудно добиться высокой степени аутентичности исследовательских результатов природе исследуемого явления [4, с. 5]. Данная методика тесно взаимосвязана с деятельностным подходом к изучаемому феномену, стремится учесть надывидуальный характер управленческой культуры. Управленческая культура организации, как в онтологическом, так в гносеологическом смысле является сложным объектом социологического исследования. В виду этого, рассмотренная методика не претендует на абсолютную полноту и завершенность и предполагает возможность ее оптимизации. В процессе ее применения вполне допустимы уточнения, некоторые конструктивные изменения, учитывающие специфику конкретных организаций. Кроме того важной особенностью социокультурного исследования как вида деятельности является строгая организационная процедура и наличие технологических этапов [10, с. 10]. В тоже время, применение рассмотренной методики позволит содержательно обогащать концептуальное видение управленческой культуры, повышать предметность анализа различных сторон этого феномена.

Литература

1. Барсукова С.Ю., Карачаровский В.В. Неформальные структуры в организациях как феномен и ресурс управления // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Т. 7. – № 3. – С. 99–115.
2. Браймен А., Белл Э. Методы социальных исследований. Группы, организации и бизнес. – Харьков, 2012. – 776 с.
3. Бусыгин А.Е. О влиянии управленческой культуры на процессы становления новой российской социальной реальности // Человеческий капитал. – 2020. – № 12. – С. 29–38.
4. Горшков М.К. К вопросу о социологии масовидных духовных образований (теоретико-методологический аспект) // Социологические исследования. – 2021. – № 2. – С. 3–14. DOI: 10.31857/S0132162500126744
5. Ерохин Е.Г. Управленческая культура офицера в воинском подразделении Вооруженных сил Российской Федерации: Дисс. ...канд. социол. наук. 22.00.08. – М.: Военный университет, 2020. – 229 с.
6. Кравченко С.А. Существование рискофобии и рискофилии – проявление “нормальной аномии” // Социологические исследования. – 2017. – № 2. – С. 3–13.
7. Мирюшкина Ю.В., Пасько Н.А. Эволюция управленческой культуры и культуры управления в России // Экономика и социум. – 2014. – № 2 (11). – С. 508–511.

8. Мяготина И.А. Управленческая культура личности руководителя современной России: Социально-философский анализ: Дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – М., 2005.
9. Передня Д.Г. Управленческая культура в системе органов внутренних дел: монография. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 103 с.
10. Примаков В.Л., Половнев А.В. Исследование этноконфессиональных отношений в России: теория, методология, методика. – М., 2011. – 252 с.
11. Рабочая книга социолога / Под общ. ред. и с предисл. Г.В. Осипова. Изд. 3-е. – М., 2003. – 476 с.
12. Устинова Л.Г. Управленческая культура руководителя ОВД в контексте современных стилей и методов руководства // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 2006–2010.
13. Шаврукова М.Р. Управленческая культура театраль-ных учреждений: социологический аспект: автореф. дисс. ...канд. социол. наук. – М., 2019. – 32 с.
14. Шлыкова Е.В. Субъективная оценка безопасности как показатель адаптивности к рискам социальных изменений: методологическое и эмпирическое обоснование исследовательского подхода // Социологическая наука и социальная практика. – 2020. – Т. 8. – № 4. – С. 105–120. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7659
15. J udt T. Ill Fares the Land. A Treatise on Our Present Discontents. – L.: Penguin Books, 2011. – 256 p.

METHODOLOGY FOR STUDYING THE MANAGEMENT CULTURE OF AN ORGANIZATION

Perednya D.G.

Prince Alexander Nevsky Military University Ministry of Defense of the Russian Federation

The article presents a variant of studying managerial culture in an organization. The relevance of developing a methodology for empirical research of this phenomenon is shown. The article details the proven comprehensive methodology for studying the management culture of an organization. The methodology in theoretical and methodological terms is based on the supra-individual nature of managerial culture. Within the framework of the presented methodology, at the stage of data collection, the use of such methods as an expert survey is described; mass questionnaire survey; semi-formalized and in-depth interviews. An important part of the study is the calculation of an aggregated indicator – the “index of managerial culture”. Aggregation of data to obtain an index of managerial culture is carried out by the method of total estimates. To ensure the reliability of the tool for determining the “managerial culture index”, the calculation of internal consistency of variables is provided. For the calculation of which the Cronbach coefficient (Chronbach) was used. Coordination of expert assessments is carried out using the split-half reliability method. Indices obtained from the results of measuring managerial culture in different periods of time make it possible to evaluate and interpret its dynamic parameters. The described combination of data collection methods represents the most relevant variant of the methodology for studying managerial culture, which allows obtaining relatively reliable and valid sociological data.

Keywords: research methodology, managerial culture index, aggregated indicator.

References

1. Barsukova S.YU., Karacharovskiy V.V. (2004). Informal structures in organizations as a phenomenon and resource management. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. – Т. 7. – № 3. – P. 99–115. (In Russ.).
2. Bryman A., Bell E. (2012). *Business research methods*. – Khar'kov, 776 p. (In Russ.).
3. Busygin A. Ye. (2020). On the influence of managerial culture on the processes of formation of a new Russian social reality. *Chelovecheskiy kapital*. – № 12. – P. 29–38. (In Russ.).

4. Gorshkov M.K. (2021). To the question of the sociology of mass spiritual formations (theoretical and methodological aspect). *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. – № 2. – P. 3–14. DOI: 10.31857/S0132162500126744. (In Russ.).
5. Yerokhin Ye.G. (2020). Managerial culture of an officer in military subordination of the Armed Forces of the Russian Federation. Diss. ...kand. sotsiol. nauk. 22.00.08. – Moscow: Voyenny universitet, 229 p. (In Russ.).
6. Kravchenko S.A. (2017). Coexistence of riskophobia of iriskophilia as a manifestation of “normal anomie”. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. – № 2. – P. 3–13. (In Russ.).
7. Miryushkina YU.V., Pas'ko N.A. (2014). Evolution of managerial culture and management culture in Russia. *Ekonomika i sotsium*. – № 2 (11). – P. 508–511. (In Russ.).
8. Myagotina I.A. (2005). Managerial culture of the personality of the head of modern Russia: Social and philosophical analysis. Diss. ... kand. filos. nauk: 09.00.11. – Moscow, (In Russ.).
9. Perednya D.G. (2017). Management culture in internal affairs bodies. – Moscow: INFRA-M. – 103 p. (In Russ.).
10. Primakov V.L., Polovnev A.V. (2011). Research of ethno-confessional relations in Russia: theory, methodology, methodology. – Moscow, 252 p. (In Russ.).
11. Sociologist's Workbook. (2003). Pod obshch. red. i s predisl. G.V. Osipova. Izd. 3-ye. – Moscow, 476 p. (In Russ.).
12. Ustinova L.G. (2014). Managerial culture of the head of the Department of Internal Affairs in the modern style and the search for sources. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept»*. – T. 20. – P. 2006–2010. (In Russ.).
13. Shavrukova M.R. (2019). Management culture of theatrical institutions: sociological aspect: Avtoref. diss. ...kand. sotsiol. nauk. – Moscow, 32 p. (In Russ.).
14. Shlykova Ye.V. (2020). Subjective assessment of safety as an indicator of adaptability to the risks of social change: methodological and empirical substantiation of the research approach. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. – T. 8. – № 4. – P. 105–120. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7659. (In Russ.).
15. Judt T. *Ill Fares the Land. A Treatise on Our Present Discontents*. – L.: Penguin Books, 2011. – 256 p.

«Падонки» как феномен интернет-субкультуры России начала 2000-х

Костикова Юлия Валерьевна,

старший преподаватель, кафедра иностранных языков,
Государственный университет управления
E-mail: yulya.bukhantseva@mail.ru

Толкунова Мария Сергеевна,

старший преподаватель, кафедра иностранных языков,
Государственный университет управления
E-mail: termar2@mail.ru

В статье рассматривается одна из форм молодежной Интернет-субкультуры – «падонки»; дается общая характеристика движению, анализируются этапы его развития; подробно изучаются основы мировоззрения и ценностей «падонков», их отношение к обществу, деньгам, употреблению наркотических веществ, работе, образованию, отдыху, внешнему виду, а также цели и задачи субкультуры. В результате анализа был сделан вывод о двойственном характере проявления «падоничества», о стремлении представителей этой субкультуры скрыть за сарказмом и самоиронией свои тревоги, страхи, агрессию по поводу окружающей их действительности. Падоничество пропагандирует идею «мужской дружбы», в которой очень нетолерантно относятся к гомосексуалистам и к вторжению женщины в их «мужское» пространство, хотя прямой антифеминизм падонки не приветствуют.

Ключевые слова: молодежная субкультура, «падонки», «падоничество», интернет-субкультура, мировоззрение, ценности.

Вторая половина XX в. и первая половина XXI в. является периодом появления множества видов и форм молодежных субкультурных течений. В разное время наблюдался всплеск развития таких движений как хиппи, стилияги, скинхеды, гопники, рокеры, эмо, диггеры, стритрейсеры и другие, подробно описанные нами в наших исследованиях [1; 2; 3 и др.].

Однако развитие современного общества неразрывно связано с распространением Интернета и использованием цифровых технологий, что приводит к появлению так называемых Интернет молодежных субкультур, самыми популярными из которых являются геймеры и киберпанки. Одним из таких движений является субкультура, именующая себя как «падонки».

Целью данной статьи является анализ мировоззрения и философии «падонков» как примера интернет-субкультуры России.

Молодежная субкультура «падонков» появилась в конце 1990-х гг. на просторах Интернета. Ее предшественниками стали «кащениты» в эхоконференциях фидо и на интернет-форумах. Это название пошло от появившейся в 1998 г. эхоконференции su.kaschenko.local, которая объединила группу людей – сетевых провокаторов, использующих черный юмор, неполиткорректные шутки, специфический язык (имитация «еврейского» акцента, использование жаргонизмов), саркастическое восприятие стереотипов и убеждений. В 1998 г. Е Лавров (интернет имя «Скелетрон») и К Рыков («Джейсон Форис») создали первый сайт, на котором разрешалось использовать ненормативную лексику. В 1999 г. этот сайт стал местом зарождения нового сообщества «сетевой контркультуры». Позднее из-за определенных разногласий и технических трудностей данное сообщество стало представлено на трех сайтах (никнейм создателя Д. Соколовского – «Удав»). Как пишет Д.А. Радченко, «Udaff.com совершил переворот в творчестве падонков: на этом ресурсе появилась возможность комментировать текст непосредственно на странице, в режиме форума, а не в гостевой книге. С udaff.com можно вести отсчет истории падоноческих «клише», которые затем переходят в «албанский язык». Более того, udaff.com впервые систематизировал «словарь падонков»» [6]. Падонками также были созданы литературные сайты, сайты юристов-падонков, на которых культура движения нередко выражена в специфической идеологии.

«Албанский язык» – это определенный культурный языковой пласт, который давно вышел за рамки падоничества и стал употребляться многими Интернет пользователями не относящими себя к этому движению.

Как указано в статье о падонках, «мистическим центром падонков является Албания – инфернальная страна для русского коллективного бессознательного после Косовской войны. Албанцы были врагами единовременных русских сербов и вытеснили последних с территории Косово. Русский, называющий себя албанцем, как бы становится за чертой русского социума. Кроме того, Москва на языке падонков означает «тупое место» (Моск офф от Мозг off – Moscow). Сознательное дистанцирование от обывателей также выражается в комплименте Аццкая Сотона (адский сатана). Местами, враждебными Албании, являются Бобруйск (В Бабруйск, животное!) и Канада (канацкий баян)» [7].

Лексические особенности «албанского языка» падонок исследованы в статье Ю.В. Таратухиной, которая классифицировала их жаргон по способу словообразования (искаженные слова («аффтар», «исчо»); неологизмы («гтдроклобаса»); бранные слова («йух», «нах»); аббревиатуры («ИМХО», «Ахтунг!»)); по лексико-семантическим параметрам (живые, ставшие нарицательными выражения («Сцуко, учи албанский!», «В Бобруйск, животное!», «Превед, красавчеги»); исконно русские выражения и слова («Пацтулом», «Рисурс», «Фтему»); русская ненормативная лексика («нах», «пилять», «йух»); заимствованные слова («вмемориз», «манангер» и «Ахтунг!»)); по назначению слов (для написания комментариев («аффтар убей себя», «аффтар пешы исчо», «тема сисек не раскрыта», «ниасилил патамушта многа букоф»); для выражения эмоционального состояния и мнения («готично», «гламурно»); для приветствия и прощания («Превед, красавчеги!», «Превед, девицо», «Чмоки, пративный!»); для унижения оппонентов («Тупайя абизана», «Тупая аффца»)) [8].

Как мы видим, основной характеристикой «албанского языка» является отказ от норм грамматики; упрощение, «свертывание» языка; употребление русских слов и варваризмов, оформленных в грамматически и фонетически неправильные формы. Язык падонок является одной из главных, но не единственных характеристик данной субкультуры. При этом Н.Г. Муравьева и И.Е. Мухаева пишут, что «сленг играл роль своеобразного механизма социального контроля (бичевание различных проявлений идиотизма в Сети – прим. авт.), что касается самих «падонок», то для них язык («албанский» именно) не играет большой роли. Он возник в ответ на необходимость кратко, но емко выражать свои мысли в комментариях к «креативам» [5, с. 80]. О. Горюнова отмечает, что «креативы» падонок – это форма «мужской» протестной культуры [10].

В 2003 г. основные положения и идеи субкультуры падонок были изложены ими в «Манифесте Падонок» [4].

В 2004–2005 гг. произошел новый виток развития субкультуры падонок. Популярным стал флешмоб «учи албанский», когда одному из пользователей блог-сервиса livejournal.com под ником scottishtiger на его резке высказывания о том, что в «Живом Журнале» надо общаться только на английском, а не на русском, было предложено «учить албанский». Вскоре падоноская лексика стала использоваться не только самими падоноками, но и в рекламе, литературе (например, в романе В. Пелевина «Empire V» в 2006 г., в книге «Дневник московского падонока», 2007 г.), в массовом онлайн и офлайн общении. Такая популяризация привела к тому, что часть представителей субкультуры потеряла к ней интерес.

В дальнейшем произошло некоторое вытеснение мировоззренческой составляющей движения и его коммерциализация, на передний план вышла языковая игра и развитие собственного жаргона, «албанского языка».

Мировоззрение и основная философия падонок изложена в «Манифесте Падонок» [4], который состоит из 8 глав, излагающих отношение представителей субкультуры к целям и задачам сообщества, внешнему виду, образованию, деньгам, работе, отдыху, употреблению наркотиков («дури»), общества. Рассмотрим каждое из этих направлений отдельно:

1. Главная цель падонока – быть свободным. Свободным представители данного сообщества должны быть как от чиновников, действий официальных органов власти, так и от других сообществ (в том числе криминальных группировок), а также от средств масс-медиа. В зависимости от ситуации падонок свою свободу может выражать разными действиями (писать на стенах провокационные лозунги, забить писсуар в отделении полиции

и т.д.), но они не должны носить криминальный характер, быть бескровными, т.к. тюрьма также может ограничить свободу падонока. Падонок призывает своих сторонников нагадить как можно творчески своим врагам, а затем написать отчет о проделанной «подрывной» работе и прислать его им. Как указано в Манифесте: «Таким образом, вы внесете свой вклад в общее дело, и ваш пример будет достойным руководством к действию для других падонок» [4], в деле борьбы с Системой.

2. В отличие от других субкультур падонок не стремится выделиться своим внешним видом. Как указано в Манифесте, падонок – это скрытый, замаскированный боец, главная особенность которого «жуткий контраст между конформизмом внешнего вида и полным бескомпромиссным нонконформизмом внутреннего мира» [4]. В Манифесте написано, что «падонок обычно располагает к себе людей своим внешним видом. Потому что падоноку ни к чему излишняя популярность – его деятельность не терпит внимания со стороны окружающих. То есть и милиция, и шпана должны относиться к падоноку так, как будто его нет, ничто в его образе не должно вызывать подозрений. Поэтому падонок ходит на светские приемы в смокинге, а рыбу ловит в телогрейке и драных джинсах. Падонок всегда адекватен фону и не выглядит на нем ярким пятном. А если и выделяется, то в сторону респектабельности, так как это повышает уровень доверия к падоноку со стороны окружающих – никто не подумает, что этот приличный молодой человек мог сделать» [4] неприличную надпись на автобусе высотой в два метра. Таким образом, падонок – это стиль жизни, состояние внутреннего мира, которое отличается выраженным цинизмом, глумлением над реальностью, но внешне они никак не выделяются от других людей.

3. В отношении образования падонок предпочитают учиться в солидных технических вузах, в которых «кроме полезных знаний, ищешь друзей на жизнь... За пять лет успеешь разобрацца кто есть кто. В этих же целях рекомендую всякие совместные мероприятия как то: пьянки, подготовка фсяких дней факультета, походы с рюкзаками и воткай на несколько недель» [4]. Падонок не против получения образования в зарубежных вузах, но «только после прохождения школы падоночества в отечественном вузе. Система за бугром другая, фсе учацца не вместе, а по весьма разным программам, человека таким образом узнать тяжело. Поэтому фсем учицца сначала дома, а потом уже кому захочецца и смужецца» [4] в Англии, Германии, Канаде, Штатах, где нужно находить других падонок, и вместе с ними «пить вотку и курить шышки» [4]. Таким образом, образование для падонока необходимо для приобретения профессии и знакомства с другими падоноками.

4. Падонок рассматривают деньги как инструмент для получения «удовольствий от жизни». Они признают важность денег для их жизни, но декларируют, что «падонок не должен попасть ПОД власть денег, а иметь власть НАД ними» [4]. В Манифесте падонок, вольно переводя название и цитируя книгу Д.К. Джерома «Трое падонок на баркасе с собакой Баскервилей» пишут, что деньги нужны падоноку не для «понтов» не для того, чтобы другие оценили его. Падонок не оценивают друг друга по наличию или отсутствию денег, а считают, что они нужны для приобретения только необходимых для жизни вещей, в список которых входят «вотка» и «шышки» (легкие наркотики).

5. В отношении работы падонок отмечают, что она важна для их жизни. При этом самая лучшая работа, это та, на которой ничего не делаешь и получаешь достаточно денег. Но так как такую работу найти сложно, падонокам нужно получать хорошее образование и рабо-

тать там, где нравиться, получая за это достойное вознаграждение. Между выбором хорошей работы и небольшими деньгами и неинтересной работой и большими деньгами падонокки могут выбрать и последнее, если у них есть долги, ипотека, кредиты, дети, семья, которых нужно обеспечивать. Падонокки против критики работы или своего начальника. В Манифесте сказано, что, если тебя работа не устраивает, зачем там работать, нужно учиться и работать там, где нравиться. В самой плохой системе (коммерческой или государственной), по их мнению, есть падонокки, а если нет – то падонок, попавший туда, может стать первым, что также поощряется. Падонокки выступают за добросовестный труд, который позволяет получить как хорошую заработную плату, так и резюме, рекомендательные письма, позволяющие трудоустроиться в еще лучших условиях. Представители субкультуры несмотря на то, что борются с системой, не запрещают трудоустроиваться в органах (полиции, прокуратуре и т.д.). Поощряется, если падонокки получают там руководящие должности, смогут привести в такую систему своих друзей и начнут бороться с системой, разваливая ее изнутри.

6. В отношении отдыха падонокки пропагандируют распитие алкогольных напитков, курение «шышек», беспорядочные половые связи. Но основной отдых падонокков направлен на проведение различных «акций», под которыми они понимают «заранее спланированное действие, направленное на создание существенного общественного резонанса» [4]. «Акция» может быть совершенно любой: от расклейки в метро наклеек над сиденьями «Места для падоноккаф» до прохождения по Красной площади под лозунгами «Падонокки рулят жизнью!» [4]. Главное в каждой акции – автограф. Народ должен знать, что ее совершили именно падонокки, в противном случае ее проведение считается бессмысленным. Дольше падонокки должны написать отчет о ее проведении (поощряется юмористическая форма его оформления) и публикация на специализированных сайтах, чтобы другие падонокки могли узнать об акции.

7. В отношении «дури» в Манифесте написано, что «дурь – есть источник априорного кайфа, который мы получаем с помощью сигарет, алкоголя и наркотиков. Расслабитель и покаяние с друзьями – это ... достойное времяпрепровождение, однако есть одно Но: любой халявный кайф имеет отрицательные последствия, несовместимые с падонокким образом жизни». То есть падонокки не против курения, употребления алкоголя и наркотических средств, но призывают своих сторонников «знать меру» [4]. В главе 7 Манифеста обсуждаются плюсы и минусы «дури». Так, сигареты помогают снять стресс, позволяют в течение рабочего дня постоянно отдыхать (выходить покурить на 10 минут) и т.д., но в тоже время на сигареты нужны деньги, они влияют на «дыхалку», у курящего начинает «вонять изо рта», «то есть сами сигареты становятся источником стресса... Курение – привычка слабых людей. Сильный находит возможность бросить» [4]. Про алкоголь сказано, что в ограниченных дозах он помогает снять стресс, расслабляет и веселит, но при постоянном употреблении ведет к алкогольному отравлению, проблемам с пищеварением и печенью, изнашиванию организма, ослаблению его здоровья. «Будь внимателен и постарайся выдерживать график возлияний таким образом, чтобы это не оказывало сильного влияния на занятия спортом. Самец должен быть сильным бля! А алкаголики – это не самцы. Это атбросы. Нам с ними не по пути» [4]. Падонокки не против употребления наркотиков растительного происхождения: «наркотики растительного происхождения... не вызывают привыкания. Они недорого стоят. Они не оказывают разрушающего действия на организм. С их помощью не зале-

тишь на гепатит или СПИД. Поэтому – такие наркотики рулят!!!», но «помните, что кайфа не бывает бесплатно. Во всем надо знать меру. Потому что в больших дозах все вредно, даже чай. Так вот: трава сжигает память... Грибы при переедании свинчивают башку... Идоты здесь никому... не нужны. Поэтому – всего в меру» [4]. Падонокки также говорят о том, что настоящая дружба рождается, когда они делятся друг с другом «шышками». Падонокки выступают против употребления тяжелых наркотиков: «Они дают наибольшее количество кайфа, но за каждую секунду кайфа ты платишь своим здоровьем... ты отдаешь большой кусок здоровья. Люди умирают в 18 лет, прокайфоваф полтора года. Плюс риск гепатита и СПИДа. Оно нам надо?» [4]. Общий смысл сводится к следующему: те, кто не хочет жить, могут уходить из реальности и из жизни. В Манифесте написано: «почему люди уходят от реальности в наркотики? Потому что они не находят в себе сил противостоять окружающей действительности, у них недостаточно сил двигаться вперед, поэтому они уходят в мир иллюзий. Но... Падонок па жизни жизнерадостен... Патаму шта над самой галимой засадой можно угореть по полной... жизнь – это комедия, йопт. Просто не всегда у нас хватает чувства юмора. Так что тренируйся...! Если сафсем стало грустно, обратись за помощью к падоноккам. Тебя научат глумицца над проблемами» [4].

Таким образом, падонокки выступают за умеренное употребление никотина, алкоголя и растительных наркотиков, против употребления тяжелых наркотиков и отмечают важность физического и психологического здоровья для членов сообщества.

8. В отношении общества падонокки разделяют людей на четыре типа («пид-роф», «уб-нов», «гражданских лиц» и «падонокков»). Первые два типа – это враги падонокков, с которыми они должны бороться и воевать, действуя «испадтишка». К гражданским лицам падонокки должны относиться равнодушно, но не презрительно, т.к. это обычные люди, с которыми падонокки общаются в жизни (водители такси, официанты и т.д.). Падонокки должны помогать друг к другу, в том числе против врагов.

Сами себя падонокки делят на две группы. Первая – «стремится к минимализму и в общении используют набор стандартных фраз типа: «ниасилел», «готично», «гламурно», «нечетал», «КГ/АМ», «афтар жжот» и «превед, медвед». Обычно это недавно пришедшие в сеть и не вникшие в суть падонокчества». Второй вид падонокков «уже осенен светом божественной истины. Эти товарищи живут как падонокки и думают как падонокки. Глаз настоящего падонокка подобен божественному оку и способен видеть собеседника насквозь. Причем видит он не кости и кишки, а самую сущность человека. И в процессе сетевого срача настоящий падонок ведет человеку о его тайной сущности, а также о его маме, смысле его жизни, о его внешнем виде, о его прошлом, настоящем и будущем... Настоящий падонок в совершенстве владеет орфоартом (это когда человек делает орфографические ашыпки нарочно, а не потому что в детстве имел двойку по русскому языку) и знает намного больше производных от матерных слов, чем все работники ЖЭКа вместе взятые» [9].

Таким образом, можно выделить следующие мировоззренческие и ценностные особенности субкультуры «падонокков»:

1. Падонокчество выражено в двух противоположных тенденциях: необходимости быть успешным в этом мире, эффективным в различных системах и стремление к свободе, к сопротивлению различным системам. На практике это противоречие отражается во внешней приспособленности к условиям жизни в обществе, стремление быть в нем достаточно успешным и к про-

живанию внутреннего конфликта, выраженного в актах пассивной агрессии (написание надписей на стенах, проведение акций и т.д.).

2. Падонничеству свойственно ироничное, саркастичное восприятие мира и явлений, происходящих в нем, которое сочетается с самоиронией, в том числе по поводу собственного опыта борьбы с системой. Современная государственная система их устраивает, а протест носит хаотичный и бессистемный характер, что также является мишенью для иронии. Как верно отмечает Д.А. Радченко «Идеальный падонко – это паяц в маске офисного работника (или, наоборот, офисный работник в колпаке паяца), который с ернической иронией относится к окружающей действительности, осмеивает ее и манипулирует ею не ради высоких целей, но исключительно ради собственного удовольствия» [6].

3. Субкультура падонков – это мужская культура, в которой основными темами является обсуждение насилия, отправления физиологических потребностей, беспорядочный сексуальный опыт, употребление психоактивных веществ и т.д., выраженных в речевых формах «албанского языка». Падонничество пропагандирует идею «мужской дружбы», в которой очень нетолерантно относятся к гомосексуалистам и к вторжению женщины в их «мужское» пространство, хотя прямой антифеминизм падонки не приветствуют.

4. Падонки хотя и часто пишут об употреблении легких наркотиков, алкоголя, курении, но призывают своих сторонников к умеренности, к решению своих личных проблем не уходом из реальности, а обращением к юмору, к иронии как способу восприятия окружающей их действительности.

В целом можно сделать вывод о том, что падонничество выражено в двойственных характерах, в стремлении представителей этой субкультуры скрыть за сарказмом и самоиронией свои тревоги, страхи, агрессию по поводу окружающей их действительности и своего несогласия с необходимостью адаптироваться к различным системам (государству, конкретному образовательному учреждению или организации, в которой они работают). Стремление к свободе у них сочетается с необходимостью соблюдать основные нормы общества, беречь свое здоровье, не уходя в зависимое поведение, быть адаптированными к условиям проживания в социуме.

Литература

1. Костикова Ю.В. Эстетика свободы и смерти в современных молодежных субкультурах (панки, готы, эмо). Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2016. № 11 (113). С. 67–69.
2. Костикова Ю. В., Григорян М.И. Сленг как элемент молодежной субкультуры эмо// Современное педагогическое образование. 2019. № 4.
3. Костикова Ю.В. Молодежный жаргон. Актуальные проблемы управления – 2016/Материалы 21-й Международной научно-практической конференции. Вып. 2/Государственный университет управления. – М.: Издательский дом ГУУ, 2016. – 265 с.
4. Манифест Падонкафф. – Режим доступа: URL: http://padonki-oldbk.clan.su/index/manifezd_padonkaff/0-5 (дата обращения: 02.11.2021).
5. Муравьева Н.Г., Мухаева И.Е. «Превед, медвед»: от субкультурного сленга к «норме» языка // Folk-Art_Net: новые горизонты творчества. От традиции – к виртуальности. Сборник статей. М., 2007. С. 76–82.
6. Радченко Д.А. «Падонничество»: социальные феномен и языковая игра. – Режим доступа: URL: http://evartist.narod.ru/text26/0017.htm#_ftn2 (дата обращения: 02.11.2021).

evartist.narod.ru/text26/0017.htm#_ftn2 (дата обращения: 02.11.2021).

7. Субкультура падонков. – Режим доступа: URL: <https://www.liveinternet.ru/users/allater/post126592263/> (дата обращения: 02.11.2021).
8. Таратухина Ю.В. Жаргон «падонков»: как социокультурный и лингвистический феномен. – Режим доступа: URL: <https://interlit2001.com/nevrozova-es-5.htm> (дата обращения: 02.11.2021).
9. Явас У. история падончества. – Режим доступа: URL: <https://upir-lihoy.livejournal.com/454352.html> (дата обращения: 02.11.2021).
10. Gorjunova O. 'Male Literature' of Udaff.com and Other Networked Artistic Practices of the Cultural Resistance// Public and Private Usages of the Russian Internet. ed. / Henrike Schmidt; Katy Teubener; Natalja Konradova. Norderstedt, 2006. p. 177–198.

“PADONKI” AS A PHENOMENON OF THE INTERNET SUBCULTURE OF EARLY RUSSIA IN THE 2000S

Kostikova Yu.V., Tolkunova M.S.

State University of Management

The article examines one of the forms of the youth Internet subculture – “padonki”; gives a general description of the movement, analyzes the stages of its development; examines in detail the basics of the worldview and values of “padonki”, their attitude to society, money, drug use, work, education, recreation, appearance, as well as the goals and objectives of the subculture. As a result of the analysis, a conclusion was made about the dual nature of the manifestation of “padonism”, about the desire of representatives of this subculture to hide behind sarcasm and self-irony their worries, fears, aggression about the reality surrounding them. Padonism promotes the idea of “male friendship”, which is very intolerant of homosexuals and the intrusion of a woman into their “male” space, although direct anti-feminism is not welcomed by padonki.

Keywords: youth subculture, “padonki”, “padonichestva”, Internet subculture, worldview, values.

References

1. Kostikova Y.V. Aesthetics of freedom and death in modern youth subcultures (punks, goths, emo). Almanac of modern science and education. Tambov: Diploma, 2016. No. 11 (113). pp.67–69.
2. Kostikova Y. V., Grigoryan M.I. Slang as an element of the emo youth subculture // Modern pedagogical education. 2019. No. 4.
3. Kostikova Y.V. Youth jargon. Actual problems of management – 2016 / Materials of the 21st International Scientific and Practical Conference. Issue. 2/State University of Management. – M.: GUU Publishing House, 2016. – 265 p.
4. Manifesto Padonkaff. – Access mode: URL: http://padonki-oldbk.clan.su/index/manifezd_padonkaff/0-5 (date of access: 02.11.2021).
5. Muravieva N.G., Mukhaeva I.E. “Preved, bear”: from subcultural slang to the “norm” of the language // Folk-Art_Net: new horizons of creativity. From tradition to virtuality. Digest of articles. M., 2007. S. 76–82.
6. Radchenko D.A. “Padonicism”: social phenomenon and language game. – Access mode: URL: http://evartist.narod.ru/text26/0017.htm#_ftn2 (date of access: 02.11.2021).
7. Subculture of bastards. – Access mode: URL: <https://www.liveinternet.ru/users/allater/post126592263/> (date of access: 02.11.2021).
8. Taratukhina Yu.V. Jargon of “bastards”: as a sociocultural and linguistic phenomenon. – Access mode: URL: <https://interlit2001.com/nevrozova-es-5.htm> (date of access: 02.11.2021).
9. Yavas U. history of padonism. – Access mode: URL: <https://upir-lihoy.livejournal.com/454352.html> (Accessed: 02.11.2021).
10. Gorjunova O. 'Male Literature' of Udaff.com and Other Networked Artistic Practices of the Cultural Resistance// Public and Private Usages of the Russian Internet. ed. / Henrik Schmidt; Katy Teubener; Natalia Konradova. Norderstedt, 2006. p. 177–198.

Особенности социально-психологического состояния и адаптации людей «предпенсионного возраста»

Симонова Маргарита Михайловна,

к.с.н., доцент Департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: MMSimonova@fa.ru

Камнева Елена Владимировна,

к.п.н., доцент Департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: EKamneva@fa.ru

Попова Анна Вячеславовна,

к.с.н., заместитель декана факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: ap.prm2017@gmail.com

В статье отмечаются сложности социально-психологической адаптации людей в возрасте 55–65 лет, общее в социальной ситуации развития для определенных групп населения, возрастов, связанных со зрелостью, с подготовкой к пенсии и с собственно пенсионными периодами развития.

Ключевые слова: пенсия, предпенсионный возраст, профессиональное развитие.

Большинство людей периода подготовки к выходу на пенсию часто сталкиваются с тем, что работодатели меньше отдают им предпочтение, чем более молодым работникам, причем у значительной части работодателей традиционно сформировано отношение к людям старшего возраста как к работникам с низким уровнем адаптированности к современным производственным технологиям [6]. Парадоксально, но начинается такая возрастная дискриминация, даже не с 55 лет, а примерно с 35–40 лет. Это, правда, не означает, что дискриминация носит тотальный характер, но по некоторым сферам для кого-то возрастные ограничения при поиске работы и трудоустройстве могут быть весьма чувствительными. В силу деликатности данного вопроса, его психологическое и даже социологическое исследование сильно затруднено, т.к. не все работодатели и не все ищущие работу в этом возрасте готовы откровенно рассказывать о своих сложностях. Опыт общения с психологами-консультантами, менеджерами по персоналу, коучами и даже некоторыми руководителями показывает, что проблема эта существует. Это даже позволяет сделать предположение о том, что реально «предпенсионный возраст» для немалой части людей может начаться раньше, чем в 55 лет, как это отмечают многие исследователи в других странах или в более благополучные периоды нашей отечественной экономики. К этому можно добавить и то, что даже работающие люди 40–60 летнего возраста, которые некоторые авторы обозначают как «среднюю зрелость» – также часто испытывают определенную тревогу за свое карьерное (а, шире – и жизненное) благополучие. И тогда, период предпенсионного возраста для кого-то реально может начинаться не с 55–60 лет, а раньше, особенно в регионах с «примитивным рынком труда» с высокой конкуренцией, где и более молодые претенденты не могут найти себе достойную работу, что связано с заметно ощущаемым сегодня в России дефицитом рабочих мест.

Важным для людей предпенсионного возраста является повышение своих конкурентоспособных преимуществ. Те, кто заботятся о повышении квалификации, о получении дополнительного (быть может, и резервного) образования (диплома), обычно чувствуют себя более уверенно, даже на «примитивных» рынках и труда, и занятости. Но, остается вопрос, что делать тем людям рассматриваемого нами возраста, кто проигрывает в конкуренции? Даже, если все поголовно начнут повышать квалификацию (нередко это предполагает дополнительные личные затраты), то все равно, кто-то трудоустроивается, а кто-то остается отвергнутым. Это означает, что без кардинальных управленческих решений, связанных с современным управлением рынка труда, проблема не решается [8].

В таком контексте, основными задачами дальнейшего развития становятся:

1) наращивание своих профессиональных компетенций, особенно в современных условиях, когда одного диплома и одного образования часто оказывается недостаточно для карьерного успеха, что даже породило новый термин – «поливариативная карьера» [7], что по мнению ряда ученых становится фактором позитивного старения [10];

2) активизация профессиональных усилий, включая не только совершенствование в самом труде, но и в трудовых и даже в неформальных отношениях с коллегами и руководителями, от которых также зависит карьерное благополучие;

3) укрепление здоровья, а для кого-то, и дополнительная забота о здоровье и внешности (в профессиях, где внешний вид часто определяет успешность);

4) развитие особой мотивации труда, когда важнее становятся не получаемые блага, а сам трудовой процесс, даже несмотря на некоторую несправедливость в оплате, стимулировании и других вариантах вознаграждения [4];

5) разрешение проблем, которые могут возникнуть в этот возрастной период, связанных с построением новых отношений с близкими людьми (супругами, детьми, престарелыми родителями, друзьями), у которых могут быть особые ожидания в отношении карьеры данного человека;

6) переосмысление системы ценностей, готовность реально перестроить свое отношение к самим себе и окружающему миру;

7) формирование мудрого отношения к ситуации дискриминации по возрастному критерию, когда не приходится рассчитывать на то, что работодатели дадут человеку самореализоваться в полной мере, и когда приходится «довольствоваться малым», иначе постоянные переживания просто могут привести человека к еще большему отчаянию.

Но последняя задача, одновременно, может и способствовать развитию социально «пассивной» позиции, когда человек просто смиряется перед трудностями. Вероятно, выбор здесь у каждого человека – свой. Но одновременно, это свидетельствует о том, что таким людям нужна особая психологическая поддержка, тем более что даже в самой безнадежной ситуации всегда есть разные варианты ее решения.

Но даже, если отбросить многочисленные факты возрастной дискриминации работников, еще и не достигших «предпенсионного возраста», и обратиться к традиционно выделяемому периоду с 55–60 лет и до выхода на пенсию, то здесь можно выделить свои специфические трудности (задачи, которые человек должен еще научиться решать). Например, Э.Ф. Зеер, рассуждая о «кризисе предпенсионного возраста», даже называет его «кризисом утраты профессиональной деятельности».

Мы считаем, что в возрасте 55–60 лет, который обозначает Э.Ф. Зеер (и даже, в возрасте 55–65 лет, если ориентироваться на новые возрастные нормативы в связи с повышением пенсионного возраста), реально многие люди еще находятся в относительно хорошей рабочей форме, т.е. вполне готовы выполнять даже очень сложные производственные задачи. Исключение составляют те, кто занят на тяжелых производствах, в спорте, в армии, цирковой, эстрадной и т.п. деятельности.

Важнейшая особенность современного производства не только в механизации и автоматизации, но и в цифровизации. Все это позволяет переключать большинство работников с тяжелых видов труда, требующих и хорошего здоровья, и развитой сенсомоторики и т.п. (что было характерно для прежних производств) – на более интеллектуальные сферы деятельности. Даже в прежних рабочих профессиях все больше наблюдается переход к «операторским» видам труда. Модные и поныне претензии к более зрелым и пожилым работникам в том, что они не владеют цифровыми технологиями, становятся все менее убедительными.

Во-первых, многие из тех, кто по возрасту приближается к предпенсионному периоду развития, начали осваивать компьютерные программы еще в молодости, если исходить из того, что доступные персональные компьютеры появились в начале 90-х годов. Соответственно, тем, кому уже под 60 лет, знакомы с ними уже более сорока лет [1; 2].

Есть еще один аспект, порождающий особые проблемы в связи с изменением социальной ситуации развития, коснувшийся миллионов людей. Это сам факт повышения пенсионного возраста, пусть даже и постепенного, и даже с определенными социальными гарантиями не увольнять лиц, которым осталось до пенсии 2–3 года. Понятно, что люди, которые рассчитывали скорее получить пенсию, как это было в предшествующие годы, несколько огорчены. Это спровоцировало общественные дискуссии по повышению возраста выхода на пенсию [13]. В случае недовольства многих людей самим фактом повышения возраста выхода на пенсию, особо остро стоит вопрос обоснования (аргументации) этого решения.

Один из аргументов может быть основан на традиционно выделяемых возрастными психологами задачах, среди которых наиболее интересными нам представляются следующие.

1. Успеть до выхода на пенсию сделать то, чего пока еще не удалось (задача максимальной самореализации в главном деле своей жизни). Заметим, что известнейший специалист в области психологии развития – Эрик Эриксон связывал период зрелости с наиболее ответственным для всей жизни, т.к. именно в этом возрасте решается вопрос, сумел ли человек добиться чего-то значительного в своей жизни, и связаны эти достижения как раз – с «главным делом жизни», с работой [11]. И хотя, Э. Эриксон не выделяет промежуточную стадию между зрелостью и старостью (то, что мы называем «предпенсионный возраст»), но общая логика развития личности обозначена им достаточно четко. Это – нарастающая «консолидация» всего опыта жизни. И если на стадии зрелости, человек при благоприятном развитии достигает «генеративности» своего опыта (при неблагоприятном развитии получается «отчаяние», то постепенно, с переходом к стадии старости, возрастает «целостность», хотя, при неблагоприятном развитии может возникнуть еще большее «отчаяние». Как уже отмечалось выше, об «отчаянии» как о главном признаке несостоявшейся личности пишет и В. Франкл.

Об этом же пишет и известный психофизиолог Ганс Селье, который считает, что главным средством против стресса (дистресса), а если шире, то и гарантом счастья всей жизни, является удачно выбранная профессия и самореализация в работе, поскольку именно профессиональная деятельность занимает основное время взрослого человека и как самое страшное испытание для человека он выделяет «скуку» как «ничего не делание» [9].

Очевидно, что если накануне выхода на пенсию, человек будет считать, что так и не смог сделать чего-то значительного (в своих критериях жизненного и карьерного успеха), то это не только будет отравлять его последние годы жизни, но во многом перечеркнет и предшествующие годы, когда придется признать, что «жизнь не удалась». Заметим, что не всегда с этой сложной задачей человек может справиться самостоятельно. Поэтому, так важно развивать психологические службы помощи людям как предпенсионного, так и пенсионного возраста, у которых еще есть возможность исправить положение.

2. Особая задача лиц предпенсионного возраста – передать свой опыт подрастающим поколениям, напри-

мер, через наставничество, через написание обобщающих трудов (мемуаров и т.п.). При этом важно, с одной стороны, найти время для такой передачи опыта, а с другой стороны, не забывать и об основной работе. Интересно, что Е.А. Климов считал высшим уровнем развития любого профессионала – стадию «наставничества», и те, кому удастся реализовать себя в качестве «наставника» могут считать, что реализовали себя не только как высококвалифицированные работники, но и как состоявшиеся личности [5]. Применительно к «предпенсионному возрасту», когда человек, еще не пенсионер, т.е. пока он еще работает, можно сказать, что это – самый благоприятный период для того, чтобы стать «наставником» и увидеть «благодарных учеников».

3. Некоторые исследователи считают, что в предпенсионном возрасте важно начинать поиск хобби, увлечения, т.е. какой-то деятельности, которая приближается по своей значимости к главному делу жизни. Во-первых, это сделает переключение с основной профессии на новую значимую деятельность менее болезненным. Во-вторых, это может для кого-то даже компенсировать неуспех в «главном деле жизни» и привести к обретению человеком новых смыслов жизни, что иногда даже способствует продлению жизни. Заметим, что такой значимой деятельностью может стать и общественная работа, а может, даже, и деятельность в выборных органах власти. И для такого варианта самореализации лиц предпенсионного возраста есть определенные аргументы:

- 1) богатый жизненный и профессиональный опыт;
- 2) определенный авторитет среди людей, связанный с достижениями в профессиональной, семейной и личной сферах;
- 3) определённая независимость, связанная с тем, что основная жизнь уже прожита (и так «есть, чем гордиться»), и человек в меньшей степени, чем молодые специалисты, боится в чем-то ошибиться, а следовательно, имеет более выраженную самостоятельную позицию;
- 4) приближающаяся старость и обращение некоторых людей в этом возрасте к богу, когда на первый план все больше выходят мотивы, связанные с совестью и альтруистической деятельностью.

В итоге, у каждого человека, достигшего «предпенсионного возраста» есть возможность для выбора варианта дальнейшего развития. Но как уже отмечалось, в усложняющемся мире человек все больше нуждается в помощи, консультациях, а также – в примерах, на которые он мог бы ориентироваться в решении сложнейших вопросов дальнейшего личностного, социального и профессионального самоопределения. Не малую роль в этом играют службы социальной поддержки людей предпенсионного и пенсионного возрастов, а также – набирающие все больший опыт центры психологической поддержки населения. Но нельзя недооценивать и роль культурных традиций, на которые мог бы опираться самоопределяющийся человек, столкнувшись со сложными задачами, порождаемыми для него новой социальной ситуацией развития.

Парадокс в том, что новые социальные ситуации развития оказываются новыми и для носителей прежнего культурного опыта. Например, если ранее людям во многом помогали священники, по сути, выступающие в роли консультантов по сложным жизненным вопросам, то в современном мире их роль заметно снизилась. Но даже те психологи-консультанты и психотерапевты, которые появились в последние 100 лет, не всегда могут сами сориентироваться в меняющихся реалиях мира. К сожалению, и культура в целом пока еще демонстрирует определенную растерянность перед все усложняющимися вызовами современности. Проявляется это

и в том, что периоды жизни, так или иначе, связанные со старостью, включая и «предпенсионный возраст», оказываются гораздо менее привлекательными для людей, чем предшествующие периоды жизни. Усугубляется это не всегда удачными реформами в области пенсионного обеспечения. Хотя, многие авторитетные авторы отмечают, что «и старость может быть счастливой».

Литература

1. Айсина Р.М. Стратегии психологического консультирования безработных предпенсионного возраста. В сборнике: Личность в трудных жизненных ситуациях: ресурсы и преодоление. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию факультета психологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. – 2018. – С. 64–67.
2. Антоненко Н.А., Наташкина Е.А., Седых Ю.Н. Формирование компьютерной грамотности граждан предпенсионного возраста в рамках Национального проекта «Кадры для цифровой экономики». В сборнике: Теоретические и прикладные вопросы экономики, управления и образования. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. – Пенза, 2021. – С. 33–37.
3. Зинченко В.П., Моргунев Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. Пути обогащения компьютерной метафоры. – М.: Тривола, 1994. – 304 с.
4. Камнева Е.В., Полевая М.В., Пряхников Н.С. Основные проблемы существующих систем мотивации труда государственных служащих и перспективы их преодоления // Управленческие науки. – 2017. – Т. 7. – № 4. – С. 72–79.
5. Климов Е.А. Введение в психологию труда. – М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998. – 350 с.
6. Курашинова А.Х., Дадова З.И. К вопросу о трудоустройстве людей пенсионного и предпенсионного возраста в России // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 10 (137). – С. 173–175.
7. Могилёвкин Е.А. Карьерный рост: динамика, технологии, тренинг. СПб.: Речь, 2007. 236 с.; Hall D.T., Mirvis P.H. The new workplace: A place for older workers? / Perspectives on aging, 1993. – P. 15–17; Стаханова А.Д. Механизмы поддержки занятости граждан предпенсионного возраста / Актуальные проблемы социальной и экономической психологии: методология, теория, практика. Сборник научных статей. – М.: СВИВТ, 2020. – С. 143–153.
8. Пряхников Н.С. Профорентация в системе управления человеческими ресурсами. – М.: Академия, 2014. – 288 с.
9. Селье Г. Стресс без дистресса. – Рига: Виеда, 1992. – 109 с.
10. Сидорчук Т.А., Сидорчук М.А. Психолого-педагогические аспекты переобучения людей предпенсионного возраста // Педагогика и психология образования. – 2019. – № 4. – С. 149–159.
11. Эриксон Э. Детство и общество. Восемь возрастов человека. – СПб.: Летний сад, 2000. – 416 с.

FEATURES OF THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL STATE AND ADAPTATION OF PEOPLE OF «PRE-RETIREMENT AGE»

Simonova M.M., Kamneva E.V., Popova A.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Lomonosov Moscow State University

The article notes the complexity of the socio-psychological adaptation of people aged 55–65 years, common in the social situation of development for certain groups of the population, ages associated with maturity, with preparation for retirement and with the actual retirement periods of development.

Keywords: pension, pre-retirement age, professional development.

References

1. Aysina R.M. Strategies of psychological counseling of the unemployed of pre-retirement age. In the collection: Personality in difficult life situations: resources and overcoming. Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 25th anniversary of the Faculty of Psychology of the Omsk State University named after F.M. Dostoevsky. – 2018. – P. 64–67.
2. Antonenko N.A., Natashkina E.A., Sedykh Yu.N. Formation of computer literacy of citizens of pre-retirement age in the framework of the National Project “Personnel for the Digital Economy”. In the collection: Theoretical and applied issues of economics, management and education. Collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference. In 2 volumes. – Penza, 2021. – P. 33–37.
3. Zinchenko V.P., Morgunov E.B. Human developing. Essays on Russian Psychology. Ways to enrich the computer metaphor. – M.: Trivola, 1994. – 304 p.
4. Kamneva E.V., Polevaya M.V., Pryazhnikov N.S. The main problems of existing systems of motivation of labor of civil servants and prospects for overcoming them // *Managerial sciences*. – 2017. – T. 7. – № 4. – P. 72–79.
5. Klimov E.A. Introduction to the psychology of labor. M.: Kul'tura i sport, YUNITI, 1998. – 350 p.
6. Kurashinova A. Kh., Dadova Z.I. To the question of employment of people of retirement and pre-retirement age in Russia // *Eurasian Legal Journal*. – 2019. – № 10 (137). – P. 173–175.
7. Mogilevkin E.A. Career growth: dynamics, technologies, training. – SPb.: Rech', 2007. – 236 p.; Hall D.T., Mirvis P.H. The new workplace: A place for older workers? / *Perspectives on aging*, 1993. – P. 15–17; Stakhanova A.D. Mechanisms of support for employment of citizens of pre-retirement age / *Actual problems of social and economic psychology: methodology, theory, practice*. Collection of scientific articles. – M.: SVITT, 2020. – P. 143–153.
8. Pryazhnikov N.S. Career guidance in the system of human resource management. – M.: Akademiya, 2014. – 288 p.
9. Selye G. Stress without distress. – Riga: Vneda, 1992. – 109 p.
10. Sidorchuk T.A., Sidorchuk M.A. Psychological and pedagogical aspects of retraining people of pre-retirement age // *Pedagogy and psychology of education*. – 2019. – № 4. – pp. 149–159.
11. Erikson E. *Detstvo i obshchestvo*. Eight human ages. – SPb.: Letniy sad, 2000. – 416 p.

Толерантность как социокультурный феномен. социальные аспекты толерантности и интолерантности в современном российском обществе

Тихонова Светлана Викторовна,

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук, Институт технологий управления МИРЭА, Московский технологический университет
E-mail: svetlanavt@list.ru

Современный этап цивилизационного развития характеризуется ростом количества случаев проявления нетерпимости, экстремизма и насилия. Подобная общемировая тенденция приводит к тому, что не только отдельные личности, но и целые общины становятся объектами систематического применения насилия исключительно в силу иной этнической, религиозной, национальной или иной идентичности. Статья посвящена рассмотрению категории толерантности как социокультурному феномену. Кроме того, автор обращается к анализу проявлений толерантности и интолерантности в современном обществе России. В статье представлен дефиниционный анализ термина «толерантность» и определены его сущностные черты. Активность определена в качестве сущностной, неотъемлемой характеристики толерантности, что позволяет отчасти противопоставить категории толерантности и терпимости/смирения. Выявлена степень смежности понятий «терпимость» и «толерантность». Автор статьи проследил ключевые фазы эволюционного развития концепции толерантности в мировой и в российской науке. Определен статус концепции толерантности в России и представлен перечень проблемных аспектов в формировании толерантной общественности.

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, идентичность, плюрализм, разнообразие, меньшинство, терпимость, интернационализм.

Современный этап цивилизационного развития характеризуется ростом количества случаев проявления нетерпимости, экстремизма и насилия. Подобная общемировая тенденция приводит к тому, что не только отдельные личности, но и целые общины становятся объектами систематического применения насилия исключительно в силу иной этнической, религиозной, национальной или иной идентичности. К сожалению, провозглашенные мировой общественностью ценностные установки в отношении следования принципам терпимости, плюрализма и мирного сосуществования все чаще сталкиваются со стереотипами и искаженными представлениями о сущности социокультурной идентичности, а многообразие (*diversity*) во множестве случаях продолжает восприниматься в качестве угрозы для существования целостного общества [4, с. 107]. При этом, современное общество априори не может быть социально и культурно гомогенным: в нем непременно будут сосуществовать представители различных культурных и лингвистических сред, последователи разных конфессий, люди, обладающие разным уровнем образования, состояния здоровья, разной аксиологией. Соответственно, толерантность должна стать общей социокультурной надстройкой, связывающей представителей всех этих групп. В данной связи особенно актуальным представляется обратиться к рассмотрению сущности самого понятия «толерантность» и смежных категорий, а также определить формы, в которых толерантность может и должна проявляться в современном мире.

Обратимся к эволюции представлений о толерантности. Традиционно толерантность считается концепцией, имеющей европейское происхождение; как указывает М.А. Торшова, сама по себе толерантность есть аксиологический фундамент «общеευропейского дома» [10, с. 92].

Тем не менее, толерантность достаточно долгое время была чуждым понятием для философской и религиозной мысли стран Европы. Не вызывает сомнений тот факт, что толерантность (в первую очередь, веротерпимость и социально-классовая терпимость) совершенно не была характерна для средневекового общества, несмотря на то, что ценности смирения и терпимости к ближнему декларируются в любой версии христианской религии. В период Средневековья социокультурные системы отличались явной двойственностью мировоззренческой аксиологии: с одной стороны, проявления гуманного отношения к окружающим считались социальной нормой, с другой – терпимость не распространялась на иноверцев или нарушителей – очевидных или предполагаемых – религиозных догм [2, с. 19].

Представление об абсолютной, истинной толерантности, не предполагающей конфессиональных или классовых исключений, сформировалось в европейской философской мысли только по мере окончательной секуляризации науки, в частности – в контексте английского либерализма XVII в. Как правило, отправной точкой процесса научно-философского осмысления категории «толерантность» считается сочинение *An Essay Concerning Toleration* Дж. Локка [9, с. 343].

Истоки толерантности Дж. Локк обнаруживает не в эмоциональном, чувственном компоненте человеческой сущности, а, напротив, в стремлении к рациональности. Подобный подход к объяснению природы толерантности именуется в современных изысканиях «*негативная защита толерантности*». Необходимость толерантности в подобном контексте аргументируется посредством доказательства неразумности или ресурсоемкости реализации интолерантных практик. Интолерантность, в частности, есть ключевая причина религиозных войн (что Дж. Локк, в свою очередь, иллюстрировал примерами вооруженных конфликтов в Англии в эпоху Нового времени). Интолерантность, кроме того, противоречит самой идее государственности, ведь государство создается людьми для сохранения и приумножения гражданских благ – жизни, свобод, здоровья, собственности. Обеспечение всех граждан данными благами возможно исключительно на базе толерантности (как мы видим, толерантность в данном ключе максимально сближается с понятием равенства).

Ценность разработок Дж. Локка в области интерпретации толерантности неоспорима; помимо вышеописанной «государственной» теории о природе толерантности как рациональной практике сосуществования, философ выдвинул также ряд *гносеологических аргументов в защиту толерантности*. По его мнению, мир состоит из объектов и состояний объективных и субъективных, причем последние явно преобладают. Субъективные представления существуют варьируются у каждого человека и у каждой социокультурной общности; даже такие категории, как цвет, вкус и запах два человека воспринимают совершенно по-разному. Субъективизм в восприятии мира неоспорим и неустрашим, поэтому и преследование инакомыслящих представляется иррациональным или даже утопичным [6, с. 46].

В последующие столетия толерантность постепенно начала занимать все большее место в научном массиве, в обиходном сознании, в законодательном творчестве. К сегодняшнему дню толерантность считается ключевой, генетической приметой большинства культур западной и восточной мировоззренческих парадигм, единственным условием продолжения существования и развития цивилизации.

Несмотря на долгую историю научно-философского осмысления концепции «толерантность», в современной российской и зарубежной науке до сих пор не представлено единого понимания дефиниционной сущности данной концепции. Российские исследователи, долгое время исходившие из западных представлений о толерантности, на современном этапе предпринимают собственные попытки формирования смысловых очертаний термина «толерантность», при учете как мировых, так и отечественных социокультурных реалий.

Следует согласиться с М.А. Торшовой в том, что наиболее близкий перевод иноязычного слова «толерантность» – «терпимость» способен лишь частично отразить сущностную характеристику данного понятия. Общехристианская добродетель терпения, по мнению исследователя, весьма отдаленно коррелирует с толерантностью в ее современном понимании; кроме того, сама по себе категория «терпимость» представляет собой интраличностный, рефлексивный параметр, тогда как толерантность, как правило, направлена «вовне» и может найти свои проявления исключительно «при наличии внешнего, а не внутреннего конфликта» [10, с. 92].

Анализ существующих подходов к определению толерантности позволяет обозначить две позиции на ее суть. Толерантность, во-первых, можно рассматривать как конечный результат развития «идеального» обще-

ства – состояния гармонии и баланса; такая толерантность, указывает Н.И. Фатиев, «как бы растворена в идеальном состоянии социума, которого хотелось бы достичь адептам современной европейской культуры» [11, с. 68]. Безусловно, сама мысль о существовании максимально толерантного общества представляется утопичной, в связи с чем критики данной позиции констатировали несколько иной подход к рассмотрению толерантности. Итак, во-вторых, толерантность есть принцип или инструмент предупреждения или разрешения социокультурных конфликтов.

По М.А. Торшовой, в общем виде толерантность определяют «уважение и признание равенства, отказ от доминирования и насилия, многообразия человеческой культуры, норм, верований» [10, с. 92]. Если же следовать психологическому подходу, то толерантность можно также рассматривать в качестве личностной характеристики, выраженной в готовности принятия окружающих такими, какие они есть, и мирного взаимодействия с ними.

В качестве классических интерпретаций толерантности сегодня принято считать определения, представленные в тексте Декларации принципов толерантности ЮНЕСКО от 1995 г. [16], где толерантность понимается как: (1) уважение, принятие и признание многообразия культур, форм самовыражения и способов бытия человека; (2) гармония при наличии различий; (3) моральный долг, политическое и юридическое требование, способствующее предотвращению развития нетерпимости как «культуры войны»; (4) ответственность за соблюдение прав человека, поддержания плюрализма, демократии и верховенства закона; отказ от догматизма и абсолютизма.

Крайне важным в позиции ЮНЕСКО по данному вопросу является условие о том, что толерантность не может быть пассивной, она должна представлять собой выражение активной политической и гражданской позиции [16]; толерантность не может возникать сама по себе и продолжат существовать «в вакууме» – она является результатом планомерных и систематических усилий отдельных личностей, социальных групп, государств и правительств, мировой общественности.

Активность, таким образом, есть сущностная, неотъемлемая характеристика толерантности – такова позиция большинства современных исследователей, экспертов, законодателей и специалистов национальных и международных организаций. Соответственно, данный параметр еще больше отдаляет категории толерантности и терпимости; в целом же отождествление терпимости и толерантности, принятое во многих исследовательских работах [3, с. 13 и др.], на сегодняшний день утрачивает релевантность. Более того, толерантность, как ни парадоксально, во многих контекстах выступает оппозицией терпимости, ведь субъекты толерантности, как указывают Е.А. Кротков и Е.А. Кожемякин, обладают правом и даже обязательством выражать «твердость, неуступчивость по отношению к тем, кто предпринимает действия, несовместимые с кодексом человечности» [5, с. 138]. Толерантность, таким образом, более не сводится к «смиренной любви», ведь толерантный человек не может оставаться безучастным в ситуациях, когда «кто-то насильничает или оскорбляет другого» [5, с. 138].

Важной чертой, детерминирующей толерантность, является ее публичное проявление. Толерантность раскрывает не одну из граней эмоционально-психологического бытия личности, а степень и характер публичного выражения отказа от подавления *Иного*. В данной связи вполне логичным является активизация исследований толерантности, направленных на ее прикладные аспек-

ты – диагностику, тренировку, обучение толерантному поведению. Толерантность – не просто философская категория, а сфера приложения конкретных усилий человека, социальной группы и государства. Схожий тезис выражает, помимо прочих, Н.И. Фатиев, указывая на то, что в современной зарубежной и отечественной социальной психологии, культурологии, политологии изучение толерантности уже давно переведено в практическую плоскость [11, с. 69]. Ключевыми свойствами толерантности, при этом, выступают устойчивость, адаптивность, неконфронтационность, позитивное взаимодействие со средой.

Особую ценность представляют научные исследования, направленные на анализ проявлений толерантности или интолерантности в условиях конкретного социума. Российский социум, при этом, будучи разнородным, социокультурно гетерогенным, являет собой крайне интересную и сложную площадку для подобных изысканий. Вопросы, связанные с выражением толерантности, имеют особую важность в России; несмотря на то, что понятия терпимость, равенство, плюрализма зафиксированы в качестве ключевых ценностей на конституционном уровне, в реальной практике можно обнаружить немало примеров общественных – межкультурных, межпоколенческих, межгендерных, межэтнических, межконфессиональных – противоречий и даже конфликтов.

Стимулом для широких общественных и научных дискуссий по вопросам толерантности стала утвержденная в 2001 г. федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» [12]. Необходимость принятия отдельного акта, посвященного вопросам формирования аксиологии толерантности в российском обществе, была безусловной: 1990-е гг. стали весьма болезненным этапом в развитии российского государства, временем, когда обострились многие деструктивные тенденции социально-экономического и социально-культурного развития общества. Имели место такие массовые практики, как криминализация, бесконтрольная миграция, межэтническая напряженность и рост ксенофобии [11, с. 67]. К началу 2000-х гг. можно было наблюдать некоторое незначительное улучшение социальной ситуации и «оздоровление» массовой аксиологии. Тем не менее, многие проблемы продолжали существовать, и решить их была призвана вышеотмеченная программа, которая впервые за всю историю современной России зафиксировала категориальный и ценностный статус концепции толерантности в законодательном массиве.

Нельзя сказать, что западное общество на данном этапе уже пришло к идеальному взвешенному состоянию плюрализма, социокультурной гармонии и абсолютной толерантности. По мнению ряда исследователей, именно в этот период развитие концепции толерантности в странах Запада начало демонстрировать некие болезненные черты – такие как смещение в общественном сознании смыслового акцента с истинной сути толерантности и радикализация терпимости. Можно сказать, что в 2000-х гг. в ряде зарубежных стран начала формироваться так называемая избыточная толерантность – толерантность, доведенная до наивысшей точки интенсивности.

Один из представителей Франкфуртской школы Г. Маркузе [8], критик современной концепции толерантности, справедливо указывает, что расширение границ толерантности привело к тому, что она перестала выполнять возложенные на неё функции. По мнению Г. Маркузе, такая толерантность есть не что иное как гнёт большинства. Согласно Н.А. Гаршину, данный парадигмаль-

ный сдвиг произошел тогда, когда толерантность утратила статус политической оппозиции и сама стала властью [2, с. 104]. К.А. Феофанов называет подобные проявления радикальной толерантности «супермегатрендами» надцивилизационного масштаба и не ограничивает их западным миром: глобализация и информатизация позволяют идеям свободно циркулировать, а общества, традиционно считающиеся интолерантными, обретают все большее число сторонников идеологии новой толерантности. Результатами подобных процессов являются «инверсия гендерной власти, мультипликация гендерных идентификаций и обратный расизм» [13, с. 48].

Вышепредставленные умозаключения позволяют сделать вывод о противоречии категории толерантности: толерантность – это то, к чему нужно стремиться, оберегая меньшинства и инаковость как таковую, но при достижении абсолютной меры толерантности она трансформируется в интолерантность, когда инаковость начинает доминировать и угнетать большинство. По нашему мнению, не исключено, что в истории появляются и альтернативные – более конструктивные – сценарии эволюции толерантности. Такой сценарий, в частности, предстоит выработать и России.

Российское общество все еще находится на пути к формированию общества толерантности – в том числе толерантности культурно-этнической. Барьерами на этом пути выступают низкое качество жизни и образования, низкий уровень правовой культуры и даже правовой нигилизм, ощущение социальной незащищенности. И.З. Чимитова видит истоки сложившейся ситуации в советском социокультурном и государственно правовом наследии советской эпохи, во время которой пренебрежение правами человека было изначально заложено в доктрину и практику государственно-правового развития» [15, с. 111]. При этом, советская идеология все же декларировала интернационализм, сущностно близкий к толерантности, благодаря которому – формально-этническая принадлежность не могла считаться маркером личностных качеств.

В современных же условиях развитие общественной этнико-культурной толерантности во многом затрудняется пробелами в законодательном массиве в отношении регулирования этнонациональных вопросов. Данный аспект проявления толерантности является весьма актуальным для России как (1) многонационального поликультурного государства; (2) государства, ставшего дестинацией массовой трудовой миграции.

Государство, эффективно оберегающее представителей религиозных конфессий от проявлений интолерантности, оставляет на периферии внимания вопросы толерантности этнической. А.Г. Вишневский указывает, к примеру, что результатом отсутствия целенаправленной политики стала циркуляция «антимигрантской мифологии» и формирование стойких негативных ассоциативных представлений большинства россиян о представителях стран исхода мигрантов [1, с. 119], кроме того, за таковых часто принимают и россиян, проживающих в удаленных субъектах федерации.

Безусловно, вопросы проявления интолерантности в России не исчерпываются вышеприведенными. Беспокойство вызывают также различные аспекты социально-классовой интолерантности, так как современное российское общество характеризуется дифференциацией социальных групп по уровню доходов и социальной мобильности. Подобное неравенство не является проблемой, уникальной для нашей страны – оно остается «ключевым вызовом социально-экономического развития для мира в целом» [7, с. 42]. Кроме того, актуальным вектором дальнейших разработок является

формирование толерантности в отношении лиц с ограничениями по здоровью. Несмотря на то, что сегодня в России не так часто можно наблюдать очевидные проявления интолерантного поведения в адрес людей, возможности которых ограничены в том или ином отношении, существуют проблемы скрытой интолерантности: люди с ограничениями по здоровью, к примеру, далеко не всегда могут обеспечить себе достойное качество жизни, им не гарантировано качественное образование, удачное трудоустройство или даже дружелюбная коммуникативная среды [14, с. 105].

Тем не менее, целенаправленные и продуманные правительственные политики по искоренению интолерантности в российском обществе, безусловно, приведут к мировоззренческому сдвигу в сознании граждан и, при взвешиваемом подходе, толерантность в ее российской версии избежит рисков трансформации в репрессивную, радикальную толерантность.

Литература

1. Вишневский, А.Г. Миграционная стратегия России и политика толерантности / А.Г. Вишневский // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 2. – С. 90–97.
2. Гаршин, Н.А. Деформация толерантности в условиях «общества риска» / Н.А. Гаршин: дисс. ... канд. философск. наук 09.00.11. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2021. – 165 с.
3. Дайнова, Г.З. Толерантность в аспекте философии науки / Г.З. Дайнова, И.Р. Левина, А.И. Петрова // Современное педагогическое образование. – 2018. – № 5. – С. 13–16.
4. Ефремов, А. В. О толерантности и великодушии / А.В. Ефремов // Вестник РУК. – 2013. – № 2 (12). – С. 106–107.
5. Кротков, Е.А. Дискурс толерантности / Е.А. Кротков, Е.А. Кожемякин // Дискурс-Пи. – 2013. – № 3. – С. 137–138.
6. Логинов, А.В. Толерантность: «За» и «Против» / А.В. Логинов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 1. – С. 44–49/
7. Мареева, С.В. Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределенности в России: важна ли субъективная мобильность? / С.В. Мареева, Е.Д. Слободенюк, В.А. Аникин // Мониторинг. – 2022. – № 1 (167). – С. 39–60.
8. Маркузе, Г. Репрессивная толерантность / Г. Маркузе. – М.: Астрель, 2011. – 129 с.
9. Субботин, А.Л. Локк // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В.С. Стёпин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010. – 2816 с.
10. Торшонова, М. А. О толерантности / М.А. Торшонова // Вестник науки. – 2019. – № 2 (11). – С. 92–94.
11. Фатиев, Н.И. Понимание толерантности / Н.И. Фатиев // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2009. – № 2 (Психология). – С. 67–74.
12. Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 годы)» // Консультант.– – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40174/2ff02e88070b1e5ff7d8e76043f704887766889e/. – Дата доступа: 25.01.2023.
13. Феофанов, К.А. Реванш меньшинств как супермега-тренд мирового развития / К.А. Феофанов // Обо-

зреватель – Observer. – 2021. – № 5 (376). – С. 47–58.

14. Чепкина, Э.В. Проблемы толерантности в средствах массовой информации: [учеб.-метод. пособие] / Э.В. Чепкина; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 116 с.
15. Чимитова, И.З. Права человека и межэтническая толерантность в условиях России / И.З. Чимитова // Образование. Наука. Научные кадры. – 2022. – № 2. – С. 110–114.
16. Declaration of Principles on Tolerance Proclaimed and signed by the Member States of UNESCO on 16 November 1995. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oas.org/dil/1995%20Declaration%20of%20Principles%20on%20Tolerance%20UNESCO.pdf>. – Дата доступа: 25.01.2023.

TOLERANCE AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON. SOCIAL ASPECTS OF TOLERANCE AND INTOLERANCE IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Tikhonova S.V.

Institute of Control Technologies MIREA Moscow Technological University

The article is devoted to the consideration of the category of tolerance as a socio-cultural phenomenon. In addition, the author turns to the analysis of the manifestations of tolerance and intolerance in modern Russian society. The article presents a definitional analysis of the term “tolerance” and defines its essential features. Activity is defined as an essential, integral characteristic of tolerance, which makes it possible to partly oppose the categories of tolerance and tolerance/humility. The degree of contiguity between the concepts of “tolerance” and “tolerance” is revealed. The author of the article traced the key phases of the evolutionary development of the concept of tolerance in world and Russian science. The status of the concept of tolerance in Russia is determined and a list of problematic aspects in the formation of a tolerant public is presented.

Keywords: tolerance, intolerance, identity, pluralism, diversity, minority, tolerance, internationalism.

References

1. Vishnevsky, A.G. Migration strategy of Russia and the policy of tolerance / A.G. Vishnevsky // National Psychological Journal. – 2011. – No. 2. – S. 90–97.
2. Garshin, N.A. Deformation of tolerance in a “risk society” / N.A. Garshin: diss. ... cand. philosophical Sciences 09.00.11. – Voronezh: Voronezh State University, 2021. – 165 p.
3. Daynova, G.Z. Tolerance in the aspect of the philosophy of science / G.Z. Dainova, I.R. Levina, A.I. Petrova // Modern pedagogical education. – 2018. – No. 5. – P. 13–16.
4. Efremov, A.V. On tolerance and generosity / A.V. Efremov // Vestnik RUK. – 2013. – No. 2 (12). – S. 106–107.
5. Krotkov, E.A. Discourse of tolerance / E.A. Krotkov, E.A. Kozhemyakin // Discourse-Pi. – 2013. – No. 3. – S. 137–138.
6. Loginov, A.V. Tolerance: “For” and “Against” / A.V. Loginov // Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. – 2013. – No. 1. – S. 44–49/
7. Mareeva, S.V. Tolerance to social inequalities in the era of uncertainty in Russia: is subjective mobility important? / S.V. Mareeva, E.D. Slobodenyuk, V.A. Anikin // Monitoring. – 2022. – No. 1 (167). – S. 39–60.
8. Marcuse, G. Repressive tolerance / G. Marcuse. – M.: Astrel, 2011. – 129 p.
9. Subbotin, A.L. Locke // New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes / prev. scientific-ed. council of V.S. Stepin. – 2nd ed., Rev. and additional – M.: Thought, 2010. – 2816 p.
10. Torshonova, M.A. On tolerance / M.A. Torshonova // Bulletin of Science. – 2019. – No. 2 (11). – S. 92–94.
11. Fatiev, N.I. Understanding tolerance / N.I. Fatiev // Bulletin of the Leningrad State University. A.S. Pushkin. – 2009. – No. 2 (Psychology). – С. 67–74.
12. Federal target program “Formation of attitudes of tolerant consciousness and prevention of extremism in Rus-

- sian society (2001–2005)” // Consultant.– – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40174/2ff02e88070b1e5ff-7d8e76043f704887766889e/. – Date of access: 01/25/2023.
13. Feofanov, K.A. Revenge of minorities as a supermegatrend of world development / K.A. Feofanov // *Obozrevatel – Observer*. – 2021. – No. 5 (376). – pp. 47–58.
14. Chepkina, E.V. Problems of tolerance in the media: [learning method. allowance] / E.V. Chepkina; Ministry of Education and Science Ros. Federation, Ural. feder. un-t. – Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2016. – 116 p.
15. Chimitova, I.Z. Human rights and interethnic tolerance in Russia / I.Z. Chimitova // *Education. The science. Scientific personnel*. – 2022. – No. 2. – S. 110–114.
16. Declaration of Principles on Tolerance Proclaimed and signed by the Member States of UNESCO on 16 November 1995. – 2023 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.oas.org/dil/1995%20Declaration%20of%20Principles%20on%20Tolerance%20UNESCO.pdf>. – Date of access: 01/25/2023.

Формирование брендинга туристских территорий России

Бурняшева Людмила Александровна,

д.ф.н., профессор Высшей школы туризма и гостеприимства
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
туризма и сервиса»
E-mail: luda-3331@yandex.ru

Романько Ирина Евгеньевна,

к.и.н., доцент кафедры экономики, менеджмента
и государственного управления ФГБОУ ВО «Северо-
Кавказский государственный университет», Пятигорский
институт (филиал)
E-mail: ieromanko@ncfu.ru

Марченко Светлана Владимировна,

к.э.н., доцент Северо-Кавказского института (филиала)
АНО ВО Московского гуманитарно-экономического
университета, Минеральные Воды
E-mail: vorniktoma@yandex.ru

Настоящая статья посвящена актуальной проблеме, связанной с формированием брендинга туристских территорий России. Авторы изучают брендинг туристских территорий, представляющий совершенно новое явление для России. Поэтапно рассматривают факторы, которые имеют немаловажную значимость для процесса формирования бренда территорий. Исследование показало, что следует учитывать данные этапы и уровни продвижения территориального бренда, следить за изменениями для того, чтобы сохранить благоприятный план его продвижения.

Ключевые слова: бренд, брендинг туристских территорий, имидж, формирование брендинга, туристский рынок.

Как известно, территориальный брендинг призван играть наиважнейшую роль в формировании процесса эффективного продвижения российских территорий. Между регионами происходит рост конкурентных отношений в борьбе за инвестиции. Приток туристов, привел к тому, что практически каждая территория стала создавать свой собственный уникальный имидж, демонстрировать имеющийся потенциал и преимущества [1, с. 79]. Исходя из этого, брендинг территорий приобретает актуальность и значимость.

В последнее время туризм представляет важную отрасль мировой экономики, определяющую благосостояние российских территорий. В целом, туризм можно назвать многопрофильной индустрией, включающей в себя гостиничную деятельность, транспортную нишу, сектор общественного питания, культурно-досуговые предприятия, а также сектор дополнительных услуг. Сфера туризма позволяет создавать новые рабочие места, также является источником развития предприятий индустрии туризма по всей территории России. Но нарастающие конкурентные отношения в области привлечения туристов, в наше время требуют от административно-территориальных образований все новых методов и подходов. И одним из наиболее эффективных методов в данной ситуации следует назвать брендинг региона как туристской территории. Брендированию отводится очень важная роль, так как включает в себя продвижение услуг и товаров, которые имеют непосредственное отношение к туристской индустрии.

Сегодня во многих российских регионах с целью развития туризма разрабатывается комплекс разнообразных маркетинговых мероприятий. Наибольшую популярность приобретает формирование позитивного отношения к региону и его узнаваемости, то есть территориальный брендинг. Позиционирование положительного и уникального образа региона, должно стать необходимым условием развития брендируемой туристской территории России.

Территориальный брендинг направлен на формирование конкурентных преимуществ региона перед другими территориями, а также на улучшение его имиджа, повышение популярности и известности в глазах туристов. В связи с этим немаловажное значение имеет не только привлечение потенциальных потребителей туристического продукта, но и рекомендации по расширению круга лиц, заинтересованных в посещении туристической местности, что, в свою очередь, приведет к увеличению туристского потока.

Брендинг территории – это процесс по созданию и управлению брендом, который включает в себя формирование, продвижение, развитие и репозиционирование бренда. В основе брендинга региона лежит использование технологий создания его отличительного образа и формирование к нему отношения конкретной целевой аудитории. При этом брендинг является пред-

почтительным способом выделения региона среди других и в то же время одним из важных способов реализации конкурентных преимуществ территории. Таким образом, брендинг региона создается для привлечения к нему внимания потенциальных потребителей туристических услуг.

Туристским брендом можно назвать известные объекты или даже комплексы объектов, которые принадлежат природному, культурно-историческому наследию. Также к туристскому бренду следует относить и маршруты, охватывающие посещение данных объектов, уникальные события, разнообразное ремесла, услуги, занятия, способные привлечь к себе большой поток туристов [7, с. 119].

В настоящее время главными целям брендинга территорий являются: закрепление своей собственной позиции на внутреннем рынке, а также выдвигание бренда на внешний рынок; приумножение территориальных ресурсов и осуществление за ними контроля; донесение до целевой аудитории преимуществ какой-либо конкретной территории, основанных на ее уникальности; проведение организованных мероприятий, посвященных продвижению территории, с той целью, чтобы ее популяризовать [2, с. 107].

Брендинг территории принесет успех в том случае, если будут соблюдаться основные этапы, которые позволят сформировать успешную бренд-концепцию. Если придерживаться этих этапов, то это приведет к построению брендинга территорий, которое будет заслуживать особого внимания [6, с. 446]. В связи с этим, должны быть разработаны цели продвижения и обозначены конкретные задачи, на основании которых будет происходить разработка концепции брендинга «товара», а также будет определяться выбор стратегии продвижения определенной территории.

К тому же должны быть разработаны визуальные идентификаторы бренда, то есть его айдентика, в том числе необходимо определяться с выбором и построением коммуникативных каналов продвижения сформированного бренда, в соответствии с целевыми аудиториями [4, с. 95].

Также следует рассмотреть факторы, которые имеют немаловажное значение для процесса формирования брендинга туристских территорий.

- Бренд призван обладать идентичностью. Как правило, территория обозначается в виде многогранного объекта, имеет свою уникальную историю, а также всегда рассматривается в контексте целостного и комплексного своего собственного, неповторимого развития [3, с. 14].
- Бренд направлен на определенные целевые аудитории. Целевая аудитория представляет потенциальных потребителей, с которыми планируется выстраивать отношения, формируя необходимую для каждой отдельно бренд-стратегию продвижения территории [5, с. 63].
- Бренд формируется при помощи определения конкретных целей, для которых данный бренд, по сути, и создается.

Брендинг территории призван оказывать благоприятное воздействие на увеличение продаж. То есть под целями создания бренда следует понимать такие аспекты, которые будут способствовать реализации процесса определения, развития и повышения привлекательности территории, на основании повышения качественного уровня жизни местного населения.

- Бренд определяется путем прогнозирования продолжительности его жизненного цикла, который

проходит несколько этапов: развитие, процветание и стагнацию.

- Бренд обладает специализированным дизайнерским решением. Помимо всех имеющихся составляющих, территориальный бренд, как правило, наделяется определенной визуальной атрибутикой, позволяющей выделять продвигаемый бренд на фоне остальных.
- Бренд имеет стоимость. Известно, что территориальный бренд не имеет ценовой категории, хотя и наделен особой ценностью [8, с. 133].

Таким образом, продвижение территорий зависит от многих факторов на каждом этапе своего развития. Следовательно, необходимо иметь представление о каждом шаге, который предпринимается для развития выше обозначенных этапов.

В результате следует заключить, продвижение территорий зависит от многих факторов на каждом этапе своего развития. В последнее время в России возрастает интерес к брендингу территорий. Как показывает опыт, регионы, в которых руководство понимает важность брендинга и принципы его построения, получают большую заинтересованность со стороны партнеров и инвесторов. Процветание территории во многом зависит от степени развития туризма, при этом брендинг региона является немаловажным фактором формирования его привлекательных сторон. Брендинг способствует позиционированию и продвижению региона на туристских рынках России.

Литература

1. Агафонов Н.С. Брендинг территорий в России: проблемы и возможности // Молодой ученый. – 2019. – № 14(252). – С. 79–81.
2. Бурняшева Л.А., Газгиреева Л.Х. Роль инновационного управления в совершенствовании деятельности предприятий индустрии гостеприимства // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. – 2017. – № 2. – С. 106–112.
3. Бурняшева Л.А. Соотношение и взаимодействие традиций и инноваций в общественном развитии // Сб. науч. тр. Северо-Кавказского государственного технического университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 6. – С. 12–15.
4. Газгиреева Л.Х., Бурняшева Л.А. Концептуализация духовно-нравственных проблем современного российского общества: экзистенциально-ценностный аспект: монография. – Пятигорск, 2014. – 241 с.
5. Ковынева Л.В. Формирование территориального бренда в регионах России // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2014. – № 5(97). – С. 61–68.
6. Кузнецова О.И., Масленникова Е.Г., Фодоря А.Ю. Изменение ценностных ориентаций современных молодых городских семей в контексте процесса глобализации // В сб.: Развитие современной цивилизации: ответы на вызовы времени. Сборник трудов по материалам международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 445–449.
7. Поспеловский Д.В. Роль брендинга территорий в развитии экономики региона // Молодой ученый. – 2012. – № 7. – С. 118–121.
8. Тимошенко Д.С. Роль брендинга туристских дестинаций в Российской Федерации // Экономические и гуманитарные науки. – 2010. – № 12 (227). – С. 132–136.

FORMATION OF BRANDING OF TOURIST TERRITORIES OF RUSSIA

Burnyasheva L.A., Romanko I.E., Marchenko S.V.

Russian State University of Tourism and Service, North Caucasus State University, Moscow University of Humanities and Economics

This article is devoted to an urgent problem related to the formation of branding of tourist territories in Russia. The authors study the branding of tourist territories, which is a completely new phenomenon for Russia. The factors that are of no small importance for the process of forming the brand of territories are considered step by step. The study showed that these stages and levels of territorial brand promotion should be taken into account, and changes should be monitored in order to maintain a favorable plan for its promotion.

Keywords: brand, branding of tourist territories, image, branding formation, tourist market.

References

1. Agafonov N.S. Branding of territories in Russia: problems and opportunities // *Young scientist*. – 2019. – No. 14(252). – PP. 79–81.
2. Burnyasheva L.A., Gazgireeva L.H. The role of innovation management in improving the activities of hospitality industry enterprises // *Bulletin of the K.L. Khetagurov North Ossetian State University*. – 2017. – No. 2. – PP. 106–112.
3. Burnyasheva L.A. Correlation and interaction of traditions and innovations in social development // *Collection of scientific papers of the North Caucasus State Technical University. Series: Humanities*. – 2008. – No. 6. – PP. 12–15.
4. Gazgireeva L.H., Burnasheva L.A. Conceptualization of spiritual and moral problems of modern Russian society: existential-value aspect: a monograph. – Pyatigorsk, 2014. – 241 p.
5. Kovyneva L.V. Formation of a territorial brand in the regions of Russia // *Izvestiya Irkutsk State Economic Academy*. – 2014. – No. 5(97). – PP. 61–68.
6. Kuznetsova O.I., Maslennikova E.G., Fodorya A. Yu. Changing value orientations of modern young urban families in the context of the globalization process // *In the collection: The development of modern civilization: answers to the challenges of the time. Collection of works based on the materials of the international scientific and practical conference*. – 2016. – PP. 445–449.
7. Pospelovsky D.V. The role of branding territories in the development of the region's economy // *Young Scientist*. – 2012. – No. 7. – PP. 118–121.
8. Timoshenko D.S. The role of branding of tourist destinations in the Russian Federation // *Economic and humanitarian sciences*. – 2010. – No. 12 (227). – PP. 132–136.

Социальные факторы формирования корпоративной культуры в российской нефтегазовой отрасли

Гостенина Валентина Ивановна,

профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского
E-mail: v.gostenina@yandex.ru

Мельников Сергей Леонидович,

профессор, первый проректор Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского
E-mail: kafedrasociologyandsr@yandex.ru

Новиков Антон Сергеевич,

аспирант кафедры социологии и социальной работы Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского
E-mail: anton.nov95@gmail.com

В настоящее время существуют значительные различия между субкультурами российских нефтяных компаний. Нелинейность стихийной трансформации корпоративной культуры приводит к неравновесию рыночного института управления и объектов управления (компаний и персонала компаний, корпораций), которые все еще находятся в пределах только национальных приоритетов. Цель исследования – представить научный дискурс теоретических подходов, позиций, взглядов мыслителей и социологов современности на роль культуры корпоративного управления, которая изучается в соответствии с характером социальных практик в категориях привлекательности и престижа, уровня социального капитала, что позволяет нам описать корпоративную культуру с точки зрения визуальной и коммуникативной презентации организаций на рынке услуг нефтегазовой отрасли. Зависимость субкультур от обычаев и верований, привычных представлений о моральных нормах национальной культуры, интенсивное развитие содержания корпоративной культуры каждой компанией, имеющей свой собственный корпоративный кодекс, правила и нормы – все это формирует особый культурный этос каждой организации. Это создает плюрализм преобразующих отношений, а спонтанность процессов затрудняет их изучение, особенно по сравнению с целенаправленным формированием корпоративной культуры в западном обществе, которое сохраняет свою социальную идентичность. Все это требует фундаментального восприятия проблемы социального управления корпоративной культурой, изучения социальных факторов, влияющих на эффективность компаний при предоставлении топливно-энергетических услуг.

Ключевые слова корпоративная культура, типы корпоративной культуры, культурный код, культурный этос, социальные факторы, субкультура.

Introduction

The urgency of the problem under study goes back to the formation of corporate culture in a national ethos, adaptation of the personnel of a company to the dynamic processes of the formation of a collective identity in the transforming Russian segment of fuel and energy services. The practical, scientific, and theoretical value of the study is determined by the analysis of the influence of social factors and the assessment of people's behavior, with special typifying on the formation of corporate culture.

The object of the study is the corporate culture of an organization in the field of the provision of fuel and energy services.

Corporate culture as an object of social management is the achievement of the quality state of the basis for adapting to the social environment by an organization to work effectively. Social adaptation involves interaction and gradual harmonization of expectations of the parties. From the perspective of a traditional society with a clearly defined organic solidarity by E. Durkheim (1996), adaptation ensures the sustainability of development by means of the recurrence of social experience, as well as its change based on innovative enrichment. In this context, corporate culture acts as an intra-firm mechanism for adapting to the external environment. In the classical representation, in the context of a closed, linearly developing society, it means a balance between the functions of an organization as a social system and the corresponding expectations of society. The nature of social adaptation changes significantly under the conditions of linear – non-linear dynamics [15]. The functions of social systems become dynamic, however, the impossibility of a long and perfect equilibrium leads to stresses and subsequent adaptation in disintegration systems. According to T. Parsons (1998), the behavioral organism acts as an adaptive mechanism. At the same time, the support of the environment is of particular importance in the social adaptation of a social unit [18].

As an adaptive system in Western society, corporate culture comes from the shareholder structure of most companies. The adaptation mechanism consists of adapting to the public expectations of financial and non-financial investors.

If the former, having some financial means, exercise control over the corporate rules of behavior, the latter form a mechanism of corporate culture using value priorities. The legitimate scale of priorities, with their subsequent transformation into a value system of standards of personnel conduct, creates specific conditions for the effective functioning of a company in a dynamic society, with a certain degree of non-equilibrium, providing an organization in general with more functionality. Functionality determines the amount of social capital. A company that possesses it confidently positions itself in the market. At the same time, personnel acts as a non-financial investor and its interests differ greatly from those of financial investors – shareholders. “Non-financial investors”, along with suppliers, influence corporate governance and culture. Indeed, the problem of corporate culture is important for shareholders, creditors, employees, suppliers, buyers, and the public. All of them can be called social participants of the process of the formation of corporate culture.

The phenomena mentioned above form the Western understanding of corporate culture which develops within the

framework of various management models. In the West, the most widespread classification of models is marked by differences depending on the role played by financial institutions in corporate governance. "In the UK and the USA, institutional ownership of joint stock capital is usually assigned to such financial institutions as mutual social funds, pension funds. In Germany, banks play an active role in corporate governance. This is not only because banks are respective owners of property (shares) but because they are depositors of the property of individual shareholders" [1] and are their trustees. In fact, the models of corporate governance are integrated and very seldom correspond to the classification given. The interference of investors – organizations with the formation of management models varies and depends on the concentration of ownership: from 5–10% in the UK and the USA to over 25% in Germany.

Most often, differences in management models come from the orientation of systems to "insiders" and "outsiders". The former presupposes that the stocks of a company are concentrated in the hands of a small number of owners, control over the activity of corporations belong to "insiders", i.e. internal shareholders, whereas external systems – absorption, acquisition, struggle for powers of attorney, trust – have no influence on management. Control over the activity of a company by "insiders" is limited to social issues and prospects for choosing a management strategy or positioning in the market.

In the model of "outsiders", characteristic of companies "with a significant diversification of capital, control is carried out indirectly – through capital markets, independent directors, within the framework of mergers, bankruptcy and struggle for trust. The degree of control cannot be weakened by the requirements to take into account the interests of "accomplices" who are not shareholders [1]. The spatial arrangement of models – the insider model of management – is rooted in continental Europe and Japan, the model of outsiders – in the UK and the USA. Trust in the context of clarifying the physical boundary of a corporation and the desirable flows of financial capital and electronic systems for controlling social and human capital streamline the interaction of shareholders and personnel and thus rank the composition of a corporation. Control over the physical as well as social borders implements the mechanism of identifying individuals and determines the access points of personnel to pin-codes and secrets.

Models significantly differ in the responsibility to the external environment as a fundamental limitation, which any society in a market economy declares as universal requirements and in each case these requirements lead to the formation of its own model of management and corporate culture, impact the type of property explicitly or latently. The limitations of these differences are clearly expressed in a corporate culture based on a national ethos and traditions, but they are completely different in Germany and the USA. If in Germany the practice of banks participating in the formation of corporate capital is generally accepted, in the USA it is considered a violation of the law; in Japan it will be considered cooperation, in America it will be considered conspiracy. The method for controlling with the help of a board of directors is acceptable for Germany, in the USA it is called a mistake, as it exacerbates a conflict of interest. The degree of shareholders' confidence in directors – to fulfill obligations – depends on alternative mechanisms of control. The most obvious of them are legislative measures defining the functions and powers of corporate directors, as well as commodity markets posing a threat of bankruptcy for ineffective producers. These mechanisms exist in the market system but their viability is questioned since the effectiveness of legislation and restrictions depends on the existence of a legal infrastructure ca-

pable of implementing laws, and commodity markets need competition between producers to streamline the activities of corporations. The financial market control mechanism allows unsatisfied shareholders not only to liquidate their shares but also to free unproductive management from the management burden. The factors mentioned form the corporate culture which is usually attributed to two management models: American and German.

A wide range of the sociological data of world and domestic management practice determined the dominant of human cultural values focused on profit, the optimization of corporate and managerial transactions in a flexible organization of production, the principles of which are formulated in classical sociology by T. Parsons (1951), A. Gorz (1989, 1985, 1982) E. Shils (1951), J. Lorsch (1996), A. Schutz (2003), T. Lukman (1995), P. Berger (1995), M. Castels (2000).

Methodology

The dual nature of corporate culture – on the one hand, as an object of social identification of personnel, employees, top management with a company, on the other hand, as the stigma of discursive and visual belonging to a corporation – increases attention to the social factors of the formation of corporate culture.

The framework of communicative discourse together with theoretical concepts and foreign and domestic theories. In this aspect, special attention is paid to corporate identity as one of the most important social mechanisms that confirm commitment to the company. Style demonstrates values and rituals. In this aspect, corporate culture can include more components: logos, corporate documentation and gift products, colours, clothing, office design and structure, advertising materials. Corporate identity as a mechanism for the formation of external corporate culture is expressed in a system of verbal, graphic, behavioral symbols that single out a company among others. The method of discourse analysis, on the one hand, captures the result of positioning and makes it possible to "maintain the distance", and on the other, to create an opportunity for communication and representation of the commitment of an individual to a corporation.

Commitment to a company is demonstrated by the values and rituals of its employees. Rituals form internal parameters, unite employees, help them to realize their community with the company. Style and rituals constitute external and internal mechanisms of the management of a company, form a model of social interaction in the categorical "manager-personnel" pair. The positive orientation of the rituals is designated by the concept "strategic privacy" in Western management. These are conferences, seminars, business games, participation in various secular events. Censure rituals signal disapproval of a person who violates corporate culture. The similarity of Russian corporate culture to Western corporate culture is clearly manifested in the official mechanisms of censure – dismissal, demotion, fine, pay reduction. The final document confirming the formedness of the social mechanism of corporate culture is a code. A code is a document of a certain organization consisting of rules that clarify the basic principles of conduct and management of an organization, procedures for introducing standards of conduct and regulating business processes to the outside world. The structure of a corporate code includes the mission of a company, its values and norms, strategic statements of management, a general description of products and services, forecasts of working with groups of stakeholders, a definition of the leadership style, a description of corporate identity, attitude to employees and partners, myths. A corporate code is a set of rules for the relationship between company members. A code represents communicative leadership, which involves man-

agement through informal connections, both horizontal and vertical, regulating the process that ensures the functionality of an organization by establishing an ethical hierarchy [8].

In doing so, such phenomena as depletion of stocks, obsolescence of technologies, saturation of demand, changes in the behaviour of competitors, possible changes in government policies, etc. are predicted. All this is the reason for the flexibility of the strategy which can be considered as the reaction of a company to changes in the external environment or to governance failures. The sooner these changes happen, the more often the strategy should be changed – this is confirmed by the theorem of the necessary diversity of Ashby [8].

Modern social mechanisms for the implementation of corporate culture are indicated by a three-level structure: global or supranational contours, the national level and the level of a particular company. In Europe, corporate culture has grown out of collective bargaining and agreements concluded by employers, entrepreneurs, managers, and personnel.

A positive role in the development of corporate culture was played by the “preventive strategies” proposed by European business. Their goal is to prevent conflicts, resolve inevitable partnership disagreement, form a social climate and dialogue that ensure the development of a corporation [12].

Literature Review

The objective nature of the social management of corporate culture is represented by the works of the Russian author A. Prigozhin (1995, 2003, 2006) and his concept of a cultural ethos as a principle of the formation of a national culture, which are marked by viewing corporate culture through the ideal types proposed by M. Weber which the authors associated with traditional folk culture as a combination of objective values carried out by people in the socio-historical life. The problems of management based on social play and sociosynergetics with the analysis of non-linear realities of Russian society are presented in the works of S.A. Kravchenko (2006), V.I. Gostenina (2005, 2013), the organization and management of services in the oil and gas service of Russia are presented in the works of V.P. Lavushchenko, I.R. Sharipova (2006). The research used the works and concepts of the foreign and Russian scientists M. Porter (1993, 2000), J. Charkham (1996), Ch. Handy (Handy Ch. 2001), Spivak V.A. (2001), Shcherbina S.V. (1996), I. Yu. Eremin, Yu.V. Sergeev, A.B. Karimov on accounting for the impact of human capital on the process of restructuring an enterprise (2006, 2007).

Critical discourse analysis of the formation of corporate culture depending on the type of leadership and the strategic goals of an organization has revealed differences in social factors influencing its formation, made it possible to describe them and draw conclusions about the dependence of these factors on the management paradigm and diversity of cultural patterns accepted and learned by personnel from the point of view of the rationality of modern society in patterns of orderliness reviewed by E. Durkheim, R. Merton and in the theory of social conflict by R. Dahrendorf (1965). The methodology of discursive technologies in the framework of critical discourse analysis shows that behind typical situations of corporate life there lies an appeal to the identification signs of team-building which reduce the devastating consequences of individualization and create an opportunity for communication and representation of a personality not just as sending a signal but as an opportunity for communication in the public sphere.

Results and Discussion

Corporate culture is an essential component and condition of the existence of a company. “Cultural patterns adopted and learned by personnel have a significant influence on power,

control, attitude to work, determine intra-group and inter-group relations. It is corporate culture that fixes the social processes of integration” [13], first of all, consolidation, forms the specificity of role relations. The analysis of numerous corporate cultures in companies states that personnel should accept the cultural patterns characteristic of a given company, otherwise it will be unable to work and build normal relations with the members of a corporation, effectively interact with other participants of organizational processes [20]. Cultivating corporate culture is a period when personnel is formed which includes not only competent professionals but also personally interested in the success of the common enterprise members.

A competitive strategy is not only a change in corporate rules but also a focus on changing the value of a company without changing the composition of its business portfolio and can be implemented in the form of the following mechanisms. The mechanism of maximizing market share or otherwise, in our opinion, it can be called a leadership strategy, is based on market share gain by means of using low prices for products and scale economies. However, achieving leadership requires significant capital, heavy expenses at a moderate rate of return. The mechanism of market segmentation is aimed at consumers in individual segments. “This approach is implemented with significant limitations of the funds and capabilities of a company, when the most appropriate thing is to concentrate on a certain segment of the market where a company has the greatest competitive advantages. The strategy of differentiating goods or services is based on giving distinctive properties to the goods or services of a company that distinguish” [17] them from their competitors, consumers’ attachment to the goods of a certain brand is exploited.

The market structure determines the choice of business management strategies. The competitive business management strategy is implemented “when it is necessary to gain competitive advantages in the market and is determined by a number of factors: price policy, open and secret agreements between suppliers, strategies in the field of extraction and processing of extracted resources, exploration and drilling costs, and an advertising strategy” [17].

The competitive strategy researcher M. Porter points out two competitive advantages of the strategy: low and high rank. The first includes cheap labor and raw materials, economies of scale and administrative resources. The advantages of the low rank are easily accessible to competitors: they can be copied, replaced by counterparts or otherwise [19]. Such advantages are short-lived and they disappear with a change in the business environment: technologies and goods become obsolete, resources deplete, staff salaries increase.

However, corporate culture, depending on the level of management, presents a specific corporate model. Based on the presented, it becomes possible to determine the social factors of formation of corporate culture.

“The factor of changing the conditions for the functioning of organizations under the influence of social capital formed in the context of scientific and technological progress takes the first place” [12]. Companies and corporations face the challenge of quick and efficient adaptation to their changing environment. The decline in the efficiency of production under the influence of crisis phenomena in all spheres of public life requires a review of management approaches and search for new ways of interference with the activities of organizations. The complexity of production caused by rising levels of economic ties compelled organizations to adapt to rapidly changing external and internal conditions. Most of the researchers attribute the formation of this approach to the 1940s, early 1950s – it was a period of rapid development of various training methods to increase the effectiveness of interaction between managers and personnel. Expert coaches tried to find social and psychological means of in-

fluence which allowed to solve the problem of effective management activities and to interact with subordinates smoothly. Thus, initially corporate culture focused on adaptive and socio-psychological management opportunities. That is why trainings, role-playing games and other programs aimed at building interpersonal relationships were offered as methods for improving management efficiency.

The second important social factor in the formation of corporate culture is the growing hyper-competition of the market and the necessity to ensure the growth of profits of companies by means of stimulating human capital. This trend has been investigated by a number of industrial psychologists, who study inter-group and intra-group interaction in organizations, since the early 1950s [7]. In this regard the work of the school of group dynamics, which studied small groups in the workplace, is indicative. The work of the group of scientists began with trainings in complex social systems – departments, divisions of the same company. Participants solved management tasks taken from real life, and then, with the help of a psychologist, analyzed the correctness of the solved management task. By the end of the 1950s, laboratory training had begun to be used not only for the training and development of group dynamics but also for solving management problems associated with improving the efficiency of positioning a company in the market. In parallel, in the 1970s and 1980s, interest in corporate culture increased. Turning to corporate culture appeared as a result of understanding the dynamics of organizational culture at a time when organizations began to be considered as a specific type of social system uniting people engaged in joint work, focused on achieving common socio-economic goals and having a certain legal status. The ideas are based on the thesis that people being members of any organization are guided by common interests, have similar social value orientations and, therefore, form their own subculture.

The third social factor affecting the formation of corporate culture is professional culture. Modern society, largely based on knowledge, requires a theoretical justification of not only corporate culture but of the problem of professionalism as well. One of the first sociologists to study the problem was the outstanding American scientist T. Parsons [18]. Parsons' structural and systemic analysis makes it possible to consider modern trends in the evolution of society basing on the activities of professionals.

Since a company usually unites representatives of various professions, we can assume the following. Firstly, the peculiarities of the professional culture of most employees influence the corporate culture: they form techniques and skills of professional activity, material manifestations of culture, for example, methods of production and use of goods, artifacts of culture (the use of furniture of a particular company or a particular style characteristic of the company, oral and written language, space design is also important). This group of corporate samples can include symbols of the "power" of a company, for example, having an aircraft, a vehicle fleet, vacation grants for employees, the size and location of the office. Secondly, the specific features of the professional culture of different groups of professionals prove to be significant factors in the formation of subcultures. Thirdly, professional cultures themselves are modified in the process of forming a unified corporate culture.

The corporate culture of a private company in the field of fuel and energy services is conditioned by a number of social factors. First of all, the business space of the fuel and energy industry is heterogeneous and consists of several markets. The first market – oil and gas production – is created by the Russian oil industry, the second one – maintaining oil and gas equipment – is created by the need to maintain equipment in working condition, the third one provides services.

Each of the markets forms its own corporate culture, which is largely determined by the business management strategy established in the industry.

At the same time, independent gas producers themselves present a mixed picture. A significant part of gas production is provided by vertically integrated oil companies that either belong to the state (Rosneft) or are not market players in the classical sense.

The essential transformations of corporate culture at various levels of the life of an organization form a certain complex model of culture. The management scheme in such a culture is a network – resources are drawn from various parts of an organization and focused in management cells or on a certain problem. This confirms the formation of corporate manageability of a company on the principle of global logistics management under the conditions of flexible and cluster production in Russia.

The difference of the corporate culture of Russian companies in the oil and gas industry turns out to be more significant than between them and foreign firms. The Russian process is more complex and less known than the purposeful formation of corporate culture in the West that maintains its social identity. The social factors of the transforming market of fuel and energy services caused by social filters that control entries into companies determine the important role of managers; this explains the positive assessment of the state of a team by management, which is based on the power resource as a possibility of influencing not only the closed nature of a corporation but also distribution – socio-economic remuneration, advanced training. Thus, corporate culture management determines the contradiction of attitudes to centralized management, paternalistic mentality and the need to act under the conditions of adaptation to changes in the oil and gas market and the resulting multiplicity of risks due to institutional transformation.

Since corporate culture is a social phenomenon, the logic of its development is determined by the collective consciousness in the context of intermittent dynamics of the industry, the pluralism of subcultures of individual companies, and at the same time it affects the rationality of internal formats contributing to reaching a new level of self-organization by a company, the severity of intensive emotional characteristics of a team. All this determines the diagnostics of corporate culture and makes it possible to predict the management strategy of a company.

The intensive formation of the content of corporate culture by each company with its own code, rules and norms, which turn into the cultural ethos of an organization in the case of purposeful development, creates a pluralism of transformative relations and comparative relations both within a company and with the external business environment. In the external strategy, this type of culture manifests itself as cooperative.

Conclusion

Corporate culture acts as an object of a management strategy. Its main role in this capacity is to maintain the autonomy of a company, successfully resist the environment, make decisions accurately and quickly, and correspond to the complexity of changes taking place in it. The strategy of corporate culture in the field of fuel and energy services is changing more dynamically compared to other industries. Since the implementation of complex tasks requires complex management systems, the corporate strategy in the fuel and energy business is much more complex and designed to quickly adapt to dynamic changes in the external competitive environment.

Social mechanisms of influence on the corporate culture of a company correspond to the stages of business system

development. The tasks to be solved are the search for the optimal makeup, relationships of managers and personnel, newly created and existing control elements of various types coordinated over time. In addition, the restrictions imposed on management in the form of resources, market saturation with products and services should be taken into account. Corporate culture as a development strategy is the management of relations within a corporation, of information flows, it depends on the state policy regarding business. During the period of the accumulation of capital and formation of the company, when the first strategic task is to survive, the main thing at this level is operational efficiency, which is aimed at achieving a competitive advantage by means of cost reduction and increase of sales revenues, the guideline for the formation of corporate management culture is indicated by a collectivist culture. Corporate culture at this stage is the prerogative of the team. Collectivist corporate culture is focused on cementing the personnel of a company, which is associated with the need for survival in the external competitive environment. Besides, the Russian oil and gas business is characterized by the presence of a large number of vertically integrated holdings. The most relevant thing for enterprises of this structure is the cooperative strategy, which makes it possible to increase the value of a company by changing the form or methods of interaction “with a group of subsidiaries (the degree of decentralization, including making a decision about acquiring or maintaining an independent legal status of a subsidiary, control and coordination). The relations between subsidiaries (cooperation) also determine the system of relations with suppliers, distributors and dealers (joint ventures, franchising), with competitors (associations, alliances, joint ventures). The aim of cooperation is to increase supply. In the oil business, the supply is influenced by such factors as the location of fields and the ownership structure, the applied production and processing technology, the costs of production, transportation, processing, etc” [17].

Other conditions may include the legislative framework, the state of foreign and domestic policies of oil-exporting and oil-importing countries, the natural (climate) factor, prevailing trends in relations between companies in the industry (search for compromise solutions, aggressiveness, etc.).

While defining its management strategy, a company is involved in normalizing the operational work of all enterprises ensuring coordination, often through the creation of a new management system. The types of strategies are interrelated and should therefore be considered and be consistent. For example, acquisitions of companies by a vertically integrated oil holding, on the one hand, change the composition of the portfolio, on the other hand, they strengthen competitive advantages. The strategy of growth as economies of scale, horizontal integration is determined by gaining competitive advantages, diversification, etc.

“Only presenting the strategy as a system of activities makes it possible to understand why the organizational structure, systems and processes should be strategy-specific. Aligning an organization with the strategy in its turn makes these complementarities more achievable and more viable” [19].

Under these conditions, control is transformed into a social mechanism for managing corporate culture which is aimed at improving the efficiency of a company. The analysis of the actual performance of the management process in comparison with the planning figures and with the performance assessment makes it possible to check the validity of the initial hypotheses, the correctness of the selected goals, as well as the organization of planning. Control solves a set of tasks for planning, regulation and observation, determines the effectiveness of management, makes it possible to com-

pare results with goals and plans, reveals negative deviations and ways of their adjustment.

Литература

1. Asanbayeva, G. Zh. World (2020) World experience of corporate governance organization and its types. Eurasian Scientific Association, No. 1–3(59), pp. 172–176.
2. Austin, J. (1999) How to perform actions using words. Moscow: Idea-Press, p. 329.
3. Berger, P. – Lukman, T. (1995) Social construction of reality: Treatise on the sociology of knowledge. Moscow: Moscow Philosophical Foundation, p. 322.
4. Bradford, L.P. – Gibb, J.R. – Benne K.D. (1964) T-Group theory and laboratory method. – New York: Wiley.
5. Castels, M. (2000) Information era: Economics, society and culture. State University “Higher School of Economics”. Moscow, p. 606.
6. Charkham, D. (1996) Procedures and practices for the board of directors. Moscow: John Wiley & Sons, p. 178.
7. Dahrendorf, R. (1965) Elements of a Theory of Social Conflict / Dahrendorf R. Society and Freedom. Munchen.
8. Dannikov, V.V. (2004) Holdings in the oil and gas business. Strategy and management. Moscow: Elvoys-M, p. 461.
9. Eremina, I. Yu. – Sergeev, Yu.V. – Karimov, A.B. (2006) Restructuring of Gazprom is the key to increasing labor productivity. Journal “Oil, Gas and Business”, No. 12.
10. Eremina, I. Yu. – Karimov, A.B. (2007) The impact of the social policy of “Gazprom” enterprises on the reproduction of labor potential. Journal “Problems of Economy and Management of an Oil and Gas Complex”, No. 11.
11. Gorz, A. (1989) Critique of economic reason / André Gorz; Transl. by Gillian Handyside a. Chris Turner. – London; New York: Verso, p. 250.
12. Gostenina, V.I. (2013) Sociology of management. Moscow: Peter, p. 335.
13. Gostenina, V.I. – Koryukin, A.P. (2005) Social partnership in corporate culture management. Moscow: Prometheus, p. 119.
14. Gostenina, V. I. – Lupenkova, E. Yu. – Koryukin, A. P. [et al.] (2011) Methodological features of the sociology of management in the changing scientific discourse of modernity. Empirical significance. Yearbook of the Research Institute of Fundamental and Applied Research, No. 1(2), pp. 131–139.
15. Kravchenko, S.A. (2006) Non-linear sociocultural dynamics: a gamification approach. Moscow, MGIMO University, p. 169.
16. Lavushchenko, V.P., Sharipov, I.R. (2006) Organization and development of the Russian oil service at the present time (as exemplified by the Volga-Ural region). Journal “Problems of Economy and Management of an Oil and Gas Complex”, No. 6.
17. Matochkin, Yu. G. (2020) Features of competitive strategies of oil and gas holdings in regional oil products sales markets. Bulletin of the Kaliningrad Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, No. 2–1(16), pp. 50–54.
18. Parsons, T. (1998) System of modern societies. Moscow: Aspect Press, p. 269.
19. Porter, M.E. (2000) From competitive advantage to corporate strategy. Translated from English. Collection Porter M.E. “Competition”. Moscow: Williams.
20. Prigozhin, A.I. (2003) Organizational culture and its transformation. Journal “Social Sciences and Modernity,” No. 5.

SOCIAL FACTORS OF THE FORMATION OF CORPORATE CULTURE IN THE RUSSIAN OIL AND GAS INDUSTRY

Gostenina V.I., Melnikov S.L., Novikov A.S.

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

Nowadays, there are significant differences between the subcultures of Russian oil companies. The non-linearity of the spontaneous transformation of corporate culture leads to the non-equilibrium of the market institution of management and objects of management (companies and personnel of companies, corporations) that are still within the range of national priorities only. The purpose of the research is to present the scientific discourse of theoretical approaches, positions, views of thinkers and sociologists of our time on the role of corporate management culture, which is studied according to the nature of social practices in the categories of attractiveness and prestige, the level of social capital, that allows us to describe corporate culture in terms of a visual and communicative presentation of organizations in the market of services of the oil and gas industry. The dependence of subcultures on customs and beliefs, usual ideas of the moral norms of national culture, the intensive development of the content of corporate culture by every company that has its own corporate code, rules and norms – all this forms a particular cultural ethos of each organization. It creates the pluralism of transformative relations, and the spontaneity of processes makes it difficult to study them, especially compared to the purposeful formation of corporate culture in Western society, that retains its social identity. All this requires a fundamental perception of the problem of social management of corporate culture, a study of social factors that influence the efficiency of companies in the provision of fuel and energy services.

Keywords corporate culture, types of corporate culture, cultural code, cultural ethos, social factors, subculture.

References

1. Asanbayeva, G. Zh. World (2020) World experience of corporate governance organization and its types. Eurasian Scientific Association, No. 1–3(59), pp. 172–176.
2. Austin, J. (1999) How to perform actions using words. Moscow: Idea-Press, p. 329.
3. Berger, P. – Lukman, T. (1995) Social construction of reality: Treatise on the sociology of knowledge. Moscow: Moscow Philosophical Foundation, p. 322.
4. Bradford, L.P. – Gibb, J.R. – Benne K.D. (1964) T-Group theory and laboratory method. – New York: Wiley.
5. Castels, M. (2000) Information era: Economics, society and culture. State University “Higher School of Economics”. Moscow, p. 606.
6. Charkham, D. (1996) Procedures and practices for the board of directors. Moscow: John Wiley & Sons, p. 178.
7. Dahrendorf, R. (1965) Elements of a Theory of Social Conflict / Dahrendorf R. Society and Freedom. Munchen.
8. Dannikov, V.V. (2004) Holdings in the oil and gas business. Strategy and management. Moscow: Elvoys-M, p. 461.
9. Eremina, I. Yu. – Sergeev, Yu.V. – Karimov, A.B. (2006) Restructuring of Gazprom is the key to increasing labor productivity. Journal “Oil, Gas and Business”, No. 12.
10. Eremina, I. Yu. – Karimov, A.B. (2007) The impact of the social policy of “Gazprom” enterprises on the reproduction of labor potential. Journal “Problems of Economy and Management of an Oil and Gas Complex”, No. 11.
11. Gorz, A. (1989) Critique of economic reason / Andr Gorz; Transl. by Gillian Handyside a. Chris Turner. – London; New York: Verso, p. 250.
12. Gostenina, V.I. (2013) Sociology of management. Moscow: Peter, p. 335.
13. Gostenina, V.I. – Koryukin, A.P. (2005) Social partnership in corporate culture management. Moscow: Prometheus, p. 119.
14. Gostenina, V. I. – Lupenkova, E. Yu. – Koryukin, A. P. [et al.] (2011) Methodological features of the sociology of management in the changing scientific discourse of modernity. Empirical significance. Yearbook of the Research Institute of Fundamental and Applied Research, No. 1(2), pp. 131–139.
15. Kravchenko, S.A. (2006) Non-linear sociocultural dynamics: a gamification approach. Moscow, MGIMO University, p. 169.
16. Lavushchenko, V.P., Sharipov, I.R. (2006) Organization and development of the Russian oil service at the present time (as exemplified by the Volga-Ural region). Journal “Problems of Economy and Management of an Oil and Gas Complex”, No. 6.
17. Matochkin, Yu. G. (2020) Features of competitive strategies of oil and gas holdings in regional oil products sales markets. Bulletin of the Kaliningrad Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, No. 2–1(16), pp. 50–54.
18. Parsons, T. (1998) System of modern societies. Moscow: Aspect Press, p. 269.
19. Porter, M.E. (2000) From competitive advantage to corporate strategy. Translated from English. Collection Porter M.E. “Competition”. Moscow: Williams.
20. Prigozhin, A.I. (2003) Organizational culture and its transformation. Journal “Social Sciences and Modernity”, No. 5.

Оценка потребностей в социальной защите семей с детьми: обобщение результатов социологического исследования

Заякина Ольга Александровна,

кандидат социологических наук, ведущий специалист по учебно-методической работе, доцент кафедры «Социология, психология и социальный менеджмент» Московского авиационного института
E-mail: zayakinaolga@mail.ru

В статье рассмотрены вопросы социальной защиты семей с детьми. Автором отмечается, что в условиях экономических санкций, изменения структуры рынка труда и политической нестабильности особенно актуальным становится анализ социальной защиты семей с детьми в нашей стране. Выявляются основные тенденции в развитии системы социальной защиты на современном этапе. В статье приводится обзор результатов социологических исследований и статистических данных, посвященных рассмотрению экономического положения семей и их актуальных потребностей. Автор указывает, что, по результатам исследований, среди тех сфер жизни, которыми россияне удовлетворены меньше всего, особо выделяются материальное положение и экономическая ситуация в стране. В статье делается вывод, что важным направлением является продолжение работы государственных органов по доступности оформления и возможности дистанционной подачи заявления семьями с детьми на выплаты и льготы, а также акцентируется внимание на отсутствие у значительной части семей с детьми полной информации о причитающихся льготах и пособиях.

Ключевые слова: дети, материальное положение, поддержка, социальная защита, семья.

Введение

В условиях экономических санкций, изменения структуры рынка труда и политической нестабильности особенно актуальным становится вопрос социальной защиты семей с детьми. Семья является основным социальным институтом, выполняющим важные для общества функции (репродуктивную, воспитательную, экономическую и т.п.), и в непростой ситуации семьям с детьми требуется помощь со стороны государства.

В литературе встречается большое количество определений понятия «социальная защита». Среди всех определений мы можем выделить ее понимание как системы «социальных отношений, мер и правовых гарантий, защищающих любого члена общества от экономической, социальной и физической деградации вследствие внезапного и резкого ухудшения условий его благосостояния, угрозы здоровью и жизни, невозможности реализовать свой трудовой и гражданский потенциал» [1].

Отметим, что социальная защита представляет собой, с одной стороны, функциональную систему, т.е. систему направлений, по которым она осуществляется, а с другой – институциональную, т.е. систему институтов, ее обеспечивающих (государство, суд, профсоюзы и другие общественные организации) [2].

Степень научной разработанности темы

Вопросы социальной защиты семьи являются актуальными для социологов и получили широкое освещение в работах Л.С. Алексеевой, В.Г. Бурменской, Т.А. Гурко, И.Ф. Дементьевой, Л.П. Кузнецовой, Б.С. Павлова, Е.И. Холостовой, Е.Р. Ярской – Смирновой и др.

В научной литературе отмечается, что в советский период истории нашего государства приоритетными формами государственной заботы об определенных категориях населения (детях, будущих матерях, пенсионерах, тяжелобольных людях), которые обеспечивали социальные гарантии семье и детям, были государственная система дошкольного воспитания, бесплатное здравоохранение, система внешкольного образования и воспитания, система летних оздоровительных учреждений и т.п.

Возможность пользоваться определенной социальной услугой население получало через трудовые, ученические коллективы, социальная помощь личности практически не развивалась. Государство было универсальным органом социального обслуживания и не оставляло места благотворительности. Сегодня в благотворительном секторе можно наблюдать рост количества профильных организаций и повышение профессионализма их сотрудников, а также выработку новых форматов деятельности» [3].

В начале годов XXI века произошли значительные перемены в системе социальной защиты населения нашей страны. Можно зафиксировать следующие изменения системы социальной защиты на современном этапе:

а) расширение функций системы социальной защиты населения России, реализация новых социальных технологий;

б) рост количества учреждений социальной защиты и соответственно работников данной области;

в) акцентирование на эффективности предоставленных мер социальной защиты гражданам и оказания государственных услуг в социальной сфере;

г) информатизация и компьютеризация в сфере предоставления социальных льгот и пособий.

Среди всех категорий семей на современном этапе выделяются семьи с наибольшей нуждаемостью в социальной защите и поддержке. В первую очередь, в особом внимании со стороны государства нуждаются монородительские семьи (семьи, в которых ребенок воспитывается только одним родителем), семьи военнослужащих, семьи с детьми-инвалидами, многодетные семьи с низким доходом, семьи с детьми в возрасте до трех лет, семьи беженцев и семьи, в которых для родителей свойственны негативные формы девиантного поведения [4].

Методология исследования

Выявление и анализ проблем в работе органов социальной защиты населения в отношении семей с детьми осуществлялись на основании системного изучения текстов отечественных социологов и экономистов, рассмотрения законодательства, анализа статистических данных и результатов социологических опросов семей с детьми (проведенных, в том числе, и автором статьи).

Особенности социальной защиты семей с детьми

Появление ребенка в семье приводит к дополнительным материальным затратам. Неслучайно главной причиной нежелания заводить детей, по результатам опроса, проведенного ВЦИОМом, является сложное материальное положение. Так, в сентябре 2021 г. 26% опрошенных отметили финансовые трудности в качестве фактора, влияющего на сознательный отказ от деторождения. Психологические причины – эгоизм (желание пожить для себя) и боязнь брать ответственность набрали в два раза меньше ответов [5].

По результатам социологических опросов ВЦИОМа, среди тех сфер жизни, которыми россияне удовлетворены меньше всего, особо выделяются материальное положение и экономическая ситуация в стране. Лишь 16 и 13 процентов опрошенных полностью удовлетворены материальным положением и экономической, политической обстановкой соответственно [6].

Неслучайно вопросы социальной защиты семьи прорабатываются и анализируются на самом высшем уровне. Так, в декабре 2022 года на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам Президент РФ В.В. Путин затронул вопросы поддержки семей с детьми и рассказал о тех изменениях, которые коснутся помощи таким семьям.

Во-первых, будет расширено действие семейной ипотеки. Во-вторых, было введено единое ежемесячное пособие для нуждающихся семей с детьми до 17 лет. В третьих, ожидается увеличение пособия по беременности (до 0,5–1 прожиточного минимума). Особое внимание в выступлении было уделено простоте и понятности получения гражданами пособий [7].

В начале двухтысячных годов нами было проведено масштабное исследование проблем жизнедеятельности российских семей с одним родителем. Мы выяснили, что в качестве основных проблем таких семей выступают: 1) материальная обеспеченность (90% опрошенных), 2) решение жилищного вопроса (41%), 3) решение про-

блем трудоустройства (37%). А значительная часть женщин, воспитывающих детей без отца (51%), вынуждены экономить даже на покупке продуктов питания [8, С.14]. Также мы выяснили, что семьи зачастую просто не знали о том, какие пособия и льготы им положены.

Решение задачи сокращения бедности среди населения нашей страны, несомненно, связано с повышением размера реальных зарплат и улучшением экономической ситуации в стране. Трудное материальное положение семей с детьми часто обусловлено тем, что реальные зарплаты трудоспособных членов семьи не успевают за ростом цен. Так, в 2022 году уровень инфляции увеличился на 3% и составил 11%. В начале 2023 года цены на услуги ЖКХ, проезд в общественном транспорте и т.п. продолжили расти. Очевидно, главной задачей является не только увеличение размеров пособий для семей с детьми, но и рост размеров заработной платы родителей [9].

Несмотря на все сложности, россияне демонстрируют оптимистичное социальное настроение. Так, по результатам опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в ноябре 2022 года, 44% опрошенных надеются, что в ближайшие три-пять лет жизнь их семьи станет лучше, а 25% считают, что она не изменится. Тенденции по улучшению жизни в стране отметили 43% опрошенных [10].

По результатам социологического исследования, которое провели «Росгосстрах Жизнь» и «Росгосстрах», 57% респондентов не обращаются за государственной поддержкой. При этом каждый третий указал, что причиной отсутствия обращения является незнание о тех льготах, пособиях, вычетах, которые положены. Около 24% опрошенных не оформляют положенные им пособия, льготы, т.к. не считают это необходимым [11].

Выводы

На современном этапе в нашей стране произошли значительные положительные изменения, связанные с предоставлением социальной помощи семьям с детьми. Сегодня население может получить информацию о причитающихся льготах и пособиях в личном кабинете в Госуслугах, однако информационный вакуум, связанный с знанием причитающихся мер государственной поддержки, сохраняется. Важным направлением является продолжение государственными органами работы по простоте и возможности дистанционного оформления выплат и льгот семьям с детьми, а также предоставление адресной помощи нуждающимся семьям.

Литература

1. Бондаренко Н.А., Демьянова И.О. Социальная защита населения и ее нормативно-правовое регулирование в РФ // Ученые заметки ТОГУ, 2017, Том 8, № 1, С. 429–433. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2017/TGU_8_69.pdf (Дата обращения: 27.01.2022).
2. Адамчук В.В., Ромашов О.В., Сорокина М.Е. Экономика и социология труда: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 1999. С. 393–394.
3. Благотворительность сегодня: хочу vs могу vs должен. Центр управления благосостоянием и филантропии СКОЛКОВО. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.skolkovo.ru/news/blagotvoritelnost-segodnya-hochu-vs-mogu-vs-dolzhen-2/> (Дата обращения: 27.01.2022).
4. Основы социальной работы: Учебник / Отв.ред. П.Д. Павленок. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 146–147.

5. Семья и дети: установки и реалии. Аналитический обзор. 02.12.2021. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-deti-ustanovki-i-realii> (Дата обращения: 27.01.2022).
6. Семья, друзья и безопасность. Аналитический обзор. 20.01.2021. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-druzja-i-bezopasnost> (Дата обращения: 27.01.2022).
7. Ключевская Н. Владимир Путин рассказал о поддержке семей с детьми в 2023 году. 15.12.2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.garant.ru/news/1591053/> (Дата обращения: 27.01.2022).
8. Заякина О.А. Жизнедеятельность монородительской семьи как социологическая проблема: Дис. канд. социол. наук. Екатеринбург, 2003. 164 с.
9. Инфляция в России. 19.01.2023. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://уровень-инфляции.рф/> (Дата обращения: 27.01.2022).
10. Социальные настроения. Зима 2022. 09.12.2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://fom.ru/Nastroeniya/148110> (Дата обращения: 29.01.2022).
11. Россияне назвали причины, по которым не обращаются за льготами и вычетами. 07.12.2021. Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/07/10/2021/615d76399a7947cee563d572> (Дата обращения: 29.01.2022).

ASSESSING THE NEEDS FOR SOCIAL PROTECTION OF FAMILIES WITH CHILDREN: SUMMARIZING THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL STUDY

Zayakina O.A.
Moscow Aviation Institute

The article discusses the issues of social protection of families with children. The author notes that in the conditions of economic sanctions, changes in the structure of the labor market and political instability, the analysis of social protection of families with children in our country becomes especially relevant. The main trends in the development of the social protection system at the present stage are identified. The article provides an overview of the results of sociological research and statistical data devoted to the consideration of the economic situation of families and their actual needs. The author points out that, according to the results of research, among those areas of life that Russians are least satisfied with, the financial situation and the economic situation in the country stand out.

The article concludes that an important direction is the continuation of the work of government agencies on the availability of registration and the possibility of remote application by families with children for payments and benefits, and also focuses on the lack of complete information about the benefits and benefits due to a significant part of families with children.

Keywords: children, financial situation, support, social protection, family.

References

1. Bondarenko N.A., Demyanova I.O. Social protection of the population and its regulatory and legal regulation in the Russian Federation // Scientific notes of TOGU, 2017, Volume 8, No. 1, pp. 429–433. [Electronic resource] – Access mode: https://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2017/TGU_8_69.pdf (Date of address: 27.01.2022).
2. Adamchuk V.V., Romashov O.V., Sorokina M.E. Economics and Sociology of labor: Textbook for universities. Moscow: UNITY, 1999. pp. 393–394.
3. Charity today: I want vs I can vs I must. SKOLKOVO Wealth Management and Philanthropy Center. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.skolkovo.ru/news/blagotvoritelnost-segodnya-hochu-vs-mogu-vs-dolzhen-2/> (Date of address: 27.01.2022).
4. Fundamentals of social work: Textbook / Ed. P.D. Pavlenko. M.: INFRA-M, 1997. pp. 146–147.
5. Family and children: attitudes and realities. Analytical review. 02.12.2021. [Electronic resource] – Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-deti-ustanovki-i-realii> (Accessed: 27.01.2022).
6. Family, friends and security. Analytical review. 20.01.2021. [Electronic resource] – Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-druzja-i-bezopasnost> (Date of address: 27.01.2022).
7. Klyuchevskaya N. Vladimir Putin spoke about the support of families with children in 2023. 15.12.2022. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.garant.ru/news/1591053/> (Date of address: 27.01.2022).
8. Zayakina O.A. The vital activity of a single-parent family as a sociological problem: Dis. cand. social sciences. Yekaterinburg, 2003. 164 p.
9. Inflation in Russia. 19.01.2023. [Electronic resource] – Access mode: <https://уровень-инфляции.RF/> (Date of address: 27.01.2022).
10. Social sentiments. Winter 2022. 09.12.2022. [Electronic resource] – Access mode: <https://fom.ru/Nastroeniya/148110> (Date of application: 29.01.2022).
11. The Russians named the reasons why they do not apply for benefits and deductions. 07.12.2021. Electronic resource] – Access mode: <https://www.rbc.ru/society/07/10/2021/615d76399a7947cee563d572> (Accessed: 29.01.2022).

Инструменты сокращения диспаритета доступности цифровой среды: региональные аспекты

Кузнецова Анастасия Дмитриевна,

студент, КФ МГТУ им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)
E-mail: nastakuz2001@mail.ru

Ерохина Елена Вячеславовна,

профессор кафедры «Организации и управления производством», КФ МГТУ им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)
E-mail: eev_bmstu@rambler.ru

В статье рассматриваются способы преодоления цифрового неравенства регионов Российской Федерации. Представлено определение понятия «цифровое неравенство». Развитие цифровой экономики приводит к тому, что цифровой разрыв в области инфраструктур и технологий увеличивается и все чаще проявляется во всех сферах жизнедеятельности граждан, поскольку развитие общества, индивидов, социальных групп в настоящее время все больше зависит от уровня доступа и возможности использовать информационно-коммуникационные технологии для получения новой информации и знаний. Определены последствия цифрового неравенства в регионах Российской Федерации. Показано, что цифровое неравенство негативно отражается на уровне социально-экономического развития областей Российской Федерации. Проанализированы показатели, которые характеризуют уровень цифровизации в регионах Российской Федерации. Предложены способы снижения цифрового неравенства с помощью: повышения компьютерной грамотности граждан РФ; расширения системы культурно-информационных центров общественного доступа и информационно-коммуникационных технологий; проведения мероприятий по подготовке граждан к внедрению новых технологий; расширения масштабов применения технологий «Умный город». Сделан вывод о том, что от степени развитости цифрового оснащения зависит уровень жизни населения.

Ключевые слова: цифровое неравенство, уровень жизни населения, развитие регионов РФ, IT-технологии, информационная бедность.

Цифровое неравенство – ситуация, при которой у определенного количества населения нет доступа к информационным технологиям. Уровень доступа к цифровым услугам показывает, как развиваются регионы.

Одним из основных последствий неравенства цифровой жизни является различный уровень образования в регионах [3]. Уровень образования сильно влияет на будущее человека. Рассмотрим, как уровень цифровой жизни будет влиять на образование в регионах (табл. 1).

Таблица 1. Зависимость уровня цифровой жизни и качества образования в регионах РФ

Регион	Уровень цифровой жизни, %	Качество образования, %
Москва (Московская область)	81,352	92,1
Санкт-Петербург	80,241	92
Республика Татарстан	69,361	77,86
Краснодарский край	67,327	77,78
Белгородская область	64,149	77,26
Ленинградская область	62,698	77,1
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	62,002	65,15
Нижегородская область	59,917	65,1
Воронежская обл.	59,327	45,7
Тюменская область	57,739	42
Республика Алтай	30,547	34,8
Еврейская автономная обл.	28,94	29,7
Республика Тыва	19,105	19,6

Источник: составлено автором по материалам [2],[6],[7].

Исходя из таблицы 1, видно, что чем выше уровень развития цифровой жизни, тем качественнее образование в регионе. Самый высокий показатель в области цифровой сферы – в Москве (Московской области) равный 81,35%, что свидетельствует о высоком уровне образования в данном регионе, составляющий 92,1%. Данный показатель характеризуется тем, что школьники и студенты имеют высокую успеваемость. Школьники смогут поступить в престижные колледжи и университеты, а студенты работать на более оплачиваемой работе. При уровне цифровой жизни равной 19,11% (Республика Тыва) качество образования равно 19,6%, что свидетельствует о низком уровне образования в данном регионе. Это может повлечь за собой недостаточное количество информатизированных технологий, что повлияет на уровень знаний у подростков.

Уровень образования в каждом регионе влияет на благосостояние всей страны в целом. Если его игнорировать, то бедность и социальная изоляция будут расти и пошатнут социальную безопасность.

Вторым последствием цифрового неравенства являются проблемы с трудоустройством [3].

Проблемы, связанные с низким уровнем технической оснащенности, усложняют поиски работы в разных регионах. В регионах с низким уровнем цифровой жизни население не может найти работу с высоким уровнем

зарплаты для качественного уровня жизни. Если будущий работник будет владеть базовыми навыками работы с персональными компьютерами, т.е. уметь открывать электронную почту, копировать файлы, работать с Excel-таблицами, то с большей вероятностью его примут на работу, а не человека, который не обладает данными компетенциями.

Проведем зависимость между доступом к интернет ресурсам и среднедушевым доходам населения РФ (рис. 1).

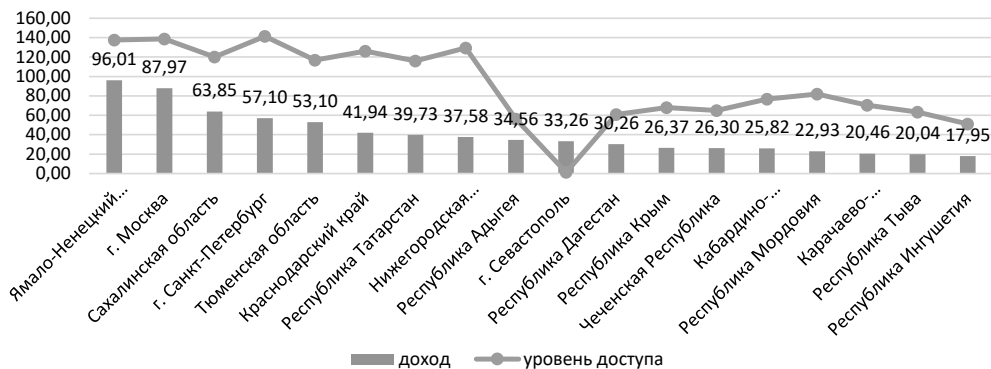

Рис. 1. Зависимость получения информации из интернета на уровень дохода населения в регионах РФ

Источник: составлено автором по материалам [1], [9].

Исходя из рис. 1, видно, что в регионах с высоким показателем владения интернетом, уровень доходов населения, как правило, выше. Люди, имеющие широкий доступ к интернет-источникам, могут найти более высокооплачиваемую работу. Также работа, связанная с IT-технологиями более высокооплачиваемая, поэтому владение знаниями в этой области позволит обеспечить себе комфортную жизнь в отличие от специалистов без умений в области IT-технологий. При уровне доступа к сети Интернет выше 100 единиц доход населения по региону в среднем составляет 59,66 тыс. руб. Так в городе Москве уровень доступа к ШПД (широкополосный доступ в Интернет) составляет 138,7 единиц, а уровень среднедушевого дохода населения 87,97 тыс. руб. В отличие от регионов с низким доступом к интернет-источникам, где уровень доступа ниже 100 единиц, и уровень дохода в среднем в регионах составляет 25,8 тыс. руб. В Чеченской республике уровень доступа к ШПД составляет 65,1 единицу, а среднедушевой доход населения в регионе составляет 26,3 тыс. руб.

Уровень цифрового неравенства негативно влияет не только на сами регионы, но и на уровень жизни людей в целом. Без развития в сферах IT-технологий в современном обществе трудно найти приличную работу и получить высокий уровень образования, что в последствии приведет к низкому уровню жизни населения. Также неравенство регионов приведет к снижению уровня конкурентоспособности РФ на мировом рынке, поэтому необходимо устранять цифровое неравенство регионов.

Рассмотрев последствия, возникающие из-за цифрового неравенства, предложим мероприятия по борьбе с информационной бедностью.

- В первую очередь, необходимо подготовить людей к внедрению новых технологий. Проведение обсуждений публичных докладов, рассказывающих об основных предложениях, поступающих от ведомств и частных лиц; проведение опросов общественного мнения, апробаций о предстоящих изменениях [4];
- Второй способ – расширение системы культурно-информационных центров общественного доступа к ИКТ.

Для расширения системы ИКТ необходимо решить следующие задачи:

- предоставление жителям необходимых технических средств для получения доступа к социально значимой информации и консультационной помощи в использовании информационно-коммуникационных технологий;
- общедоступность государственных информационных ресурсов, обеспечение прозрачности в деятельности органов государственной власти;
- создание условий для эффективного взаимодействия между органами государственной власти и гражданами на основе использования информационно-коммуникационных технологий.
- Еще один способ снижения цифрового неравенства – развитие компьютерной грамотности населения. Рассмотрим количество использований персональных компьютеров в регионах РФ (табл. 2) [4].

Таблица 2. Использование персональных компьютеров в домашних хозяйствах по субъектам Российской Федерации

ФО	Число домашних хозяйств, тыс	персональный компьютер.%			Абсолютные изменения 2019/2021	Относительные изменения 2019/2020
		2021	2020	2019		
Центральный федеральный округ	15201,6	79,0	76,2	74,5	4,50	106,0
Северо-Западный федеральный округ	5538,2	77,7	77,7	75,5	2,20	102,9

ФО	Число домашних хозяйств, тыс	персональный компьютер.%			Абсолютные изменения	Относительные изменения
		2021	2020	2019		
Южный федеральный округ	5 926,7	75,4	72,4	69,7	5,70	108,2
Северо-Кавказский федеральный округ	2 541,8	62,1	63,5	59,0	3,10	105,3
Приволжский федеральный округ	11 577,0	67,2	69,4	65,6	1,60	102,4
Уральский федеральный округ	4 750,0	74,3	72,7	70,9	3,40	104,8
Сибирский федеральный округ	6 696,6	65,1	67,3	65,2	-0,10	99,8
Дальневосточный федеральный округ	3 191,3	66,8	67,3	62,4	4,40	107,1

Источник: составлено автором по материалам [1].

Использование компьютеров к 2021 году увеличивалось, следовательно, повышался уровень компьютерной грамотности, но в Сибирском федеральном округе просматривается тенденция к снижению. Для равенства в цифровой жизни необходимо повышать компьютерную грамотность, чтобы во всех регионах был одинаковый уровень.

- Следующий способ уменьшения цифрового неравенства – расширение масштабов применения технологий «Умный город».

Индекс «IQ городов» показывает, насколько эффективно российские города внедряют технологии «умного» города, какой результат приносят проводимые ими мероприятия. По данным за 2021 год 90 городов имеют IQ 60–120, свидетельствуя о том, что данные города высоко интеллектуально интегрированы. Характеризуются объединением технологий. Происходит цифровая трансформация секторов экономики и формирование интеллектуальной городской инфраструктуры, позволяющей в режиме реального времени осуществлять сбор и анализ данных, реализовывать управление жизнеобеспечивающими процессами [9].

101 город – высокотехнологичные управляемые города (IQ 30–600). Технологии применяются с целью повышения качества жизни и решения проблем в области транспорта, здравоохранения, окружающей среды и экологии. Создается первичная цифровая инфраструктура Smart city на основе внедрения технологий широкополосного доступа к сети Интернет, Интернета вещей, 3G/4G. При этом основная роль отводится городским властям, а жители задействованы лишь опосредованно [9].

И 12 городов – технологически ориентированные города (IQ 0–30). Технологии применяются с целью повышения устойчивости, жизнеспособности и управляемости городской инфраструктурой. Происходит переоснащение физической городской инфраструктуры, внедряются передовые ИТ-решения. Основными заинтересованными лицами выступают компании, являющиеся поставщиками информационных технологических решений и услуг.

- Развитие функций электронного взаимодействия власти и населения.

Рассмотрим, в какой форме люди получают информацию от органов государственной власти и местного самоуправления (рис. 2).

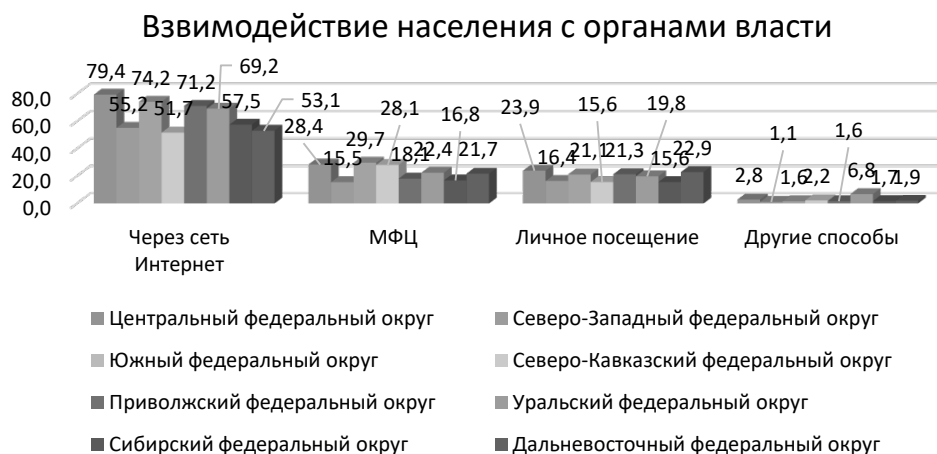

Рис. 2. Доля населения, взаимодействовавшего с органами государственной власти и местного самоуправления

Источник: составлено автором по материалам [7].

Анализируя данные, представленные на рис. 2, видно, что население в большей степени используют интернет-ресурс для получения информации, но в каждом округе разный уровень обращений (от 50% до 80%). Для преодоления неравенства необходимо сбалансировать уровень доступа к интернет-

информации во всех регионах РФ, производя улучшения в электронном распространении информации. Также значительный процент населения пользуются услугами МФЦ (многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг) и при личном посещении.

Снижение цифрового неравенства способно повысить уровень жизни населения в регионах РФ, что также может помочь преодолеть кризисы, связанные с низким техническим оснащением.

Литература

1. Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей [Электронный ресурс].-Режим доступа https://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt21/index.html (дата обращения 29.11.22)
2. ЕМИСС Уровень образования [Электронный ресурс].-Режим доступа <https://www.fedstat.ru/indicator/61128> (дата обращения 12.11.22)
3. Интернет как роскошь: что такое цифровое неравенство и как его преодолеть [Электронный ресурс].-Режим доступа <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6172591c9a79471433d3fd60> (дата обращения 12.11.22)
4. Информационное неравенство и пути его преодоления [Электронный ресурс].-Режим доступа https://studopedia.ru/13_66401_informatsionnoe-neravenstvo-i-puti-ego-preodoleniya.html (дата обращения 12.10.22)
5. Основные причины сопротивления инновациям [Электронный ресурс].-Режим доступа <https://student-servis.ru/spravochnik/osnovnyye-prichiny-soprotivleniya-innovatsiyam/> (дата обращения 12.10.22)
6. Рейтинг российских регионов по научно-технологическому развитию [Электронный ресурс].-Режим доступа <https://ria.ru/20221024/tekhnologii-1826145476.html?in=t> (дата обращения 17.11.22)
7. Рособrnadzor составил рейтинг российских регионов по качеству образования [Электронный ресурс].-Режим доступа <https://eduinspector.ru/2021/03/13/rosobrnadzor-sostavil-rejting-rossijskih-regionov-po-kachestvu-obrazovaniya/> (дата обращения 28.10.22)
8. Росстат [Электронный ресурс].-Режим доступа <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 19.11.22)
9. IQ городов [Электронный ресурс].-Режим доступа <https://russiasmartcity.ru/iq#interactive-map> (дата обращения 12.10.22)

TOOLS FOR REDUCING THE DISPARITY IN THE AVAILABILITY OF THE DIGITAL ENVIRONMENT: REGIONAL ASPECTS

Kuznetsova A.D., Erokhina E.V.

KF Bauman Moscow State Technical University (National Research University)

The article discusses ways to overcome the digital inequality of the regions of the Russian Federation. The definition of the concept of "digital inequality" is presented. The development of the digital economy leads to the fact that the digital divide in the field of infrastructure and technology is increasing and is increasingly manifested in all spheres of citizens' life, since the development of society, individuals, social groups is now increasingly dependent on the level of access and the ability to use information and communication technologies to obtain new information and knowledge. The consequences of digital inequality in the regions of the Russian Federation are determined. It is shown that digital inequality negatively affects the level of socio-economic development of the regions of the Russian Federation. The indicators that characterize the level of digitalization in the regions of the Russian Federation are analyzed. The ways of reducing digital inequality are proposed by: improving the computer literacy of citizens of the Russian Federation; expanding the system of cultural and information centers of public access and information and communication technologies; carrying out measures to prepare citizens for the introduction of new technologies; expanding the scope of application of "Smart City" technologies. It is concluded that the standard of living of the population depends on the degree of development of digital equipment.

Keywords: digital inequality, the standard of living of the population, the development of the regions of the Russian Federation, IT technologies, information poverty.

References

1. Selective federal statistical observation on the use of information technologies and information and telecommunication networks by the population [Electronic resource].-Access mode https://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt21/index.html (accessed 29.11.22)
2. EMISS Education level [Electronic resource].-Access mode <https://www.fedstat.ru/indicator/61128> (accessed 12.11.22)
3. The Internet as a luxury: what is digital inequality and how to overcome it [Electronic resource].-Access mode <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6172591c9a79471433d3fd60> (accessed 12.11.22)
4. Information inequality and ways to overcome it [Electronic resource].-Access mode https://studopedia.ru/13_66401_informatsionnoe-neravenstvo-i-puti-ego-preodoleniya.html (accessed 12.10.22)
5. The main reasons for resistance to innovation [Electronic resource].-Access mode <https://student-servis.ru/spravochnik/osnovnyye-prichiny-soprotivleniya-innovatsiyam/> (accessed 12.10.22)
6. Rating of Russian regions on scientific and technological development [Electronic resource].-Access mode <https://ria.ru/20221024/tekhnologii-1826145476.html?in=t> (accessed 17.11.22)
7. Rosobrnadzor has compiled a rating of Russian regions on the quality of education [Electronic resource].-Access mode <https://eduinspector.ru/2021/03/13/rosobrnadzor-sostavil-rejting-rossijskih-regionov-po-kachestvu-obrazovaniya/> (accessed 28.10.22)
8. Rosstat [Electronic resource].-Access mode <https://rosstat.gov.ru/> (accessed 19.11.22)
9. IQ of cities [Electronic resource].-Access mode <https://russiasmartcity.ru/iq#interactive-map> (accessed 12.10.22)

Методы и технологии формирования репутации организации сферы образования

Сарбаа Людмила Николаевна,

заместитель директора по учебно-воспитательной работе,
Муниципальное автономное общеобразовательное
учреждение средняя общеобразовательная школа № 26
г. Южно-Сахалинска
E-mail: Travkina_92@mail.ru

Коньков Александр Тимофеевич,

доктор социологических наук, профессор, ФГБОУ ВО
«Сахалинский государственный университет»
E-mail: konkov_sakh@rambler.ru

В настоящее время не все образовательные организации проводят целенаправленную работу по формированию собственной репутации. В большей мере уделяют внимание репутационному капиталу коммерческие образовательные организации. В бюджетных общеобразовательных организациях репутационный капитал формируется чаще всего стихийно и самостоятельно. И лишь отдельные учреждения формируют собственную репутацию целенаправленно, используя различные методы и технологии.

В статье рассмотрены методы и технологии формирования репутационного капитала образовательной организации среднего профессионального образовательного учреждения. В ходе проведенного исследования выявлено, что формирование репутационного капитала – это целый комплекс методов и технологий, целенаправленных мероприятий с учётом индивидуальных особенностей образовательного учреждения. Исходя из стратегии формирования репутации (создание, закрепление или поддержки) выстраивается индивидуальная траектория формирования репутационного капитала.

Ключевые слова: репутация, репутационный капитал, репутационный маркетинг, репутационный менеджмент, имидж.

Руководители образовательных организаций уделяют особое внимание формированию репутационного капитала учебных заведений. Учитывая обширный и разносторонний спектр факторов и условий, определяющих репутацию образовательных учреждений в современном обществе, можно констатировать, что данная работа требует применения разнообразных методов и технологий. Формирование репутации организации сферы образования представляет собой целый комплекс целенаправленных мероприятий. На первоначальном этапе – это исследование репутации организации, затем поиск, выбор необходимых методов и технологий по формированию репутации организации. Следовательно, формирование репутации организации сферы образования представляет собой целый комплекс мероприятий, определенный исследователем.

По мнению Малахова Ф.В. репутационную стратегию компании можно разделить на две части: на стратегию формирования, закрепления и поддержки нужной репутации; и на стратегию защиты репутации или антикризисные действия [7, с. 77].

Представляется, что стратегия формирования репутации организации необходима для вновь созданного учреждения, закрепления и формирования для организации, у которой существует определенная репутация и соответствует требованиям руководителя, а также направлена на ее улучшение. Стратегия защиты и антикризисных действий применима в том случае, если репутация организации не соответствует заданным требованиям и образовательное учреждение, например, требует глобальных изменений.

Ф.В. Малахов выделяет пять стратегий управления репутацией компании, в зависимости от ее основы:

- «Руководитель наша гордость» или «Мы гордимся своим руководителем». В данном случае репутация компании неразрывно связана с репутацией ее руководителя.
- «Команда наша гордость» или «Мы гордимся своей командой». В таком случае объектом репутационной стратегии компании выступает команда сотрудников, отвечающая за различные направления ее деятельности.
- «Продукция – наша гордость» или «Мы гордимся своей продукцией», фокусом в коммуникациях становится продукция или услуги компании.
- «Достижение – наша гордость» или «Мы гордимся своими достижениями». В данной стратегии фокусом коммуникаций компании является то, чего она достигла за время своей работы (сколько лет на рынке, показатели успешных проектов и др.)
- «Финансы – наша гордость» или «Мы гордимся нашими финансовыми показателями». В рамках такой стратегии, именно финансовые показатели являются наиболее достоверным подтверждением состоятельности компаний [7, с. 79–82].

На наш взгляд, подобные стратегии управления репутацией часто применяют в сфере образования. Например, в частном образовательном учреждении нередко вся концепция репутации строится на имени руководителя, его личных достижениях и успехах, которые он и его

команда активно транслирует в социальных сетях, официальном сайте, личном блоге. В данном случае руководитель вызывает доверие у потребителей, а также пример, которому хочется подражать, брать пример и находится рядом. Кроме этого, часто используют и метод рекламы команды организации, которая будет соответствовать всем заявленным требованиям потребителя.

Представляется, что транслирование достижений, финансов и продукции (под продукцией мы можем понимать – выпускника и его итоговые достижения) также может быть одним из методов формирования репутации. В настоящий момент практически каждое образовательное учреждение нашей страны, независимо от организационной формы, имеет официальный сайт с разделом «Новости», аккаунт в социальных сетях, где публикует достижения своих обучающихся, коллег, планы развития, успехи и многое другое.

Безусловно, все это является методами и технологией формирования репутации организации, но наверняка недостаточной для современной конкуренции среди сферы образования.

Кроме этого, Малахов Ф.В. выделяет следующий процесс управления репутацией, независимо от того, какую репутационную стратегию выберет компания:

- Определение целевой аудитории, диагностика ее ожиданий;
- Измерение характеристик субъекта репутации (определить основные характеристики субъекта, формирующие реальную модель репутации);
- Определение системы мер по улучшению репутационных характеристик;
- Организация работы по улучшению имиджевых характеристик субъекта репутации;
- Проведение разъяснительной работы с целевой аудиторией, исправление ошибочных представлений о субъекте репутации, раскрытие его новых качеств, неизвестных до этого момента представителям интересующей аудитории;
- Мониторинг состояний репутационных характеристик [7, с. 83].

Тем не менее, несмотря на предложенные технологии Ф.В. Малаховым, формирование деловой репутации образовательной организации невозможно, на наш взгляд, лишь по одной выбранной стратегии, а лишь только при их совокупном использовании совместно и одновременно.

Методы и технологии формирования деловой репутации невозможно использовать без маркетинга, например, PR кампании, которая в большей мере направлена на создание и формирование репутации, установление внешних связей, формирования корпоративной культуры и проведение рекламной кампании.

Репутационный маркетинг выделен в настоящее время как отдельный метод, который относят к совокупности маркетинговых инструментов по управлению репутацией и имиджем бренда в сети Интернет. В него входит отслеживание информации в сети Интернет, а также комплекс действий по созданию, поддержанию и исправлению репутации компании.

Можно полагать, что к наиболее эффективному методу можно отнести разработку и проведение мероприятий в сети интернет, создание положительного образа в СМИ, но, тем не менее, данный метод не является достаточно разносторонним, чтобы охватить и сформировать положительный образ организации у всех групп населения, пользующихся услугами данной компании. Следовательно, маркетинговый подход больше направлен на создание имиджа, что относится к одной из составляющих репутации организации.

Тем не менее, формирование репутации требует ни одного метода и ни одной технологии, а целого комплекса. Так, по мнению К.Н. Тендит, первое, что нужно сделать при планировании деятельности в сфере репутационного менеджмента – выбрать верную репутационную стратегию. Эксперты выделяют пять стратегий управления репутацией компании в зависимости от ее основы. Так, сложившаяся с минимальным участием компании (или без нее) репутация всегда имеет один или несколько объектов, на которые в основном и направлено оценочное мнение заинтересованных групп. Таковыми объектами могут выступать: руководство компании; команда (сотрудники) компании; продукция или услуги компании; достижения компании; финансовые показатели компании [6, с. 7].

Например, в учреждении среднего профессионального образования процесс конструирования и поддержания зависит от множества факторов, таких как наличие и качество производственной деятельности, в том числе и ее масштаб, показатель трудоустройства выпускников и обучение по профессиям ТОП-50.

К технологическим средствам управления репутацией К.Н. Тендит относит следующие средства:

- создание информационной основы репутации;
- создание привлекательного имиджа организации и ее руководителей;
- формирование корпоративной этики и культуры, разработка миссии организации;
- продвижение первых лиц организации;
- построение внешних и внутренних каналов коммуникации;
- вхождение в информационное пространство, продвижение в СМИ;
- повышение известности и узнаваемости организации и ее продвижение в государственных и властных структурах, деловых, общественных и профессиональных сообществах;
- антикризисный менеджмент. [6]

Выделенные средства управления репутацией К.Н. Тендит во многом совпадают с процессами управления репутации, представленные Ф.М. Малаховым. Представляется, что данные методы и технологии могут быть в основе формирования репутации организации сферы образования.

В связи с тем, что учреждения СПО и ВО действуют в условиях конкуренции, каждая образовательная организация среднего профессионального образования, конкурирует как с другими учреждениями СПО, так, нередко, и с учреждениями основного общего и высшего образования, а это предполагает выстраивание собственной политики формирования репутации.

Скрипкина А.В. выделяет следующие важнейшие элементы стратегии формирования репутационного капитала образовательной организации:

1. Анализ внешней среды.
2. Выделение целевой группы, к которой будет обращен имидж учреждения.
3. Анализ внутренних ресурсов.
4. Определение задач и их классификация (содержательные, организационно-результативные).
5. Мотивация участников проекта.
6. Выявление соотношения между компонентами имиджа (научный, образовательный, художественно-творческий, общественный, имидж на рынке труда и т.д.)
7. Определение принципов формирования имиджа.
8. Разработка технологии формирования каждой составляющей имиджа.
9. Анализ соответствия полученного имиджа достигнутому результату [5, с. 36].

Безусловно, выделенные элементы важны, однако существует необходимость разработки более детальной технологии формирования репутации образовательной организации.

По мнению А.П. Панкрухина традиционно главным фактором репутации образовательного учреждения считается качество образования [3].

С данным убеждением нельзя не согласиться, ведь качество образования и дальнейшее трудоустройство выпускников, действительно является основополагающим фактором репутации образовательного учреждения и требует определенной технологии успешного достижения данных показателей, которые в свою очередь зависят от преподавательского состава, материально-технической базы учреждения, наличие социальных партнеров и т.д.

Щербакова Т.Н. выделяет постоянные и переменные слагаемые позитивного имиджа образовательного учреждения:

- четкое определение педагогическим коллективом миссии и концепции образовательного учреждения;
- оптимистичный настрой и доброжелательный микроклимат в учительском и детском коллективах;
- педагогическая, социальная и управленческая компетентность сотрудников;
- сформированный образ руководителя-профессионала, лидера, личности яркой, увлеченной, обладающей неформальным авторитетом, способной вдохновить коллектив на достижение высокой цели;
- эффективная организационная культура образовательной организации, включающая разделяемые всеми нормы, ценности, определенную философию управления, весь спектр взглядов, отношений, определяющих специфику поведения коллектива в целом;
- качество образовательных услуг;
- наличие и функционирование детских общественных организаций;
- связи образовательного учреждения с различными социальными институтами, высшими учебными заведениями и т.д.;
- уклад образовательного учреждения в развитие образовательной подготовки учащихся, их воспитанности, психических функций, творческих способностей, формирование здорового образа жизни;
- забота администрации об оказании своевременной актуальной психологической помощи отдельным участникам образовательного процесса (тем или иным ученикам, молодым специалистам, испытывающим затруднения родителям и пр.);
- наличие яркой внешней символики;
- содержание миссии и приоритеты образовательной организации;
- виды образовательных услуг;
- материальную базу учреждения [10, с. 6].

Выделенные Данковой Е.В. аспекты могут быть основой для построения технологии формирования репутации образовательного учреждения.

Хасанова Г.П. относит к основным методам в формировании положительного имиджа образовательного учреждения: эффективные PR – мероприятия (дни открытых дверей, презентации и выставки образовательных услуг, публикации в СМИ и т.д.), благоустройство здания, повышение педагогической культуры коллектива и всего персонала. Технология формирования положительного имиджа должна включать организацию продвижения информации (формы, каналы, периодичность, дозировку), систему обратной связи (диагностика про-

межуточных результатов, корректировка, прогностическая оценка) [9, с. 17].

Представленные методы формирования имиджа образовательной организации являются одной из важнейших, на наш взгляд, основ репутации образовательной организации.

Необходимо отметить, что формирование репутации образовательной организации среднего профессионального образования и высшего образования имеют явную схожесть, во-первых, потребителем услуг данных организаций являются выпускники общеобразовательных школ, в большинстве случаев. Во-вторых, спектр предложений, меры социальной поддержки студентов, профессии и специальности могут быть аналогичными. В-третьих, преподавательский состав, уровень трудоустройства выпускников может ничуть не уступать организации СПО.

Следовательно, при исследовании и выборе методов, технологий формирования репутации организации среднего профессионального образования необходимо учитывать особенности учреждений высшего образования и их технологий формирования собственной репутации.

Резник С.Д. в своем исследовании определил факторы, под влиянием которых формируется и повышается репутационная ответственность вуза:

- Система менеджмента, качества, реализуемая в вузе;
- Комплексная система непрерывной практической подготовки и трудоустройства студентов;
- Показатели трудоустройства выпускников;
- Система формирования конкурентоспособности студента;
- Качество управленческих решений, принимаемых руководством вуза;
- Кадровая политика вуза, оплата труда, социальные гарантии;
- Личное осознание каждым преподавателем вуза его индивидуальной ответственности за результаты своей деятельности;
- Уровень и достоверность научных результатов и достижений ППС (ученых) вуза;
- Нацеленность на интересы целевых аудиторий вуза;
- Внеучебная работа со студентами;
- Стратегия развития вуза;
- Конкурентная стратегия вуза;
- Исполнение обязательств по уплате налогов и др. обязательных платежей [4, с. 135]

Необходимо отметить, что факторы, которые выделил Резник С.Д. для вузов, также могут распространяться и на учреждения среднего профессионального образования.

Репутация образовательной организации напрямую влияет на ее конкурентоспособность. Целью формирования репутации образовательной организации является повышение конкурентоспособности на рынке образовательных услуг.

Конкурентоспособность образовательного учреждения имеет два основных преимущества: внешнее и внутреннее. Внешние преимущества неподвластны влиянию учреждения образования, чего не скажешь о внутренних факторах, которые находятся под контролем руководства организации. Все достижения внутренних конкурентных преимуществ организации осуществляет персонал, при этом особая роль отводится руководителю [1, с. 46]

К внешним факторам конкурентоспособности относятся: социально-демографические; научно-технические; экономические; факторы внешней среды; средства мар-

кетинговой информации; уровень развития инфраструктуры рынка; культурная среда; отраслевая структура, стратегия конкурентов; состояние конъюнктуры рынков; спрос на рынке труда; политико-правовые факторы; общественные организации и другие [2, с. 25].

К внутренним факторам конкурентоспособности относят: личность ректора и состава ректората; состав специальностей, специализаций и форм обучения; масштаб филиальной сети; система управления финансами; профессорско-преподавательский состав; ценовая политика; наличие и полнота использования информационных ресурсов; материально-техническая база; коммуникационная политика; организационная структура управления; корпоративная культура образовательного учреждения [2, с. 25].

Исходя из вышеизложенного, необходимо сделать вывод, что при управлении репутацией образовательной организации – среднего профессионального образования необходимо уделять внимание имиджевой составляющей и управлять ею. Технологии и методы управления деловой репутацией образовательной организации могут отличаться, но общая их цель и структура остается неизменной, а именно создание положительной деловой репутации организации и основные аспекты образования, такие как улучшение материально-технической базы учреждения, повышение квалификации научно-педагогического коллектива, развитие инфраструктуры и т.д. Формирование репутации образовательной организации среднего профессионального образования всегда направлено на создание положительного имиджа, повышения конкурентоспособности и совершенствование образовательной организации.

Создание репутации образовательной организации СПО требует определенной последовательности, а именно на первоначальном этапе, проведение объективной оценки деловой репутации заданными методами. При исследовании деловой репутации организации могут быть уже сформированы определенные позиции, по которым, например, оценивают уровень репутации основные потребители. К основным потребителям образовательных услуг можно отнести родителей (законных представителей), обучающихся, работодателей, социальных партнеров.

В ходе общения с заинтересованными сторонами могут быть озвучены важные моменты, по которым учреждение проходит оценку качества образовательных услуг, о которых, возможно, руководитель учреждения и коллектив даже не задумывается и не обращает внимания. В зависимости от данных, которые получены в ходе исследования деловой репутации организации необходимо выбирать методы и технологии формирования деловой репутации.

К таким факторам можно отнести наличие не только бесплатного питания в образовательной организации, но и платного, а также продажа буфетной продукции. Наличие в учреждении или рядом с ним копировального отдела, количество проживающих студентов в одной комнате в общежитии учреждения. Данные факторы определяются в зависимости от социального статуса абитуриентов и их законных представителей, которые в свою очередь оказывают влияние на репутацию учреждения среднего профессионального образования.

В теории организации выделяют факторы внешней среды организации и факторы внутренней среды организации. На внешние факторы образовательное учреждение повлиять не может, на внутренние напротив оказывает большое влияние.

В учреждении среднего профессионального образования к факторам внешней среды можно отне-

сти социально-демографическое положение в районе, области, страны. Конечно, на само социально-демографическое положение учреждение повлиять не может, но имеет возможность привлекать абитуриентов с других районов региона, а также с других регионов страны. Для выполнения поставленной задачи необходимо выбрать правильную технологию привлечения абитуриентов.

Например, на географическое расположение образовательного учреждения также сложно повлиять, например, отдаленность от центра города, логистика до учреждения, либо отдаленный район региона, но это не значит, что нельзя найти другие преимущества для привлечения абитуриента. Например, предоставления бесплатного общежития для проживания иногородних студентов или оплата проезда.

Научно-технические факторы в современном мире меняются ежедневно и зачастую образовательные учреждения не успевают следить за обновлением, тем более обновлять свою материально-техническую базу, а также введение новых востребованных профессий на рынке труда, которые также каждый день входят или покидают ТОП-50. Но это не значит, что у образовательного учреждения не может быть соглашений с социальными партнерами и образовательное учреждение не может гарантировать трудоустройство. Напротив, организация может выступать гарантом в плане трудоустройства и взаимодействия с партнерами.

Каждое образовательное учреждение сейчас ведет свою PR-компанию, данный метод относится к внутреннему фактору. Но существуют и внешние факторы, которые не зависят от учреждения – это средства массовой информации, которые могут напечатать статью, и ее содержание будет отрицательно влиять на репутацию учреждения. Данный фактор нельзя исключить, а также повлиять на него, но важно выработать дальнейшую стратегию по работе с данным фактором, как отреагирует руководитель организации, какие примет меры.

Таким образом, можно сделать вывод, что на факторы внешней среды руководитель образовательного учреждения напрямую повлиять не может. Тем не менее, существует возможность найти способы альтернативных способов удовлетворения потребителей, их привлечения и тем самым повышения репутации образовательной организации. Как было, отмечено выше, все факторы внутренней среды подвластны изменениям, следовательно, образовательное учреждение, выбрав правильные методы и технологии, может оказать на них влияние.

Внутренние факторы были определены наиболее точно исследователем И.С. Тюленевым. В образовательной организации важна система менеджмента. Здесь огромную роль играет руководитель организации, который выстраивает взаимоотношения с сотрудниками, обучающимися и партнерами. Для формирования положительной репутации организации важно, чтобы система менеджмента была построена на следующих принципах: единство действий коллектива, единоначалие, разделение труда, централизация, вознаграждение и поощрение, инициатива, корпоративный дух и т.д. Для реализации данных принципов применимы организационно-административные методы, экономические и социально-психологические. Технологии здесь могут быть разнообразными, например, разработка локальных актов, создание традиций учреждения, объявление конкурсов и многое другое [8].

Надо полагать, что немаловажную роль значит репутация руководителя образовательной организации, а также коллектива. Сюда мы относим уровень образования, наличие званий, курсов повышения квалифика-

ции и даже внешний вид коллектива. Кадровая политика образовательного учреждения однозначно относится к одному из действенных методов формирования положительной деловой репутации организации. Также одним из внешних факторов является облик образовательного учреждения. Первое впечатление играет важную роль не только коллектив, но и сама атмосфера уюта, чистоты, аккуратности и современности в здании учреждения. Иными словами, материально-техническая база, которая сразу создает положительное или отрицательное впечатление. Технологией здесь может являться лишь совершенствование и поддержка данного фактора.

Можно заключить, что трудоустройство выпускников в среднем профессиональном образовании – это основной показатель учреждения, как мы говорили уже ранее. Само по себе трудоустройство выпускников является методом формирования репутации учреждения, к технологии достижения высоких показателей трудоустройства можно отнести наличие социальных партнеров, их позиция на рынке труда, возможность прохождения практики студентами на производстве, стажировка, наличие целевых договоров и конкурентоспособность выпускника на рынке труда.

На наш взгляд, важно не только дать профессиональные навыки выпускникам, но и надпрофессиональные навыки, как сейчас популярно говорить «Soft Skills». Данные навыки формируются в процессе воспитательной работы и их видно гораздо быстрее, чем профессиональные. Как пример, выпускник может быть отличным профессионалом, но будет опаздывать, не будет соблюдать корпоративную культуру организации, а также не станет соблюдать общепринятые нормы и правила. В данном случае при трудоустройстве работодатель может и не дойти до профессиональных качеств и у него сложится отрицательное мнение о выпускнике и о репутации учреждения в целом. Поэтому процесс воспитания студентов можно отнести к одному из методов формирования репутации образовательного учреждения, а технологии и подходы здесь могут быть разнообразными.

Исходя из вышеизложенного необходимо сделать вывод, что при управлении образовательной организацией необходимо уделять внимание имиджевой составляющей и управлять ею. Технологии и методы управления деловой репутацией образовательной организации могут отличаться, но общая их цель и структура остается неизменной, а именно создание положительной деловой репутации организации и основные аспекты образования, такие как улучшение материально-технической базы учреждения, повышение квалификации научно-педагогического коллектива, развитие инфраструктуры и т.д. Следовательно, существуют различные методы и технологии формирования репутации организации сферы образования, которые имеют незначительные отличия и строятся индивидуально для каждого образовательного учреждения в зависимости от проведенного анализа репутации и выявленных проблем учреждения. Нельзя создать универсальную технологию формирования репутации образовательного учреждения, в любом случае необходим индивидуальный подход, как для исследования, так и для формирования репутации организации. Таким образом, следует отметить, что формирование деловой репутации образовательной организации – это комплексная задача, которая должна стать долгосрочной стратегией учреждения с четко выстроенной структурой, технологией, методами и ответственными лицами.

После проведенных исследований репутации образовательной организации следует определить методы и технологии формирования репутации. Стратегию

формирования репутации следует выбирать из поставленной цели, к ней можно отнести создание репутации вновь созданного учреждения, формирования и корректировка уже сложившейся репутации или применение антикризисных действий в отношении репутации образовательной организации. Существует большое количество различных технологий формирования репутации любой образовательной организации, но, тем не менее, ни один из них не является универсальным. Следует выделить преобладающие методы и технологии формирования репутации образовательной организации в Российской Федерации.

Наиболее важным методом является создание положительного образа образовательной организации в средствах массовой информации. Следующий не менее важный метод – это благоустройство территории, внешний вид организации, иными словами среда, в которой предстоит находиться обучающемуся на протяжении всех лет обучения.

Литература

1. Елисеева И.И. Общая теория статистики: [Учеб. для вузов по направлению и спец. «Статистика»] / И.И. Елисеева, М.М. Юзбашев; Под ред. И.И. Елисеевой. – М.: Финансы и статистика, 1995. – 366 с.
2. Олейник И. В. «Плюс/минус» репутация: Российский опыт репутационного менеджмента / И.В. Олейник А.Б. Лапшов; Олейник И.В., Лапшов А.Б. – Москва, 2003. – С. 154.
3. Панкрухин А.П. Маркетинг: учеб. для студентов, обучающихся по специальности 061500 «Маркетинг»/ А.П. Панкрухин; Гильдия маркетологов. – 4-е изд., стер. – М.: Омега. Л, 2006. – 656 с.
4. Резник С.Д., Юдина Т.А. Репутационная ответственность вуза: проблемы, опыт, перспективы // Высшее образование в России. 2017. № 208 (1). С. 56–61.
5. Скрипкина Алина Вячеславовна Известность и репутация образовательного учреждения в формировании положительного имиджа вуза // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 3. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izvestnosti-reputatsiya-obrazovatel'nogo-uchrezhdeniya-v-formirovanii-polozhitel'nogo-imidzha-vuza>.
6. Тендит К.Н. Основы репутационного менеджмента: учеб. пособие / К.Н. Тендит. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2013. – С. 85.
7. Малахов, Ф.В. Управление процессом формирования и развития репутации современной российской организации: специальность 22.00.08 «Социология управления»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Малахов Филипп Владимирович. – Москва, 2009. – 26 с.
8. Тюленев И.С. Основные подходы к теоретическому анализу репутации организации: возможности социально-философского осмысления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2010. № 2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-teoreticheskomu-analizu-reputatsii-organizatsii-vozmozhnosti-sotsialno-filosofskogo-osmysleniya>.
9. Хасанова, А.И. Формирование и развитие имиджа в организации / А.И. Хасанова // Научная дискуссия современной молодежи: актуальные вопросы, достижения и инновации, сборник статей VIII международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 170–172.

10. Щербаква Т. Н. К вопросу о формировании имиджа образовательного учреждения / Т.Н. Щербаква. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2012. – № 3 (38). – С. 430–434. – [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/archive/38/4329/>

METHODS AND TECHNOLOGIES FOR BUILDING THE REPUTATION OF AN EDUCATIONAL OUTREACH ORGANIZATION

Sarbaa L.N., Konkov A.T.

Municipal Autonomous General Educational Institution Secondary School No. 26 of Yuzhno-Sakhalinsk; Sakhalin State University

Currently, not all educational organizations are working productively to build their own reputation. To a greater extent, they pay attention to the reputational capital of commercial educational organizations. In budgetary educational institutions, reputational capital is most often formed spontaneously and independently. And only a few institutions were formed corporately, using various methods and technologies.

The article discusses the methods and technologies for the formation of the reputational capital of an educational organization of a secondary vocational educational institution. In the course of the study, it was revealed that the formation of reputational capital is a whole complex of methods and technologies, targeted activities, taking into account the individual characteristics of an educational institution. Based on the reputation formation strategy (creation, consolidation or support), an individual trajectory for the formation of reputational capital is built.

Keywords: reputation, reputation capital, reputation marketing, reputation management, image.

References

1. Eliseeva I.I. General theory of statistics: [Textbook. for universities in the direction and special. "Statistics"] / I.I. Eliseeva, M.M. Yuzbashev; Ed. I.I. Eliseeva. – M.: Finance and statistics, 1995. – 366 p.

2. Oleinik I. V. "Plus/minus" reputation: Russian experience of reputation management / I.V. Oleinik A.B. Lapshov; Oleinik I.V., Lapshov A.B. – Moscow, 2003. – P. 154.
3. Pankrukhin A.P. Marketing: textbook. for students studying in the specialty 061500 "Marketing" / A.P. Pankrukhin; Marketing Guild. – 4th ed., revised. – M.: Omega. L., 2006. – 656 p.
4. Reznik S.D., Yudina T.A. Reputational responsibility of the university: problems, experience, prospects // Higher education in Russia. 2017. No. 208 (1). pp. 56–61.
5. Skripkina Alina Vyacheslavovna Fame and reputation of an educational institution in the formation of a positive image of the university // Cultural life of the South of Russia. 2009. № 3. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izvestnost-i-reputatsiya-obrazovatel'nogo-uchrezhdeniya-v-formirovanii-polozhitelnogo-imidzha-vuza>.
6. Tendit K.N. Fundamentals of reputation management: textbook. allowance / K.N. Tendit. – Komsomolsk-on-Amur: FGBOU VPO "KnAGTU", 2013
7. Malakhov, F.V. Managing the process of formation and development of the reputation of a modern Russian organization: specialty 22.00.08 "Sociology of management": dissertation abstract for the degree of candidate of sociological sciences / Malakhov Philip Vladimirovich. – Moscow, 2009. – 26 p.
8. Tyulenev I.S. Basic approaches to the theoretical analysis of the reputation of an organization: the possibility of socio-philosophical understanding // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2010. № 2. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-teoreticheskomu-analizu-reputatsii-organizatsii-vozmozhnosti-sotsialno-filosofskogo-osmysleniya>.
9. Khasanova, A.I. Formation and development of the image in the organization / A.I. Khasanova // Scientific discussion of modern youth: topical issues, achievements and innovations, collection of articles of the VIII international scientific and practical conference. – 2019. – S. 170–172.
10. Shcherbakova T.N. On the formation of the image of an educational institution / T.N. Shcherbakova. – Text: direct // Young scientist. – 2012. – No. 3 (38). – S. 430–434. – [Electronic resource] URL: <https://moluch.ru/archive/38/4329/>

Дифференциация уровня жизни городского и сельского населения Китая: аспекты социальной стратификации

Чжан Хаопэн,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: st072557@student.spbu.ru

Трансформация социальной структуры Китая, дуалистическая система «город-село», дифференциация экономической и социальной структуры «город-село» и связанная с этим дифференциация социальных классов и групп интересов являются основными причинами больших изменений в социальной структуре Китая. Суть отношений между городом и деревней – социальная стратификация, а суть отношений между городом и деревней в Китае – двойная структура «город-село». В Китае в настоящее время существует тесная связь между дуальной структурой «город-село» и социальной стратификацией, которая определяется особой социальной структурой Китая. Эти отношения отражаются не только на политическом уровне, но и в экономическом, культурном и образовательном аспектах. После реформ и открытости эволюция и развитие социальной структуры Китая в разное время характеризовались различными чертами и тенденциями. С точки зрения эволюции социальной структуры Китая, города являются самой ранней частью социальной структуры Китая. Становление, развитие и расширение городов сопровождалось воздействием на сельскую местность, а последняя была продолжением первой.

Ключевые слова: Отношения между городом и деревней, Социальная стратификация, Система двойной структуры город-село.

«Социальная стратификация» описывает иерархическое упорядочивание социальных отношений и является общим термином для описания этих систематических структур неравенства» [1, с. 13–14]. Под социальной стратификацией понимается выражение различий в экономическом статусе и уровне образования между людьми разных профессий, классов, статусов и положений в определенных социальных условиях. В современном Китае социальная стратификация состоит из трех основных аспектов: различия в доходах между классами, профессиями и стратами (также известные как разрыв в доходах); различия в статусе; и различия между социальными статусами. В отличие от этого, отношения между городом и деревней в Китае можно рассматривать как проявление социальной стратификации, или того, что мы называем отношениями между городом и деревней. В последние годы одним из наиболее важных и сложных вопросов является связь между отношениями между городом и деревней и влияние сельских жителей на городских жителей в Китае.

Социальная структура Китая состоит из дуалистической системы городских и сельских районов (Китайский «дуализм города и деревни» относится не только к двойной экономической структуре городских и сельских районов, но и к двойной социальной структуре городских и сельских районов, что также отражает двойственность отношений между городом и деревней, когда сельские районы находятся в подчинении у городов. Ядром этой системы является система регистрации домохозяйств между городом и деревней, в рамках которой государство четко разделяет жилые районы на два различных типа: сельскохозяйственные и несельскохозяйственные, и на основе которой строятся десятки сопутствующих институциональных механизмов, таких как система снабжения продовольствием и маслом, система труда и система социального обеспечения. Такие институциональные механизмы искусственно разделяют городские и сельские районы, наделяя несельскохозяйственные хукоу различными привилегиями и льготами и создавая дихотомическую экономическую и социальную структуру неравенства между городом и деревней. Поэтому дихотомия между городской и сельской структурами в Китае – это не только разница в естественной пространственной структуре, но и разница в промышленной и экономической структуре, а также разница в институциональном устройстве, находящемся под доминированием государственной политики. [2, с. 45–53]). В период плановой экономики дуальная система «город-село» еще не была разрушена. В этот период и крестьяне, и городские рабочие имели собственные социальные ресурсы, что привело к конкуренции между сельскими и городскими рабочими классами в плане интересов в производстве и предпринимательской деятельности. С реформой и открытием и развитием рыночной экономики «дуалистическая» система изменилась. Начали проявляться различия и противоречия между городской и сельской местностью: некоторые фермеры стали оставлять свой источник дохода на земле и уходить на заработки, заниматься бизнесом и открывать компании, а некоторые городские рабочие стали пополнять ряды трудовых мигрантов. По мере продвижения реформы

и открытости и вхождения Китая в рыночную экономику, в прежней дуалистической системе произошло социальное разделение между сельской и городской местностью: часть крестьян превратилась в городских жителей в качестве «горожан», работая или занимаясь бизнесом; в то время как другая группа новых крестьян пошла работать на некоторые государственные предприятия в городах. Изменение структуры сельской экономики привело к социальной дифференциации: одни крестьяне максимизировали прибыль от земли, другие перемещали излишки своего труда в города. Этот процесс привел к различиям между городом и деревней и дуалистической экономической структуре: увеличивающийся разрыв в доходах между городом и деревней, отказ от сельскохозяйственного труда в городах и исключение сельского населения городами привели к ряду противоречий и конфликтов в развитии социальной структуры города и деревни; эти противоречия и конфликты, в свою очередь, повлияли на социальную жизнь и общественное благосостояние городских и сельских жителей: с одной стороны, поскольку рабочие-мигранты не могут интегрироваться в городскую жизнь, с другой стороны, они не могут интегрироваться в городскую жизнь. С другой стороны, разрыв между трудовыми мигрантами и гражданами и неравенство доходов между ними затрудняют их адаптацию к гражданскому обществу.

После реформы и открытости социальная структура городских и сельских районов Китая претерпела огромные изменения, и социальная стратификация также претерпела глубокие изменения. Во-первых, с точки зрения структуры отношений между городом и деревней, Китай перешел от традиционной дуалистической системы к социалистической системе рыночной экономики; во-вторых, различные ресурсы в городах перетекают и группируются в сельской местности; в-третьих, начинает проявляться плюралистический характер отношений социальных интересов. В сельском обществе, хотя уровень доходов фермеров растет, проблема увеличения неравенства доходов и разделения на богатых и бедных все еще очень заметна. Наиболее важным вопросом в сельской социальной структуре является демографическая структура и социальная стратификация между городом и деревней. По мере продолжения процесса индустриализации Китая и различных социальных нагрузок, вызванных структурными изменениями в экономике, доля сельского населения постепенно сокращается. Это также означает, что уровень доходов крестьян постепенно повысился, но все еще недостаточен для сокращения разрыва между городом и селом; в то время как городские жители стали абсолютно доминировать по численности, но не изменили коренным образом двойственную структуру «город-село»; большая избыточная рабочая сила городского населения и часть несельскохозяйственного населения стали наиболее активными, высокооплачиваемыми и наиболее стабильными работниками на рынке труда. Кроме того, в некоторых сельских районах имеется значительное количество неформально занятых людей (в основном фермеров), а также безработных и безработных. Китай вступил в новый период экономического развития. Замедление экономического роста привело к усилению давления на занятость, в то время как доля сельского населения продолжает сокращаться, что затрудняет повышение дохода на душу населения крестьян: увеличивающийся разрыв в доходах в сельской местности сделал условия жизни рабочих-мигрантов более трудными и нестабильными; в то же время, с постепенным ускорением процесса урбанизации, большое количество рабочих-мигрантов приехало в города на заработки или стало плавающим населением, что еще боль-

ше увеличило количество неформальных рабочих мест. По мере увеличения разрыва в доходах между китайскими фермерами и городскими жителями, обострения конфликтов интересов и усиления противоречий между различными классами внутри сельской местности проблема «неравенства между богатыми и бедными» становится все более заметной. Наряду с ускоренным ростом китайской экономики и диверсификацией социальной жизни, трансформацией социальной структуры и усилением разрыва между городом и деревней, конфликты интересов, возникшие в ходе быстрого экономического развития Китая, также становятся все более заметными. В частности, по мере ускорения темпов экономического развития городов и сельских районов и социальных структурных преобразований, а также по мере увеличения разрыва в доходах между городом и селом, разделения на богатых и бедных и ряда других проблем, в обширных сельских районах возникли новые ситуации и проблемы. Например, в городах растет число безработных; значительно увеличилось число и масштабы городской бедноты; в сельской местности происходят различного рода массовые происшествия, оказывающие негативное влияние; различные интересы в сельской местности становятся все более диверсифицированными, различные группы взаимопроникают и влияют друг на друга. В городах разделение между богатыми и бедными и вытекающие из этого конфликты интересов стали еще более выраженными, а разделение и антагонизм между городскими и сельскими социальными классами значительно усилились.

В предыдущих исследованиях стратификации крестьянства [3, с. 63–76] наиболее значительным изменением в стратификации крестьянства за последнее десятилетие или около того стало заметное увеличение числа и доли работников, Частично занятые (Частично занятые фактически состоят из трех групп: те, кто ранее были чистыми фермерами, которые не могли зарабатывать на фермерстве достаточно для поддержания своего существования и поэтому перешли на частичную занятость; те, кто уехал на заработки, а затем вернулся в родной город, чтобы заниматься частичной занятостью; и, конечно, те, кто занимался частичной занятостью) [6, с. 63–88, 243–244] и наступление эры неполной занятости. Существует, по крайней мере, несколько причин заметного увеличения числа работников с неполной занятостью: во-первых, по мере того, как трудовые мигранты становятся старше, все большее их число возвращается в сельскую местность, чтобы работать, занимаясь сельским хозяйством. Во-вторых, после финансового кризиса 2008 года, и особенно в последние годы, когда национальная экономика замедлилась, найти работу в развитых прибрежных районах не так легко, как раньше. В-третьих, Китай вступил в стадию базовой урбанизации, и вместо того, чтобы все больше сельских жителей приезжали в города, существует возможность обратной мобильности [4]. В-четвертых, после достижения базовой урбанизации возникает феномен развития сельской местности под руководством города, например, развитие сельского туризма, что дает возможность возвращаться в сельскую местность для трудоустройства. В-пятых, доход от чистого фермерства несопоставим с доходом от работы на неполный рабочий день, поэтому работа на неполный рабочий день является более разумным и рациональным выбором, а развитие сельского туризма и перемещение обрабатывающей промышленности в центральную и западную части страны, а также в малые города предоставляют возможности для работы на неполный рабочий день в окрестностях. Расслоение крестьянства носит пирамидальный характер,

с наибольшим числом чистых фермеров и безработных с наименьшими доходами и другими ресурсами, и наименьшим числом и пропорциями владельцев сельских предприятий и сельских кадров, наиболее высоко зарабатывающих и обладающих наибольшими политическими ресурсами, с сельскими самозанятыми, частичными и неполными рабочими в середине. В целом, крестьяне как социальная идентичность находятся в нижней середине или внизу социальной иерархии в Китае в целом, и их общий статус низок, а их внутренняя стратификационная структура также демонстрирует схему или модель небольшого высшего класса и большого низшего класса [5, с. 68–72].

В такой классовой структуре все еще существует относительно частое перемещение между классами, причем восходящая мобильность обычно происходит от чистых фермеров к наемным работникам или сельским самозанятым, а из наемных работников или сельских самозанятых появляются некоторые сельские предприниматели. Сельские кадры, с другой стороны, в основном формируются из наемных работников или сельских самозанятых, и не большая часть из сельских владельцев бизнеса, но они начинают принимать эту динамику. В отличие от этого, существует четкая нисходящая мобильность между крестьянскими слоями, т.е. от сельских самозанятых или наемных работников к подрабатывающим, чистым фермерам и даже безработным.

Изменение социальной структуры городских и сельских районов является результатом быстрого развития Китая, которое, хотя и дало толчок быстрому развитию, также породило ряд проблем. С одной стороны, снижение темпов экономического роста напрямую привело к изменениям в социальном расслоении между городом и селом; с другой стороны, в процессе изменения социального расслоения между городом и селом некоторые социальные группы демонстрируют все более серьезные проблемы с точки зрения их положения и конфликтующих интересов. После реформы и открытости, наряду с ускорением темпов реформы и открытости и построением рыночной экономики, китайское общество претерпело огромные и глубокие изменения. В процессе экономического развития постоянно происходило разделение социально-классовой структуры и формирование групп интересов. Под влиянием этих групп интересов в экономике и обществе сформировалась «дуалистическая структура» между различными группами, между различными профессиональными группами и между различными классами внутри одной группы интересов. В частности, в сельских районах Китая, с формированием дихотомии «город-село» и дихотомической структуры экономических интересов, в сельской местности дифференцировались новая экономическая группа, представленная рабочими-мигрантами, переезжающими в города, и группа субъектов сельскохозяйственного развития, представленная субъектами управления земельными контрактами. С точки зрения крестьянского класса, с одной стороны, разрыв в доходах между крестьянами увеличивается; с другой стороны, темпы передачи земли в сельской местности ускоряются; в сочетании с реформой и улучшением системы занятости в городах и сельской местности, прожиточного минимума и других соответствующих систем, разрыв в доходах между городскими и сельскими жителями еще больше увеличился. С точки зрения социальной стратификации, сельская социальная стратификация четко разделена. В условиях нынешней китайской рыночной экономики возникли две группы и три проблемы: первая группа – это группы интересов; другая – особая группа людей, представленная рабочими-мигрантами; первая проблема – это феномен

«ухода крестьян с земли и из деревни» на фоне неравенства доходов среди крестьян; во-вторых, процесс передачи земли повлиял на занятость рабочих-мигрантов, что привело к большому разрыву в доходах. Третье – появление большого количества «полурабочих и полукommerческих» групп трудовых мигрантов. Разрыв между сельской и городской местностью увеличился в результате роста неравенства в отношениях между городом и деревней по разным причинам и стал одной из самых важных проблем фермеров. С точки зрения стратификации, социальное расслоение в Китае на данном этапе в основном отражается в следующих аспектах: во-первых, конфликт интересов между различными сельскими экономическими классами становится все более заметным. Во-вторых, обострился конфликт между интересами различных сельских экономических групп. Наконец, с развитием урбанизации в сельском обществе появилась особая категория людей, представленная индивидуальными фермерами.

Стратификация крестьян заметно отличается от стратификации городского общества: границы между городскими социальными классами более очевидны, четки и фиксированы, в то время как границы между крестьянскими социальными классами не столь непреодолимы; в то же время, немногие крестьяне способны войти в городские социальные классы и стремятся двигаться внутри своих собственных социальных классов, с очевидными фиксированными границами с городским обществом. Это показывает, что двойная структура «город-село» все еще проявляется в социальной стратификации Китая, которая тесно связана с отчуждением городского общества. В последнее десятилетие городское общество развивалось быстрее сельского, а крестьяне не получили от этого ни больших выгод, ни стабильности; увеличилась вероятность того, что те, кто уехал на заработки, вернутся в родной город, чтобы заниматься фермерством или подрабатывать; сельским самозанятым не так легко зарабатывать деньги, как раньше; сельские предприниматели среди крестьян не так богаты, как сельские предприниматели в городах. Все это отражается в том, что их социально-экономический статус не высоко ценится всеми слоями крестьянства и также демонстрирует снижение. В целом, как фермеры, они особенно ограничены в общей китайской социально-экономической структуре. Помимо их собственного человеческого капитала, присущие им институциональные и структурные факторы являются сдерживающими факторами и препятствиями для их восходящей мобильности. Ключ к улучшению социального классового положения крестьянства по-прежнему лежит в устранении взаимосвязи между городом и деревней и предоставлении крестьянам большего количества ресурсов и возможностей; в противном случае крестьянам будет трудно войти в средний класс через восходящую мобильность.

Литература

1. Кромптон, Розмари. Класс и стратификация, перевод Чэнь Гуанцзинь / Издательство Фуданьского университета—Шанхай:, 2011. (на кит. яз.).
2. Лю Баожун, Цю Е. Историческая эволюция и реальные проблемы структуры городских и сельских районов Китая за 70 лет после основания Нового Китая[J] / Журнал «Чанбай», (№ 5) 2019 (на кит. яз.).
3. Ван Чунгуан, Связь между социальной идентичностью нового поколения сельских мигрантов и интеграцией между городом и деревней / Социологические исследования, № 3, 2001 (на кит. яз.).

4. Ли Пейлин. Грядет ли великий прилив обратной урбанизации / Народная трибуна, № 3, 2017 (на кит. яз.).
5. Гун Вэйбинь. Дифференциация крестьянских групп в Китае и ее направление / Журнал Национальной школы управления, № 5, 2003 (на кит. яз.).
6. Ван Чуньгуан, Чжао Юйфун, Ван Юйци. Новые тенденции в социальной стратификации современных китайских фермеров[J] / Социологические исследования, 2018 (на кит. яз.).
7. Ли Цюаньшэн. Изменения в стратификационной структуре сельского общества после основания Нового Китая / Журнал партийной политики и сельских кадров, № 6, 2010 (на кит. яз.).
8. Лу Фуин, Лю Чэнбин. Деаграризация и социальная стратификация в сельской местности / Китайская экономическая пресса—Пекин. 2005 (на кит. яз.).

DIFFERENTIATING LIVING STANDARDS BETWEEN URBAN AND RURAL CHINA: ASPECTS OF SOCIAL STRATIFICATION

Zhang Haopeng

St. Petersburg State University

The transformation of China's social structure, the urban-rural dualistic system, the differentiation of urban-rural economic and social structure and the related differentiation of social classes and interest groups are the main reasons for the great changes in China's social structure. The essence of urban-rural relations is social stratification, and the essence of urban-rural relations in China is the dual urban-rural structure. In China at present, there is a close relationship between the dual urban-rural structure and social stratification, which is determined by China's specific social structure. This relationship

is reflected not only at the political level, but also economically, culturally and educationally. Since the reform and opening up, the evolution and development of China's social structure has been characterized by different features and trends at different times. In terms of China's social structure evolution, cities are the earliest part of China's social structure. The formation, development and expansion of cities were accompanied by the impact on the countryside and the latter was a continuation of the former.

Keywords: Urban-rural relations, Social stratification, Urban-rural dualism.

References

1. Crompton, Rosemary. Class and Stratification, translated by Chen Guangjin / Fudan University Press – Shanghai, 2011. (in Chinese).
2. Liu Baozhong, Qiu E. Historical evolution and real problems of China's urban and rural structure in 70 years after the founding of New China[J] / Changbai Journal, (No. 5) 2019 (in Chinese).
3. Wang Chunguang, The relationship between the social identity of a new generation of rural migrants and urban-rural integration / Sociological Research, No. 3, 2001 (in Chinese).
4. Lee Palin. Is the great tide of reverse urbanisation coming / People's Tribune, No. 3, 2017 (in Chinese).
5. Gong Weibin. Peasant group differentiation in China and its direction / Journal of the National School of Administration, No. 5, 2003 (in Chinese).
6. Wang Chunguang, Zhao Yufong, Wang Yuqi. New trends in social stratification of modern Chinese farmers[J] / Sociological Research, 2018 (in Chinese).
7. Li Quansheng. Changes in the stratification structure of rural society after the founding of New China / Journal of Party Policy and Rural Personnel, No. 6, 2010 (in Chinese).
8. Lu Fuying, Liu Chengbing. De-agrarianization and Social Stratification in Rural Areas / Chinese Economic Press—Beijing. 2005 (in Chinese).

Скуратов Алексей Борисович,

кандидат социологических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: alex-skuratov@ya.ru

Современный этап развития общества характеризуется трансформацией производства, экономической, политической и социальной жизни, активной динамикой процессов во всех сферах деятельности человека. Определяющее влияние на перчисленные процессы оказывает сеть «Интернет», которая актуализирует также изменения в функционировании языка. В русском языке наблюдается усиление личностного начала, стилистический динамизм и стилистическая контрастность, диалогичность общения. Интернет-коммуникация характеризуется мгновенным включением в речевую ситуацию и таким же быстрым выключением из нее. Отсюда изобилие условных сокращений и знаков, эмограмм. Фонетические особенности устной разновидности разговорной речи стабильно фиксируются в репликах неформальной веб-коммуникации, осуществляемой в письменной форме. Среди морфологических особенностей наиболее заметно отсутствие причастных и деепричастных оборотов. В области синтаксиса наблюдается тенденция к анализирующему, а также неполные предложения с незамещенными синтаксическими позициями, смысл которых может устанавливаться как из ситуации, так и из фоновых знаний. В данной статье можно увидеть, что и научная, и деловая, и публицистическая речь сохраняют свои основные характеристики по функции, характеру речи

Ключевые слова: текст, сеть «Интернет», речь, коммуникация, речевые средства.

В связи с развитием технологий современный дискурс демонстрирует трансформацию системных, функционально-стилистических и лингвокультурологических характеристик. Наиболее ярко изменения отражаются в интернет-коммуникации.

Ключевыми характеристиками онлайн-взаимодействия являются, в соответствии с наблюдениями Джона Сулера [1], сенсорная ограниченность (киберпространство на сегодняшний день не дает возможности воздействия на все органы чувств), специфическая самоидентификация акторов (у «человека цифрового» появляется выбор: остаться самим собой, вступить в коммуникацию от имени лишь части своей личности, использовать придуманные индивидуальности или быть всецело анонимом), размывание временных и пространственных границ (географическая и временная синхронизация не являются определяющими в процессе интернет-коммуникации), неограниченная доступность контактов (благодаря Интернету человек может общаться с сотнями, тысячами и даже миллионами собеседников), фиксация сетевого взаимодействия («продукты» деятельности, которая происходит в интернет-контексте, собираются в архивы, которые могут иметь открытый доступ), сочетание в интернет-дискурсе параметров межличностной и массовой коммуникации (межличностное общение может быть доступным аудитории «молчащих наблюдателей»).

По мнению С.Г. Тер-Минасовой, «характерные черты Интернета – интерактивность, открытость, подлинная демократичность, выражающаяся в том, что каждый отдельный человек (индивидуум) может свободно выразить свое мнение, отношение к происходящему, обменяться идеями, найти сторонников, перестать чувствовать себя одиноким» [2, 174]. Специфика сетевого взаимодействия влияет на разнообразие используемого социо семиотического инструментария.

Например, в письменных «отпечатках», данные фразы могут специально выстраиваться неправильно. В частности, для них зачастую свойственен пропуск знаков препинания, а прописные буквы вполне могут заменяться буквами строчными, что характерно и для имен собственных и что едва ли можно признать допустимым. Орфографически некоторые слова могут быть приближены к транскрипции.

Высказывание либо сообщение в Интернете часто воплощает особенности *креолизованного текста*, который характеризуется сочетанием вербальных и невербальных средств в контексте целостности, связности и коммуникативного эффекта. В Сети представлены не только иллюстрации, схемы и таблицы – к ним добавляются анимация, смайлы, мемы и другие символические изображения в качестве невербальных средств веб-коммуникации. Следует учесть, что для общения в сети «Интернет» весьма характерно незамедлительное включение лица в процесс общения, равно как мгновенный выход из него. На этом фоне данное общение отличается рядом сокращений и различных знаков, позволяющих быстро выразить свою эмоцию, причем это есть не только на территории нашей страны, но и во всех странах мира. Такие знаки и символы стоит рассматривать как речевые эквиваленты. Полагаем, что именно данная ситуация привела к тому, что в интернет-пространстве появился так называемый «язык эмодзи».

Эмотиконы – это пиктограммы, изображающие эмоцию, созданные из разных пунктуационных знаков. Эмодзи – это идеограммы, представляющие собой рисунки (графические или анимированные) в миниатюре. Так, например, знак «улыбка», состоящий из двоеточия, тире и скобки (также часто используется только скобка), является эмотиконом, а знак «facepalm» (от англ. *face* «лицо» + *palm* «ладонь») – изображение лица, закрытого одной рукой, обозначающее досадное разочарование в ком-то или в чем-то, – это пример эмодзи.

Эмотиконы и эмодзи направлены на то, чтобы стать аналогом речевых взаимоотношений, а также придать сообщению многозначность, во многом связанную с лингвокультурологическим аспектом. В зависимости от той или иной ситуации применения, они заостряют или, наоборот, смягчают вербальную семантику высказывания, а также экономят речевые средства, но в то же время, их речь эмоционально окрашена и избирательна [3].

Интересно, что в последние несколько лет обновилась семантика традиционных пунктуационных знаков: молодые россияне при использовании интернет-мессенджеров негласно считают точку в конце предложения отражением недоброжелательной или строгой интонации пишущего; нейтральным интенционально в контексте «новой пунктуации» является отсутствие точки в конце предложения; приветливость и доброжелательность адресанта передает скобка («улыбка»).

Перечисленные средства, которые не получили какого-либо официального закрепления, играют особую роль в формировании ролевых взаимоотношений, а также придают многозначность отправленному сообщению. Данная многозначность имеет тесную взаимосвязь с так называемым «лингвокультурологическим аспектом», а впоследствии, они заостряют или смягчают вербальную семантику высказывания, а также помогают участникам диалога экономить речевые средства и вести диалог быстро и продуктивно.

Также достаточно оригинальными невербальными коммуникативными средствами для общения в сети «Интернет» стоит признать звуковое, а также цветковое оформление текста, возможности разнообразить тексты видео или картинками, в том числе, анимационными.

Это позволяет сделать вывод о том, что языковое пространство сети «Интернет» организуется на основании принципа *гипертекстуальности*. Так, гипертекст представляет собой способ организации текста, который позволяет достаточно легко сочетать разнообразные виды информации. В частности, текст может быть «разбавлен» картинками, видео, анимацией, эмодзи и нелинейно представлять структуру и связь идей. Как отмечается в научной литературе, под гипертекстом стоит понимать достаточно большое количество документов, которые содержат видео, аудио и сам текст, которые тесно взаимосвязаны друг с другом [4, 553]. Такая система будет использоваться как программные, так и электронные средства, направленные на то, чтобы преодолеть те ограничения, которые существуют в обычных (классических) текстах, например, напечатанных на обычной бумаге. Это обусловлено тем, что бумага является плоской средой и применима только для двухмерного информационного потока, представленного линейным и иерархическим потоком. Текст на бумаге читается последовательно, слева направо и сверху вниз, также существует необходимость в том, чтобы после прочтения перевернуть бумагу на следующую страницу. Одновременно с этим, гипертекстовая система, которая содержит целую сеть узлов, а также ассоциативные связи, которые ими задано, образует уже трехмерное пространство, которое

оптимально для глубинных принципов переработки образов и идей человеком.

Нельзя не акцентировать внимание на том, что гипертекст может быть подвергнут различным трансформациям, а интерпретировать его содержание можно самыми разнообразными способами. Гиперссылки в данном аспекте обеспечивают возможности для того, чтобы должны образом структурировать информацию, но в то же время, сделать части данного текста автономными. Различные варианты развития сюжета в данной сфере позволяет привлечь к участию в создании текста абсолютно всех участников диалога. Одновременно с этим, структурное оформление текста в формате гипертекста представляет собой усложнение языковых средств, на фоне которых, ряд синтаксических единиц «фраза – сверхфразовое единство – текст» получает свое логическое развитие и становится четырехчленным: «фраза – сверхфразовое единство – текст – гипертекст».

Обобщая все сказанное, подчеркнем, что в центре веб-коммуникации стоит личность как субъект речевой деятельности, виртуального общения и виртуальной реальности. Коммуникация подобного рода объединяет в себе различные речевые практики, а интерактивные и гипертекстовые возможности сети «Интернет» позволяют коммуниканту осуществлять собственную навигацию в тексте [5].

Интернет оказал и продолжает оказывать воздействие на социо семиотический инструментарий того языка, на котором виртуально общаются тысячи людей. Ресурсы естественного языка адаптируются к новым условиям; мы наблюдаем порождение новых средств и контекстную трансформацию языковых единиц.

Литература

1. Сулер Дж. Основные психологические особенности киберпространства // Дж. Сулер Психология киберпространства. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rider.edu/~suler/psyber/basicfeat.html>. (дата обращения 25 декабря 2022)
2. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. М., 2008. 343 с.
3. Линченко А.А., Трутенко Е.В., Чернышова К.С., Гуляева А.Д. Доверие финансовым институтам в молодежной среде: опыт регионального эмпирического исследования // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4. № 6. С. 65–72.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.
5. Сычева Е.Ю. Управление электоральными коммуникациями в современных социальных сетях (социологический анализ) // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4. № 4. С. 93–98.

MODERN INTERNET COMMUNICATION: SOCIOSEMIOTIC ASPECT

Skuratov A.B.

Ural Federal University

The current stage of development of society is characterized by the transformation of production, economic, political and social life, the active dynamics of processes in all spheres of human activity. The decisive influence on the listed processes is exerted by the Internet, which also updates the changes in the functioning of the language. In the Russian language, there is an increase in the personal principle, stylistic dynamism and stylistic contrast, dialogic communication. Internet communication is characterized by instant inclusion

in the speech situation and the same quick exit from it. Hence the abundance of conditional abbreviations and signs, emoticons. The phonetic features of the oral variety of colloquial speech are stably fixed in the replicas of informal web communication carried out in writing. Among the morphological features, the most noticeable is the absence of participial and adverbial phrases. In the field of syntax, there is a tendency towards analytics, as well as incomplete sentences with unsubstituted syntactic positions, the meaning of which can be established both from the situation and from background knowledge. In this article, you can see that both scientific, and business, and journalistic speech retain their main characteristics in terms of function, nature of speech.

Keywords: text, Internet, speech, communication, speech means.

References

1. Suler J. The basic psychological features of cyberspace // J. Suler The Psychology of Cyberspace. [online] URL: <http://www.rider.edu/~suler/psycyber/basicfeat.html>. (Accessed 25 December 2022)
2. Ter-Minasova S.G. War and peace of languages and cultures: issues of theory and practice of interlingual and intercultural communication. M., 2008. 343 p.
3. Linchenko A.A., Trutenko E.V., Chernyshova K.S., Gulyaeva A.D. Trust in financial institutions among young people: the experience of a regional empirical study // Russian Economic Bulletin. 2021. V. 4. No. 6. S. 65–72.
4. Efremova T.F. New Dictionary of the Russian Language. Explanatory derivational. – M.: Russian language, 2000.
5. Sycheva E. Yu. Management of electoral communications in modern social networks (sociological analysis) // Russian Economic Bulletin. 2021. V. 4. No. 4. S. 93–98.

Особенности комплектования военно-социальных групп, выполняющих служебные задачи в полярных широтах и арктическом регионе

Тимофеев Максим Олегович,

адъюнкт кафедры социологии, ФГКВОУ ВО «Военный университет» МО РФ
E-mail: Maks0890@yandex.ru

В статье проведён анализ признаков индивидуума, необходимых для смягчения или предотвращения негативных последствий несения службы в полярных широтах и арктическом регионе. Отличительные признаки, способные помочь индивидууму легче переносить службу в суровых климатических условиях полярного и арктического региона, в работе подразделяются на внешние (фенотипические) и внутренние (генотипические). Выявление подобных признаков на этапе распределения личного состава – солдат срочной и контрактной службы и офицеров – по местам службы может быть использовано для совершенствования института комплектования вооружённых сил личным составом в условиях прохождения службы в указанных климатико-географических условиях. Позитивные последствия комплектования военно-социальных групп, проходящих службу в указанных условиях, военнослужащими, имеющими вычленённые отличительные внешние и внутренние признаки, включают в себя профилактику возникновения конфликтов, снижения уровня физиологических и психосоматических заболеваний,

Ключевые слова: военная социология, институты комплектования вооружённых сил, военно-социальные группы, фенотип, арктическая зона Российской Федерации.

Введение

Глобальные факторы внешней среды, такие, как глобальное потепление, санкционная война, поляризация политических режимов, усиление тенденций к протекционизму в мировой политике, милитаризация отдельных стран и регионов, истощаемость мировых ресурсов, а главное – вновь начавшееся активное противостояние нашей страны и конгломерата западных стран во главе с Соединёнными Штатами Америки – всё это побуждает нашу страну обратить особое внимание на безопасность арктического региона,

Арктический регион – это физико-географический район Земли, примыкающий к Северному полюсу и включающий в себя окраины материков Евразии и Северной Америки, почти весь Северный Ледовитый океан с островами (кроме прибрежных островов Норвегии), а также прилегающие части Атлантического и Тихого океанов. Южная граница Арктики совпадает с южной границей зоны тундры. Площадь Арктического региона составляет по разным оценкам от 21 до 27 млн кв км [2].

В Арктике расположена часть территории Российской Федерации под названием Арктическая Зона Российской Федерации (далее АЗРФ). Территория континентальной суши АЗРФ составляет 4,9 млн кв км. Острова занимают площадь 0,2 млн кв км. Шельфовые и внутренние моря АЗРФ достигают площади 4 млн кв км. Таким образом, АЗРФ занимает от 33,71% до 43,33% территории Арктики [11].

АЗРФ характеризуется суровыми климатическими условиями. Средние температуры января колеблются от -2 °С в южной части региона до -50 °С в северной части региона. Минимальные температуры в этих районах иногда снижаются до -60 °С. При этом средние летние температуры не превышают 0 °С [2].

Ведение земледелия в регионе практически невозможно из-за ледников и многолетнемерзлых пород, преобладания тундровой растительности и арктических пустынь. По этой причине регион слабо заселен и отличается неразвитой транспортной и жилой инфраструктурой [11].

В то же время, АЗРФ является кладезем природных ресурсов. В регионе содержится очень большое количество неразработанных энергоресурсов – нефти, урана и газа. Извлекаемые разведанные запасы нефти составляют 447 млн тонн, а газа – 10,1 трлн куб.м. По прогнозам экспертов, добыча на арктическом шельфе может составить более 90% от совокупного объема добычи всего российского газа и 10% нефти [7].

Всё вышеперечисленное обосновывает собой необходимость военного присутствия нашей державы в АЗРФ. С этой целью 1 декабря 2014-го года создано Объединённое стратегическое командование «Северный флот» – межвидовое стратегическое территориальное объединение ВС РФ, выполняющее задачу военного округа, военно-административная единица Вооружённых сил Российской Федерации, предназначенная для комплексного обеспечения безопасности АЗРФ [15].

В состав объединённого командования входят подводные и надводные силы; морская авиация; береговые

войска; ПВО; базы «Северный клевер» на острове Котельный; база ПВО «Арктический трилистник» на Земле Александры, аэродромы в городах Тикси, Нарьян-Мар, Алыкель, Амдерма, Анадырь, а также в посёлке Рогачёво и на погранзаставе Нагурское [6, 20].

При этом суровые климатические условия региона, вкупе с неразвитой инфраструктурой, а также особенностями прохождения воинской службы, в частности социальной депривацией персонала, вызванной отсутствием качественной связи и оторванностью от «большой земли», приводят к необходимости обращать особое внимание на морально-психологическое состояние военнослужащих.

Такое внимание требуется для предупреждения случаев неуставного поведения, самовредительства, дезертирства, психоневрологических заболеваний и т.д. С этой целью институту комплектования вооружённых сил личным составом требуется понимать и вычленять основные особенности комплектования военно-социальных групп, выполняющих служебные задачи в арктическом регионе [17, 18].

Методика

Методологические основы изучения особенностей комплектования военно-социальных групп, выполняющих служебные задачи в полярных широтах и арктическом регионе, формируются на основе использования исследований, методов и выводов общей социологии, социологии институтов и организаций, социологии управления, военной социологии и социологии безопасности.

Под институтом комплектования вооружённых сил личным составом мы будем понимать механизм воспроизводства постоянно повторяющихся военно-социальных отношений и практик подбора, распределения и закрепления статусно-ролевого положения субъектов военно-профессиональной деятельности в конкретной социальной системе штатно-должностного взаимодействия в соответствии с функционально-боевым предназначением военной организации общества, воинских подразделений, частей и соединений [12, 13, 17, 18].

Под военно-социальными группами, в свою очередь, мы будем понимать указанные выше комплектуемые воинские подразделения, части и соединения.

Анализ и выявление особенностей комплектования военно-социальных групп, выполняющих служебные задачи в полярных широтах и арктическом регионе, будет происходить путем вертикального анализа внешних и внутренних признаков индивидуумов и сопоставления их с негативными эффектами и последствиями, вызванными несением службы в выбранном нами регионе.

Под внутренними признаками индивидуума в данной работе мы будем понимать его фенотип – то есть совокупность характеристик, присущих индивидууму на определённой стадии развития. Фенотип формируется на основе генотипа индивидуума, то есть его сочетания генов, при участии ряда факторов внешней среды и приобретает в течение жизни физиологических и психологических признаков [3]. В данной работе мы будем различать внутренние и внешние признаки индивидуума по тому факту, могут они или не могут быть выявлены без комплексного медицинского осмотра.

Результаты

Институт комплектования вооружённых сил личным составом, обеспечивает оптимальную численность и структуру частей и подразделений, составляющих вооружен-

ные силы страны. От избранных методов и инструментов социального управления зависит эффективность организации и функционирования института комплектования вооружённых сил личным составом, а, как следствие и нормальное, эффективное функционирование самих вооружённых сил [8].

Важным инструментом комплектования военно-социальных групп, как и любого коллектива, является инструмент планирования структуры группы с целью профилактики возникновения внутриличностных, личностных и групповых конфликтов [4]. Возникновение таких конфликтов обусловлено прежде всего наличием у участников конфликта (внутри одной личности, несколько личностей, личность и группа) несовпадающих между собой и прямо противоречащих друг другу интересов, идей, ценностей и целей.

Инструмент планирования структуры группы строится на принципе, согласно которому личность, попадающая в коллектив, как и сам коллектив, обладают набором первоначальных интересов, идей, ценностей и целей, могущих как совпадать, так и не совпадать друг с другом. Противоречие личностных интересов, идей, ценностей и целей коллективному внутри группы не может долго существовать. Система стремится к гомогенности, что рано или поздно приводит ситуацию к одному из двух исходов – личность изменяет свои интересы, идеи, ценности и цели в угоду коллективному, либо коллектив отторгает такую личность.

Причём процесс изменения личностных интересов, идей, ценностей и целей сопровождается сильным стрессом личности и возможным возникновением внутриличностного конфликта. Крайне редко личность способна «перевернуть» ситуацию и добиться того, чтобы коллектив изменил свои интересы, идеи, ценности и цели, так, чтобы они совпадали с интересами, идеями, ценностями и целями этой личности [9].

В условиях военной службы необходимо минимизировать любые возможные факторы стресса военнослужащих, а также грамотно купировать и предотвращать возникновение любых внутригрупповых конфликтов. Для этого существуют две основные причины – необходимость повышения действия отдельной военно-социальной группы и наличие у военнослужащих детального оружия и вооружения, что, вкупе с повышенной агрессией или депрессией, вызываемой стрессом, могут привести к убийству или суициду со стороны военнослужащего.

Учитывая всё вышесказанное, следует, что для выполнения цели минимизации факторов стресса, а также купирования и предотвращения внутригрупповых конфликтов путем применения института комплектования вооружённых сил личным составом необходимо добиться того, чтобы интересы, ценности, идеи и цели отдельных военнослужащих максимально совпадали с общекolleктивными.

На формирование интересов, ценностей, идей и целей военно-социальных групп большее влияние оказывают четыре основных фактора:

- Интересы, ценности, идеи и цели ВС РФ;
- Состав военно-социальных групп;
- Совместимость военнослужащих;
- Условия несения службы.

При этом, поскольку в рамках данной работы мы рассматриваем прежде всего специфику комплектования военно-социальных групп, проходящих службу в АЗРФ, следует отметить, что сам факт несения службы конкретно в регионе АЗРФ определяет только четвёртый из перечисленных нами факторов, а именно – условия несения службы. Интересы, ценности, идеи и цели ВС

РФ, а также состав военно-социальных групп и совместимость военнослужащих не зависит непосредственно от места службы.

Как следствие, в данной работе необходимо рассматривать только специфические условия несения службы в АЗРФ, выделяющие его среди других мест несения службы (далее – региональные факторы). Прежде всего это:

- Суровые климатические условия;
- Неразвитость инфраструктуры.

Суровые климатические условия несения службы могут крайне негативно отражаться на здоровье военнослужащих и, в конечном счете, способствовать значительному сокращению продолжительности жизни индивидуума. В АЗРФ на здоровье человека негативно влияют следующие климатические факторы:

- Отрицательные температуры;
- Полярная ночь;
- Частые магнитные бури [14].

Основной негативный эффект от экстремальных климатических условий несения службы заключается в возможности получения военнослужащим комплекса разнообразных болезней. Это происходит в результате снижения иммунитета из-за недостатка витаминов, необходимых организму для нормального функционирования. Также перепад температур приводит к повышенному риску сердечно-сосудистых заболеваний [5].

Полярная ночь негативно влияет на здоровье за счёт замедления выработки гормона сна и снижения его качества. Постоянное присутствие солнечного света может привести к частым перепадам настроения и нарушению зрения.

Частые магнитные бури вызывают частые головные боли, эмоциональную нестабильность, нервозность, повышенную чувствительность, обострение хронических заболеваний и упадок сил [16].

Проблемы, возникающие из совокупности вышеперечисленных факторов, могут привести к так называемому «синдрому полярного напряжения». Это специфическая форма хронического психоэмоционального напряжения, которая сопровождается нарушением сна, отдышкой и повышенной утомляемостью. Синдром также приводит к снижению эффективности восстановительных процессов из-за постоянного климатогеографического стресса [5].

Негативные эффекты неразвитости инфраструктуры, влияющие на здоровье индивидуума, включают в себя:

- Проблемы со снабжением и медициной;
- Риск техногенных катастроф;
- Повышенная социальная депривация [10].

Следует отметить, что первые два эффекта не могут быть преодолены за счёт внутренних и внешних признаков индивидуума, а потому мы не будем рассматривать их в рамках этой статьи.

Третий же эффект, а именно повышенная социальная депривация, возникающая из-за отсутствия качественной связи, может иметь такие негативные последствия на здоровье военнослужащих, как увеличение риска возникновения психосоматических психотических и физиологических заболеваний у военнослужащих, образующихся в случае невозможности прямого проявления агрессии (далее – психосоматические заболевания). Возникновение психосоматических заболеваний непосредственно связано с уровнем стресса, постоянно воздействующего на индивидуума.

Исходя из вышеизложенного, можно выделить следующие основные негативные последствия для здоровья военнослужащих, связанные с условиями несения службы в АЗРФ:

1. Повышенная заболеваемость;
2. Сердечно-сосудистые заболевания;
3. Нарушение зрения;
4. Недостаток сна;
5. Психосоматические заболевания;
6. «Синдром полярного напряжения»;
7. Головные боли;
8. Эмоциональная нестабильность.

Для того, чтобы максимально смягчить негативные последствия несения службы в АЗРФ, вызванные вышеуказанными региональными факторами, индивидууму необходимо обладать определенными признаками. Такие признаки могут наследственными и приобретёнными, физическими и психологическими, внешними и внутренними.

Так или иначе, эти признаки должны помогать ему преодолевать или, как минимум, не усугублять возможные негативные последствия, описанные выше. Для наглядности, сведём негативные последствия несения службы в АЗРФ, их основные причины, а также внешние и внутренние признаки индивидуума, необходимые для их преодоления или смягчения (определив характер их приобретения), в таблицу (см. табл. 1).

Таблица 1. Внешние и внутренние признаки человека, необходимые для преодоления, либо смягчения негативных последствий службы в АЗРФ.

Негативные эффекты региональных факторов АЗРФ	Их основные причины	Требуемые внутренние признаки	Требуемые внешние признаки
Повышенная заболеваемость	Снижение иммунитета	Сильный иммунитет, четвёртая группа крови	Правильное питание, здоровый образ жизни, отсутствие вредных привычек
Сердечно-сосудистые заболевания	Перепад температур	Морозоустойчивость	Происхождение из АЗРФ
Нарушение зрения	Постоянное присутствие солнечного света	Отсутствие проблем со зрением	Нет
Недостаток сна	Замедление выработки гормона сна	Отсутствие проблем со сном	Нет
Психосоматические заболевания	Стресс	Повышенная стрессоустойчивость	Нет
«Синдром полярного напряжения»	Климатогеографический стресс	Повышенная стрессоустойчивость	Нет

Негативные эффекты региональных факторов АЗРФ	Их основные причины	Требуемые внутренние признаки	Требуемые внешние признаки
Головные боли	Магнитные возмущения	Сниженная метеоустойчивость,	Молодость, отличная физическая форма
Эмоциональная нестабильность	Стресс	Повышенная стрессоустойчивость	Нет

Сильный иммунитет у индивидуума, способный помочь ему справиться с повышенной заболеваемостью, может быть как наследственным, так и приобретённым признаком. Существует множество методик по укреплению иммунитета, среди них самые популярные – это правильное питание, отсутствие вредных привычек и здоровый образ жизни. Кроме того, доказано, что наиболее сильным иммунитетом обладают люди с четвёртой группой крови [19].

Морозоустойчивость является приобретённым навыком, наиболее сильно проявляющимся у коренных жителей АЗРФ, ведущим способствующий выработке морозоустойчивости образ жизни с самого рождения, ввиду места обитания [1].

Не имея возможности подготовить зрение военнослужащего к климатическим условиям, институту комплектования военно-социальных групп остается только выбирать для службы в АЗРФ только тех военнослужащих, которые не обладают наследственными или приобретёнными нарушениями зрения. Точно таким же образом обстоит дело и с нарушениями сна.

Спротивляться негативным последствиям стресса, вызывающим психосоматические заболевания, «синдром полярного напряжения» и эмоциональную нестабильность, можно прежде всего с помощью такого навыка, как стрессоустойчивость.

Существуют различные методики по повышению стрессоустойчивости индивидуума, однако для службы в АЗРФ логичнее всего подбирать таких военнослужащих, которые уже обладают повышенной стрессоустойчивостью.

Внутренние признаки, определяющие наилучшую сопротивляемость негативным последствиям магнитных возмущений, это прежде всего сниженная метеочувствительность. Внешние признаки, характеризующие наличие её у индивидуума, это молодость и отличная физическая форма [16].

Заключение

При комплектации военно-социальных групп институт комплектования вооруженных сил личным составом должен стремиться к постоянному совершенствованию функционирования таких групп путем профилактики возникновения конфликтов внутри таких групп и различных групп между собой.

Возникновение таких конфликтов обусловлено наличием у участников конфликта несовпадающих между собой и прямо противоречащих друг другу интересов, идей, ценностей и целей. Следовательно, при комплектовании военно-социальных групп следует обращать внимание на то, чтобы интересы, идеи, ценности и цели индивидуумов, входящих в группу, совпадали между собой при начале службы и не изменялись впоследствии.

Измениться впоследствии такие интересы, идеи, ценности и цели могут под воздействием стресса, связанного с самим фактом несения службы, а также регионом, в котором происходит несение службы. В последнем случае влияние на индивидуумов и группу оказывают региональные факторы.

АЗРФ, как климатический и географический регион несения службы, имеет такие региональные факторы влияния, как суровые климатические условия несения службы и неразвитость инфраструктуры региона.

Суровые климатические условия несения службы, с одной стороны, могут крайне негативно отражаться на здоровье военнослужащих и, в конечном счете, способствовать значительному сокращению продолжительности жизни индивидуума. Негативные эффекты неразвитости инфраструктуры, влияющие на здоровье индивидуума, включают в себя проблемы со снабжением и медициной, риск возникновения техногенных катастроф и повышенную социальную депривацию, вызванную отсутствием качественной связи.

Все эти негативные эффекты могут вызвать такие негативные последствия, как разнообразные болезни, что, в свою очередь сильно повышает стресс, испытываемый индивидуумом. Поэтому, необходимо подходить к комплектованию военно-социальных групп с точки зрения подбора индивидуумов, обладающих внутренними и внешними признаками, позволяющими максимально снизить или полностью устранить риск возникновения таких негативных последствий влияния региональных факторов АЗРФ.

Основные негативные последствия для здоровья военнослужащих, связанные с условиями несения службы в АЗРФ включают в себя повышенную заболеваемость; риск возникновения сердечно-сосудистых заболеваний; риск нарушения зрения; недостаток выработки гормона сна; риск возникновения психосоматических заболеваний; риск возникновения «синдрома полярного напряжения»; головные боли и эмоциональную нестабильность.

Основные внутренние признаки индивидуума, способные помочь им снизить или полностью устранить риск возникновения описанных негативных последствий, включают в себя сильный иммунитет, морозоустойчивость, отсутствие нарушений зрения и сна, повышенная стрессоустойчивость и сниженная метеочувствительность.

Внешние признаки, характеризующие наличие у индивидуума указанных внутренних признаков, включают в себя следование правильному питанию и здоровому образу жизни; наличие четвёртой группы крови; происхождение из административных регионов, входящих в АЗРФ; молодость и хорошая физическая форма.

Можно сделать вывод, что индивидуумы, обладающие полным набором перечисленных внешних и внутренних признаков, лучше всего подходят для комплектования военно-социальных групп, несущих службу в АЗРФ.

Литература

- Агибалова А.А., Кобышев П.А. Исследование реакций адаптации организма к высоким температурам // Журнал Успехи современного естествознания. – 2014. – № 12 (часть 5) – С. 528–530
- Арктика // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская Эн-

- циклопедия, 1970. – Т. 2. Ангола – Барзас. – С. 203–205.
3. Биология. Введение в общую биологию 9 класс – Пасечник В.В., Каменский А.А., Криксунов Е.А., Швецов Г.Г. // 2018 // с. 288
 4. Валеева А.С. Внутриличностный конфликт как социальное явление // Вестник Башкирского университета. 2007. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrilichnostnyy-konflikt-kak-sotsialnoe-yavlenie> (дата обращения: 16.03.2022).
 5. Глебова С.А., Соколова Т.В., Чугин М.А. Здоровье человека в условиях крайнего севера // Материалы XIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2021/article/2018024677> (дата обращения: 16.03.2022).
 6. Дружинин А. Шойгу создаст арктическую группировку войск // Lenta.ru от 10.12.2013 г. // URL: <https://lenta.ru/news/2013/12/10/arctic> (дата обращения: 16.03.2022).
 7. Евдокимова В.Ю. Влияние изменения мировых цен на нефть на добычу углеводородов российского арктического шельфа // Россия в глобальном мире. 2017. № 10 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-izmeneniya-mirovyh-tsen-na-neft-na-dobychu-uglevodorodov-rossiyskogo-arkticheskogo-shelfa> (дата обращения: 16.03.2022).
 8. Евенко С.Л., Тимофеев М.О. Институт комплектования военно-социальных групп, выполняющих профессиональные задачи в условиях повышенной депривации, как объект изучения военной социологии. // Социология. 2020. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-komplektovaniya-voennosotsialnyh-grupp-vypolnyayuschih-professionalnye-zadachi-v-usloviyah-povyshennoy-deprivatsii-kak> (дата обращения: 16.03.2022).
 9. Коваль Н.А., Кидинов А.В. Внутригрупповой конфликт как системное психологическое явление // Вестник ВГТУ. 2014. № 5–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrigruppovoy-konflikt-kak-sistemnoe-psihologicheskoe-yavlenie> (дата обращения: 16.03.2022).
 10. Овешникова Л.В. Исследование проблем инфраструктуры региональной экономики // Журнал Фундаментальные исследования. – 2014. – № 12 (часть 10) – С. 2190–2195
 11. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 09.07.1998 г. О проекте федерального закона «Об арктической зоне Российской Федерации». // URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/4335/> (дата обращения: 16.03.2022).
 12. Приказ Министра обороны РФ «Об организации комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации солдатами (матросами), сержантами (старшинами), прапорщиками (мичманами), проходящими военную службу по контракту» (вместе с «Руководством по организации комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации солдатами (матросами), сержантами (старшинами), прапорщиками (мичманами), проходящими военную службу по контракту») от 07.12.2015 № 733.
 13. Приказ Министра обороны РФ «Об утверждении Положения о пункте отбора на военную службу по контракту» от 07.12.2015 № 730.
 14. Семенова И.С. Влияние суровых и экстремальных климатических условий на расселение населения в Северных и Восточных районах России // тема диссертации и автореферата по ВАК РФ 25.00.36, // 2003, Санкт-Петербург // URL: <https://www.dissert-cat.com/content/vliyanie-surovykh-i-ekstremalnykh-klimaticheskikh-uslovii-na-rasselenie-naseleniya-v-severny> (дата обращения: 16.03.2022).
 15. Указ Президента Российской Федерации от 21.12.2020 № 803 «О Северном флоте» // Президент России [сайт] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46217> (дата обращения: 16.03.2022).
 16. Умерова Р.М. «Влияние магнитных бурь на здоровье человека» Малая академия наук Крыма «Искатель» // 2015 // URL: <https://infourok.ru/manovskaya-rabota-po-teme-vliyanie-magnitnih-burna-zdorove-cheloveka-1991528.html> (дата обращения: 16.03.2022).
 17. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 № 53-ФЗ.
 18. Федеральный закон «Об обороне» от 31.05.1996 № 61-ФЗ.
 19. Mitra, Ranadhir & Mishra, Nitasha & Rath, Girija. (2014). Blood groups systems. Indian journal of anaesthesia. 58. 524–8. 10.4103/0019–5049.144645.
 20. Rogers K. Russia Establishes New Arctic Air Squadron to Protect its Northern Se Route // The Independent Barents Observer 19.07.2019 // URL: <https://thebarentsobserver.com/en/security/2019/07/russia-establishes-new-arctic-air-squadron-protect-its-northern-sea-route/> (дата обращения: 16.03.2022).

PECULIARITIES OF RECRUITMENT INTO MILITARY-SOCIAL GROUPS, PERFORMING SERVICE TASKS IN THE POLAR LATITUDES AND THE ARCTIC REGION

Timofeev M.O.

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article analyzes the characteristics of an individual, necessary to mitigate or prevent the negative consequences of service in the polar latitudes and the Arctic region. Distinctive features that can help an individual to more easily endure service in the harsh climatic conditions of polar latitudes and Arctic region are divided into external (phenotypic) and internal (genotypic) in the work. The identification of such features at the stage of the distribution of personnel – conscripts, contract service soldiers and officers – at duty stations can be used to improve the institution of staffing the armed forces with personnel in the conditions of service in the specified climatic and geographical conditions. The positive consequences of recruiting military-social groups serving in these conditions by military personnel with analyzed distinctive external and internal signs include: prevention of conflicts, reducing the level of physiological and psychosomatic diseases,

Keywords: military sociology, armed forces recruitment institutes, military-social groups, phenotype, Russian Federation Arctic Zone.

References

1. Agibalova A.A., Konyshov P.A. Investigation of reactions of adaptation of an organism to high temperatures // Journal of Successes of modern natural science. – 2014. – No. 12 (part 5) – pp. 528–530
2. The Arctic // The Great Soviet Encyclopedia. 3rd ed. / Gl. ed. A.M. Prokhorov. – M.: Soviet Encyclopedia, 1970. – Vol. 2. Angola – Barzas. – pp. 203–205.
3. Biology. Introduction to General Biology Grade 9 – Pasechnik V.V., Kamensky A.A., Kriksunov E.A., Shvetsov G.G. // 2018 // p. 288
4. Valeeva A.S. Intrapersonal conflict as a social phenomenon // Bulletin of Bashkir University. 2007. No. 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrilichnostnyy-konflikt-kak-sotsialnoe-yavlenie> (date of address: 03/16/2022).
5. Glebova S.A., Sokolova T.V., Chugin M.A. Human health in the conditions of the Far North // Materials of the XIII International Student Scientific Conference “Student Scientific Forum” URL: <https://scienceforum.ru/2021/article/2018024677> (accessed: 03/16/2022).

6. Druzhinin A. Shoigu will create an Arctic grouping of troops // Lenta.ru from 10.12.2013 // URL: <https://lenta.ru/news/2013/12/10/arctic> (accessed: 03/16/2022).
7. Evdokimova V. Yu. The impact of changes in world oil prices on the production of hydrocarbons of the Russian Arctic shelf // Russia in the global world. 2017. No.10 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-izmeneniya-mirovyh-tsen-na-neft-na-dobychu-uglevodorodov-rossiyskogo-arkticheskogo-shelfa> (accessed: 03/16/2022).
8. Evenko S.L., Timofeev M.O. Institute of recruitment of military-social groups performing professional tasks in conditions of increased deprivation as an object of study of military sociology. // Sociology. 2020. No.5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-komplektovaniya-voennosotsialnyh-gruppy-popolnyayuschih-professionalnye-zadachi-v-usloviyah-povyshennoy-deprivatsii-kak> (accessed: 03/16/2022).
9. Koval N.A., Kidinov A.V. Intra-group conflict as a systemic psychological phenomenon // Vestnik VSTU. 2014. No.5–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrigruppovoy-konflikt-kak-sistemnoe-psihologicheskoe-yavlenie> (date of reference: 03/16/2022).
10. Oveshnikova L.V. Research of regional economy infrastructure problems // Journal Fundamental Research. – 2014. – No. 12 (part 10) – pp. 2190–2195
11. Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation of 09.07.1998 About the draft federal law “On the Arctic zone of the Russian Federation”. // URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/4335/> (accessed: 03/16/2022).
12. The Order of the Minister of Defense of the Russian Federation “On the organization of recruitment of the Armed Forces of the Russian Federation with soldiers (sailors), sergeants (foremen), warrant Officers (midshipmen) undergoing military service under contract” (together with the “Guidelines for the organization of recruitment of the Armed Forces of the Russian Federation with soldiers (sailors), sergeants (foremen), warrant officers (midshipmen), undergoing military service under contract”) dated 07.12.2015 No. 733.
13. Order of the Minister of Defense of the Russian Federation “On approval of the Regulations on the selection point for military service under contract” dated 07.12.2015 No. 730.
14. And Semenova.S. The influence of harsh and extreme climatic conditions on the settlement of the population in the Northern and Eastern regions of Russia // topic of the dissertation and abstract on the Higher Attestation Commission of the Russian Federation 25.00.36, // 2003, St. Petersburg // URL: <https://www.disserscat.com/content/vliyanie-surovykh-i-ekstremalnykh-klimaticheskikh-uslovii-na-rasselenie-naseleniya-v-severnyy> (date of appeal: 03/16/2022).
15. Decree of the President of the Russian Federation No. 803 dated 12/21/2020 “On Northern Fleet” // President of Russia [website] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46217> (accessed: 03/16/2022).
16. Umerova R.M. “The influence of magnetic storms on human health” Small Academy of Sciences of the Crimea “Seeker” // 2015 // URL: <https://infourok.ru/manovskaya-rabota-po-teme-vliyanie-magnitnih-bur-na-zdorove-cheloveka-1991528.html> (date of application: 03/16/2022).
17. Federal Law “On Military Duty and Military Service” dated 03/28/1998 No. 53-FZ.
18. Federal Law “On Defense” dated 31.05.1996 No. 61-FZ.
19. Mitra, Ranadhir and Mishra, Nitasha and Rat, Girija. (2014). Systems of blood groups. Indian Journal of Anesthesia. 58. 524–8. 10.4103/0019–5049.144645.
20. Rogers K. Russia is Creating a New Arctic Aviation Squadron to Protect its Northern Sea Route // Independent Barents Observer 19.07.2019 // URL: <https://thebarentsobserver.com/en/security/2019/07/russia-establishes-new-arctic-air-squadron-protect-its-northern-sea-route/> (accessed: 03/16/2022).

О ценностном концепте идеологии в российском государстве

Челенкова Инесса Юрьевна,

к.с.н., Законодательное собрание Ленинградской области
E-mail: inessa_2407@mail.ru

На основе идеологии консервативного либерализма Б.Н. Чичерина рассматриваются ценности либерализма – «свобода» и консерватизма – «порядок», «закон», «государство», «преемственность». Характеризуется становление государственной идеологической платформы на основе консервативных базовых ценностей, либеральной экономической ценности «свободы», обращение к вопросам совершенствования социализации подрастающего поколения и государственного управления на основе консервативных ценностей.

Ключевые слова: идеология, ценности, Б.Н. Чичерин, консервативный либерализм, преемственность, государственная идеологическая платформа, консервативные ценности, экономические ценности свободы.

Ход проведения военной операции на Украине показал отрицательные последствия ошибок, допущенных за последние десятилетия в системе управления российским обществом, связанных с проведением либеральных реформ. Общество нуждается во внятной общенациональной идеологии, объясняющей настоящую и будущую социальную реальность, формирующей её ценностно-приемлемый и желательный образ для общества, ее отдельных групп, а также программные установки на достижение поставленных целей. В информационном пространстве страны обсуждаются вопросы необходимости принятия государственной идеологии с учетом духовно-культурного развития России; приемлемости определенного типа идеологий или их разновидностей. Положительный результат приносит обращение к теоретическому наследию мыслителей XIX века, принимавших активное участие в идейно-политических движениях России.

Востребованным является теоретическое наследие **Бориса Николаевича Чичерина (1828–1904)** – крупнейшего политического мыслителя XIX века, основоположника консервативной доктрины, одного из лидеров либерального движения, синтезировавшего идеи классического либерализма и консервативной идеологии, опирающегося на устои национальной государственности, и традиции духовной культуры России. Его концепции консервативного («охранительного») либерализма посвящены работы Н.М. Аверина, О.Л. Гнатюк, А.В. Захарова, А.С. Кокорева, Н.В. Медведева и др. [1].

С точки зрения Б. Чичерина, либеральная и консервативная идеологии представляют две взаимно дополняющих друг друга тенденции, обеспечивающих процесс исторического развития. По определению ученого, первая тенденция – «прогрессивная», «реформаторская», вторая – «охранительная» (термины «охраняю», «сохраняю» с лат. яз. «conserve» – «консерватизм»). Задачей сторонников прогресса (либералов) является побуждать «дремлющие» общественные силы к изменениям. Задача охранителей (консерваторов) в период идущих перемен не забывать о необходимости для общества твердых жизненных основ, обеспечивающих ее организующее начало и не допускающих его возможного разложения.

Главная идея классического либерализма (от лат. Liber – свободный) – приоритет личной свободы человека и сведение к минимуму вмешательства государства в общественную жизнь. В наше время идеями либерализма является провозглашенная неограниченная личная свобода и контроль государства над всеми сферами жизни общества.

Для Б. Чичерина «свобода», как основная ценность либерализма, определяется внутренней духовной сущностью человека, которая может быть ограничена его нравственностью, совестью. Б. Чичерин считал, что либерализм не совместим ни с уличными политическими скандалами толпы, ни с критикой власти за ошибки ради самой критики. Исходя из условий запаздывающего характера исторического развития России, Б. Чичерин утверждал, что либеральные принципы западной экономической, политической свободы не могут быть вписаны в практику российской жизни. Прогрессивные изменения, касающиеся жизни общества, сословий, человека,

необходимо осуществлять через реформы, основываясь на правовых нормах, законе, регулирующих *внешнюю* свободу человека в отношениях с другими. Власти, государству отводится миссия арбитра по охране свободы человека, закона и порядка. Наилучшей формой власти для России, сообразно геополитическим и духовно-культурным условиям, ученый видел в «конституционной монархии». В монархии для Б. Чичерина было олицетворено единство власти и интересов общего в государстве. Конституционные органы власти являются основой закона, порядка, начала свободы для общества.

Сообразно своим взглядам, Б. Чичерин определяет смысл «охранительной» или консервативно либеральной идеологии для России. Её сущность состоит в примирении начал свободы с началом власти и закона. Идеология, ратующая за ценности свободы и порядка на основе законности и сильного централизованного государства, по убеждению Б. Чичерина, отвечает национальным интересам российского общества. Поэтому проведенные реформы (крестьянская 1861 г., образования 1864 г., земская 1864 г., судебная 1864 г., городская 1870 г., военная 1874 г.), имеющие целый ряд ограничений, были, в целом, поддержаны Б. Чичериным, как воплощение прогрессивных изменений в России по типу консервативного либерализма.

Ученый обращает внимание на разное понимание консерватизма властвующими элитами. Для одних, он связан с рутинной, слепой привязанностью к старине. Другие держаться за старые основы при новом устроении жизни. Подобное «идолопоклонство» и «романтизм» в умонастроении элит приводит власть к неспособности отвечать на вызовы истории [2, с. 443, 445].

Консервативная идеология, отмечает Б. Чичерин, должна быть ориентирована не на консервацию старых порядков, а сфокусирована, во-первых, на идею сохранения преемственности в общественном развитии, опоры на исторические начала общества, его традиции, базовые ценности; во-вторых, консерватизм должен обращаться к содержанию, смысловым значениям тех традиций и ценностей из прошлого, которые сохраняют связь с предшествующими поколениями и «проститься» с теми, что не соответствуют этому требованию. Для консервативного либерализма основной принцип действия состоит в том, чтобы «сохранять, улучшая», а не разрушать, ухудшая.

Для России идеи консервативного либерализма находят обоснование в теории «институциональной матрицы» **С.Г. Кирдиной-Чандлер** [3]. Автор доказывает, что различные общества развиваются на основе двух матриц. Развитие России идет на основе X – *матрицы*, Y – матрица характерна для стран Европы и США. С. Кирдина-Чандлер считает, что матрица представляет собой первоначальную модель базовых экономических, политических и идеологических институтов общества, сформировавшихся естественно-историческим путем и сохраняющихся под влиянием наиболее общих, трудно изменяемых, неформальных правил социально-культурной системы. Так, для идеологических институтов X – матрицы характерны ценности коллективизма, равенства, порядка на основе коммунитарной (от англ. «community» – сообщество), эгалитарной, консервативной идеологий. По утверждению С. Кирдиной-Чандлер все последующие общества, в том числе и современные, воспроизводят и развивают эту первоначальную модель. Автор констатирует, что перенесение элементов (комплементарных норм) из противоположной матрицы требует встраивания, адаптации, трансформации в качественно иную для них социально-культурную среду, иначе они будут отторгаться или искажаться [4]. Игнори-

рование закономерностей общественного развития привело к тому, что внедряемая с 90-х годов в России альтернативная социализму либеральная модель западного образца, с применением методов «шоковой терапии», стала формироваться с малоэффективными нормами, далекими от западноевропейских образцов.

Вопрос о путях развития России, связанный с обсуждением преимуществ развития Западной и Русской цивилизаций, всегда был одним из основных для русской общественно-политической мысли. Ценность идеологии консервативного либерализма Б. Чичерина определяется отказом от радикализма по этому вопросу; глубоким осмыслением «жизненно мира» русского человека, его возможностями в этом мире, восприятием происходящего, готовности не/содействовать осуществляемым в обществе преобразованиям. В идеологии Б. Чичерина отражены наиболее важные смыслы содержания бытия конкретной эпохи: «свободы», «порядка», «права», «закона», «государства». Они определены исследователем как главные ценностные ориентации общества по пути развития России.

Идеология является одним из элементов духовно-культурного пространства общества, в котором в обобщенной форме воплощены основные общественные ценности. Ценности определяются как сложившиеся, разделяемые в обществе представления, убеждения людей о наиболее важном, значимом, которые служат ориентиром и мотивируют поведение относительно целей и основных средств их достижении. Несмотря на то, что с момента существования либеральной и консервативной идеологии шла инверсия многих понятий, менялся их содержательный контекст, их идеи остаются созвучны нашему времени и определяют деятельность современных политических партий и движений. Причина заключается в том, что в системе общественных ценностей есть ядро, базовые ценности, которые могут оставаться неизменными длительное время (например, ценность семьи). Если происходит изменение в системе базовых ценностей, то это уже мировоззренческий кризис, который затрагивает основы социокультурной системы и влияет на процессы общества в целом. Очевидным является формирования новых ценностей на основе социальных потребностей и интересов, возникающих с изменением общественных отношений. Ценности могут возрождаться, обретая новое содержание в новую эпоху.

Ограниченная военная операции на Украине вызвала размежевание идеологических позиций в обществе по вопросу войны и мира и привела к различным демонстративным действиям. Причины рассогласования в ценностно-мотивационном комплексе поведения людей лежат в плоскости отсутствия в общественном сознании внятных ценностных концептов: жизни, смерти, справедливости, миролюбия, патриотизма, долга, врага, Отечества и др. В то время как идеологическое пространство было заполнено противоречивой интерпретацией ценностей, государство занимало «равноудаленную» позицию невмешательства в духовно-культурную сферу общества.

Тем не менее, государственная идеологическая платформа в стране создается де-факта в процессе трансляции обществу идейно-ценностных концептов, в первую очередь, в политических документах государственной важности.

На основе анализа Посланий Президента РФ Федеральному Собранию (далее – Послание) за 2015–2021 годы нами выделены идейно-ценностные концепты российского общества, включающие 282 смысловых значений (табл. 1).

Таблица 1. Ценностный концепт идеологии в государстве (на основе Посланий Президента РФ Федеральному Собранию за 2015–2021 годы)

№ п/п	Концепт	Смысловые значения	Источник	%
1	Консерватизм	* идеи консерватизма, традиционные ценности, сплав традиций, ценностей, преемственность, тысячелетней истории	П-2018	3,6
2	Либерализм	* свобода, открытость к новому, новым идеям, инициативам	П-2018	2,2
3	Семья	* семья, рождение детей, продолжение рода, уважение к старшим поколениям; * ценности многодетной семьи: крепкая связь нескольких поколений, уважение к старшим, забота о детях, всегда объединяет, дает чувство уверенности, защищенности, надежности	П-2019 П-2020	9,3
4	Государство	* сильное самостоятельное государство с тысячелетней историей и великими традициями; * нация, консолидирована общими ценностями, общими целями, часть глобального мира; мощным внешнеэкономическим, оборонным потенциалом; * изменения в мире носят цивилизационный характер; разработка стратегии развития, разработка нового направления на основе учета опыта прошлого; * невозможно достойно развиваться на зыбкой почве слабого государства и управляемой извне безвольной власти, потерявшей доверие своих граждан; * сильная президентская республика, мнение, народа как носителя суверенитета и главного источника власти должно быть определяющим, продвижение, обновление современных профессиональных кадров, во всех сферах условие прогрессивной эволюции общества и стабильного его развития	П-2015 П-2018 П-2016 П-2018 П-2020 П-2018	26,7
5	Народ, нация	* единый, один народ, нация консолидированная, многонациональный народ, общие ценности, народ носитель суверенитета, источник власти, свободное развитие всех народов, многообразие, гармония культур, языков, традиций наших, взаимное уважение, диалог религий, общенациональный цивилизационный код, культура, идентичность народа	П-2015	12,1
6	Сбережение людей,	* сбережение людей, умножение человеческого капитала, главное богатство, сила, семья, рождение детей, продолжение рода, уважение старшим поколениям, нравственный каркас, укрепление семейных ценностей, вопрос будущего	П-2021	8,5
7	Нравственность	* справедливости, уважения и доверия в отношении каждого человека и всего общества... несправедливость и неправда воспринимаются остро. Это особенность нашей культуры. Общество отторгает спесь, хамство, высокомерие и эгоизм, от кого бы все это ни исходило, ценит такие качества, как ответственность, высокая нравственность, забота об общественных интересах, готовность слышать других и уважать их мнение	П-2016	13,5
8	Единство, сплоченность	* основа развития, побеждал, преодолевал испытания, масштабные, непростые преобразования, сохранили единство страны, утвердились как демократическое общество, свободном, самостоятельном пути, сплоченность, дальнейшее развития, объединились; * коллективизм, дружба, взаимовыручка и взаимоподдержка, милосердие, сплоченность, единство	П-2021 П-2018	9,9
9	Воспитание, образование	* готовность работать, ради России, сердечная, искренняя забота о ней; ориентация на судьбы и победы выдающихся предков, современников, их любовь к Родине, стремление внести личный вклад в ее развитие, знакомиться с отечественной историей и многонациональной культурой, с нашими достижениями в сфере науки и технологий, литературы и искусства; * участвовать в создании проектов, раскрывая свой потенциал	П-2016 П-2021 П-2020	14,2

Примечание. * составлено автором

Проведенный анализ, заложенных в Посланиях идеологических смыслов, выявил ориентацию политического руководства страны, **во-первых**, на базовые традиционные ценности российского общества и, **во-вторых**, на ценностные установки, в которых ощущается острая потребность в решении государством внутри – и внеш-

неполитических задач, в сложных условиях нашего времени. Обратимся к их характеристике.

1. Развитие и укрепление российского государства связывается с **идеями консерватизма**, обеспечивших преемственность нашей тысячелетней истории на основе сплава традиций и ценностей. В Посланиях назва-

ны ценности, в которых заключены важнейшие смыслы жизни человека. Среди них выделены: **общенациональные ценности народа**. Это – семья, дети, уважение к старшим поколениям. **Ценности коллективизма** составляют основу общественных отношений в государстве. Особо отмечается роль и значение в идеологии ценностного концепта сплоченности, единения народа. Благодаря им на протяжении всей истории наш народ побеждал, проходя через масштабные, непростые испытания. Невозможно достичь поставленных целей в раздробленном обществе. В межличностных отношениях наибольшую ценность для человека имеет дружба, взаимовыручка, поддержка, милосердие. В Посланиях подчеркнута специфическая особенность духовной культуры России, которая проявляется в **ценностях толерантности**, терпимости к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям народам. Для государства важно сохранять и укреплять отношения между нациями и народами на основе ценностей многообразия, гармонии культур, языков, традиций, взаимного уважения, диалога православных, мусульман, последователей иудаизма и буддизма.

Наибольшее внимание в Посланиях сосредоточено на раскрытие идеологии **России как общества, государства, цивилизации**. Смысл и значение России заключено в **ценностях** сильного, самостоятельного государства с мощным оборонным и внешнеэкономическим потенциалом; общества, консолидированного общими ценностями и общими целями; особого цивилизационного развития с особой духовной культурой и образом жизни. Ценность России в мировосприятии народа неразрывно связано с **образом Родины**. В наши дни этот сложнейший феномен находится в начале своего научного осмысления [5]. Образ Родины историчен и отвечает задачам, которые стоят перед страной. Благодаря ему, в общественном сознании компенсируется ослабление патриотического воспитания, блокируется расширенное воспроизводство шовинистических и фашистских идей и движений, обретается этническая и национальная идентичность граждан. В условиях военной операции на Украине образ Родины – есть неизменное условие общественной консолидации. Для военнослужащих, образ Родины раскрывается как глубоко чтимый феномен, поскольку связан с близкими и родными людьми, с абсолютной ценностью Родины, за которую готовы пожертвовать собой. Образ Родины не только транслируемая идея, он формируется личностью в процессе социализации, развития его духовной культуры. Черты образа Родины связаны с детскими воспоминаниями, картинами родной природы, образом матери, национальных героев, историческими событиями, родным языком. Формирование образа Родина во многом зависит от сложившейся системы воспитания и образования в стране.

Итак, традиционные ценности составляют фундаментальные скрепы, обеспечивающие преемственность и содержание социально-культурного развития российского общества.

2. Политическое руководство страны, как следует из анализа Посланий Президента Российской Федерации, в решении конкретных государственных задач, ориентируется на идеологические постулаты консервативных базовых **ценностей социализации, экономической свободы, социальной справедливости, управления**.

В Послании вопрос **социализации** подрастающего поколения, рассматривается как первостепенный, учитывая в ближайшем будущем его роль и место в системе общественных отношений. Особое внимание уделено ценностям многодетной семьи и её роли в первич-

ной социализации детей. Это ценности любви, счастья, радости материнства и отцовства, уважения к старшим, забота о детях, крепкая связь поколений, чувства уверенности, защищенности, надежности. Поколение, воспитанное на этих ценностях, ставших нравственной нормой их поведения, сможет решать исторические задачи развития России. Предпринятые сегодня государством беспрецедентные меры широкого спектра по поддержке семьи, являются вложениями в поколение, которое завтра будет определять судьбу России.

В Посланиях вопрос о реализации **либеральной ценности «свободы»** отражает развитие новых отношений в экономике страны, связанных с появлением новых форм организации взаимоотношений в предпринимательской деятельности. К ним относятся: А). **Государственно-частное партнерство** (ГЧП), которое создается на основе совместной деятельности государства и бизнеса в различных формах (аренда, концессия, лизинг, «территория опережающего развития» и др.), на взаимном интересе путем сближения позиций партнеров. Б). Установление совместной деятельности на основе **кооперации** в производстве конечного продукта между частными предприятиями в форме **кластеров**. В). Распространение сетевых форм организации в производстве продукта, взаимодействующих на основе доверия (коллаборации). Одним из факторов успешной адаптации деятельности ГЧП, кластеров, коллабораций к рынку следует рассматривать их соответствие, адаптации к базовым экономическим требованиям X – матрицы.

Ценностный конструкт о **«справедливом социальном порядке»** остается противоречив и идеологически размыт в информационном пространстве страны. Одна из причин кроется в дифференциации материального благосостояния населения на основе стандартов денежных доходов. По данным В. Бобкова, Е. Одинцовой в 2019 году группа с неблагоприятным (неустойчивым) материальным благосостоянием в целом составила 64,8%, населения страны. В свою очередь, группа подразделяется: на наименее обеспеченных (бедные) – 12,3%; низко обеспеченных – 27,8%; обеспеченных ниже среднего уровня – 24,7%. Для сравнения, группа высоко обеспеченных составляет – 2,4% [6, с. 21]. Другая причина заключается в том, что содержание ценностных конструктов, на которые ориентируются социальные группы, различны, неопределенны из-за несовпадения внутренней ценностной ориентации людей. В работе Е. Селезневой приводится разъяснение по данному вопросу. По мнению автора, понятие о «справедливом социальном порядке» может приобретать различные значения. Если в морали смысл понятия связан с семантикой слов «правда», «истина», «честность», «принцип возмездия и отмщения», то с юридической точки зрения, понятие приобретает значение «равенство» людей перед законом, прав, мужчин и женщин и т.п. При оценке социально-экономических отношений в понятие о «социальном справедливом порядке» вкладывается смысл о равенстве возможностей для человека, социальном равенстве в обществе и др. [7, с. 162].

В Посланиях представлены **ценностные ориентации российского государства**. Его задачами являются: отвечать на цивилизационные изменения в мире, определять будущее развитие страны, вырабатывать стратегию развития общества. Методологический подход к разработке направлений развития страны основывается на понимании и учете прошлого исторического опыта, необходимости концентрации всех ресурсов, воли, творческого результативного труда. К необходимым условиям развития общества относится ценность **силь-**

ной президентской республики, гарантирующая России независимость и суверенитет.

Таким образом, анализ идей консервативного либерализма Б.Н. Чичерина и ценностных концептов, заключенных в Посланиях Президента РФ, раскрывает восприятие и ориентацию политического руководства страны на преемственность консервативной идеологии с комплементарными элементами либеральных идей, направленных на решение задач развития российского государства.

Литература

1. Чичерин Б.Н. и традиции философской и социально-политической мысли в России: материалы Международной научной конференции / отв. ред.: Н.В. Медведев, Н.М. Аверин, А.Н. Алленов. – Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – 520 с.
2. Чичерин Б.Н. Что такое охранительные начала // Философия права. – СПб.: Наука: С.-Петербург. изд. фирма, 1998. – 654 с.
3. Кирдина С.Г. Об институциональных матрицах: макросоциологическая объяснительная гипотеза // Социологические исследования. – 2001. – № 2. – С. 12–23.
4. Александров Ю.И., Кирдина С.Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования. – 2012. – № 8. – С. 3–13.
5. Гузенина С.В. Образ Родины как предмет научного анализа монография / С.В. Гузенина. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – 276 с.
6. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Материальное благосостояние россиян: межпоколенная дифференциация. Мир новой экономики. – 2021. – Т. 15. – № 2. – С. 16–28.
7. Селезнёва В. Российское общество в постсоветский период: динамика ценностных изменений элиты и граждан // Политическая наука. – 2016. Спецвыпуск. – С. 149–169.

ON VALUE CONCEPT OF IDEOLOGY IN THE RUSSIAN STATE

Chelenkova I.Y.

Legislative Assembly of the Leningrad Region

As exemplified in the conservative liberalism ideology by B.N. Chicherin, the values of liberalism are “freedom” and conservatism – “order”, “law”, “state”, “continuity”. We consider formation of a state ideological platform on a basis of conservative basic values, the liberal economic value of “freedom”, an appeal to issues of improving the socialization of the younger generation and public administration based on conservative values.

Keywords: ideology, values, B.N. Chicherin, conservative liberalism, continuity, state ideological platform, conservative values, economic values of freedom.

References

1. Chicherin B.N. and the Traditions of Philosophical and Social and Political Thought in Russia: Papers of the International Scientific Conference / Editor-in-Chief: N.V. Medvedev, N.M. Averin, A.N. Allenov. – Tambov, Publ. House of Derzhavin TSU, 2013. – 520 p. (In Russian).
2. Chicherin B.N. Protective Principles. In: Philosophy of Law. – St. Petersburg, Nauka: St. Petersburg Publ. Firm, 1998. – 654 p. (In Russian).
3. Kirdina S.G. On institutional matrices: a macro-sociological explanatory hypothesis. Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research. – 2001. – no. 2. – pp. 12–23. (In Russian).
4. Alexandrov Yu.I., Kirdina S.G. Mentality types and institutional matrices: multi-disciplinary approach. Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research. – 2012. – no. 8. – pp. 3–13. (In Russian).
5. Guzenina S.V. Obraz Rodiny kak predmet nauchnogo analiza: Monografiya. – Belgorod, 2013. – 276 p. (in Russian).
6. Bobkov V.N., Odintsova E.V. The material well-being of Russians: intergenerational differentiation. Mir novoy ekonomiki = The World of the New Economy. – 2021. – vol. 15, no. 2. – pp. 16–28. (In Russian).
7. Selezneva V. Russian society in the Post-Soviet period: dynamics of value changes of the elite and citizens. Politicheskaya nauka = Political Science (RU), 2016, special issue. – pp. 149–169. (In Russian).

Тенденции изменения социальной стратификации населения Китая в период до реформы открытости (1949–1978)

Чжан Хаопэн,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: st072557@student.spbu.ru

С момента основания Нового Китая в 1949 году и до реформы и открытости страны, хотя государство в определенной степени защищало и гарантировало права личности в экономическом, политическом и культурном аспектах, существовали большие различия между людьми и классами из-за таких факторов, как традиционная культура, экономическая система и государственная система. По мере расцвета революционного дела в Китае после основания Нового Китая и особенно после того, как страна начала осуществлять широкомасштабное экономическое строительство, стремление людей к более высокому уровню материальной жизни и духовности также стало выходить на первый план. По мере усиления социального разделения люди все больше заботились о том, как повысить свой уровень жизни, улучшить свое бытие и как лучше играть свою роль в общественной жизни. Для решения этих проблем Коммунистическая партия Китая начала искать подходящий для себя путь. Период после основания Нового Китая и до реформы и открытости был периодом социальной трансформации и развития, а также постепенного формирования социальной стратификации в Китае. В данной работе в качестве предмета исследования будет взят период от основания нового Китая в 1949 году до периода, предшествовавшего реформе и открытости, и для его изучения будет использован социологический подход.

Ключевые слова: Социальная стратификация, Мао Цзэдун, Коммунистическая партия Китая.

В первые годы основания Нового Китая, когда на традиционную социальную структуру повлияли различные факторы, отдельные люди оказались в относительно невыгодном положении, и люди выдвигали повышенные требования как к материальной жизни, так и к духовной культуре. Столкнувшись с таким нынешним состоянием социальной структуры, Коммунистическая партия Китая (КПК) приняла политику содействия социальному развитию в соответствии с развитием ситуации. После основания Нового Китая Коммунистическая партия Китая возглавила широкомасштабное движение за социалистические преобразования и добилась больших успехов. Страна начала осуществлять широкомасштабное экономическое строительство. В этом историческом контексте также возросли требования людей к материальной жизни и духовной культуре, они стали обращать внимание на собственные интересы и права. В частности, во время «Культурной революции» (Культурная революция: известная как Великая пролетарская культурная революция, происходила с мая 1966 г. по октябрь 1976 г. Это была гражданская смута, которую ошибочно начали руководители и использовали контрреволюционные группы, причинив серьезные бедствия партии, стране и народу всех национальностей, и оставив после себя крайне болезненные уроки. [1]) люди начали задумываться о том, соответствует ли их позиция интересам всего общества. В то же время одновременно с изменениями в социальной структуре менялась и социальная стратификация. Период между основанием Нового Китая и реформой и открытием был временем, когда китайское общество переходило от традиционных социальных отношений к современным, от закрытых к открытым, от традиционной культуры к современной, и от сельскохозяйственной к индустриальной эпохе.

Существуют две отличительные черты социальной стратификации в Китае в эпоху маоизма: первая: экономические и социальные различия внутри различных сфер более очевидны; вторая: социальная дифференциация проходит определенные этапы[2]. Во-первых, в политической сфере в эпоху маоизма существовали очевидные различия в разделении различных страт. Если рассматривать разделение в период с 1950 по 1952 год, то этническая принадлежность, пол, возраст и уровень образования формировали критерии классовой стратификации. Этническая принадлежность определяется между ханьцами и этническими меньшинствами; пол – между мужчинами и женщинами; возраст обычно делится на молодежь, средний возраст и пожилой возраст, а уровень образования от начального до университетского – на начальный, средний и продвинутый (включая университетский) и степень магистра и выше. Во-вторых, существуют также этапы изменений во времени: с 1950 по 1956 год – начальный этап социалистического строительства; с 1958 года – период «Великого скачка вперед» (Великий скачок вперед: относится к массовому движению, проводившемуся с 1958 по 1960 год для достижения высоких показателей промышленного и сельскохозяйственного производства при строительстве экономики страны. Это движение стало серьезной неудачей).

чей для партии в исследовании пути к социализму. [3, с. 473–500]) и «Коммунизация народа» (Коммунизация народа: Коммунизация народной коммуны была важным решением, принятым Коммунистической партией Китая в конце 1950-х годов для изучения пути социалистического строительства в Китае как части общего социалистического строительства. Есть преимущества и недостатки. [4, с. 500–502].) (1958–1966); с 1967 по 1979 год шел длительный процесс адаптации. Наконец, изменения в социально-экономической системе и государственном устройстве привели к заметным различиям между разными областями. Период с 1952 по 1966 год был периодом, в течение которого страна переживала социалистическую трансформацию, и начальным периодом после начала социалистического строительства (1956–1959 гг.), а период с 1961 по 1977 год был периодом серьезных корректировок (Культурная революция) и ее окончательного завершения. В целом, социальная стратификация с момента основания Китайской Народной Республики демонстрирует различные этапы и особенности

С момента основания нового Китая в 1949 году и до реформы и открытости экономическое развитие страны вступило в новый исторический период с широкомасштабной земельной реформой, кооперативным движением и движением массового производства. Однако из-за огромных разрушений, вызванных войной, экономическое развитие страны не было на высоком уровне, поэтому люди не ожидали многого от проблем, возникавших в социальной и экономической жизни. Хотя у Коммунистической партии Китая еще не было единого стандарта для разделения различных уровней общества, партия уже провела определенные разделения между различными классами в этот период. На экономическом фронте партия и правительство дифференцировали общество в основном на основе статуса доходов различных классов в то время; в плане культуры партия сделала уровень культуры одним из критериев измерения социального статуса в первые годы основания страны. С момента основания страны Коммунистическая партия Китая вела нацию в активной революционной борьбе и экономическом строительстве. Таким образом, с реформированием национальной экономической системы и внедрением системы сельского земельного подряда государство начало вносить определенные коррективы в жизнь различных социальных классов. Одной из самых важных реформ была отмена системы народных коммун. Превращение всех фермеров страны в отдельные учетные единицы [5, с. 24–39]. Поскольку в секторе сельскохозяйственного производства было большое количество несельскохозяйственных и ремесленных работников, государство внесло коррективы в положение ремесленных или несельскохозяйственных работников, удалив их из сектора сельскохозяйственного производства и вместо этого разделив социальные классы на три класса: первый – городской промышленный и торговый класс, состоящий из людей, занятых в различных видах промышленной, торговой и другой обслуживающей деятельности, на долю которого приходились Эта группа не составляла большой доли от общей численности населения общества. Вторая группа – промышленные рабочие: эта группа состояла из промышленных рабочих, городских ремесленников и людей других неэкономических профессий, которые были заняты в различных видах производственной деятельности, промышленных и коммерческих операциях. Третья группа – это крестьянство: этот класс составлял наибольшую часть всего населения общества в первые годы основания Нового Китая [6, с. 13–20]. Анализ

вышеуказанных трех различных социальных слоев показывает, что, хотя после основания Нового Китая произошло серьезное социальное разделение, и государство осуществляло широкомасштабное экономическое строительство и другие политики и меры, чтобы сделать жизнь народа лучше, большое количество несельскохозяйственных рабочих и ремесленников существовало в различных областях общества, все еще существовали очевидные связи между высшими и низшими социальными слоями, и социально-классовая структура Между различными слоями общества все еще существуют некоторые различия.

Вывод. С 1949 года и до времени реформ и открытости. Степень и характеристики социальной дифференциации в этот период проявлялись в различных областях и аспектах дифференциации, таких как большой разрыв между богатыми и бедными людьми в экономической сфере, большие различия между классами, большой разрыв в культурной грамотности и т.д. После 1950 года, когда Китай начал масштабное строительство социализма, различия между различными социальными классами в этот период еще больше увеличились. Социальная стратификация в различных регионах в этот период характеризовалась постепенным переходом от несовместимых критериев классификации к классификации по роду занятий, личному доходу и богатству, а также социальным отношениям. Социальная стратификация в различных регионах в этот период характеризовалась постепенным переходом от несовместимых критериев классификации к классификации по роду занятий, личному доходу и богатству, а также социальным отношениям. Когда Китай вступил в новую эру, добившись больших успехов в своем государственном строительстве, изменилась и структура социальной стратификации.

Литература

1. Исследовательское бюро истории партии при Центральном комитете Коммунистической партии Китая. Краткая история Коммунистической партии Китая / Народное издательство, 2021 (на кит. яз.).
2. Ранние сочинения Мао Цзэдуна [М]. Чанша / Издательство Хунань, 1990 (на кит. яз.).
3. Исследовательское бюро истории партии при Центральном комитете Коммунистической партии Китая. История Коммунистической партии Китая, Том II / Издательство истории Коммунистической партии Китая, 2021 (на кит. яз.).
4. Исследовательское бюро истории партии при Центральном комитете Коммунистической партии Китая. Девяносто лет Коммунистической партии Китая: период социалистической революции и строительства / Издательство истории Коммунистической партии Издательство партийного строительства и чтения, 2016 (на кит. яз.).
5. Чжан Ваньли. Двадцать лет исследования стратификации социальных классов в Китае [J] / Институт социологии, № 1, 2000 (на кит. яз.).
6. У Пэн Сэнь. Историческая эволюция структуры социальной стратификации в современном Китае и ее раскрытие [J] / Нанкинский нормальный университет (издание по общественным наукам), № 6, 2002 (на кит. яз.).
7. Ван Кайчэн. Текущие изменения в социальной структуре Китая и работа Объединенного фронта [J] / Журнал Центральной социалистической академии, № 1, 2000 (на кит. яз.).

TRENDS IN SOCIAL STRATIFICATION OF CHINA'S POPULATION IN THE PERIOD BEFORE THE OPENING UP REFORM (1949–1978)

Zhang Haopeng

St. Petersburg State University

From the founding of New China in 1949 until the country's reform and opening up, although the state protected and guaranteed individual rights to some extent economically, politically, and culturally, there were great differences between people and classes because of such factors as traditional culture, the economic system, and the state system. As China's revolutionary cause flourished after the founding of New China and especially after the country began to undertake large-scale economic construction, people's desire for a higher standard of material life and spirituality also came to the fore. As social divisions intensified, people became increasingly concerned about how to raise their standard of living, improve their existence, and better play their role in public life. To solve these problems, the Communist Party of China began to look for the right path for itself. The period after the founding of New China and before reform and opening up was a period of social transformation and development as well as the gradual formation of social stratification in China. This paper will take the period from the founding of New China in 1949 to the period prior to reform and opening up as its subject and will use a sociological approach to study it.

Keywords: Social Stratification, Mao Zedong, Communist Party of China.

References

1. Party History Research Bureau of the Central Committee of the Communist Party of China. A Brief History of the Communist Party of China / People's Publishing House, 2021 (in Chinese).
2. Mao Zedong's Early Writings [M]. Changsha / Hunan Publishing House, 1990 (in Chinese).
3. Party History Research Bureau of the Central Committee of the Communist Party of China. History of the Communist Party of China, Volume II / Chinese Communist Party History Publishing House, 2021 (in Chinese).
4. Party History Research Bureau of the Central Committee of the Communist Party of China. Ninety Years of the Communist Party of China: the Period of Socialist Revolution and Construction / Communist Party History Publishing House Party Building and Reading, 2016 (in Chinese).
5. Zhang Wanli. Twenty Years of Research on Social Class Stratification in China [J] / Institute of Sociology, No. 1, 2000 (in Chinese).
6. Wu Peng Sen. Historical Evolution of Social Stratification Structure in Modern China and its Disclosure [J] / Nanjing Normal University (Social Science Publication), No. 6, 2002 (in Chinese).
7. Wang Kaicheng. Current Changes in China's Social Structure and the Work of the United Front [J] / Journal of the Central Socialist Academy, No. 1, 2000 (in Chinese).

Исследование идей философско-политического учения В.И. Ленина в аспекте воздействия на политическую систему Китая

Го Синьюй,

аспирант, Университет Фудань, КНР
E-mail: beladm09@mail.ru.

Идеи В.И. Ленина получили своё распространение в Китае со времени Октябрьской революции в России. Тогда же, в 1920-е годы, начался их всесторонний анализ и интерпретация применительно к выбранному китайским государством пути социально-политического развития. К XXI веку лениноведение в Китае приобрело свою специфику и продолжает приобретать качественно новые характеристики, которые находят проявление не только в опубликовании обновленного издания полного собрания сочинений В.И. Ленина с дополнительными комментариями и биографическими работами, но и в более глубоком и систематическом изучении его идеологической системы и доктрины с позиций значимости для современности. Идеи наследия Ленина используются китайскими учеными для объективной оценки событий Октябрьской революции, для интерпретации теории империализма, исходя из современных социально-экономических и политических национальных и мировых реалий, а также для полноценного диалога с западными исследователями и политологами, интересующимися трудами В.И. Ленина.

Ключевые слова: В.И. Ленин, Октябрьская революция в России, марксизм, теория империализма, западное и восточное лениноведение, китайское лениноведение.

В.И. Ленин был самым известным русским пролетарским революционером и теоретиком, основателем Советского государства, знаковой фигурой в истории развития марксизма. Новые исторические условия – переход капитализма в стадию империалистического развития, оппонирование Э. Бернштейна деятельности Второго Интернационала, оппортунистические выступления К. Каутского и последователей его экономического крыла в России, а также меньшевиков и других оппортунистических течений – инициировали ещё более активную теоретическую деятельность В.И. Ленина в направлении творческого преобразования марксистского учения. Ленин был центром международной политической борьбы, поскольку являлся одной из самых масштабных и сложнейших фигур того времени; даже не только того времени, но и, как теперь мы убеждаемся, всего XX века [1, 10]. Проблема оценки деятельности и значимости этого человека для русской и мировой истории до сих пор остаётся спорной. О нём то забывали, то вновь возвращались к его идеям, которые оценивались периодически либо нежизнеспособными и активно «опровергались», либо признавались академическими кругами и политологами пророческими и обретшими новое значение в условиях современности. Сегодня в Китае, отстаивающем правоту собственного выбора социалистического пути развития, научное обоснование идей марксизма и положений ленинской теории империализма, в частности, сохраняет свою актуальность и даже выходит на новый теоретический уровень осмысления.

Труды Ленина и его идеи оказывали глубокое влияние на судьбу китайского народа на протяжении десятилетий, начиная с 1920-х годов, когда первые китайские социалисты познакомили народ с русским революционным мыслителем и защитником интересов угнетённых классов. После образования китайского социалистического государства начался систематический перевод и распространение трудов Ленина.

Первоначально Ленин был причислен в Китае к классикам литературы и его труды долгое время интерпретировались как авторитетные литературно-публицистические тексты. На этом этапе сформировалась некая тенденция к мифологизации и своеобразной канонизации идей Ленина, что ослабило научно-исследовательский подход к политическому наследию теоретика марксизма. После осуществления в КНР программы реформ и открытости (1978 год) в догматическом исследовании трудов Ленина появились новые качественные направления. На протяжении более чем сорокалетней истории предпринятой Китаем программой экономических реформ в качестве основных задач в данной сфере определялись: «китаизация» положений марксистской теории, заимствование и преобразование принципов как советского, так и западного ленинизма, создание основ собственно национального – китайско-

го ленинизма. С начала XXI века китайские академическое сообщество определило новое поле творческого изложения ленинских идей в контексте глобализации макроэпохи: в китайских научных кругах появилось большое количество значительных теоретических работ о В.И. Ленине и его деятельности, которые раскрыли богатое наследие ленинского учения на глубоком и высоком уровне, создали качественно новую ситуацию в китайском лениноведении.

Октябрьская революция и ход истории человечества

Самым важным этапом деятельности В.И. Ленина, несомненно, была Октябрьская социалистическая революция, победа в которой глубоко изменила судьбу человечества и ситуацию в мире. Ленин на долгие годы для большинства людей стал олицетворением «истинного духа 1917 года». Прошедшие с того момента годы ознаменованы кардинальными преобразованиями во внутренней и международной ситуации КНР как государства, которое продолжает идти по выбранному им социалистическому пути развития. Теперь уже с позиции этих достижений возникает необходимость вновь обратиться к теоретическому наследию Ленина – творчески переработать его, сделать новые выводы и определить перспективы дальнейшего применения в социально-экономической и политической жизни китайского общества.

В статье Хуан Шоусуна «Трехмерный взгляд на революцию Ленина: исследование, сосредоточенное на Октябрьской революции» [2] заново рассматриваются основные аспекты революционного мировоззрения Ленина, утверждается, что Октябрьская революция представляет собой поиск пути некапиталистической модернизации с учётом принципов революционной диалектики и самосознания пролетариата. Автор подробно и объективно исследует принципы революционного мировоззрения Ленина и их реализацию в момент свершения Октябрьской революции. Хуан Шоусун отмечает, что в революционном мировоззрении Ленина, казалось бы, противоположные понятия всеобщего и особенного, объективного закона и субъективной активности, демократии и диктатуры, политической партии и масс и др. образуют органическое целое [2, 158]. Такой диалектический подход помогает автору не просто выделить и описать существенные и несущественные элементы революционного мировоззрения Ленина, но сделать это в рамках целостной системы, отталкиваясь от объективного опыта прошедших десятилетий. Позиция Хуан Шоусун доказывает несостоятельность определённых взглядов в оценке отдельных действий и мер, предпринятых Лениным в конкретных ситуациях, как ошибочных и приведших к общему отрицательному результату. Целесообразность осуществлённых действий и реализованных в тот период мер может быть объективно оценённой лишь спустя время.

24 октября 2020 года в Гуйлине состоялся семинар, посвященный 150-летию со дня рождения В.И. Ленина. Профессор Ху Хайбо из Северо-восточного педагогического университета, выступая на этом семинаре, подчеркнул всемирно-историческое значение Октябрьской революции под руководством Ленина [Цит. по: 3]. Во-первых, она открыла новую эру в истории не только России, но и всего мира. Именно под влиянием Октябрьской революции ряд стран Восточной Европы, Азии и Америки встали на путь построения социалистического общества. Во-вторых, победа Октябрьской революции изменила ход и направление мировой истории, сделав сосуществование двух систем новой мировой моделью. При

этом, на уровне крупных исторических событий и социальных изменений социалистическая система показала свою жизнеспособность и даже превосходство в сравнении с капиталистическими производственными отношениями. В-третьих, Октябрьская революция открыла для мира теоретические принципы ленинизма, как образец сочетания марксистской теории и практики, а также определила значимость марксизма в качестве теоретического руководства для осуществления мировой пролетарской революции. В-четвертых, Октябрьская революция на примере России обосновала использование марксизма как теоретической основы на пути модернизации, особенно эффективного для очень или относительно экономически и культурно отсталых стран [3, 118].

Ввиду огромного влияния Ленина на развитие истории человечества в XX веке, переосмысление Октябрьской революции является одной из актуальных тем в области лениноведческих исследований в Китае. В настоящее время китайские ученые стремятся не только описать уже с исторических позиций значение и международное влияние Октябрьской революции, но и раскрыть неизбежность социалистического революционного преобразования и жизнеспособность пути общественного развития, проложенного ею. Распад Советского Союза не является безоговорочным аргументом для отрицания как самой Октябрьской революции, так и возможности осуществления социалистического пути развития с учётом национальной специфики для любого государства и, в частности, для КНР.

Современная интерпретация и определение значения ленинской теории империализма

По мере реализации китайской политики реформ и открытости, а также развития мировой экономической и политической ситуации изучение ленинской теории империализма углублялось – особое внимание китайские ученые уделяли значению основополагающих принципов ленинской теории империализма на каждом историческом отрезке времени. В целом, подтверждая историческое и современное значение основных положений ленинской теории империализма, академическое сообщество Китая открыто говорит о необходимости доработки некоторых специфических моментов этой теории применительно к особенностям национального развития.

Монография Гу Юйланы «Ленинская теория империализма и ее современное значение» содержит всесторонний анализ основных концептуальных идей ленинской теории в контексте результатов развития современной капиталистической системы: автор описывает паразитические и коррумпированные составляющие природы современного капитализма, обосновывает актуальность самой теории империализма и её утверждений о том, что империализм, как последняя стадия капиталистической цивилизации, в конечном итоге будет заменен новой социалистической цивилизацией.

К подобным аналитическим выводам приходят и другие китайские теоретики – Лю Вэйчунь («Переосмысление ленинской теории империализма»), Цю Вэйдун («Исследование ленинской теории империализма и ее современных ценностей») и У Бо («Современные размышления о ленинской теории империализма – историческое позиционирование капитализма с XX века») и пр. Большинство исследований нацелено не только на исчерпывающее изложение основных элементов ленинской теории империализма, но и особое внимание уделяют рассмотрению принципов логики и идеологической структуры, которые использовал Ленин в построении теории империализма и которыми можно воспользоваться для

анализа развития капиталистической системы на современном этапе.

Китайские учёные уверены, что сегодняшние экономические и политические реалии мирового уровня помогают наглядно подтвердить обоснованность ленинской теории империализма. Например, Ли Шэньмин в статье «Мир все еще находится в эпохе финансового империализма», опираясь на ленинское толкование стадий капитализма, утверждает, что так называемая эпоха империализма сегодня есть эпоха финансового капитала, выдвигая на политическую арену буржуазии в качестве силы, определяющей развитие не только отдельного государства, но и мирового сообщества в целом: «мир сегодня всё ещё находится в эпохе финансового империализма, которая до сих пор не претерпела коренного качественного изменения и, вероятно, продлится еще значительный период истории» [5, 2]. По мнению Цзинь Хуэймин и Ло Вэньдун, нынешний мировой экономический кризис также доказывает правильность ленинской теории империализма, которая остается сильным идеологическим оружием для революционной борьбы пролетариата и практики социалистического строительства [6, 8]. Для Цзян Ань «монополия» положений ленинской теории империализма во многом неоспорима – они сохранили актуальность сегодня, а методы исследования и принципы, содержащиеся в них, предоставляют почву для нового когнитивного подхода, современного философского отношения и ценностных идеалов не только в рамках настоящего, но и для будущих обществ [7, 21]. Этой же позиции придерживается Гу Юйлань, который подчёркивает, что выявленные Лениным характеристики империализма присутствуют в современном мире – господство монополий и финансовых олигархий, гегемония, паразитизм и коррумпированность финансовой верхушки капиталистического общества. Таким образом, монополистическая сущность сегодняшнего капитализма осталась неизменной, а потому ленинская теория империализма по-прежнему выступает как методология, помогающая объяснить особенности функционирования капиталистического общества в целом [4, 25]. Можно утверждать, что единым знаменателем всех этих исследований является более современный научный подход и сравнительная интерпретация экономических проблем империализма, которые полностью подтверждают справедливость центральных положений ленинской теории империализма.

Еще более ценным видится критическое восприятие основных аргументов ленинской теории империализма и последующая выработка новых идей и концепций развития капитализма, объясняющих особенности современного капиталистического развития. Исходя из реалий современного капитализма, Гао Фан утверждает, что современный капитализм – это социальный капитализм, преодолевший стадию монополистического капитализма (империализма), описанную Лениным, и являющуюся высшей и последней стадией мирового капитализма [8, 31]. Луо Вэньдун, исследуя закономерности развития западного капитализма, уделяет внимание различным теоретическим течениям – от кейнсианства до неолитерализма, а также различным теориям и практикам «третьего пути» [9, 74]. Подход Луо Вэньдун фактически совпадает с выводами Гао Фана, но при этом Луо Вэньдун подчёркивает, что, хотя современный капитализм стал результатом постепенного перехода от государственного монополистического капитализма к наднациональному монополистическому капитализму, его суть остаётся всё той же – паразитическая, загнивающая и умирающая природа империализма, описанная Лениным, принципиально не изменилась. Это означает,

что наднациональный монополистический капитализм в современном мире не преодолел ленинского научного утверждения о том, что империализм является высшей и последней стадией капитализма. Однако, по утверждениям другого исследователя – Ван Цзиньцунь [10], следует учитывать качественную неоднородность развития общества во времени, а это означает, что традиционный империализм (т.е. эпоха колониального империализма, по словам Ленина) закончился в результате комплекса событий: победы социалистической революции и формирования мировой социалистической системы, а также завершения мировой национально-демократической революции и краха мировой колониальной системы. При этом монополистический характер империализма, раскрытый Лениным, не изменился, а превратился в современный империализм, представленный гегемонией и силовой политикой, проводимой США после Второй мировой войны в отношении всего мирового сообщества [10].

Хотя такие новаторские исследования еще не получили широкого распространения в научной среде, они в определенной степени представляют собой будущее направление ленинской теории империализма. По сути, ленинское понимание сущности империализма представляет собой углублённое погружение в теорию Маркса о тенденциях развития капитализма, а также служит теоретической базой для размышлений о способах взаимодействия с капиталистическим лагерем в контексте «один мир – две системы».

Диалог с западным лениноведением

В западных академических кругах изучение Ленина (и ленинизма) было настолько важным во время холодной войны, что там даже появился соответствующий термин – «лениноведение». Западное лениноведение, возникшее в 1960-х годах, представляет собой направление и дисциплину, использующую в качестве теоретической основы буржуазные или мелкобуржуазные взгляды, методы и позиции для изучения трудов Ленина и принципов ленинизма. В 1980-х годах теоретические круги некоторых социалистических стран Востока экстраполировали ленинское учение как части марксистской доктрины на различные области знаний, такие как философия, политическая экономия и научный социализм, особенно на область политологии. Таким образом сформировалось и получило развитие «восточное лениноведение».

В последние годы китайские ученые много внимания уделяли изучению взаимосвязи между учением В.И. Ленина и так называемым «восточным вопросом», сосредоточенным на особенностях цивилизационного развития стран Востока. Углубление понимания основ ленинского учения, опровержение нападок западных научных школ на теоретические принципы В.И. Ленина оформили восточный ленинизм в зрелое концептуальное направление. Большой научной заслугой профессора Юй Лянцзао [11] является не только чёткое обозначение места ленинской теории в истории развития марксизма, но глубокая попытка изучения процесса формирования восточного мира и его дальнейшего развития сквозь призму ленинского учения. В своей монографии «О создании восточного лениноведения» Юй Лянцзао подчёркивает значимость восточного лениноведения, создаваемого в контексте экономических, политических и культурных перспектив Востока, с целью выработки нового, «восточного», направления научного социализма. Профессором Юй Лянцзао представлена историческая ретроспектива обращения к принципам ленинизма первыми китайскими социалистами и ведущими деятелями Коммунистической партии Китая. По словам учё-

ного, уже первые китайские социалисты дали объективно верную оценку ленинским теориям о роли коммунистической партии, о диктатуре пролетариата и о Новой Экономической Политике. Большое внимание уделялось принципам ленинизма и в период китайской новой демократической революции: Мао Цзэдун, лидер китайской Коммунистической партии, часто обращался теоретическим положениям ленинизма в своих трудах и докладах, используя их для иллюстрации проблем, стоящих перед китайской революцией. Придавая особое значение статусу Октябрьской революции, роли партии большевиков в историческом процессе и теоретических взглядов Ленина на разные моменты ситуации (мировая война, стратегическое отступление ради выживания, неизбежность революции и пр.), Мао Цзэдун призывал воспринимать это в качестве примера. Однако лидер китайской Коммунистической партии ратовал не за «слепое копирование» чужого исторического опыта, а за осмысленное сочетание марксизма с учётом реалий конкретной страны.

Восточное лениноведение сосредоточивает внимание на «восточной специфике», на особой актуальности и объективности тех или иных политических и социально-экономических инициатив для стран Востока. Китайское научное сообщество давно признало и поставило в центр восточного лениноведения идеи Ленина о продвижении социализма на Востоке извилистым путём – с использованием принципов капиталистического строительства, с развитием общественных производительных сил, с уделением основного внимания отстаиванию интересов народа, с укреплением роли правящей партии, с утверждением принципов строительства передовой культуры [11, 46]. Юй Лянцзао настаивал на трёх основных качествах, которые должно сохранять восточное лениноведение: 1) оно должно выполнять роль теоретической основы для практической деятельности Коммунистической партии в построении социализма – в Китае эта практика должна обязательно учитывать национальную специфику; 2) в основе концепции построения социализма и её практического внедрения всегда должна быть целостность и эффективность учения Ленина применительно к Востоку; 3) восточное лениноведение должно развиваться своим, особенным, путём, не поддаваясь как «левым», так и «правым» идеологическим тенденциям [11].

Заключение

Китайские исследователи теоретических трудов В.И. Ленина уверенно заявляют сегодня о том, что сформулированные в них принципы построения социалистического государства сохраняют свою теоретическую и практическую значимость для разных государственных образований. Национальная специфика и не предсказуемые порой вызовы современного мира оставляют место для постоянного размышления и углубленного изучения тех или иных нюансов в теории марксизма, поиска скрытых резервов, способных оправдать социалистические принципы жизнеустройства общества. Среди задач, которые ставит перед собой китайское научное сообщество в этом направлении: расширение круга изучаемых ленинских текстов; применение сравнительно-исторического метода при анализе работ В.И. Ленина и его современников, что обеспечивает ещё большую объективность теоретических взглядов вождя Октябрьской революции и способствует утверждению исторической значимости этой личности. Наравне с К. Марксом, Ленин подчинил свою жизнь не личным интересам, не отстаиванию интересов отдельной страны или нации, а ставил перед собой задачу поиска путей к прогрессу всего человечества и освобо-

ждению огромного количества страдающих трудящихся людей, особенно в отсталых государствах.

Более 100 лет Коммунистическая партия Китая активно применяет и развивает на практике ключевые положения ленинской теории империализма, такие как противостояние империализму, использование отдельных принципов капитализма для построения социализма и укрепления духа пролетарского интернационализма. Идеи Ленина по-прежнему остаются неотъемлемым «идеологическим подспорьем» для современной китайской политической мысли и идеологическим ресурсом для китайского марксизма.

Литература

1. Котеленец Е.А. Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. М.: АИРО-XXI, 2017. 256 с.
2. Хуан Шоусун. Трёхмерный взгляд на революцию Ленина: исследование, сосредоточенное на Октябрьской революции // Социальные науки Гуанси. 2018. № 7. С. 158.
3. Лю Лонгву. Сведение симпозиума «150-летие со дня рождения Ленина» и ежегодное собрание Китайской ассоциации по изучению ленинской мысли в 2020 году // Динамика социальных наук. 2021. № 3. С. 118.
4. Гу Юйлань. О современной объяснительной силе ленинской теории империализма // Марксистские исследования. 2016. № 8. С. 25.
5. Ли Шэньмин. Мир все еще находится в эпохе финансового империализма // Исследования теории Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. 2016. № 8. С. 2.
6. Цзинь Хуэймин, Ло Вэньдун. «Теория империализма» и современность: К 140-летию со дня рождения Ленина // Китайская душа. 2010. № 5. С. 8.
7. Цзянь Ань. Ленинский «империализм»: исторические споры и современная оценка // Китайские общественные науки. 2014. № 4. С. 21.
8. Гао Фан. Социальный капитализм – высшая стадия капитализма // Форум Цзяньхань. 2001. № 8. С. 31.
9. Луо Вэньдун. Наднациональный монополистический капитализм: теоретический анализ современного капитализма // Современный мир и социализм. 2006. № 5. С. 74.
10. Ван Цзиньцунь. Конец империалистической истории: становление и развитие тенденции современного империализма. Пекин. Изд-во литературы по общественным наукам. 2018. С. 49–109.
11. Юй Лянцзао. Восточное лениноведение об основном содержании ленинизма // Форум Цзяньхань. 2003. № 9.

THE STUDY OF THE IDEAS OF THE PHILOSOPHICAL AND POLITICAL TEACHINGS OF V.I. LENIN IN THE ASPECT OF THE IMPACT ON THE POLITICAL SYSTEM OF CHINA

Guo Xinyu
Institute of Marxism Fudan University

Lenin's ideas have been widespread in China since the October Revolution in Russia. At the same time, in the 1920s, their comprehensive analysis and interpretation began in relation to the socio-political development of Chinese society. In the XXI century, Leninology in China acquires qualitatively new characteristics of development, which are manifested not only in the publication of an updated edition of the complete works of V.I. Lenin and biographical works, but also in a deeper and systematic study of his ideology and doctrine from the standpoint of their significance for modernity. Lenin's ideological legacy is used by Chinese scientists for an objective assessment of the events of the October Revolution, for the

interpretation of the theory of imperialism, based on modern socio-economic and political realities, as well as for a full-fledged dialogue with Western researchers and political scientists interested in the works of V.I. Lenin.

Keywords: V.I. Lenin, the October Revolution in Russia, Marxism, theory of imperialism, Western and Eastern Leninology, chinese leninology.

References

1. E. A. Kotelenets. Battle for Lenin. Recent research and discussions. M.: AIRO-XXI, 2017. 256 p.
2. Huang Shousun. A Three-Dimensional View of Lenin's Revolution: A Study Focused on the October Revolution // Guangxi Social Sciences. 2018. No. 7. P. 158.
3. Liu Longwu. Mixing of the Symposium "150th Anniversary of Lenin's Birth" and the Annual Meeting of the Chinese Association for the Study of Lenin's Thought in 2020 // Dynamics of Social Sciences. 2021. No. 3. P. 118.
4. Gu Yulan. On the Modern Explanatory Power of the Leninist Theory of Imperialism // Marxist Studies. 2016. No. 8. P. 25.
5. Li Shenming. The world is still in the era of financial imperialism// Studies in the theory of Mao Zedong and Deng Xiaoping.2016. No. 8. P. 2.
6. Jin Huiming, Lo Wendong. "Theory of Imperialism" and Modernity: On the 140th Anniversary of Lenin's Birth //Chinese Soul. 2010. No. 5. P. 8.
7. Jiang An. Lenin's "imperialism": historical disputes and modern assessment // Chinese social sciences. 2014. No. 4. P. 21.
8. Gao Fang. Social capitalism – the highest stage of capitalism // Jianhan Forum. 2001. No. 8. S. 31.
9. Luo Wendong. Supranational monopoly capitalism: a theoretical analysis of modern capitalism // Modern world and socialism. 2006. No. 5. S. 74.
10. Wang Jintsun. The end of imperialist history: the formation and development of the trend of modern imperialism. Beijing. Publishing house of literature on social sciences. 2018. S. 49–109.
11. Yu Liangzao. Eastern Leninism about the main content of Leninism // Jianhan Forum. 2003. No. 9.

Грибакин Александр Васильевич,

д.ф.н., заслуженный работник высшей школы РФ, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
E-mail: a.v.gribakin@usla.ru

В статье представлены выводы авторских исследований генезиса юридического закона, фиксирующего права и обязанности социальных субъектов, и применяемую для их реализации технологию деятельности органов власти и управления. В качестве базисного в текстах юридических законов взято понятие «правило», объективное содержание которого формируется в процессах нормофикации.

Ключевые слова: правило, нормофикация, А.С. Пушкин, естественное право, опредмечивание, распредмечивание, права, обязанности, индивид, юридический закон.

Динамичная трансформация практической деятельности людей в сферах материального, социального и духовного производств, регулируемых средствами юридических законов, требует повышенного внимания к их форме и содержанию в целях обеспечения соответствия процессам, происходящим в общественном бытии и сознании, перспективам их изменений. Определенные резервы для решения этой задачи может вскрыть социально-философский анализ природы юридического закона, его реальных предельных оснований.

А между тем оказывается, что данный фундаментальный вопрос онтологии юридического закона в литературе освещается неудовлетворительно, либо вообще остается в зоне умолчания. Каков разброс мнений философов, юристов относительно природы, происхождения, структуры, движения и пространственно-временного существования юридических законов? Представим некоторые популярные позиции.

Полагаю, что начать надо с констатации триумфального шествия по страницам нашей философской и юридической литературы концепции естественного права и естественных прав человека. Вопросы о том, как они возникают, что собой представляют за пределами декларативных заявлений относительно их наличия в действительности авторами книг, статей, диссертаций чаще всего не ставятся. Есть отдельные попытки. Так, юрист С.С. Алексеев, отождествляющий понятия «естественное право» и «естественные права человека», пишет, что «все люди, сообщества людей живут в природных, социальных и иных сложившихся и потому «естественных» условиях своего бытия, которые являются для них твердыми, естественно-императивными... следовательно, могут быть обозначены словом «право»...» [1, С. 17; курсив автора – А.Г.]. Далее он пишет, что «естественное право» – сумма требований в своей исходной основе рожденных непосредственно, без какого-либо людского участия, либо самой натуральной жизнью общества, «природой», «естеством» человеческого бытия, объективными условиями жизнедеятельности, естественным ходом вещей» [1, С. 18]. Резюмируем позицию С.С. Алексеева: естественное право – **это требования**. Аналогичную точку зрения высказывают некоторые философы [10, С. 27]. Здесь важно уточнить, от кого исходят «требования». По мнению названных авторов, источником «требований» являются: 1) натуральная жизнь общества; 2) «природа», «естество» человеческого бытия; 3) объективные условия жизнедеятельности; 4) естественный ход вещей. Остается уяснить, почему эти «требования» есть право? Ответ дается в духе антропоморфизма: потому, что они «объясняют, обосновывают, оправдывают поведение людей» [1, С. 17].

По мировоззренческой традиции философских партий данное решение отвечает критериям метафизического материализма. В самом деле. Автор концепции утверждает, что свои права человек получает от внешней для него объективной, от его сознания и воли независимой силы. Тем самым из предельных оснований права исключается творческая активность человека, создающего самого себя, общество и его историю. Однако в другой работе С.С. Алексеев излагает иное мнение относительно происхождения, содержания права как юридического закона. Он пишет, что последнее «явля-

ется плодом ума, интеллектуальных усилий правоведов, государственных деятелей, философов – знатоков юриспруденции, ученых, юристов-практиков» [2, С. 160–161. Выделено автором – А. Г.]. Данное утверждение соответствует маркерам субъективного идеализма. Такова редкая попытка уйти от декларативной манифестации существования естественного права и показать, что оно такое и как возникает. Какое значение естественное право имеет для юридического закона? Отвечая на этот вопрос, С.С. Алексеев ведет речь о естественных правах человека. Как сказано выше, последнее он отождествляет с естественным правом. По мнению ученого, естественные права человека обладают прямым юридическим действием и образуют основу всей национальной юридической системы. Он отмечает, что они «призваны определять содержание, смысл и направления деятельности законодательных, исполнительных, правоохранительных органов...» [1, С. 136]. Таким образом, согласно изложенной позиции юридический закон является сущностью, обусловленной естественным правом, которое в свою очередь, является плодом фантазии людей, бесильных перед лицом суровым, несправедливым общественным строем, грезящих его переустроить для блага и счастья всех людей.

Как показывает опыт, концепция естественного права является такой же ловушкой для простаков, как Болонская система в образовании, которая в отношении России имеет целью снизить общий интеллектуальный, культурный уровень населения, выявить и привлечь на Запад талантливых часть молодежи для жизни и работы, лишить Россию процветающего будущего. Идеологема естественного права, будучи мистически привлекательной как всякие фантазийные представления, в современных условиях возбуждает воображение индивидов, разжигает в них требовательное отношение к социуму, государству, к другим людям. В арсенале агрессивных сил она является мощнейшим тараном против трудовой сущности человека, свободы и демократии, справедливости и суверенитета народа, государства [7, С. 199–206]. Выбросить ее за борт науки, духовной культуры – актуальная задача. «Использовать термин естественное право в научном смысле **некорректно**» [12, С. 247. Выделено автором – А. Г.].

Отечественные философы и юристы периода СССР, заявлявшие о своей диалектико-материалистической мировоззренческой ориентации, происхождение и наполнение юридических законов выводили из хозяйственной деятельности. Так, появление института частной собственности в качестве общественного отношения просто констатировалось как объективный факт. Одной фразой: «Возникла частная собственность», т.е. состоялось становление права частной собственности. Вопросы же о том, каковы его предельные основания, механизм объективного вызревания в актах жизнедеятельности, условия осознания людьми, отказавшимися от «мы» и противопоставляя себя другим, перешедшими на ценность «я». Природа и сущность юридического закона трактовались как выражение и закрепление воли правящего класса. Понятия юридического закона и права отождествлялись. В основе данной трактовки лежала ошибочная интерпретация высказывания из Манифеста коммунистической партии (1848), где К. Маркс и Ф. Энгельс, обращаясь к молодой буржуазии, писали: «Ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса» [11, С. 420]. Стало быть, историческую ситуацию в годы революций, когда собственность, давно известная уже как общественное отношение, приобретает волевым путем,

нахрапом захватывается чужое имущество, К. Маркс и Ф. Энгельс отразили в определении права как воли, возведенной в закон. На наш взгляд в тезисе речь идет не о сущности права как юридического закона, а о праве как основательном притязании индивидов, групп людей. Присвоение чужого имущества узаконивалось государством, закреплялось за новыми людьми как их право владения, пользования и распоряжения. Полагаю, что предложенная интерпретация рассматриваемого тезиса адекватна позиции его авторов. Разработчик философии диалектического материализма не мог утверждать, что основание юридического закона составляет воля людей. Последнее мнение возможно лишь в рамках философии субъективного идеализма. К. Маркс всегда различал понятия права как права людей и юридического закона.

В статьях 40-х гг. XIX в. он много раз писал, что люди обретают свое право в самой своей деятельности, что право следует рассматривать как самостоятельный предмет, что оно отливается в форму законов, возводится в закон, что государство разумными законами и разумными предупредительными мерами гарантирует право от всяких случайностей и т.п. [11, С. 122, 126–127, 130, 145, 154, 157, 159, 182]. Поэтому сегодняшняя критика марксизма за то, что он, якобы, сущность права, т.е. юридического закона, сводит к классовой воле, не по адресу.

Небезынтересно, что задолго до К. Маркса понятия права и закона четко разводил А.С. Пушкин, авторитет которого не помешал советским ученым их отождествить. В этой связи особое значение в творчестве А.С. Пушкина имеют ода «Вольность» и стихотворение «Из Пиндемонти». В первом из них поэт мечтает о том, что сейчас называется правовым государством:

*«Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье...»*

Поэт грезит о равенстве граждан между собой и перед законом. У служителей Фемиды, уверенно утверждает он, верные руки, неподкупные ни алчной скупостью, ни страхом, т.е. их руки чужаются протекции, коррупции. Власть владыкам дает Закон, а не природа. Можно предположить, что поэт отрицает идею естественного права... [13, С. 182, 183]. Над Законом, дающим владыкам власть, стоит высший Закон, очевидно, Бог?

В стихотворении «Из Пиндемонти» А.С. Пушкин классифицирует права индивидов на «громкие» и «лучшие». Поэт признается, что первые ему не дороги. Они связаны с местом индивида в свете, состоянием государственных дел, общественным мнением и т.д. В «громких» правах, так или иначе, отражается зависимость индивида либо от царя, либо от народа, что для поэта совершенно неприемлемо. Его привлекают «лучшие» права, позволяющие «никому отчета не давать, себе лишь самому служить и угождать: для карьеры «не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи». Поэту дорого право «скитаться здесь и там». Трелеща перед созданными искусствами радостно, в восторге воскликнуть: «Вот счастье! вот права...» [13, С. 584]. Поэт рисует образ свободного, самодостаточного человека, морально чистого и благородного, любителя искусств, замкнутого на себе. Права открывают для него доступ к культуре, подпитывают его гордость, самоуважение. К сожалению, гений А.С. Пушкина не затронул тему происхождения Закона и прав личности, познание предельных оснований которых ведет онтологию социальной философии.

Онтология как раздел философии занята осмыслением фундаментальных принципов бытия. Однако уже античные философы заложили основы традиции рассмотрения категории бытия в связи с его конкретными началами: семена Анаксагора, корни Эмпедокла, атомы Демокрита, эйдосы (идеи) Платона и т.д., которая доведена до признания в его составе всего многообразия предметных и ментальных сущностей в их длящемся существовании.

Сегодня в отечественной литературе доминирует мнение, что онтология держит свое внимание на всем, что есть, на явном и скрытом, на его наличии от общего до отдельного, в его фактическом присутствии и в процессе, в динамике изменений. Онтологическое размышление охватывает природу объекта, его происхождение, структуру, место среди других феноменов, движение, пространственно-временные характеристики.

Распознавание природы юридического закона, отнесение его по содержанию и форме к материальным или духовным компонентам мироздания предполагает хотя бы гипотетически решить вопрос о его структуре. Юридический закон имеет составные части. Так, А.В. Поляков, определяя понятие права «как основанный на **социально признанных и общеобязательных нормах коммуникативный порядок отношений**, участники которого **взаимодействуют** путем реализации своих **прав и обязанностей**», выделяет в нем следующие структурные элементы: 1) **взаимобусловленные** (коррелятивные) права и обязанности; 2) **социально-признанные и общеобязательные правила поведения** (нормы), конституирующие права и правообязанности субъектов» (выделено автором – А.Г.) [12, С. 296–297]. Данное утверждение можно считать удачным только в том случае, если отнести его на счет юридического закона. В литературе термин «право» искусно мистифицирован. Количество подходов к нему неисчислимо. Скажем о наиболее неудачных. «Право – мера свободы». Мера – это некоторый измеритель веса, объема, скорости и т.п., показывает масштаб предмета. Если право измеритель, то, что оно собой представляет в этом качестве? И в другом сочетании: «право есть свобода», «право есть равенство», «право есть интерес», «право есть общественный порядок» и т.д.

Философы Г.И. Иконникова и В.П. Ляшенко пишут: «В философской интерпретации сущность права состоит в организации системы человеческой жизнедеятельности посредством ее нормативности, формальной определенности, закрепленной санкциями государства... (курсив авторов – А.Г.) [10, С. 140–141]. Как видим, отвечая на вопрос, что такое право, авторы отсылают нас к другим сущностям: к свободе, равенству, интересу, воле, правоотношению и т.д., либо к его функциям. На наш взгляд, чехарда с типами правопонимания уйдет сама собой, если признать, что термин «право», как и было в русской культуре изначально, обозначает права индивида, групп людей, государства, общества. Государство издает юридические законы, в которых закрепляются, обеспечиваются, гарантируются права названных субъектов. Полагаю, что от этой простой операции эффективность, практическая полезность исследований права и закона существенно возрастет.

Как же устроены юридические законы? На наш взгляд, они имеют три компонента, которые так или иначе присутствуют в каждом из них: *права* субъектов исторического процесса, тех, кто строит свою жизнь в конкретной социальной среде, а также их *обязанности*. Третий компонент – применяемая государством *технология* в целях обеспечения материальных и идеологических условий реализации прав членов общества, т.е. самого государства,

больших и малых групп людей, индивидов как граждан и исполнения ими их обязанностей [6, С. 135–146].

Коль скоро это так, то задача описания происхождения юридического закона распадается на три подзадачи: 1) осмысление процесса становления прав индивидов; 2) познание путей формирования их обязанностей; 3) исследование перипетий применяемой в обществе технологии, т.е. способов, методов, приемов реализации прав и обязанностей субъектов исторического процесса: государства, больших и малых групп людей, индивидов. Полагаем, что работа именно в данных трех направлениях составляет содержание социально-философского аспекта проблемы соотношения права и закона.

В качестве аксиомы для дальнейших размышлений принимаем идею о том, что человеческое общество, «вторая природа», культура есть следствие творчества самих людей. Права и обязанности индивидов являются результатом их активности. Стало быть, никаких естественного права и естественных прав человека, составляющих, по мнению ряда философов и ученых юристов, базисные основания права как юридического закона нет и быть не может [15, С. 147]. Здесь имеет место тот, давно замеченный в литературе случай, когда знание подлинной природы предмета, явления подменяется фантастическими допущениями.

Права человека создаются в процессе его жизнедеятельности как ее объективный, вторичный продукт. Почему вторичный? Потому что первичными являются продукты, удовлетворяющие коренные материальные потребности в еде, жилище, одежде и т.д. Намолоченное зерно для выпечки хлеба, построенный дом, изготовленное орудие труда, проложенная дорога и т.п. – все они первичны в отношении человек-природа. В связке человек-человек первостепенное значение приобретают права индивида на вещи, услуги, статус. Как говорят знатоки человеческих душ, если хотите что-то спрятать, поместите это на самое видное место. Механизм формирования прав индивидов как раз «на виду». Это акты материальной, иной деятельности человека. На «виду», но закрыты от чувственного восприятия. Формирование прав индивида на вещи, услуги и статус – внутренняя, потаенная часть любого жизнедеятельностного действия, поступка. Кратко процесс появления права человека можно представить так: личной активностью индивид **опредмечивает** свои субстанциональные качества (тело, потребности, способности, знания, умения, веру и волю) в объекте своей деятельности, в объекте труда. Между индивидом и продуктом его деятельности устанавливается связь порождения, обозначенная словом «право». Она невещественна, возникает объективно как, повторим, вторичный результат целесредственных усилий индивида. Осознание этой связи в качестве права заняло длительное время [10, С. 122–134]. Можно констатировать, что право индивида есть возникающее у него в результате опредмечивания им своих субстанциональных качеств его основательное притязание на вещи, услуги, статус.

Коррелятивно связанные с правами обязанности индивидов также возникают объективно в процессе **распредмечивания** ими предметов, услуг и статуса как «вторичный» **итог активности** [9, С. 159–171]. Обязанности индивида есть принимаемые им к исполнению социально-культурные необходимые назначения как необходимый элемент содержания его жизни. В понятии назначения фиксируется практическая потребность общества в определенной деятельности, призвание индивида к ее реализации. Обязанность есть потенциальное действие индивида, закрепленное за ним внешней силой, либо присвоенное им самостоятельно.

В данном случае мы ведем речь о генезисе прав и обязанностей личности, иных субъектов общества в онтологически «чистом», исходном виде. В реальной жизни они обретают (теряют) права и обязанности, прежде всего путем собственной активности (бездействия). Дети с рождения авансируются правами (либо не авансируются) обществом. Индивиды могут быть наделены ими (лишены их) на добровольной основе или принудительно. Последнее зависит от состояния материальной базы общества, государства, имеющегося (отсутствующего) у них богатства (бедности), численности населения, темпов его воспроизводства, политического режима и др. В качестве примера можно назвать прикрепление работников к земле, к роду занятий, запрет (разрешение) абортов, всеобщее среднее образование, цензура, отказ от «всего частного» и др. Принудительное закрепление за индивидом права превращает последнее в обязанность. Например, введение в свое время в СССР всеобщего среднего образования перевело право на образование в разряд обязанности пройти полный курс школьного обучения.

О социальной технологии использования индивидами прав и исполнения обязанностей философы пишут редко и мало. Тема, которую предстоит осваивать. Полагаю, что важнейшее значение в ее разработке имеют материалы юридических наук, тщательно исследующие процессуальные аспекты общественной жизни. Требуется социально-философская интерпретация этого материала.

На наш взгляд, первовеществом, базовым «атомом» юридической «материи» является понятие «правило». На нем фиксируются смысловые составляющие, как в содержании юридических законов, так и в процессуальной деятельности исполняющих свои профессиональные функции охранительных, судебных органов и служб. В идеале каждое правило является концентрацией интеллекта и практического опыта, обустройства общества. В правилах сочетаются достижения прошлого в регулировании поведения людей и злободневные запросы в этой области. Вот почему в онтологии юридического закона центральное звено занимает понятие правило. Если мы сумеем понять происхождение правил, записываемых в юридический закон, то мы раскроем его тайну, скрытый смысл.

Как и многие другие слова русского языка, «правило» многозначно. Используя его в качестве научного понятия, авторы выражают позиции, соответствующие методологии двух философских партий: материализма и идеализма. Первые указывают на объективный характер правил, по которым действуют люди, их связь с закономерностями бытия, необходимостью. Вторые в субъектно-идеалистическом духе трактуют правила как исходящие от властных в обществе структур предписания, рекомендации, установки, принципы в качестве нормативных границ деятельности, поведения людей. Принципиально важно, какую из этих двух позиций займут законодатели. Проголосуют ли они за объективно обусловленный юридический закон, отражающий тактические и стратегические интересы общества или поддержат проект закона, закрепляющий в государственном акте субъективистские, волюнтаристские установки правящей элиты, личное одностороннее мнение, вплоть до каприза отдельных лиц из руководства.

По своей природе правила человеческой жизнедеятельности являются объективно-субъективными. Их содержание сочетает в себе в той или иной пропорции требования объективно сложившихся закономерностей, действующих в обществе, с интересами законодателей,

с качеством осознания ими материальных и духовных потребностей населения страны вообще и доминирующей в нем социальной группы в особенности. Правила деятельности индивидов технологичны. Они обозначают порядок, последовательность действий, охватываемый ими масштаб социального пространства в целях получения избранными средствами объективно возможного результата. Правила очерчивают масштаб и последовательность сопряжения сущностей, обеспечивающее целостность предмета, процесса. У правила двуединая задача: обеспечить их сохраняемость (выживание) и развитие, перспективные изменения. Правила и есть код сопряжения сущностей.

Реальное основание записываемых в юрзаконах правил, на наш взгляд, составляют скрыто протекающие в обществе процессы *нормофикации* [4, С. 60–61].

Как известно, историческая миссия общества состоит в обеспечении воспроизводства составляющих его индивидов, находящихся в сложных отношениях друг с другом. Человеческое общество есть противоречивая система производящей материальной, духовной и социальной деятельности людей, оформляемая исторически конкретными связями и зависимостями. Взаимодействия между индивидами реализуются в следующих формах: 1) взаимопомощь; 2) солидарность; 3) повседневный антагонизм; 4) открытая борьба, в т.ч. война. Нормофикация состоит в каждой из них.

В содержании нормофикации мы усматриваем следующие грани: 1) типизация деятельности индивидов в отношении удовлетворяемых ею потребностей, мотивов, используемых средств получения результата активности, его оценка; 2) самоустановление корреляционной зависимости между элементами социума; 3) возведение объективно сложившихся прав и обязанностей индивидов, а так же связей и зависимостей между явлениями, процессами, событиями в юридический закон в качестве правила поведения и деятельности субъектов общественной жизни. Речь идет о выстраивании количественных и качественных параметров предметов, событий на основе противоречивого взаимодействия с сопряженными с ними феноменами. В целом нормофикация есть процесс и результат кристаллизации меры феноменов социума, подчиняющейся диалектическому закону перехода количественных изменений в качественные. Протекает за пределами юридической сферы. Его результат принимается Законодателем за реальный факт.

Как общественное явление нормофикация подлежит комплексному исследованию, которое призвано обеспечить эпистемологическую базу законодательного акта. Формулирование правил поведения и деятельности субъектов общественной жизни, записываемых в юридический закон, сродни техническому, архитектурному конструированию и проектированию, но более ответственное занятие, ибо его результаты затрагивают жизнь, интересы миллионов людей.

Литература

1. Алексеев С.С. Философия права. – М.: «Норма», 1998. – 336 с.
2. Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на Земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. – М.: Издательство «Норма», 1998.
3. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: «Норма»: Инфра. – М., 2013. – 319 с.
4. Грибакин А.В. Введение в философию права: Конспект лекций. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. – 120 с.

5. Грибакин А.В. Нормофикация – объективное основание моральной и юридической легитимации правил поведения индивидов в обществе // *Философия права и закона* / А.В. Грибакин [и др.]; под ред. А.В. Грибакина – М.: Изд-во «Юрайт», 2016. – 289 с.
6. Грибакин А.В. Права и обязанности личности и закон государств // *Философия и психология права: современные проблемы. Сборник научных трудов* / Под общ. ред. В.И. Жукова. Отв. ред. А.Б. Дидикин. М.: Институт государства и права РАН, 2018. – 272 с.
7. Грибакин А.В. Естественные права как грёзы оскорбленных и униженных // *Социально-гуманитарные знания*. – 2020. – № 2.
8. Грибакин А.В. *Онтология прав личности* // *Социально-гуманитарные знания*. – 2020. – № 1.
9. Грибакин А.В. *Онтология обязанности личности* // *Социально-гуманитарные знания*. – 2022. – № 2.
10. Иконникова Г. И., Ляшенко В.П. *Философия права: учебник* / Г.И. Иконникова, В.П. Ляшенко. – М.: Гардарики, 2007. – 303 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-е изд. Т. 1.
12. Поляков А.В. *Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода*. – СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – 864 с.
13. Пушкин А.С. *Сочинения*. В 3-х т. Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. – М.: Худож. лит., 1985. – 735 с.
14. Сырых В.М. *Материалистическая теория права: избранное*. М.: РАН, 2014. – 420 с.
15. Торгашев Г.А. *Философия права: курс лекций*. – М.: Проспект, 2017. – 192 с.

TO THE ONTOLOGY OF JURIDICAL LAW

Gribakin A.V.

Ural State law University named after V.F. Yakovlev

The article presents the conclusions of the author's research into the genesis of juridical law, fixing the rights and obligations of social subjects, and the technology used for their implementation by authorities and administration. The notion of "rule" is taken as a fundamental one in the texts of juridical laws. Its objective content is formed in the processes of normification.

Keywords: rule, normification, A.S. Pushkin, natural law, objectification, subjectification, rights, duties, individual, juridical law.

References

1. Alekseev S.S. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. – Moscow: "Norma" Publ, 1998. – 336 p.
2. Alekseev S.S. *Samoe svyatoe, chto est' u Boga na Zemle. Immanuel Kant i problemy prava v sovremennuyu epohu* [God's most sacred thing on earth. Immanuel Kant and problems of law in the modern era]. – Moscow: "Norma" Publ, 1998.
3. Gadzhiev G.A. *Ontologiya prava (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo koncepta dejstvitel'nosti)* [Ontology of law (critical examination of juridical concept of reality)]. – Moscow: "Norma: Infra Publ, 2013. – 319 p.
4. Gribakin A.V. *Vvedenie v filosofiyu prava: Konspekt lekcij*. [Introduction into philosophy of law: synopsis of lectures]. – Yekaterinburg: USLA Publishing House, 1999. – 120 p.
5. Gribakin A.V. *Normifikatsiya – ob'ektivnoe osnovanie moral'noj i yuridicheskoy legitimacii pravil povedeniya individov v obshchestve* [Normification: objective foundation of juridical legitimacy of individuals' rules of behavior in society] // *Filosofiya prava i zakona* [Philosophy of law and the law] / A.V. Gribakin [et al.]; Ed. by. A.V. Gribakin. – Moscow: Urait Publ., 2016. – 289 p.
6. Gribakin A.V. *Prava i obyazannosti lichnosti i zakon gosudarstv* [Individual's rights and duties and the law of states] // *Filosofiya i psichologiya prava: sovremennye problemy. Sbornik nauchnykh trudov* [Philosophy and psychology of law: current problems. Compilation of research works] / Ed. by. V.I. Zhukova. Managing editor A.B. Didikin]. – Moscow: Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, 2018. – 272 p.
7. Gribakin A.V. *Estestvennye prava kak gryozy oskorblennyh i unizhennyh* [Natural rights as dreams of abused and humiliated] // *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2020, no. 2.
8. Gribakin A.V. *Ontologiya prav lichnosti* [Ontology of individual's rights] // *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2020, no. 1.
9. Gribakin A.V. *Ontologiya obyazannosti lichnosti* [Ontology of individual's duties] // *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2020, no. 2.
10. Ikonnikova G. I., Lyashenko V.P. *Filosofiya prava: uchebnik* [Philosophy of law: textbook] / G.I. Ikonnikova, V.P. Lyashenko. – Moscow: Gardariki Publ, 2007. – 303 p.
11. Marks K., Engels F. *Soch.* [Collected works] 2nd edition, V. 1.
12. Polyakov A.V. *Obshchaya teoriya prava. Problemy interpretacii v kontekste kommunikativnogo podhoda* [General theory of law. Problems of interpretation in the context of communicative approach]. – St.-Peterburg: Publishing House of St. Peterburg State University, 2004. – 864 p.
13. Pushkin A.S. *Sochineniya* [Collected works], in 3 volumes, V. 1. *Stihotvoreniya; Skazki; Ruslan i Lyudmila: Poema* [Poems; Fairytales; Ruslan and Ludmila: Poem]. – Moscow: Hudozh. lit. [Fiction literature] Publ, 1985. – 735 p.
14. Sryh V.M. *Materialisticheskaya teoriya prava: izbrannoe* [Materialistic theory of law: selections]. – Moscow: Russian Academy of Sciences Publ, 2014. – 420 p.
15. Torgashev G.A. *Filosofiya prava: kurs lekcij* [Philosophy of law: course of lectures]. – Moscow: Prospect Publ, 2017. – 192 p.

Толерантность или нетолерантность: Габриэль Марсель и Нассим Талеб

Гусейнов Фарид Ибрагимович,

к.ф.н., доцент Высшей школы Социально-гуманитарных наук, доцент кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
E-mail: metafizika@mail.ru

В статье рассматривается одна из наиболее острых проблем современной культуры и социальной практики – проблема толерантности. Для выяснения узловых точек темы автор осуществляет компаративный анализ двух подходов к проблеме – результатов применения метода французского экзистенциального философа Габриэля Марселя и тактики американского специалиста по управлению Нассима Талеба. При всей разнице подходов в размышлениях обоих исследователей оказывается много общего, однако вопрос о границах толерантности и отношения к нетолерантным остается без решения.

Ключевые слова: толерантность, нетолерантность, интерсубъективность, ответственность, шкура на кону, симметрия, асимметрия, меньшинство, большинство, свой, чужой, идентичность.

Контекст

Тема толерантности сегодня является одной из ведущих в политике, социальной мысли и общественной практике. Безусловной ценностью и единственно правильным поведением в европейском и американском обществе считается сейчас терпимость к инакомыслию и инакоповедению, к особенностям обрядов, образа жизни и внешнего вида, – к другому вообще. Обычно выделяют гендерную и сексуально-ориентировочную толерантность, расовую, национальную, религиозную, политическую, межклассовую, а также толерантность в отношении инвалидов. Общества, где толерантности мало или нет вовсе, считаются варварскими, неразвитыми, такие режимы – автократическими или тоталитарными. Некоторые авторы полагают, что толерантность является главным базовым принципом современного мира, ибо мирное сосуществование разных гендеров, классов, наций, культур, религий и цивилизаций без нее невозможно. Проблема заключается в том, что толерантность неделима: она или действует для всех, для разных культур, субкультур и взглядов, или ее нет ни для кого. Атрибутивность признака неделимости терпимости в последние годы наглядно показали события, связанные, например, с чудовищным вандализмом, иными тяжкими преступлениями, которые сопровождают существование в США движения BLM, названного так по аббревиатуре высказывания «black lives matter» («жизни черных имеют значение»). При этом попытка заявить, что и жизни белых имеют значение, встречаются сторонниками BLM как «расистская».

Еще в 1945 году Карл Поппер сформулировал парадокс толерантности: если общество практикует безграничную толерантность, то его способность быть толерантным в конце концов захватывается нетолерантными людьми и уничтожается. И поэтому следует быть нетерпимым к нетерпимости – ради поддержания общества терпимости. Однако не все аналитики согласны с Поппером. Другие полагают, что к нетолерантным должно сохраняться толерантное отношение, хотя тут и возникают сложные вопросы: если отстаивается такая терпимость к нетерпимым, каковы ее пределы и есть ли они вообще? Объявлять ли вне закона, лишая прав человека, тех людей, сообщества и целые государства, которые радикально нарушают принятые в рамках определенных структур нормы поведения, или это окажется нетолерантностью и, следовательно, несправедливостью? Одинаковы ли границы допустимой толерантности и нетолерантности для своих и чужих, и можно ли вообще делить людей на своих и чужих? В стремлении решить эти вопросы актуализируются проблемы идентичности и даже делаются попытки вообще отменить понятие «чужой» в исходной для естественной для человека при его идентификации бинарной оппозиции свой/чужой. Однозначных ответов тут нет.

В таком контексте представляется плодотворным сравнить подходы к толерантности двух очень разных мыслителей, принадлежащих к разным эпохам и национальным культурам: французского экзистенциального философа Габриэля Марселя (1889–1973), католика, и Нассима Николаса Талеба (р. 1960), американского писателя ливанского происхождения, д-ра философии, специалиста по управлению, православного. В статье

предлагается сравнительный анализ понятия толерантности, ее сущности и роли в обществе, сформулированных в книге Г. Марселя «Опыт конкретной философии» [1] (впервые издана в 1940 году под названием «От отказа к призыву»; мы опираемся на текст, включенный в книгу и написанный в 1939 году), и в недавней работе Н. Талеба «Побеждает наименее толерантный: Как работает диктатура меньшинства» [3] (2016, глава из книги «Skin in the game. Hidden Asymmetries in Daily Life», в русском переводе – «Рискуя собственной шкурой. Скрытая асимметрия повседневной жизни» [2]; это пятый том автора, посвященный проблеме неопределенности в функционировании сложных систем).

Габриэль Марсель о толерантности

Марсель начинает с утверждения: терпимость – не психологическая проблема. По мере развертывания философского размышления получается, что это, скорее, вообще не проблема, а тайна. И тут придется напомнить о марселевском различении этих понятий, введенном в книге «Быть и иметь» (1935). Проблема, согласно терминологии Марселя, – это ситуация, созданная внешним препятствием, для устранения которого следует найти алгоритм; это вопрос *ratio*, вопрос технологии, так сказать. Тайна – это ситуация такого сосуществования внешнего и внутреннего, в котором границы между ними почти стираются или исчезают вовсе, потому что человек вовлечен в процесс, и тут не бывает алгоритмов, свойственных научному и/или технологическому подходу, а есть тайна (таинство) – и это ситуации любви, смерти и иных пограничных состояний. Здесь нужен именно философский подход. Поскольку философия ведет нас самих к себе, постольку вопрос самоидентификации человека решается посредством онтологии. Однако различение своего и чужого, на котором основана идентификация, оказывается непосредственно связана с отношением к другому. Отсюда у Марселя и вырастает значимость темы толерантности.

«Толерантность обнаруживают». Выражение это полно смысла, – пишет Марсель. – Действительно, я не знаю, можно ли *быть*¹ толерантным. Я полагаю, что *быть* – значит *быть* посюсторонним или потусторонним» [1, с. 161].

Терпимость – это проявления верований или мнений, которые сами по себе недостижимы, существуют вне связи с толерантностью. При этом «терпимость имеется только там, где чему-то могут помешать. Но помехи встают на пути лишь того, что выходит наружу, что продуцируется вовне» [1, с. 161]. Терпимость – всегда отношение к другому как к другому, которое может быть антагонистическим, нейтральным, может быть полным принятием, а может быть толерантным – это особый случай отношения к другому.

Толерантность вторична, первична нетерпимость, утверждает Марсель. Терпимость связана с состоянием силы, а не слабости, как думают некоторые, и чем больше она связана со слабостью, тем меньше она является терпимостью.

Нетерпимость часто оказывается противо-терпимостью, говорит философ. У человека появляется убеждение, что он защищает не себя собственно, а нечто гораздо более ценное, что ему доверено и что он не имеет права предать. Остается нерешенным вопрос, кто дает такой мандат на защиту этого драгоценного достояния, какова его природа и правомочия.

Примечательно, что и терпимость, и нетерпимость осуществляются во имя некоего высшего интереса,

¹ Все выделения шрифтом внутри цитат принадлежат авторам цитируемых текстов, если иное не оговорено специально.

и в обоих случаях тут можно встретиться с лицемерием и ханжеством.

Далее Марсель выделяет два случая проявления терпимости: случай принятия позиций, противоположных моему мнению, и случай индифферентного отношения к таким позициям.

В первом случае следует сразу проверить, не слишком ли слаба моя связь с моим собственным мнением. Тут возможно просто равнодушие, но это не фатально. Принятие противоположного или просто другого мнения возможно на следующем основании: «я признаю относительно себя самого, что ценность верования состоит в том, что оно выражает саму суть моего существа, мою реальность как субъекта. Отталкиваясь от этого сознания, я признаю, что чужое верование предстает передо мной тоже как выражение – пусть другое, отличное – личной реальности, другой личной реальности, которая также должна быть защищена» [1, с. 164].

Это предположение персоналистского обоснования терпимости, подчеркивает Марсель.

Но если верование (мнение) рассматривать как способ существования личности, не есть ли это тогда форма ухода от объекта, т.е. от направленности верования? Если мнение – выражение меня самого, то центр тяжести сдвигается на меня, от объекта к субъекту.

Это некоторое предательство объекта, говорит философ.

Но «чем сильнее моя мысль сосредоточивается на объекте моей веры, тем с большей необходимостью я буду расположен списывать на счет заблуждения ту оппозицию, которую встречает моя приверженность этой вере» [1, с. 165].

В данном случае другое – противоположное – мнение должно быть признано ложным, иначе ложным верованием следует признать мое мнение. И тогда я обязан препятствовать распространению лжи – но это пока не является нетерпимостью в полной мере, пишет Марсель. Однако, восставая против насилия, часто прибегают к насилию же, т.е. вовлекаются в то, против чего протестовали, и количество насилия в мире лишь увеличивается. То же происходит и с терпимостью: восставая против нетерпимости, нередко прибегают к нетерпимости же, что только увеличивает количество нетолерантности.

На чем же основывать терпимость так, чтобы она, будучи противо-терпимостью, оставалась бы живым воплощением веры, задается вопросом философ. И отвечает: необходимо сохранять трансцендентное. Однако это реализуемо в случае религиозной толерантности, но не реализуемо в полной мере в политике.

Права людей подвергаться заражению и заражать инфекцией других в условиях эпидемии быть не может. Врач как врач обязан восстановить нормальное течение жизни, его как врача не может останавливать мысль о том, к примеру, что эпидемия – Божье наказание, поэтому его надо уважать и не препятствовать распространению эпидемии. Так же следует действовать и в политике.

Убедить можно только любовью, но не насилием, полагает Марсель, – а это значит *принять* душу другого с ее верованиями, потому что «во всем этом я не более чем инструмент, абсолютно не являюсь причиной, все здесь исходит не от меня, по отношению к Божьей воле я нахожусь в позиции совершенного смирения, сохраняющей ее трансцендентность. Но ничего подобного не происходит, если я намереваюсь служить Богу посредством силы, что по определению не может не породить у другого убеждение том, что я или действую в своих интересах и от себя, чтобы удовлетворить соб-

ственную волю к утверждению своей веры, или, что еще более серьезно, являюсь служителем хищного Бога, целью которого является насильственный захват и обращение в рабство. И именно в этом пункте располагается то чудовищное предательство, которое я только что упомянул: тому, кого я намереваюсь обратиться, я навязываю отталкивающий образ Бога, толкователем воли которого я себя сам признаю» [1, с. 168].

В отношении политических позиций, как уже отмечалось, такое отношение, согласно Марселю, не может быть применено в полном объеме, в политике всегда имеют место некие промежуточные ступени. Если в государстве существует революционная партия, желающая разрушения существующих порядков, то тут нельзя применить сравнение с эпидемией, т.к. люди – не чумные крысы, и это положение справедливо во всех случаях, кроме предельных случаев явной деструкции, грозящей всему сообществу.

Тут следует сказать, что требования «не вмешиваться в естественный ход вещей», как правило, остаются благими пожеланиями в отношении властей предрешающих, ибо они, опять же самым естественным образом, будут защищать существующий порядок вещей.

Кроме того, нельзя не отметить расплывчатость этой формулировки. Если речь идет о разрушении общественного строя, можно ли говорить о сохранности общества? Другое дело, когда речь идет о смене режима. Но такой оговорки нет у Марселя.

О подобных предельных случаях философ пишет: «мне не кажется возможным для руководителя государства или правительства, которое здесь имеется в виду, обнаруживать в данном случае что бы то ни было напоминающее терпимость» [1, с. 169]. Неоднократно и в разное время Марсель выступал за эволюционный, но не революционный путь развития общества.

Это, напомним, настроение Марселя в 1939 году. Однако тут же в примечании, помеченном 1966 годом, он пишет, что теперь (а мы знаем ныне, какие события ультралиберального толка назревали в Париже в преддверии тогда 1968 г.) он не был бы столь категоричен. Но в 1939-м философ утверждает, что в предельных случаях (критерий предельности остается все так же неясен) на терпимость «правительство... не имеет права, рискуя стать виновником слабости, могущей привести к гибели то сообщество, которое оно призвано защищать» [1, с. 169].

К каждой ситуации следует подходить конкретно, общих рецептов тут нет. Марсель указывает, что «в собственно политической сфере терпимость может практиковаться исключительно лишь в определенных пределах, которые нельзя очертить априори, но можно единственно в той мере, в какой расходящиеся мнения, допускаемые к свободной циркуляции, рассматриваются как относительно неагрессивные. Здесь мы сталкиваемся со случаем, который я имел в виду, когда субъект удерживается в состоянии нейтральности по отношению к антагонистическим позициям» [1, с. 169].

Описав понятие терпимости, Марсель дает дефиницию нетерпимости: это «неопределенное пересечение психологических диспозиций, располагающихся между благожелательностью, равнодушием, отвращением и скрытым макиавеллизмом, и духовного динамизма совершенно иной природы, находящегося в трансцендентном свою точку опоры и свой движущий принцип» [1, с. 169].

Таким образом, нетолерантность – это неопределенное поле наложения психологических настроений и чувств, а толерантность – подлинно человеческое отношение к другому онтологического характера; и если на-

кануне Второй мировой войны философ говорит о необходимой нетолерантности в неких «предельных случаях» в обществе, грозящих ему разрушением, не указывая более четко их критериев, то во времена нарастающей в Европе революции «детей-цветов» отказывает нетолерантности в праве на существование в принципе.

Нассим Талеб о терпимости и нетерпимости

Позиции Нассима Талеба совсем иные. В своих выводах он показал, что провозглашенная глобализмом демократия для всех и право на уникальность каждого оказались лживыми лозунгами, а современное общество в самых своих «продвинутых» формах напоминает тоталитаризм, поскольку, выражая собственное мнение и осуществляя собственные модели поведения, человек становится изгоем в родном сообществе и в своей стране, подвергаясь «культуре отмены».

В функционировании таких сложных систем, как общество, утверждает Талеб, нет одномерных причинно-следственных связей, их поведение невозможно вывести из поведения их составных частей. Поведение сложных систем определяет принцип эмерджентности.

Не консенсус большинства, как это принято считать, а непримиримое меньшинство, поставившее свою «шкуру на кон», определяет развитие общества, полагает американский исследователь. При этом «вместе с доминированием меньшинств возникает занятая оптическая иллюзия: наивному наблюдателю будет казаться, что в обществе господствует выбор и предпочтения большинства» [3]. «Ставить свою кожу на кон» означает у Талеба принятие на себя рисков от применения своих решений на практике – от личного использования того дизайнера поезда полки, который ты предложил и который, когда дизайнер сам не пользуется делом своих рук, оказывается неудобен для пассажиров, но красив в глазах других дизайнеров, до готовности жертвовать своей жизнью. Иными словами, речь идет о глубокой вовлеченности людей в то, о чем они говорят и что делают, причем тогда это люди «негибкие», нетолерантные, не склонные ни к каким компромиссам. Тут нельзя не заметить переключки этой идеи Талеба со знаменитой гегелевской мифологемой раба и господина из «Феноменологии духа» в социологической интерпретации, где господин рискует жизнью, а раб предпочитает за жизнь держаться, и таким образом радикальные изменения совершает господин, а раб их лишь обслуживает. При этом, разумеется, диалектика раба и господина у Гегеля гораздо сложнее и более многозначна, чем подход Талеба. Любопытно также, что в свете концепции Талеба яснее выявляется подлинное отношение Ф. Ницше к христианству, который вовсе не был антихристианином, но обвинял современное христианство в утрате импульса силы, свойственного первохристианскому меньшинству.

Чтобы закон нетолерантного меньшинства исполнялся, важны по крайней мере два условия: чтобы это меньшинство не жило замкнуто в подобии гетто, а было равномерно распределено географически, и чтобы цена перехода к новой норме не слишком превышала цену старой нормы.

В примерах Талеба речь идет о непропорционально большой доле распространения кошерных и халяльных продуктов в странах, где подавляющее большинство не придерживается ни иудейских норм питания, ни мусульманских. Дело в том, что это большинство может потреблять как кошерную, так и некошерную пищу, как халяльное меню, так и нехаляльное, однако ситуация несимметрична: те, кто придерживается указанных норм

питания, не будут есть продукты другого типа. Поэтому производителю удобнее производить гораздо больше кошерной и халяльной продукции, чем могут приобрести небольшие проценты населения со строгими пищевыми запретами. Таким образом меньшинства и навязывают свои привычки большинству.

Конечно, могут найтись люди, которые из личного противодействия чуждой символике будут отказываться от такой пищи. Однако понятно, что если, положим, лимонад весь будет кошерным, а мясо – халяльным, то в случае сохранения протестантами подобной диеты они будут пить такой лимонад и потреблять такое мясо.

Чтобы установить такую диктатуру меньшинства, ему достаточно бывает достичь минимально значимого уровня среди населения в количественном отношении, например 3–4%.

Так же, утверждает Талеб, распространяется популярность тех или иных языков, религий, моральных норм. Значение имеет только конкретное, полагает он, а не абстрактное, практическое, а не теоретическое, и всегда побеждает диктатура нетерпимых меньшинств. Все революции совершаются такими одержимыми меньшинствами – если они состоят из людей, «ставящих свою шкуру на кон». «Ставить шкуру на кон» – это быть вовлеченным, и тогда скучное тестирование надежности самолета перестает быть скучным, ведь ты будешь его пассажиром, а подробности финансового отчета превращаются в увлекательное приключение, а ты умнеешь, становишься изобретательным – ведь от этого зависят твои деньги.

Рационально то, что позволяет выживать коллективам людей, полагает Талеб; если что-то помогло выживанию, невозможно определить это как глупость и чушь. Тут, отметим мы, речь все-таки идет не о рациональности, а о рассудке, его прагматической ценности.

«Ставить шкуру на кон» – значит иметь нечто высшее, чем моя шкура, т.е. более ценное, чем здоровье, финансовое благополучие, сама жизнь. Например, честь на этом и основана: принятие на себя рисков с полной ответственностью. Ученые-теоретики и чиновники, как показывает Талеб, не вовлечены в живую практику, не ставят шкуру на кон, поэтому не отвечают за последствия своих выводов и рекомендаций, работая только на макроуровне, но не на микроуровне. Поэтому все бонусы, как в банке, – их, а все провалы ложатся на людей, которые не могут нести ответственность, но всегда ее несут – на вкладчиков, если речь идет о банке; на большинство населения, не принимающее решения, как во время революций, именно оно платит по чужим счетам. А меж тем управленцы и все осуществляющие интервенцию в ход вещей обязаны нести ответственность, иначе они не управленцы, действуют неразумно и нечестно, заставляя других отвечать за свои ошибки.

В последние годы, пишет Талеб в 2018 году, нами управляет кучка людей, не ставящих шкуру на кон и, значит, не отвечающих за последствия своих действий. К нетерпимым склонны ныне проявлять бесконечную терпимость, а этого делать нельзя: когда-нибудь безбрежная терпимость к нетерпимым взорвет мир.

Итак, по мнению Талеба «развитие общества, будь то мораль или экономика, определяется небольшим количеством людей. И «чтобы повлиять на состояние общества, нужно быть готовым на жертвы. Дело не в консенсусе, большинстве, комитетах, многословных обсуждениях, научных конференциях и голосованиях – чтобы изменить все, достаточно лишь нескольких человек. Для этого нужна асимметрия – а она есть всегда» [3].

Результаты

Можно заключить, что в позициях двух мыслителей, Габриэля Марселя и Нассима Талеба, существует большое сходство, несмотря на разные подходы и терминологию. Оба неакадемичны, но Марсель, как профессиональный философ, озабочен прежде всего должным и восходит от конкретного к онтологии, а Талеб, как специалист по сложным системам, сосредоточен, также исходя из конкретного, на правильном функционировании этих систем и социума как такой системы, желая подвести вполне рациональную основу под моральные понятия (честь и др.) – под то, что Марсель именуется трансцендентным. Если французский философ писал об интерсубъективности как важнейшем условии рассмотрения человеческой ситуации, то американский специалист подчеркивает, что поведение сложных систем несводимо к поведению их составных элементов. Марсель говорит о толерантности как о чем-то близком к тайне, т.е. феномене такой вовлеченности, когда стираются границы между внешним и внутренним, и тут следует мыслить и действовать симметрично (если мое мнение – выражение моего Я, то и иное мнение следует уважать за то же); явиться себе и людям тем, кто ты есть – значит быть толерантным. А Талеб, рассматривая вовлеченность в качестве обязательной характеристики истинной деятельности, видит тему толерантности не как тайну, а как проблему в дефиниции Марселя, при этом, как он наглядно демонстрирует, всякое движение осуществляется именно асимметрично; личность идентифицирует себя по мере принятия на себя ответственности. Но главное – вопрос о толерантности и нетолерантности вообще и в отношении нетолерантных оказывается так и не разрешен: безграничная терпимость к нетерпимым грозит разрушением социума, но и нетерпимость к нетерпимым сегодня, когда пишутся эти строки, весной и летом 2022 года, ставит мир на грань ядерной катастрофы, которую Марсель считал главной угрозой современному миру. Когда меньшинства борются за свои права, они часто от отстаивания равенства прав и достоинства всех переходят к утверждениям о собственном превосходстве и практике дискриминации тех, кто к этим меньшинствам не относится, а толерантность, как мы отмечали в начале статьи, неделима, и в этом вышеуказанном случае о ней не может быть и речи.

И собственно философский подход Марселя, и междисциплинарный системно-функциональный – Талеба демонстрируют, что разнообразие в обществе, как в любой сложной системе, должно иметь меру, перейдя которую система, и социум как сложная система, разрушается. Но как определить те «предельные случаи», при которых, как считал Марсель в 1939 году, власть должна прекратить деятельность той или иной группы, партии, человека, государства? Как определить те красные линии, переход которых, по Талебу, должен быть пресечен? Пусть нет общего рецепта, но ведь нет даже и примерных критериев. Поэтому проблема остается важнейшей нерешенной проблемой, а статья завершается открытым финалом.

Литература

1. Марсель Габриэль. Опыт конкретной философии/ Пер. фр. В.П. Большакова, В.П. Визгина; общ. ред., послесл. примеч. В.П. Визгина. – М.: Республика, 2004. – 224 с.
2. Талеб Нассим Николас. Рискую собственной шкурой. Скрытая асимметрия повседневной жизни.

Пер. с англ. Н. Караева. – М.: КоЛибри, Азбука Аттикус, 2018. – 384 с.

3. Талеб Нассим. Побеждает наименее толерантный: Как работает диктатура меньшинства. URL: <https://ru.ihodl.com/opinion/2016-08-16/kak-rabotaet-diktatura-menshinstva/> (дата обращения: 03.06.2022).

TOLERANCE OR INTOLERANCE: GABRIEL MARCEL AND NASSIM TALEB

Guseynov F.I.

Plekhanov Russian University of Economics

The article deals with one of the most actual problems of modern culture and social practice – the problem of tolerance. To clarify the key points of the topic, the author carries out a comparative analysis of two approaches to the problem – the results of application the method of the French existential philosopher Gabriel Marcel and

the tactics of the American management specialist Nassim Taleb. With all the difference in approaches, there is a lot in common in the thoughts of both researchers, but the question of the limits of tolerance and attitude towards the intolerant remains unresolved.

Keywords: tolerance, intolerance, intersubjectivity, responsibility, skin in the game, symmetry, asymmetry, minority, majority, friend, alien, identity.

References

1. Marcel Gabriel. The essay on concrete philosophy. – Moscow: Republic, 2004. – 224 pp.
2. Taleb Nassim Nicholas. Skin in the Game: Hidden Asymmetries in Daily Life. – Moscow: KoLibri, ABC Atticus, 2018. – 384 pp.
3. Taleb Nassim. The least tolerant wins: How the minority dictatorship works URL: <https://ru.ihodl.com/opinion/2016-08-16/kak-rabotaet-diktatura-menshinstva>.

Особенности синтеза социального и индивидуального в повседневной реальности включающего общества: конструктивистский подход

Дзюба Любовь Михайловна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
E-mail: Dzuba017@mail.ru

Показывается, что исследование спектра ценностных отношений в контексте взаимодействия и взаимоотношения индивидов с ограниченными возможностями в специальной социальной группе дает возможность изучения вопроса синтеза социальной субъективности и сферы рационального в конструировании повседневного бытия специальной социальной группы. Демонстрируется, что неотъемлемой характеристикой социально-конструктивной деятельности является ее целесообразность, представляющая приоритетный фактор для определения видов и принципов конструирования бытия индивида с ОВ в ценностном аспекте, позволяющий наиболее эффективно реализовать социальные программы и проекты, необходимые при освоении человеком духовно-практических аспектов современного включающего общества. Показывается, что степень реализации социально-конструктивной деятельности по формированию ценностной сферы социальных отношений в специальной социальной группе определяется через корреляцию системного социально-рационального подхода к этим отношениям и эффективностью полученных результатов при интерпретации ценностных установок и ориентаций индивидов группы. Постулируется, что социально-конструктивная деятельность по формированию ценностной сферы повседневного бытия специальной социальной группы в интерпретации включающего социума предполагает рефлексивную деятельность как критически-рациональную в качестве значимой характеристики. Этот имплицитно приводит к постулированию творческой человеческой деятельности, которая становится деятельностью свободной. Выявляется, что свобода социально-конструктивной деятельности в специальной социальной группе индивидов с ОВ позволяет человеку соотносить эту деятельность со своими ценностными установками и тогда утверждается результат, достигнутый в социально-рациональной деятельности.

Ключевые слова: включающее общество, конструктивная философия, социально-конструктивная деятельность, повседневное бытие, ценности, ограниченные возможности (ОВ).

Введение. Исследование социально-конструктивной деятельности в рамках современного социально-философского дискурса, касающегося становления включающего общества, представляется достаточно интересной проблемой, в русле которой рассматриваются особенности конструирования специальной социальной группы людей с ограниченными возможностями в контексте интерпретации трансформирующегося социума. Между тем, вопросы, связанные с изучением социально-рациональной деятельности индивида как субъекта в контексте включающего социума и социальных трансформаций в настоящее время не получили какого-то систематического оформления. В этой связи, представляется правомерным рассуждать о комплексных исследованиях, связанных с разными моментами социально-конструктивной деятельности в отношении специальной социальной группы в корреляции с современным трансформирующимся социумом. При этом актуализируются социокультурные обобщения, которые могут быть получены при обращении к междисциплинарным проблемам рассмотрения повседневного бытия социальной группы как одной из приоритетных форм социального бытия. Исследование спектра ценностных отношений в контексте взаимодействия и взаимоотношения индивидов с ОВ в социальной группе дает возможность изучения вопроса синтеза социальной субъективности и сферы рационального в конструировании повседневного бытия специальной социальной группы.

Основная часть. Во включающем обществе индивид как социальный субъект конструирует собственное индивидуальное бытие в трансформирующемся социуме, а проблема истинности такого проекта, безусловно, будет восприниматься как некоторое соответствие комплекса человеческих знаний представленному или воображаемому проекту социального бытия специальной группы людей с ОВ. И в этом случае реализуется достаточно важная для социально-философского дискурса ситуация. Так, в классической социально-рациональной деятельности принимаемые методологические моменты верификации истинного знания относительно социального конструкта безразличны относительно особенностей индивида как социального субъекта. Однако, в рамках постнеклассической парадигмы правомерно предполагать непосредственное обращение к личностным характеристикам индивида с ОВ и тем модельным структурам его сознания, которые позволяют говорить об интересубъективности, что весьма важно для социально-конструктивной деятельности по воссозданию повседневного бытия специальной социальной группы в соответствии с оптимальными ценностными установками и идеалами включающего общества.

Информационная составляющая относительно путей реализации наиболее эффективного конструирования повседневного бытия, конечно, связана с той информационной парадигмой, которая характерна для данного этапа развития включающего общества. Имеются две стороны проблемы: с одной стороны, индивид с ограниченными возможностями должен ориентироваться на объективные особенности и причины, которые позволяют ему реализовывать информацию, поступающую

в рамках его взаимодействия не только с конкретными социальными группами в контексте становления специальной социальной группы, но и с трансформирующимся обществом в целом. Но, с другой стороны, следует говорить о том, что эффективный результат понимания и интерпретации подобной информации зависит и от того, какие исходные установки, цели и задачи, какие мировоззренческие и психологические особенности восприятия мира повседневности специальной социальной группы имеет данный индивид с ОВ. Это, несомненно, оказывает влияние не только на его нынешнее восприятие интегрального конструирования социальной группы, но и на интенции, которые связаны с возможным социальным прогнозированием и социальным проектированием всего комплекса социальных отношений во включаемом обществе.

Возникает проблема: насколько эффективно будет осуществляться конструктивная деятельность по воспроизводству всего комплекса взаимосвязей и взаимосвязимостей в социальной группе. Безусловно, в этом случае следует учитывать не только внутренний мир каждого конкретного индивида с ОВ, но и те связи, которые он устанавливает с повседневным социальным пространством группы, так как последнее будет оказывать на него достаточно существенное влияние. Поэтому в рамках подобного влияния необходимо вести дискурс об определённых связях, о том влиянии объективных факторов на содержание и структуру конструктивной деятельности индивида с ограниченными возможностями. И далеко не всегда ценностные установки индивида с ОВ могут совпадать с теми ценностями и оценками, которые характерны для того трансформирующего общества, в повседневном пространстве которого индивид находится.

Однако, это вполне типичная ситуация, так как следует учитывать тот факт, что конкретно взятый индивид с ОВ не всегда отражает те тенденции, которые несет в себе включающий социум. При этом комплекс ценностей, который характерен для данного включающего общества, не всегда может совпадать с теми мировоззренческими установками и ценностями, которые характерны для каждого отдельного индивида с ограниченными возможностями. В этой связи, в соответствии с постнеклассической концепцией социального пространства полагается, что конструктивно-мотивированная деятельность индивида с ОВ будет касаться фактически двух ипостасей его вхождения в повседневное бытие социальной группы: одна связана с его внутренними установками, ценностями, желаниями, намерениями и т.д. С другой стороны, на самосознание и критерии познания сценариев вхождения индивида с ОВ в повседневное пространство социальных отношений в специальной группе, будут оказывать влияние тенденции и закономерности, характеризующие в каждый конкретный момент трансформирующийся социум, внутри пространства которого находится подобный индивид с ОВ.

Неотъемлемой характеристикой социально-конструктивной деятельности является ее целесообразность, представляющая приоритетный фактор для определения видов и принципов конструирования бытия индивида с ОВ в ценностном аспекте, позволяющий наиболее эффективно реализовать социальные программы и проекты, необходимые при освоении человеком духовно-практических аспектов современного включающего общества. Отметим, что исходно-определенная целесообразность социально-конструктивной деятельности по реконструированию индивидуального бытия и повседневного бытия социальной группы, связана с поиском тех эффективных решений и того адекватного инструментария, которые позволят корректно описать

такую реконструкцию. А также представить возможные сценарии, дающие возможность рассматривать альтернативные проекты воссоздания повседневного бытия специальной социальной группы с позиции основных принципов и закономерностей развития включающего социума.

Степень реализации социально-конструктивной деятельности по формированию ценностной сферы социальных отношений в специальной социальной группе определяется через корреляцию системного социально-рационального подхода к этим отношениям и эффективностью полученных результатов при интерпретации ценностных установок и ориентаций индивидов группы. Параметр целерациональности социального выбора индивида с ОВ в конструировании повседневного бытия социальной группы представляется как специфическая форма целевой, ценностной и мотивационной рационально-эмоциональной деятельности. Такое сочетание дает возможность индивиду свободно ориентироваться в ситуациях, когда их поведение, активная инновационная деятельность проходит в контексте нетипичных ситуаций, не связанных с исходно определенной целесообразностью конструирования социальных отношений.

Социально-конструктивная деятельность по формированию ценностной сферы повседневного бытия специальной социальной группы в интерпретации включающего социума предполагает рефлексивную деятельность как критически-рациональную в качестве значимой характеристики. Этот имплицитно приводит к постулированию творческой человеческой деятельности, которая становится деятельностью свободной. Свобода рационального выбора индивида с ОВ предполагает сценарий, по которому осуществляется социально-конструктивная деятельность. Возникает ряд альтернатив ее проведения в рамках реализации задач и цели, которые он ставит в соответствии со своими ценностными ориентациями.

Заключение. Свобода социально-конструктивной деятельности в специальной социальной группе индивидов с ОВ позволяет человеку соотносить эту деятельность со своими ценностными установками и тогда утверждается результат, достигнутый в социально-рациональной деятельности. Такой результат представляется как своеобразный алгоритм эффективного конструирования ценностной сферы социальной группы в корреляции с набором стандартов социально-инструментальной деятельности. Подобные стандарты социально-инструментального конструирования базируются на человеческих знаниях и аккумулируют весь опыт социально-рациональной деятельности с позиции социальных трансформаций малых групп и социальных институтов.

Литература

1. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
2. Вачков И.В. Полисубъектный подход к инклюзивному пространству// Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность. Москва: МГППУ, 2019. С. 16–20.
3. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИНФОРМАЦИЯ, АНАЛИЗ, ПРОГНОЗ // Липская Т.А., Алдашова Е.Н., Атласов И.В., Батракова Т.С., Воронина Л.В., Гринь А.И., Гущина О.М., Донских Т.П., Дроздова Н.В., Егоров Д.В., Ильченко И.А., Каменева И.Ю., Колобкова Н.Н., Кондратьева М.В., Копытина М.Ю., Липич В.В., Мифтахова Г.М., Никитина В.В., Парухонский А.П., Попрадухина Е.А. и др. Под общей редакцией профессора О.И. Кирикова / Воронежский

государственный педагогический университет. Воронеж, 2009. Том 25. 244 с.

4. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИНФОРМАЦИЯ, АНАЛИЗ, ПРОГНОЗ // Кравчук П.Ф., Попов В.В., Лыгина Н.И., Копылов В.И., Кириков О.И., Коровин С.С., Рындак В.Г., Усенко Н.И., Лазарева В.А., Нохрина Н.Н., Семенченко И.В., Щеглов Б.С., Петрушенко С.А., Гриценко Н.В., Иванова Р.П., Корнажевская Л.А., Симонова Г.И., Скляр И.Ю., Соколова Е.Н., Ковелина Т.А. и др. Под общей редакцией профессора О.И. Кирикова / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2003. Том 1. 268 с.
5. Попов В.В. Логические и теоретические модельные аспекты исследования темпоральности в социально-философском дискурсе // Научная мысль Кавказа. 2006. № 1. С. 24.
6. Попов В.В., Музыка О.А., Максимова С.И. Альтернативистика в контексте социального развития // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 373–375.
7. Попов В.В., Музыка О.А., Дзюба Л.М. Фактор и уровни темпоральности в контексте субъективной реальности человека // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 419–421.
8. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Социальное противоречие в контексте нелинейных процессов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 1–2. С. 361–364.
9. Попов В.В., Самойлова И.Н., Щеглов Б.С. Аналитическая философия истории в постнеклассическом дискурсе. Таганрог. 2007. 124 с.
10. Попов В.В., Солодухин О.А. К логической проблеме изменений во времени // Философские науки. 1991. № 5. С. 174.
11. Попов В.В., Тимофеев В.А. Методологические особенности периода транзита в догоняющем государстве // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–25. С. 5743–5747.
12. Попов В.В., Щеглов Б.С., Лойтаренко М.В. Особенности интегральной интерпретации вероятности в контексте факторов оценки и темпоральности // Философия права. 2015. № 2 (69). С. 23–27
13. Попов В.В., Щеглов Б.С., Степанищев С.А. Особенности корреляции социального времени и социального действия // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–4. С. 868–871.
14. Попов В.В., Щеглов Б.С., Усатова Ю.Н. Случайность в системе динамических категорий // Философия права. 2015. № 1 (68). С. 25–29.
15. Шеманов А.Ю. Инклюзия в контексте современных дискуссий: философские и культурологические проблемы / Психолого-педагогические основы инклюзивного образования: коллективная монография. М.: МГППУ, 2013. С. 25–38.
16. Greene, S. The Nature of Immobility in Russian Society // Pro et contra. 2015. № 2 (1). P. 6–19.
17. Hall, J.P. Narrowing the breach: Can disability culture and full educational inclusion be reconciled? / J.P. Hall // Journal of Disability Policy Studies. 2002. № 13 (3). P. 144–152.

FEATURES OF THE SYNTHESIS OF THE SOCIAL AND INDIVIDUAL IN THE EVERYDAY REALITY OF THE INCLUSIVE SOCIETY: A CONSTRUCTIVISM APPROACH

Dzyuba L.M.

Rostov State University of Economics (RSEU)

It is shown that the study of the spectrum of value relations in the context of the interaction and relationships of individuals with disabilities in a special social group makes it possible to study the issue of synthesis of social subjectivity and the rational sphere in constructing the everyday existence of a special social group. It is demonstrated that an integral characteristic of socially constructive activity is its expediency, which is a priority factor for determining the types and principles of constructing the life of an individual with OB in the value aspect, which makes it possible to most effectively implement social programs and projects necessary for a person to master the spiritual and practical aspects of a modern inclusive society. It is shown that the degree of implementation of social-constructive activity on the formation of the value sphere of social relations in a special social group is determined through the correlation of a systematic social-rational approach to these relations and the effectiveness of the results obtained in the interpretation of value attitudes and orientations of group individuals. It is postulated that social-constructive activity in the formation of the value sphere of everyday existence of a special social group in the interpretation of the inclusive society assumes reflexive activity as critically rational as a significant characteristic. This implicitly leads to the postulation of creative human activity, which becomes a free activity. It is revealed that the freedom of socially constructive activity in a special social group of individuals with OB allows a person to correlate this activity with his own value attitudes, and then the result achieved in socially rational activity is approved.

Keywords: inclusive society, constructive philosophy, socially constructive activity, everyday life, values, disabilities (OS).

References

1. Bourdieu P. Sociology of social space. SPb.: Aletheya, 2007. 288 p.
2. Vachkov I.V. Polysubject Approach to Inclusive Space// Inclusive Education: Continuity and Continuity. Moscow: MGPPU, 2019. P. 16–20.
3. SCIENTIFIC RESEARCH: INFORMATION, ANALYSIS, FORECAST // Lipskaya T.A., Aldashova E.N., Atlasov I.V., Batrakova T.S., Voronina L.V., Grin A.I., Gushchina O.M., Donskikh T.P., Drozdova N. V., Egorov D.V., Ichenko I.A., Kameleva I. Yu., Kolobkova N.N., Kondratieva M.V., Kopytina M. Yu., Lipich V.V., Miftakhova G.M. , Nikitina V.V., Parakhonsky A.P., Popryadukhina E.A. and others. Under the general editorship of Professor O.I. Kirikov / Voronezh State Pedagogical University. Voronezh, 2009. Volume 25. 244 p.
4. SCIENTIFIC RESEARCH: INFORMATION, ANALYSIS, FORECAST // Kravchuk P.F., Popov V.V., Lygina N.I., Kopylov V.I., Kirikov O.I., Korovin S.S., Ryndak V.G., Usenko N.I., Lazareva V. A., Nokhrina N.N., Semenchenko I.V., Shcheglov B.S., Petrushenko S.A., Gritsenko N.V., Ivanova R.P., Kornazhevskaya L.A., Simonova G.I. , Sklyarov I. Yu., Sokolova E.N., Kovelina T.A. and others. Under the general editorship of Professor O.I. Kirikov / Voronezh State Pedagogical University. Voronezh, 2003. Volume 1. 268 p.
5. Popov V.V. Logical and theoretical model aspects of the study of temporality in socio-philosophical discourse // Scientific Thought of the Caucasus. 2006. No. 1. S. 24.
6. Popov V.V., Muzyka O.A., Maksimova S.I. Alternative studies in the context of social development // Eurasian legal journal. 2017. No. 4 (107). pp. 373–375.
7. Popov V.V., Muzyka O.A., Dziuba L.M. Factor and levels of temporality in the context of human subjective reality // Eurasian Law Journal. 2017. No. 4 (107). pp. 419–421.
8. Popov V.V., Muzyka O.A., Timofeev V.A. Social Contradiction in the Context of Nonlinear Processes // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017. No. 1–2. pp. 361–364.
9. Popov V.V., Samoilova I.N., Shcheglov B.S. Analytical philosophy of history in post-non-classical discourse. Taganrog. 2007. 124 p.
10. Popov V.V., Solodukhin O.A. To the logical problem of changes in time // Philosophical sciences. 1991. No. 5. S. 174.
11. Popov V.V., Timofeev V.A. Methodological features of the transit period in the overtaking state// Fundamental research. 2015. No. 2–25. pp. 5743–5747.
12. Popov V.V., Shcheglov B.S., Loitarenko M.V. Features of the integral interpretation of probability in the context of evaluation

- factors and temporality // *Philosophy of Law*. 2015. No. 2 (69). pp. 23–27
13. Popov V.V., Shcheglov B.S., Stepanischev S.A. Features of the correlation of social time and social action // *Fundamental research*. 2015. No. 2–4. pp. 868–871.
14. Popov V.V., Shcheglov B.S., Usatova Yu.N. Randomness in the system of dynamic categories // *Philosophy of Law*. 2015. No. 1 (68). pp. 25–29.
15. Shemanov A. Yu. Inclusion in the context of modern discussions: philosophical and cultural problems / Psychological and pedagogical foundations of inclusive education: a collective monograph. M.: MGPPU, 2013. S.25–38.
16. Greene, S. The Nature of Immobility in Russian Society // *Pro et contra*. 2015. No. 2 (1). R. 6–19.
17. Hall, J.P. Narrowing the breach: Can disability culture and full educational inclusion be reconciled? / J.P Hall // *Journal of Disability Policy Studies*. 2002. No. 13 (3). R.144–152.

Захарова Вера Александровна,

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
E-mail: zakharova7vera@mail.ru

Эмирбекова Елена Эмирбековна,

кандидат юридических наук, доктор философских наук, кафедра государственного права, директор филиала Южного федерального университета в г. Махачкале.
E-mail: eemirbekova@sfedu.ru

Цель исследования заключается в выяснении аксиологического содержания разных типов экологического поведения российской молодежи и обоснования необходимости обеспечения активизации усилий органов государственной власти и институтов гражданского общества в реализации курса на наиболее полный переход в формировании сознательно-ответственного типа экологического поведения молодых россиян. Методологическая база исследования опирается на диатропический подход как доминантный комплекс гносеологически средств, направленных на обоснование значимости использования принципа равноценности права на жизнь всех ее форм как системообразующего элемента коэволюционного процесса, лежащего в основе стратегии созидания инновационного экологичного технологического уклада в нашей стране. Сопоставляются основные характеристики формально-декларативного и сознательно-ответственного типов экологического поведения молодых людей, выявленные в первой четверти XXI столетия. Обосновывается вывод о необходимости усиления скоординированных усилий институтов государственной власти и гражданского общества по созданию необходимых условий для самореализации креативного потенциала молодых россиян в формате разнообразных экологических практик, способствующих росту их вклада в решение стратегической задачи созидания инновационного экологичного технологического уклада в нашей стране.

Ключевые слова: аксиология; экологические ценности; экологическое поведение; сознательно-ответственный тип экоповедения; формально-декларативный тип экоповедения; молодежь; антропоцентризм; экоцентризм; инновационный экологичный технологический уклад.

Введение

Происходящие в мире перемены, связанные с обострением геополитического противостояния государств, элиты которых отстаивают различные модели организации жизнедеятельности, как и репрезентанты разных социальных слоев их населения, руководствующиеся порой совершенно противоположными социокультурными традициями, в конечном счете отражают концептуально разновекторную траекторию движения к цели, определяющей их ценностные приоритеты в отношении приемлемого для них образа и способа жизни. Как показывает содержание современного философского дискурса, связанного с аксиологической проблематикой, отражающей смысл сложившихся противоречий (Майер-Абих, 2004; Тойнби, 1996; Фукуяма, 2008; Хантингтон, 2022; Хэйзинга, 2003, С. 186–191, 266, 270–275, 292–294, 363), даже на концептуальном уровне полемизирующие стороны весьма далеки от момента готовности к достижению устраивающего всех консенсуса. Хотя еще недавно, казалось, что ментальной платформой для него являются общепризнанные положения международных документов, посвященных обоснованию курса мирового сообщества на обеспечение устойчивого экологического развития (Millennium Development, 2015; Our Common Future, 1987; Report of the United Nations Conference, 1992; 2012). В этой связи сакраментально звучат слова Й. Хэйзинги: «Чем дальше продвигается мощное индустриально-техническое развитие на пути от паровой машины до электричества, тем больше оно порождает иллюзию, что именно в этом и заключается прогресс культуры» (Хэйзинга, 2003, С. 191). Все это лишний раз подтверждает правоту выводов П.А. Сорокина об исторически устоявшемся алгоритме действия глобальных тенденций в форме «позитивной» и «негативной» поляризации социокультурных субъектов (Сорокин, 1997, С. 200–230), выявляющих ментальную нищету затеянной творцами западной цивилизации геополитической «игры» в сравнении с изумительной нравственной простотой и жизнеутверждающей искренностью экофильности традиций евразийских этносов (Зинков, 2008, С. 212–215; Сахроков, 2001; Шилин, 2003, С. 70–100, 110–183, 230–271).

Аксиологическая интенциональность ключевых парадигм взаимодействия субъектов и объектов экосферы

С точки зрения сбалансированной оценки тех ментальных аксиологических оснований, которые лежат в основе выработанного международным экспертным сообществом к концу XX века курса на устойчивое экологическое развитие, таковыми, как справедливо считает А.И. Костин (Костин, 2005, С. 71), являются взаимодополняющие друг друга концепция ноосферы В.И. Вернадского [Вернадский, 1988; 1989] и гипотеза Геи Дж. Лавлока (Lovelock, 2001). Их органичный синтез позволит, с нашей точки зрения, использовать ради достижения указанной желанной цели – обеспечения международной экологической безопасности и комфортного, здорового способа жизненного существования субъектов и объектов биосферного разнообразия – лучшее в концептуальном потенциале

гуманистического антропоцентризма и умеренного эгоцентризма. При этом место эгоцентрического представления об абсолютном приоритете безусловного удовлетворения потребностей человеческого существа за счет беспредельного истощения природных ресурсов займет признание в качестве высшей ценности в иерархии экологических ценностей самоценности жизни, а затем и желание обеспечить его законодательное закрепление, предусматривающее реализацию юридически обоснованной системы скоординированных между собой норм экологического и природоресурсного законодательства, опирающейся на экологический императив, учитывающий признание равного права на экологическое благополучие как субъектов, так и субъектов экоотношений. Только в таком формате экоотношений можно функционально обеспечить коэволюционный процесс.

Вполне очевидно, что выполнить свою часть миссии в процессе коэволюции человечество способно, не только признав ошибочность технократической идеологии покорения природы и отказавшись от порочной во всех отношениях практики сверхмерной эксплуатации природных ресурсов, включая собственно и человеческие ресурсы, прикрываемой декорациями на самом деле псевдо«зеленых» технологий, но и направив свои усилия на создание принципиально нового экологического технологического уклада, основанного на использовании инновационных, ранее оставшихся в тоне, физических принципов освоения реальности. Такой значимый поворот в своей жизнедеятельности человечество имеет возможность осуществить творчески осваивая ценности экологической мудрости (экофилософии), присущей многим этносам мира. К их числу в первую очередь принадлежит экологическое поведение, включающее в себя мотивационные императивы бескорыстной любви к природе, жертвенной заботы о ней, выражающейся, в частности, в отзывчивости к проблемам тех природных существ, которые попали в беду и оказании им посильной материальной помощи, неустанного милосердного сопровождения необходимых рекреационных действий. Эти ценности по-разному проработаны в культуре разных этносов, и для этнокультур современной России они присущи в разной степени. Да и в каждом российском регионе они выявляются в разной мере у представителей различных социально-возрастных групп. Как свидетельствуют результаты социологических исследований в этом как раз и проявляется разноритмичность перехода от гуманистично-антропоцентрического акцента в экологическом поведении к умеренно-экоцентристскому.

Аксиологическое содержание модели перехода от формально-декларативного к сознательно-ответственному типу экологического поведения молодежи

В этой связи можно выделить два наиболее значимых типа экологического поведения – формально-декларативный и сознательно-ответственный (по крайней мере, характерных для большей части молодежи Юга России). Оба они, с нашей точки зрения, являются определенными фазами развития экологического поведения, знаменующими существенные, качественные отличия в его содержании. При этом для их adeptов тем общим интенциональным аспектом, характеризующим их отношение к природной среде, является экофилия – мировоззренческая платформа, включающая в качестве обязательных ментальных компонентов: любовь к природе, хотя и проявляющаяся по-разному у представителей каждого из указанных типов экологического поведения. Если у большинства из них

на передний план выносятся принцип особо бережного отношения к природной среде, наиболее явно выраженный синтоизмом: «любуйся, но не прикасайся!», то у определенной части репрезентантов сознательно-ответственного типа экологического поведения (составляющих не менее трети от числа респондентов) уже явно прослеживается функция охраны и защиты объектов природной среды. В данном случае прослеживается их категорическое неприятие каких-либо действий, грозящих нанесением ущерба ее объектам. Об этом свидетельствует характер тех экологических практик, которые были выявлены автором при проведении специального социологического исследования в 2019–2021 гг. среди студенчества ряда авторитетных вузов Юга России (Захарова, 2022). При этом у представителей выделенных двух типов экологического поведения четко оформилась позиция, обосновывающая необходимость совершенствования нормативной базы юридического регулирования отношений субъектов и объектов экосферы в сторону ужесточения ответственности субъектов права за осуществление любых избыточных действий в сфере природопользования и усиления меры наказания за действия, имеющими своими последствиями нанесение непоправимого ущерба природным объектам (Захарова, 2022, С. 260). В то же время представители формально-декларативного типа экологического поведения ограничиваются лишь оформлением ментальной позиции в этом отношении, но не стремятся как-то поучаствовать в ее практической реализации (чуть более половины респондентов). При этом в качестве обоснования такой позиции ее сторонники находят такие доводы: якобы этому препятствует либо недостаточность их информированности в данном вопросе (чуть более 37% респондентов), либо неблагоприятное материальное положение (чуть более 35% респондентов), либо отсутствие свободного времени (25,6% респондентов), в меньшей степени отсутствие поддержки со стороны близких и друзей – 18,8% респондентов, но более всего – отсутствие экологической инфраструктуры – почти 50% респондентов) (Захарова, 2022, С. 260). Вместе с тем, кажется парадоксальным, что только чуть более 16% от общего количества опрошенных, включая тех, кого относим к указанным двум типам экологического поведения, полагают, что улучшению экологической ситуации в стране даже без их непосредственного участия помогут усилия органов государственной власти и управления по внедрению природоохранных технологий. Это показывает, что все же большая часть молодых людей, по крайней мере на Юге России, пока не готова воспринимать себя активными участниками созидания инновационного экологического технологического уклада в своем Отечестве.

Заключение

Результаты исследования заключаются в достижении целей философской рефлексии, направленной на анализ содержания разных типов экологического поведения молодежи с учетом использования результатов авторского социологического эмпирического исследования в суперрегионе Юга России.

Безусловно, это обстоятельство актуализирует задачи по поиску нетривиальных способов формирования экологической культуры у молодежи как ключевого социального ресурса реализации курса на экологическую модернизацию социально-экономического уклада в современной России с учетом использования креативных возможностей молодежных структур гражданского общества для экологически ориентированного самовыражения их представителей в формате разнообразных эко-

логических практик, опирающихся на мощную ментальную платформу социокультурных традиций российских и в целом иных евразийских этносов.

Перспективы исследования связаны с углубленной разработкой теоретико-концептуальных оснований решения актуальной научной проблемы моделирования перехода органов государственной власти и институтов гражданского общества от акцента на формально-декларативный тип экологического поведения молодежи к акценту на сознательно-ответственный тип ее экологического поведения как необходимой предпосылки для эффективного включения молодого поколения россиян в осуществление стратегической задачи созидания инновационного экологичного технологического уклада в Российской Федерации.

В данной связи должны вызывать всяческую поддержку органов государственной власти и управления, этнических общин такие аксиологически окрашенные инициативы молодых россиян, как деятельная пропаганда здорового образа жизненного существования всех субъектов экосферы и природных объектов в контексте распространения опыта молодежного волонтерского движения по совместной работе со специализированными учреждениями, в компетенцию которых входит соблюдение режима правовой защиты природных заповедных зон, а также ландшафтных и городских парков, скверов и т.п. Кроме того, сюда относится не только деятельность так называемых «зеленых патрулей», но и отрядов юных натуралистов, помощников работников лесничеств, коммунальных служб «озеленения» территорий в населенных пунктах, зооветеринарных служб, зоолечебниц, пунктов содержания бездомных животных и пр. Милосердное участие студенческой и школьной молодежи в «зеленом» благоустройстве поселений родного края, в поддержании экологически здоровой жизни представителей фауны, приморских, озерных и речных акваторий, в развитии экопоселений и экологического туризма – вот неполный перечень значимых форматов экологической самореализации молодежных структур гражданского общества, способных резко увеличить долю репрезентантов сознательно-ответственного типа экологического поведения и резко сократить число тех молодых людей, которые еще не прониклись пониманием необходимости личного посильного участия в разнообразных аксиологически ориентированных экологических практиках. Ведь деятельное проявление уважения и любви к природе родного края, сплачивая молодежь в ее желании реализовать все лучшее в своем креативном потенциале, является залогом того как такое аксиологически ориентированное ее экологическое поведение упрочит общую социальную солидарность, укрепит патриотические основы уз молодого и старших поколений и, тем самым, создаст необходимые предпосылки для консолидации российского общества в его борьбе по созиданию инновационного экологичного технологического уклада.

Литература

- 1 Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – Москва: Айрис-пресс, 2012. – 573 с. – ISBN978-5-8112-4512-3.
- 2 Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста: [сборник: К 125-летию со дня рождения] / В.И. Вернадский; [предисл. А.Л. Яншина и др.; примеч. И.И. Мочалова, К.П. Флоренского]; АН СССР. – Москва: Наука, 1988. – 519 с. – ISBN5-02-003325-1
- 3 Захарова В.А. Экологическое поведение современной молодежи: общероссийские и региональ-

ные тенденции / В.А. Захарова. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2022. – 280 с. – ISBN978-5-466-01486-0. – EDN AY-LMAK.

- 4 Зинков Е.Г. Генезис культурного пространства России: / Е.Г. Зинков. – Москва: Российский государственный университет правосудия, 2008. – 252 с. – ISBN5-93916-083-2. – EDN SBXVAV.
- 5 Костин А.И. Экополитология и глобалистика: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности (направлению подгот.) Политология / А.И. Костин. – М.: Аспект-Пресс, 2005–414 с. – ISBN5-7567-0381-0.
- 6 Майер-Абих К.М. Восстание в защиту природы. От природной среды к целостному социоприродному пространству / Пер. с нем. А. Ермоленко. Киев: Либра, 2004. – 196 с.
- 7 Сахроков В.А. Экософия культуры ислама: социология будущего / В.А. Сахроков, К.И. Шилин. М.-Новосибирск: ООО «Издательство ЮКЭА», 2001. –154 с.
- 8 Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени / П.А. Сорокин; [пер. с англ., послесл. и прил. Т.С. Васильевой; Российская академия наук, Ин-т социологии]. – Москва: Наука, 1997. – 350 с. – ISBN5-02-013649-2.
- 9 Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник / А. Дж. Тойнби; Пер. с англ. И.Е. Киселевой, М.Ф. Носовой. – М.: Прогресс; СПб.: Культура, 1996 с. – ISBN5-01-003923-0.
- 10 Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: [последствия биотехнологической революции] / Фрэнсис Фукуяма; [пер. с англ. М.Б. Левина]. – Москва: Изд-во АСТ, 2008. – 349 с. – ISBN978-5-17-024038-8.
- 11 Хёйзинга Й. Человек играющий = Homo ludens: Ст. по истории культуры / Йохан Хейзинга; Сост. и пер. [с нидерл.] Д.В. Сильвестров. – М.: Айрис пресс, 2003. – 486 с. – ISBN5-8112-0075-7: 3000
- 12 Шефель, С.В. Сотворение человека будущего: экософские основания / С.В. Шефель, К.И. Шилин. – М.: ГУП Изд-во «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2003. – 328 с. – (Энциклопедия живого знания; т. 4).
- 13 Lovelock James. Gaia: The Practical Science of Planetary Medicine. Oxford University Press US, 2001.
- 14 Millennium Development Goals and beyond 2015. Ensure environmental sustainability. Fact sheet [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/millenniumgoals/pdf/Goals_7_fs.pdf (дата обращения: 13.01.2023).
- 15 Our Common Future, Report of the World Commission on Environment and Development, World Commission on Environment and Development, 1987 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.un.org/documents/ga/res/42/ares42-187.htm/> (дата обращения: 13.01.2023).
- 16 Report of the United Nations Conference on environment and development (Rio de Janeiro, 3–14 June 1992) A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. I). P. 3–7.
- 17 Report of the United Nations Conference on Sustainable Development. Rio de Janeiro, Brazil, 20–22 June 2012 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.unctsd2012.org/content/documents/814UNCSD%20REPORT%20find%20revs.pdf> (дата обращения: 13.01.2023).

AXIOLOGICAL CONTENT OF THE ECOLOGICAL BEHAVIOR OF YOUTH

Zakharova V.A., Emirbekova E.E.
Russian State University of Justice, Branch of the Southern Federal University in Makhachkala

The purpose of the study is to clarify the axiological content of different types of environmental behavior of Russian youth and substantiate the need to ensure the activation of the efforts of public authorities and civil society institutions in the implementation of the course for the most complete transition in the formation of a consciously responsible type of environmental behavior of young Russians. The methodological basis of the research is based on the diatropic approach as a dominant complex of epistemological means aimed at substantiating the importance of using the principle of equivalence of the right to life of all its forms as a system-forming element of the coevolutionary process underlying the strategy of creating an innovative eco-friendly technological order in our country. The main characteristics of formally declarative and consciously responsible types of environmental behavior of young people identified in the first quarter of the XXI century are compared. The conclusion is substantiated that it is necessary to strengthen the coordinated efforts of public authorities and civil society institutions to create the necessary conditions for the self-realization of the creative potential of young Russians in the format of various environmental practices that contribute to the growth of their contribution to solving the strategic task of creating an innovative eco-friendly technological order in our country.

Keywords: axiology; ecological values; ecological behavior; conscious-responsible type of eco-behavior; formal-declarative type of eco-behavior; youth; anthropocentrism; ecocentrism; innovative eco-friendly technological way.

References

- 1 Vernadsky V.I. Biosphere and noosphere / V.I. Vernadsky. – Moscow: Iris-press, 2012. – 573 p. – ISBN978-5-8112-4512-3.
- 2 Vernadsky V.I. Philosophical thoughts of a naturalist: [collection: To the 125th anniversary of his birth] / V.I. Vernadsky; [preface by A.L. Yanshin et al.; note by I.I. Mochalov, K.P. Florensky]; USSR Academy OF Sciences. – Moscow: Nauka, 1988. – 519 p. – ISBN5-02-003325-1
- 3 Zakharova V.A. Ecological behavior of modern youth: all-Russian and regional trends / V.A. Zakharova. – Moscow: Rusains Limited Liability Company, 2022. – 280 p. – ISBN978-5-466-01486-0. – EDN AYLMAK
- 4 Zinkov E.G. Genesis of the cultural space of Russia: / E.G. Zinkov. – Moscow: Russian State University of Justice, 2008. – 252 p. – ISBN5-93916-083-2. – EDN SBXVAB.
- 5 Kostin A.I. Ecopolitology and Globalistics: studies. handbook for university students studying in the specialty (direction of training) Political Science / A.I. Kostin. – M.: Aspect-Press, 2005–414 p. – ISBN5-7567-0381-0.
- 6 Mayer-Abih K.M. The Uprising in defense of nature. From the natural environment to an integral socio-natural space / Translated from German by A. Ermolenko. Kiev: Libra, 2004. – 196 p.
- 7 Sakhrokov V.A. The Ecosophy of the culture of Islam: Sociology of the future / V.A. Sakhrokov, K.I. Shilin. M.-Novosibirsk: YUKEA Publishing House, 2001. – 154 p.
- 8 Sorokin P.A. The main trends of our time / P.A. Sorokin; [trans. from English, afterword and adj. by T.S. Vasilyeva; Russian Academy of Sciences, Institute of Sociology]. – Moscow: Nauka, 1997. – 350 p. – ISBN5-02-013649-2.
- 9 Toynbee A.J. Civilization before the Court of History: A Collection / A.J. Toynbee; Translated from English by I.E. Kiseleva, M.F. Nosova. – M.: Progress; St. Petersburg: Culture, 1996 p. – ISBN5-01-003923-0.
- 10 Fukuyama F. Our posthuman future: [consequences of the biotechnological revolution] / Francis Fukuyama; [trans. from the English of M.B. Levin]. – Moscow: AST Publishing House, 2008. – 349 p. – ISBN978-5-17-024038-8.
- 11 Huizinga Y. Man playing = Homo ludens: Art. on the history of culture / Johan Huizinga; Comp. and trans. [from the Netherlands] D.V. Silvestrov. – Moscow: Iris Press, 2003. – 486 p. – ISBN5-8112-0075-7: 3000
- 12 Shefel, S.V. The creation of a man of the future: ecosophical foundations / S.V. Shefel, K.I. Shilin. – M.: GUP Publishing House "Oil and Gas" Gubkin Russian State University of Oil and Gas, 2003. – 328 p. – (Encyclopedia of living knowledge; vol. 4).
- 13 Lovelock James. Gaia: The Practical Science of Planetary Medicine. Oxford University Press US, 2001.
- 14 Millennium Development Goals and beyond 2015. Ensure environmental sustainability. Fact sheet [Electronic resource]– URL: http://www.un.org/millenniumgoals/pdf/Goals_7_fs.pdf (date of application: 13.01.2023).
- 15 Our Common Future, Report of the World Commission on Environment and Development, World Commission on Environment and Development, 1987 [Electronic resource]. – URL: <http://www.un.org/documents/ga/res/42/ares42-187.htm/> (date of application: 13.01.2023).
- 16 Report of the United Nations Conference on environment and development (Rio de Janeiro, 3–14 June 1992) A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. I). P. 3–7.
- 17 Report of the United Nations Conference on Sustainable Development. Rio de Janeiro, Brazil, 20–22 June 2012 [Electronic resource] – URL: <http://www.uncsd2012.org/content/documents/814UNCSD%20REPORT%20find%20revs.pdf> (date of application: 13.01.2023).

Рахимова Майя Вильевна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин, заведующая кафедрой социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского
E-mail: mayesta@mail.ru

Проблема повседневной театральности представляется острой проблемой, поскольку современное общество как никогда прежде задействует ее механизмы на разных уровнях общественной жизни. В этой связи анализ генезиса театральности с помощью философско-антропологической литературы помогает отследить и охарактеризовать возможные этапы становления театральности и механизмов ее взаимодействия с социокультурной средой. И полученные результаты могут оказаться продуктивными в исследовании человека как комплексной философской проблемы.

Первыми «профессионалами», задействовавшими театральное мастерство, можно назвать шаманов. Игровые техники, которые сопровождают шамана в период «обучения», при работе с «пациентами» сменяются театральными техниками. Шаманский обряд напоминает театрализованное представление (с мизансценами, декламацией, звуковыми и визуальными эффектами). Театральное поведение служит прагматическим задачам (убеждения, самосохранения и преуспевания). Актерские техники выступают в качестве инструмента воздействия на психику зрителей. В свою очередь, там, где есть место манипуляционному воздействию, есть место и театральности.

Ключевые слова: шаман, актерская техника, драматургия обряда, манипуляция, театральная природа человека, повседневная театральность.

Введение

Как представляется, повседневная театральность есть мощный адаптационный механизм выживания и сохранения человека в социокультурной среде. Философское размышление о театральной природе человека (ее специфических черт и диапазона применения) невольно приводит к разговору о генезисе театральности, характеристике первых попыток применения незаурядных драматических спецэффектов для получения конкретных результатов. Кем были носители и демонстраторы театральных техник, когда и, если, – речь шла не о театральном представлении как таковом? Какие задачи ставили и как добивались результата?

Среди первых «актеров», активно задействовавших театральное мастерство, особого внимания заслуживают шаманы, колдуны, знахари. Что если философско-антропологический анализ их профессиональной деятельности окажется полезен и в исследовании театральности как сложного самоорганизующегося механизма, по сей день помогающего человеку выживать и адаптироваться в социокультурной среде?

Антропологический профиль шамана

Для начала следует сосредоточить внимание на антропологическом портрете шамана. Мирча Элиаде пишет: «С начала века этнологи привыкли к не слишком точному использованию таких понятий, как «шаман», «знахарь», «маг» и «колдун», для определения некоторых лиц, наделенных магико-религиозными способностями и встречающихся в каждом первобытном обществе» [9, с. 15]. Автор предлагает разделять указанные дефиниции, оставляя все-таки понимание и об их весомом профессиональном сходстве. Что для Мирча Элиаде является важной отличительной чертой шамана, так это безусловное мастерство экстаза, сопровождающее шамана и шаманизм.

У разных народов можно найти схожую информацию о наследственном факторе и специфике поведения будущего целителя. Как правило, это «болезненный, замкнутый, склонный к размышлениям ребенок. Склонность к нервным заболеваниям, резкие смены настроения, быстрый переход от раздражения к нормальному состоянию, от меланхолии к оживлению, – все это «сопровождает» традиционные представления о шамане» [9, с. 26,27].

Есть, конечно, предположение, согласно которому шаманизм сопряжен с различными формами нервной болезни, например, арктической истерии, вызванной целым рядом географических и психических факторов. Подлинный шаманский транс здесь есть спонтанное проявление болезни, а вот полутранс вызывается сознательно, с помощью наркотиков или драматической игры.

Однако данное предположение далеко не в полной мере отражает специфику и природу проявления шаманизма. Гораздо чаще в исследованиях о шаманах можно встретить обратную точку зрения, согласно которой шаман есть, прежде всего, профессионал: он физически вынослив, интеллектуально просвещен, нравственно наполнен, здоров, в том числе ментально, и предельно сконцентрирован [9, с. 28–33].

Специфические методы помогают шаману общаться с духами и исцелять людей, трансовые техники – часть

его профессиональной рутины. Даже Заратустра «предавался экстазу», и в состоянии транса слышал он голос Ахурамазды и созерцал свои видения; с помощью гашиша или с помощью долгого песнопения, об этом трудно сказать наверняка [10, с. 273].

Мирча Элиаде полагает, что шаман отличается от «одержимого» ... и «с помощью трансов исцеляет соплеменников, провожает в нужное время в Царство Теней, работает посредником между людьми и сакральными силами. Он есть мистическая элита архаического общества, ибо является великим специалистом по человеческой душе; только он видит ее, поскольку знает ее форму и предназначение» [9, с. 17, 19].

Это замечание предельно важно для исследования, поскольку шаман, действительно, многое знает о человеческой душе, будучи весьма наблюдательным и практикующим целителем, и его «профессиональное» знание есть своего рода «предчувствие» психотерапевтических практик, которые не хуже шамана задействуют инструментальный драматического искусства в сугубо профессиональных целях.

Сложный путь становления шамана наполнен спецэффектами внешнего и внутреннего порядка, где экзотические театральные представления граничат с помешательством или «истероидном кризисом». Сложно не заметить «особого пути» рождения, становления шамана, где театральные техники, драматическое мастерство перевоплощения, биомеханика, эмоциональная мобильность играют отнюдь не последнюю роль.

Следует отметить, что игровые практики, игровые представления, которые поначалу сопровождают профессиональный путь шамана, со временем уступают место театральным практикам и театральному представлению. Пока шаман учится, его поведение наполнено игрой; когда шаман готов к «бою», к работе и прошел обряды посвящения, – игровые мотивы остаются лишь на поверхности общения, для видимости.

Почему? Потому что только средства театральной манипуляции, симуляции и внушения способны по-настоящему убедить просящего, заболевшего, сомневающегося и так далее, – просителя, который пришел за помощью к шаману.

Профессиональная деятельность шамана наполнена актерскими техниками: его воображение и фантазия всегда включены в работу; биомеханика, пластика тела позволяют совершать невероятные физические действия (прыжки, рывки, танец) без ущерба для зрителя и помещения; драматические представления во время транса выверены и интерактивны. Здесь игровое мастерство крепко переплетается с театральным всемогуществом, но театральное на порядок больше, чем игрового.

Как представляется, в руках шамана сосредоточена большая масштабная власть мистического, религиозного, политического, социального порядка. Стоит ли удивляться, что со временем шаманы «подарят» обществу вождей, лидеров, правителей, психиатров, в конце концов. К примеру, «у казахов и киргизов бакса (шаман) – это певец, поэт, музыкант, прорицатель, жрец и врач; он – хранитель религиозных и народных традиций, легенд и так далее» [9, с. 33].

Клод Леви – Стросс в «Печальных тропиках» также отмечает, что «вождь должен быть прекрасным певцом и танцором, веселым малым, всегда готовым развлечь группу и прервать унылое однообразие повседневной жизни. Эти функции граничат с шаманством, и некоторые вожди являются также знахарями и колдунами» [7, с. 397]. Умение держать аудиторию, направлять ее и успокаивать – это тот диапазон драматического ма-

стерства, которым должен обладать шаман, а в последствие, и представители иных профессий, тесно связанных с общественной средой.

Актерское мастерство шамана: истоки театральности

Джеймс Фрэйзер отмечает, что для целого ряда ранних обществ шаманы – это самые влиятельные люди. При отсутствии определенной системы правления слово шамана имеет огромный вес. К касте шаманов относятся с большим страхом и, как правило, повинуются ее представителям куда больше, чем вождям [12, с. 117].

Шаманы часто и становились вождями, правителями. Но, несмотря на всевозможные блага, славу и власть, жизнь шаманов сложно назвать безоблачной, поскольку на протяжении всей жизни они оставались в крайне уязвимом положении, часто умирали насильственной смертью из-за эмоционального поведения разъяренной толпы, недовольной отсутствием обещанного дождя, урожая, счастья и так далее [12, с. 114, 115]. Стоит ли удивляться, что шаманы, вожди, колдуны и правители не могли не предпринимать специфических действий для самосохранения и защиты. И театральные техники для данной цели оказывались более чем оправданными.

Примечательно, что в некоторых случаях колдуны, целители, шаманы вели себя излишне агрессивно и устрашающе по отношению к окружающим людям. Так, например, «в северо-западном и центральном Квинсленде, при исполнении одного из обрядов, со свирепым видом, которому придает особенно впечатляющий характер соответствующая раскраска, колдун подходил к намеченной жертве так близко, как только возможно, и, держа в руке пластинку из перламутровой раковины, обладающую, как считается, огромной магической силой, делал такие движения, как будто перерезал ею горло и вспарывал живот этому человеку» [1, с. 158].

В деревнях киваи из Британской Новой Гвинеи – похожая ситуация, ведь почти в каждой деревне есть колдун, которого сильно уважают и боятся. И он всячески поддерживает свой жуткий имидж. «Его влияние велико, и вся община испытывает благоговейный трепет перед ним. Он – знаток магии, и туземцы безгранично верят в его искусство и его методы. Он претендует на то, что способен вызывать болезни и смерть. Он также утверждает, что может нейтрализовать приведенные им в действие злые силы и вернуть заболевшему здоровье» [13, с. 93].

«А если колдун разозлится на кого-нибудь, то говорит ему: «Это твой последний день; ты не увидишь, как завтра будет вставать солнце». Кажется, невозможно поверить, что такое проклятие заставит человека заболеть и умереть, но страх перед колдуном и его чарами настолько велик, что, если проклятие не нейтрализовать, то приговоренный человек умрет. Он оставляет всякую надежду и попросту медленно умирает» [13, с. 93].

Опуская «магические» подробности, трудно не заметить, что подобное театрализованное поведение неплохо помогает шаману, колдуну сохраниться и избежать возможной физической расправы со стороны податливой и невежественной толпы. Театральные приемы применяются им осознанно, ведь цель здесь – выжить в общественной среде и желательно ... преуспеть в ней.

Бесчисленное количество описаний обрядов отвлекает внимание от эмоционального его оформления. Однако оно не менее важно, чем внешний атрибутивный драматизм. «Ибо для обряда абсолютно необходимо, чтобы колдун не просто указал косяным острием

на свою жертву, но с выражением глубокой ненависти и гнева ткнул бы им в воздух и... повернул, как поворачивал бы в глубокой ране, а затем выдернул бы внезапным рывком. Таким образом инсценируется не только действие насилия, закалывания, а и страсть насилия» [8, с. 70,71].

«Драматическое» изображение эмоции наполняет ритуал особым смыслом и особенной силой воздействия, которая позднее перерастет в эстетический эквивалент искусства сцены. В архаичном же обществе, опираясь на повсеместное «магическое подобие» и «магическую сопричастность», «спровоцированная» колдуном эмоция «действует» здесь и сейчас на повседневность, и так формирует повседневную театральность, как «зрителя», так и самого исполнителя. Поэтому для получения результата эмоция должна быть максимально артистично выверена, сымитирована, правдоподобна.

И если колдун, в рамках «профессиональной» задачи, наносит вред жертве, он делает это с нарочито демонстрируемой ненавистью и яростью. В том же случае, когда проводимый им обряд относится к любовной магии, колдун дополняет ритуальные действия имитацией любовных ласк, «воспроизводя поведение несчастного влюбленного, потерявшего рассудок и одолеваемого страстью» [8, с. 70,71].

Совершая ритуалы, связанные с преодолениями страхов или изгнанием духов, колдун словно сам становится одержим ими, и демонстрирует это с большим актерским мастерством, так чтобы все поверили. Он демонстрирует страх, он борется отчаянно с ним. В ход идут и подручные средства выразительности, атрибуты типа огня, факела, оружия или его имитации. Тело также должно соответствовать производимому эффекту: дрожать, дергаться, коченеть «от страха». Все подобные действия, хотя обычно исследователи их рационализируют и объясняют некими принципами магии, на самом деле являются изображением или выражением эмоций [8, с. 70,71].

В свою очередь, театральное поведение шаманов, колдунов, эмоционально наполненное, драматургически «выстроенное» служит нескольким задачам: для убеждения в действенности проводимого обряда и достижения запрашиваемого результата для просящего, а также для самосохранения и преуспевания самого шамана, поскольку эстетико-культурная дистанция между ним и обычными людьми, и актерское мастерство при исполнении ритуала формируют тонкую, но непреодолимую границу дозволенного в восприятии «зрителя» по отношению к шаману. Шамана лучше не трогать, ибо последствия могут быть травмоопасными. Такая мысль «закладывается» его драматическим мастерством в умы и сердца податливого зрителя.

Драматургия шаманского обряда: тонкости художественного исполнения

«Проснувшись как-то утром, Мукалакки, почувствовал недомогание. Задумавшись над этим, он решил, что пришло время расплаты за совершенное много лет назад нарушение табу (однажды он ел запретное мясо змеи кульоаньо). Живший поблизости знахарь подтвердил такую версию и заключил: «Сегодня ты умрешь!» К вечеру Мукалакки стало совсем плохо: дух кульоаньо «обвил» его тело, «пронзил» голову, и время от времени «высывался изо лба, заглядывая прямо в глаза». Все это сопровождалось сильными судорогами, так что нескольким мужчинам пришлось держать Мукалакки за ноги, за руки и за голову. Сознывая серьезность ситуации и, очевидно, не желая примириться с приговором местного знахаря,

родичи больного решили послать за прославленным лекарем из отдаленной группы Морпуном. Этот знахарь не замедлил явиться на зов: подобно скорой помощи, четырнадцать миль он шел, а то и бежал, ни разу не отдохнув. Подойдя к лагерю больного, он остановился на некотором расстоянии, и какое-то время молча наблюдал за происходящим» [1, с. 154,155].

«Затем решив, что настало время действовать, Морпун прежде всего велел женщинам, находившимся около больного (и, как можно догадаться, выражавшим свое сочувствие громкими воплями и причитаниями), отойти подальше. Когда Мукалакки в очередной раз вскочил, потому что «змея кульоаньо снова вылезла у него изо лба и стала глядеть ему в глаза», Морпун, подойдя вплотную к больному, внезапным движением схватил «змею» за голову» [1, с. 154,155].

«Никто, кроме него и Мукалакки, не мог этого видеть. Морпун держал «змею» очень крепко и осторожно «разматывал» ее, освобождая тело Мукалакки. Когда эта операция была успешно закончена, Морпун «свернул змею кольцами и положил себе в сумку». Вскоре Мукалакки ощутил большое облегчение, он смог свободно дышать, потом уснул. Знахарь провел ночь на стоянке больного и на следующий день ушел в «свою страну». «Дух кульоаньо» он унес с собой, чтобы далеко в горах выпустить его в один из водоемов со словами: «Лежи на дне, не возвращайся назад» [1, с. 154,155].

«С тех пор кульоаньо не тревожил Мукалакки, но он пережил огромное потрясение и был уверен, так же, как и все остальные свидетели этого происшествия, что, если бы не Морпун, он бы умер. Это одна из историй болезни и исцеления, рассказанная самим болевшим Б. Спенсеру (этносоциальная группа какаду на севере Арнемленда, начало XX века)» [1, с. 154,155].

Другой пример. «Старый знахарь лечил больного, «извлекая» из его тела вредоносное вещество тьяголо. «С нарочитой старательностью он многократно плевал и дышал на ладони, многократно с треском суставов разминал свои пальцы, с силой тер левую руку и плечо больного в направлении от локтя к сердцу, одновременно шарик из грязи и пыли, который под конец представил как вредоносное тьяголо. Это был впечатляющий спектакль». Один пронцательный абориген, наблюдавший сцену лечения, сказал Кооту (врачу – психиатру, ведущему специальные исследования среди аборигенов): «Ты, конечно, не веришь во все это. Но ты знаешь, ведь больному лучше. Ты знаешь почему? В него вселилась радость... Он почувствовал на сердце радость, и ему легче» [1, с. 156].

Как представляется, профессиональное мастерство шамана предполагает не только активную работу воображения и фантазии, навыки пантомимы и «памяти физических действий», но и иные биомеханические «сверхспособности». Речь, в частности, идет о навыках хождения по горячим углям, не получая ожогов, извлечения изо рта (иногда из живота) чрезвычайно длинных шнуров; таинственные исчезновения и появления и т.д. Понятие магической силы здесь оказывается сходным с понятием способностей или таланта [1, с. 145,146].

Шаманы, колдуны, знахари видят «невидимое», слышат «неслышимое» и весьма искусны во всякого рода техниках иллюзии, в том числе, драматургического характера. Они способные извлекать из тела больного предметы, как маленькие, так и большие, за одним, пожалуй, замечанием: извлекаемые предметы зачастую видны только шаманам и, возможно, самим больным. Но никто из присутствующих на обряде, тем не менее, не сомневается в происходящем, или делает вид, что не сомневается [5, с. 78,79].

Чтобы охарактеризовать применяемые шаманами, знахарями техники исцеления, важно разобраться в патогенезе болезни как таковой (согласно антропологическим исследованиям, конечно).

Следует напомнить, что болезнь в ранних (примитивных) обществах мыслится мистически. Учитывая, открытый Леви-Брюлем фактор «мистической сопричастности», имеющей место быть в архаичном обществе, стоит ли удивляться пронзительному синкретизму самых разных уровней и форм духовной и материальной культуры.

«Болезнь рассматривается как проявление невидимого и неосязаемого «агента», представляемого различно. Болезнь – это своеобразный флюид, влияние которого тяготеет над больным и даже овладевает им. Флюид может исходить либо от богов, либо от демонов, либо от живых людей, но они почти никогда не представляются вытекающими из естественных причин вроде холода или тепла... Болезнь никогда не имеет естественной причины. Ее секрет и место обитания находятся в невидимом мире, который существует бок о бок с миром видимым. Короче говоря, больной – это человек, ставший добычей какой-нибудь злой силы или дурного влияния» [5, с. 244].

Поскольку болезнь носит мистический характер, очень важно правильно идентифицировать злую силу, нанесшую вред человеку, то есть – поставить верный диагноз. Чтобы справиться с такой сложной во всех смыслах задачей, нужен профессионал, человек, переживший состояние «шаманской болезни», знающий злых духов «в лицо», умеющий беседовать с ними и убеждать их покинуть тело пострадавшего. Таким профессионалом, безусловно, является шаман [5, с. 245,246].

При его готовности включиться в целительскую работу, приходит время и целому ряду действий, помогающих ему выйти за пределы обыденности, в то особое состояние, в котором он «видит» духов, «распознает» проблемы и «воздействует» на болезнь.

Речь идет о некоторых «операциях» шамана подготовительного характера, которые характеризуются сложно прогнозируемой длительностью по времени. «К операциям относятся: пост, самоодурманивание, специальный наряд, магические украшения, заклинания, пляски, доводящие до полного изнеможения и обильного пота, до того, что «доктор» кажется потерявшим сознание или находящимся «вне себя» [5, с. 245,246].

Далее, Леви-Брюль пишет, что «после подготовительного этапа, врач, он же шаман переживает состояние «раздвоения личности»: доктор становится не чувствительным ко всему, что его окружает, но зато ощущает себя перенесенным в мир невидимых и неосязаемых реальностей, в мир духов. В этот-то момент и ставится диагноз болезней, что делается интуитивно, следовательно, без возможной в таких случаях ошибки: пациент и окружающие его слепо верят диагнозу» [5, с. 245,246].

Пример: «Важнейшим из украшений шамана (который собирается заняться больным) является головной убор, сделанный из плетеньки, который он носит во время заклинания. Перед тем как надеть головной убор, он дует на него, кропит водой, настоянной на магических травах. Едва только убор оказывается на голове у шамана, как последний начинает вести себя так, словно им овладел припадок безумия. Он впадает в состояние экстаза, запекает песнь, которую ему сообщил дух-покровитель в момент посвящения. Он пляшет, пока не начинает сильно потеть, и в конце концов к нему является его дух и начинает с ним говорить» [5, с. 245,246].

На помощь шаману спешат не физические или психические симптомы, а «барабан, пляска, завывания, пес-

нопения, дым от снадобий... и, собственно, собеседование с самим духом» [5, с. 246], лучше других знающим причины заболевания пострадавшего.

В то время как «европеец считает болезнь состоянием организма, по мнению первобытного человека, она является объектом, который может входить в тело и который может быть удален из него. Возможно, отчасти и поэтому, примерами могут служить многочисленные случаи, когда недуг извлекается из тела высасыванием или иными способами» [2, с. 111,112]. В качестве «трофеев» выступают извлекаемые из тела больного кусочки кости, камня, угля. «Присутствующие, что также интересно, демонстративно верят произведенному эффекту и тому, что именно «доктор» высосал болезнь в виде того или иного предмета» [5, с. 250,251].

Всякий раз туземец рассматривает болезнь скорее как проклятье, нежели как физическое расстройство. Помочь в таком случае, конечно, может только мастер общения с духами и потусторонними силами в принципе. Способы лечения также автоматически становятся специфическими, согласно мирам, на которые «рассчитаны». А значит, и лекарь должен выглядеть и вести себя соответственно, «зачастую притворяясь сверхъестественным персонажем ... (наряд, аксессуар, пляски и т.д.). Если нужно, шаман, лекарь, знахарь будет размахивать и хвостом гиппопотама, а весь этот реквизит будет внушать одновременно страх и доверие его клиентам» [6, с. 170].

Итак, антропологическая литература пестрит примерами целительских практик, где и подготовительный этап, и сама процедуры носят, как минимум, творческий характер, а, как максимум, крайне театрализованы и представляют собой выверенные спектакли (с мизансценами, декламацией, драматургией и так далее). В качестве результата спектакля, предполагается, как психосоматическое улучшение состояния пациента, так и демонстрация безграничных и устрашающих возможностей шамана. Демонстрация зачастую приводит к уже предсказуемому боязливому отношению массового «зрителя» к колдуну – целителю. Его боятся и даже ненавидят, хотя и нуждаются в его помощи и лечении.

Театральность и шаманизм: философский аспект

Безусловно, подлинными мастерами симуляции и контролируемого «головокружения» можно назвать шаманов. Поведение шамана – отдельная история, весьма примечательная с точки зрения исследования природы театральности. Шаман опирается на откровение, которое достигается с помощью своеобразного припадка.

Роже Кайуа называет припадок «намеренно провоцируемым представлением, где почти по сознательному приказу происходит «профессиональная истерия» [4, с. 110]. Для достижения необходимого эффекта шаманом задействуются не только внутренние механизмы переживания, но и внешние инструменты представления, например, костюм и маска (звериные маски). Облачение может вестись порядка пятнадцати килограмм, однако это не мешает профессионалу прыгать высоко, показывая, как высоко он «летает», громко кричать сквозь маску, рассказывая об обозреваемых им в конкретный момент пространствах.

Шаман задействует активно и жестовую культуру общения, представляя свою борьбу и иные виды общения с духами, переживаемый им холод либо жару. И «зрители» активно включаются в демонстрируемый шаманом интерактив, в этот древний, полный первобытной зрелищности «пра – хэппенинг».

Творческое сотрудничество шамана и зрителей отмечается в шаманизме на постоянной основе. Оно востребовано, помимо прочего, самим представлением, так как исполняемая роль не должна выходить за рамки «жанра», а зритель как никто другой способен творчески «направлять» шамана, то есть актера.

Условная или подлинная одержимость шамана духами, богами, потусторонними силами по факту профессионального ремесла оборачивается «художественной» одержимостью образом, которая порой выливается в контролируемое или неконтролируемое безумие.

Здесь, по мнению Роже Кайуа, «мы подходим к общей проблеме, которую ставит ношение масок, так как ношение сопровождается обозначенным выше явлением одержимости, причастности к миру предков, духов и богов. У своего носителя оно вызывает временный восторг и внушает ему, будто он переживает какое-то решительное превращение. Во всяком случае, оно способствует разгулу инстинктов, вторжению опасных и недолимых сил» [4, с. 115, 116].

Следует напомнить, что «употребление масок встречается у многих народов. Происхождение этого обычая неясно во всех случаях, но легко различить несколько типических форм их употребления. Масками имеют в виду обмануть духов относительно личности их носителя, и, таким образом, они предохраняют его от нападения; или маска может изображать духа, олицетворяемого носящим ее лицом, таким образом отпугивающим сверхъестественных врагов. Другие маски установлены в воспоминание, причем носящий их олицетворяет умершего друга и так далее» [2, с. 104].

Ведомый раскрепощающими силами, носитель всецело отдается спровоцированному его же собственной мимической игрой расстройству. Он кричит нечеловеческим голосом, неистово двигается, демонстрируя первобытную страсть и боевую силу. Как представляется, носитель упивается не только драматическим эффектом, который производит на зрителей, не только внутренней свободе и сопричастности потусторонним силам, открывшимся ему в процессе припадка и транса, но главным образом он упивается своей властью, возможностью поведением сеять вокруг страх и ужас.

Призраки, которых шаман «вызывает» из загробного мира своими актерскими техниками, выступают, если не как его друзья, то как союзники. В любом случае, это сила, которой должны подчиниться окружающие. Шаман «подчиняет» себе с помощью «сверх способностей» тех, кого необходимо подчинить. В этой связи актерские техники, которые использует шаман, выступают в качестве удобного и безотказного инструмента воздействия на психику зрителей. А там, где есть место управлению, манипуляционному воздействию, там, как правило, есть место театральности. И внешняя атрибутика, маска в частности, играет далеко не последнюю роль. Маска носит институциональный характер [4, с. 116], выступает как элемент, с помощью которого так слаженно работает комплексный механизм управления.

Игра помогает, но она использует маску, закутывание, «непрямое сообщение» не так рационально, как это реализует на практике «театральность»: «пока человек играет, он не мыслит, а пока он мыслит, он не играет» [11, с. 369]. По крайней мере, именно на этот тезис о соотношении игры и мышления обращает внимание Е. Финк.

В свою очередь, человек отдается игре серьезно, он знает, что играет. И. Хейзинга полагает, что «архаическое общество играет так, как играет ребенок, как играют животные. И только на более поздней стадии общественного развития с этой игрой связывается представ-

ление, что она что-то выражает, а именно представление о жизни. Что раньше было бессловесной игрой, обретает поэтическую форму» [14, с. 40]. Так поступательно культ прививается к игре, а игра «обрастает» театральностью.

В заключение, отметим, что почти из всего, – «из рождения ребенка, из его обучения, из охоты, свадьбы, войны, из суда и наказания, из религиозного обряда, наконец, из похорон, – первобытный человек, впрочем, как и человек позднейшей культуры, устраивает представление чисто театрального характера. В этом протекает вся его жизнь» [3, с. 49], а значит, игнорировать повсеместную магнетическую силу театральности было бы ошибкой.

Выводы

1. Повседневная театральность есть мощный адаптационный механизм выживания и сохранения человека в социокультурной среде. Философское размышление о театральной природе человека сложно представить вне исследования генезиса театральности. Среди первых профессионалов, задействовавших театральное мастерство, следует отметить шаманов, колдунов, знахарей.
2. Антропологический профиль шамана предполагает подлинный профессионализм, опирающийся на владение, как телом, так и духом (своим и чужим). Игровые практики со временем уступают место театральным практикам в профессиональной деятельности шамана как наиболее результативным. Профессиональная деятельность шамана наполнена актерскими техниками и навыками. Умение держать аудиторию, направлять ее и успокаивать – это диапазон драматического мастерства, которым должен обладать шаман.
3. Театральное поведение шамана эмоционально наполненно, драматургически выстроено и служит прагматическим задачам (убеждения, самосохранения и преуспевания). Истоки театральности, актерское мастерство шамана базируются на страхе перед беспощадной алчущей результата толпой и на необходимости эстетико-культурного дистанцирования, «убегания» от нее: утрашая и манипулируя ею с помощью театральных средств выразительности.
4. Драматургия шаманского обряда предполагает наличие подготовительного этапа и непосредственно самой процедуры, весьма похожей на театраллизованное представление (с мизансценами, декламацией, звуковыми и визуальными эффектами). Представление интерактивно, «зритель» уверенно вовлекается в ритуальное действие. Художественное исполнение «ролей» с обеих сторон приводит к боязливому отношению «зрителя» к шаману, с одной стороны, и нарочитой демонстрации магического всемогущества, с другой.
5. Актерские техники, которые использует шаман, выступают в качестве удобного и безотказного инструмента воздействия на психику зрителей, инструментом власти. В свою очередь, там, где есть место манипуляционному воздействию, есть место и театральности.

Научный потенциал

Философско-антропологический анализ театральных техник, применяемых в шаманизме, представляется весьма продуктивным в исследовании феномена театральности, тем более, генезиса данного феномена. Магия, ранние

формы обрядовой деятельности архаичного общества более чем убедительно демонстрируют силу и власть театральности над психикой и повседневностью первобытных людей. И шаман, и проситель, каждый по-своему, используют и так развивают инструментальную театральность, ожидая, востребовав и получая от нее «результаты». Исследование предполагается продолжить.

Литература

1. Артемова, О.Ю. Личность и социальные нормы в ранне-первобытной общине (по австралийским этнографическим данным) / О.Ю. Артемова: Академия Наук СССР Ордена Дружбы народов Институт этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. – Москва «НАУКА» 1987. – 197 с.
2. Боас Франц Ум первобытного человека: Пер. с англ. Изд. 4-е. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 154 с.
3. Евреинов Н.Н. Демон театральности / Сост., общ. ред. и комм. А.Ю. Зубкова и В.И. Максимова. М.; СПб.: Летний сад, 2002. 535 с.
4. Кайуа, Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / Роже Кайуа; Сост., пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. – М.: ОГИ, 2007. – 304 с.
5. Леви – Брюль Л. Первобытное мышление / Пер. с фр. Б.И. Шаревской. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2020. – 430 с.
6. Леви – Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Пер. с фр. Б.И. Шаревской. – М.: Академический проект, 2021. – 428 с.
7. Леви – Стросс, К. Печальные тропики / Клод Леви-Стросс; [перевод с французского В. Елисейевой, М. Щукина]. – Москва: Издательство АСТ, 2022. – 544 с.
8. Малиновский Б. Магия, наука и религия / Пер. с англ. А.П. Хомика. – М.: Академический проект, 2015. – 298 с.
9. Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза / Мирча Элиаде; Пер. с фр. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2022. – 399 с.
10. Элиаде М. История веры и религиозных идей: от каменного века до элевсинских мистерий / Пер. с фр. Н.Н. Кулаковой, В.Р. Рокитянского, Ю.Н. Стефанова. – М.: Академический проект, 2021. – 432 с.
11. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия / Пер. с нем. А.В. Гараджа, Л.Ю. Фуксон; редактор пер. Леонид Фуксон. – М: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. – 432 с.
12. Фрэнгер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Джеймс Джордж Фрэнгер; пер. с англ. М. Рыклина. – СПб.: Азбука, Азбука – Аттискус, 2021. – 976 с.
13. Фрэнгер Дж. Дж. Золотая ветвь. Новые плоды (исследование магии и религии) / Пер. с англ. А.П. Хомика. – М.: Академический проект, 2019. – 407 с.
14. Хейзинга, Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга; Пер. с нидерланд. В. Ошиса. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 539 с.

SHAMAN'S THEATRICAL TECHNIQUES: PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECT

Rakhimova M.V.

South Ural State Institute of Art named after P.I. Tchaikovsky

The problem of everyday theatricality seems to be an acute problem, since modern society uses its mechanisms at different levels of public life more than ever before. In this regard, the analysis of the genesis of Theatricality with the help of philosophical and anthropological literature helps to track and characterize the possible stages of the formation of Theatricality and the mechanisms of its interaction with the socio-cultural environment. And the results obtained can be productive in the study of a human being as a complex philosophical problem.

Shamans can be called the first “professionals” who used theatrical skills. The playing techniques that accompany the shaman during the “training” period are replaced by theatrical techniques when working with “patients”. The shamanic rite resembles a theatrical performance (with mise en scene, recitation, sound and visual effects). Theatrical behavior serves pragmatic tasks (persuasion, self-preservation and success). Acting techniques act as a tool for influencing the psyche of the audience. In turn, where there is a place for manipulative influence, there is also a place for theatricality.

Keywords: shaman, acting technique, drama of the rite, manipulation, theatrical nature of a human being, everyday theatricality.

References

1. Artemova, O. Yu. Personality and social norms in the early primitive community (according to Australian ethnographic data) / O. Yu. Artemov: Academy of Sciences of the USSR Order of Friendship of Peoples Institute of Ethnography named after N.N. Miklouho-Maclay. – Moscow “NAUKA” 1987. – 197 p.
2. Franz Boas The mind of primitive man: Per. from English. Ed. 4th. – M.: LENAND, 2018. – 154 p.
3. Evreinov N.N. Demon of theatricality / Comp., total. ed. and comm. A. Yu. Zubkov and V.I. Maksimov. M.; St. Petersburg: Summer Garden, 2002. 535 p.
4. Kayua, R. Games and people; Articles and essays on the sociology of culture / Roger Caillois; Comp., trans. from fr. and intro. Art. S.N. Zenkina. – M.: OGI, 2007. – 304 p.
5. Levy – Brühl L. Primitive thinking / Per. from fr. B.I. Sharevskaya. – 2nd ed. – M.: Academic project, 2020. – 430 p.
6. Levy – Brühl L. Supernatural in primitive thinking / Per. from fr. B.I. Sharevskaya. – M.: Academic project, 2021. – 428 p.
7. Levi-Strauss, K. Sad Tropics / Claude Levi-Strauss; [translated from French by V. Eliseeva, M. Schukin]. – Moscow: AST Publishing House, 2022. – 544 p.
8. Malinovsky B. Magic, science and religion / Per. from English. A.P. Khomik. – M.: Academic project, 2015. – 298 p.
9. Eliade M. Shamanism. Archaic techniques of ecstasy / Mircea Eliade; Per. from fr. – 2nd ed. – M.: Academic project, 2022. – 399 p.
10. Eliade M. History of faith and religious ideas: from the Stone Age to the Eleusinian mysteries / Per. from fr. N.N. Kulakova, V.R. Rokityansky, Yu.N. Stefanova. – M.: Academic project, 2021. – 432 p.
11. Fink E. Basic phenomena of human existence / Per. with him. A.V. Garadzha, L. Yu. Fukson; editor trans. Leonid Fukson. – M: Canon + ROOI “Rehabilitation”, 2017. – 432 p.
12. Fraser J.J. The Golden Bough: A Study in Magic and Religion / James George Fraser; per. from English. M. Ryklin. – St. Petersburg: ABC, ABC – Atticus, 2021. – 976 p.
13. Fraser J.J. The Golden Bough. New fruits (study of magic and religion) / Per. from English. A.P. Khomik. – M.: Academic project, 2019. – 407 p.
14. Huizinga, J. Homo Ludens. In the shadow of tomorrow / J. Huizinga; Per. from the netherlands. V. Oshisa. – M.: LLC «Publishing House AST», 2004. – 539 p.

Социальная деятельность РПЦ в XXI веке: идеологические принципы и методы реализации

Филатов Даниил Леонидович,

магистр Теологии, священнослужитель Кафедрального Собора Храма Христа Спасителя
Email: 28121995@gmail.com

Социальная деятельность Русской Православной Церкви выступает как совокупность теории и практики адресной помощи нуждающимся слоям населения. При этом Церковь руководствуется как религиозными принципами, так и запросами общества. Само социальное служение является по сути своей общественной деятельностью, которая помогает гражданскому обществу урегулировать социальную напряженность. С одной стороны, она адресно поддерживает нуждающихся, а с другой – реализовывает религиозный потенциал, ведь основная цель для верующего человека – духовная, т.е. совершение добрых дел. Социальное служение – инструмент создания прогрессивного общества, так как идеологическое участие человека в процессе разрешения насущных задач вырабатывает ответственность, формирует и развивает гражданскую активность. Опыт социального служения Церкви определяется культурно-историческим наследием России, что содействует преемственности поколений, укреплению человечности и гуманизма.

Ключевые слова: служение, Русская Православная Церковь, православие, Московский Патриархат, религия, православие, патриотизм, помощь, социальная деятельность, социальная концепция.

В XXI в. Россия вступила в новую стадию экономического и промышленного развития. Вместе с тем четко устанавливается суверенитет и территориальная целостность Российской Федерации, что способствует подъему национального самосознания русского человека. Сохраняя авторитетные позиции на мировой арене, Россия формирует главную роль государства – защита интересов личности, которая, среди прочего, определяется отстаиванием его идеологических принципов [1, с. 111]. В условиях, когда общество под внешним давлением к 1990-ым гг. утратило нравственные ориентиры и национальную идентичность, православие выступило важной составляющей сохранения национальных традиций в процессе стремительных перемен [2]. Начало нового тысячелетия в России характеризуется подъемом духовно-нравственного самосознания народа, исповедующего традиционные ценности. Именно поэтому особую актуальность приобретает анализ деятельности Русской Православной Церкви как одного из мощных социальных институтов. Об этом немало говорят религиозные мыслители: «модернизация без опоры на православную традицию – это не модернизация, а десуверенизация. Опора исключительно на традицию без национальной модернизации также приведет к десуверенизации, ибо Россия не будет конкурентоспособной и не сохранит свою самостоятельность» [3, с. 215–216].

Следует отметить, что в России на протяжении всей истории Православная Церковь имела громкий голос в государственном строительстве, в формулировании национальной картины мира и поддержании национальных культурных взглядов, вступающих в противостояние с ценностями вестернизма, все чаще проявляющихся в процессе глобализации.

С наступлением XXI века, отношение к вере в России значительно изменилось: многие люди осознали важность веры и традиционные ценности для своей жизни.

Русская Православная Церковь оказалась в центре духовно-нравственных процессов общества, поскольку православие является самым распространенным вероучением в России.

Исследования, посвященные изучению отношения населения России к православию, проводимые АНО «Левада-Центр», показали любопытные результаты. Так, в 2017 г. с уважением к православному вероисповеданию относятся 60%, а с доброжелательностью – 32 [4]. Среди респондентов около 70% опрошенных причисляют себя к православному вероисповеданию [4].

В массовом сознании довольно четко сложилась идея национальной и конфессиональной идентичности. Поскольку народы в течение своей истории зачастую тесно связаны с конкретными верованиями, то и религиозные обряды, праздники, отношение к социально значимым становятся присущи не только ритуальному опыту, но выступают как часть целостной традиции общества.

Весьма распространены такие ассоциации: русский – православный, татарин – мусульманин, поляк – католик, британец – англиканец и др. [5, с. 4]. При этом народам России присущ высокий уровень веротерпимости. Своей верой человек, среди прочего, выражает личностную идентичность.

Бесспорно, это касается и нынешнего этапа развития российского общества: оно в полной мере является наследователем моральных и нравственных установок, сложившихся еще на заре русского христианства [6, с. 155].

Президент РФ В.В. Путин отмечал: «Православие и Россия неразделимы. И на протяжении всей истории православие играло очень значимую роль в жизни нашего государства и нашего народа. В основе нравственных ценностей россиян прежде всего лежат христианские православные ценности» [7].

Обособленность русских ценностей кроется именно в нравственной этике: русский человек сторонится греха и распутства, старается следовать путем добра и истины. Если человек и совершает дурной поступок, то общество не признает это за норму и стремится к его обличению и искоренению.

Об этом весьма четко писал Ф.М. Достоевский: «Но спасет Бог Россию, ибо хоть и развратен простолюдин и не может уже отказать себе во смрадном грехе, но все же знает, что проклят Богом его смрадный грех и что поступает он худо, греша» [8, с. 372].

Умение совершать добрые дела и ставить их выше собственных интересов, осуждение зла и пороков всегда были отличительными качествами русского человека. Эти достоинства сохраняются по сей день.

Именно поэтому Русская Православная Церковь выступает как один из влиятельнейших социальных институтов внутри страны. Она вынуждена в очередной раз осмыслить важность миссии в жизни общества.

Стремление государства к урегулированию религиозных вопросов, а также выработка правового поля взаимодействия Церкви и государства способствовало к организации социальной деятельности РПЦ как действующего административного органа [9, с. 157].

Социальная деятельность РПЦ в свете законодательного регулирования государственно-церковных отношений определяется несколькими взаимосвязанными и взаимообусловленными процессами: созданием и описанием концепции, увеличением форм ее направлений и применимости в жизни.

В начале 1990-х гг. в РПЦ был создан Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению Московского Патриархата, который «координирует и оказывает содействие в работе церковных социальных начинаний во всех епархиях, разрабатывает и внедряет эффективные методики помощи нуждающимся, организует обмен опытом и обучение церковных социальных работников» [10].

После создания специального отдела Церковь и органы исполнительной власти заключали договоры о сотрудничестве. В большинстве своем эти соглашения описывали сферу совместной деятельности Церкви и государства, и, зачастую, определяли целевую аудиторию социальной работы.

Надо сказать, что при указании сроков этих соглашений применялся принцип пролонгации, что изначально свидетельствовало о намерении долгосрочного сотрудничества. Так договоры были заключены между РПЦ и Министерствами обороны, Внутренних дел, по чрезвычайным ситуациям, труда, социальной защиты, здравоохранения, образования и другими [9, с. 158].

Особенно важно отметить тесное сотрудничество РПЦ с силовыми структурами и армией. Общий интерес в этой сфере заключается, в первую очередь, в нравственном и патриотическом воспитании военнослужащих, а также поддержке и защите их семей.

В рамках этих соглашений к 2008 г. при военных частях функционировало 117 храмов. Военные священни-

ки несли свою службу в Сербии, Чечне, Таджикистане. Сегодня – на Украине.

Далее в социальной работе РПЦ определилось новое направление, призванное решить проблемы с образованием детей и молодежи. Этим направлением занялись два отдела РПЦ: Учебный комитет и Отдел религиозного образования и катехизации.

При этом палитра форм организационно-методологической работы была достаточно богата: различного рода конференции, совещания ректоров, семинары и круглые столы для преподавателей духовных семинарий и училищ. Все эти мероприятия проводились при участии сотрудников Министерства образования и науки РФ, РАН, ВУЗов регионального и федерального значения.

Решающее значение в социальном служении РПЦ имеет работа, осуществляемая Информационным отделом. Так, сегодня функционируют два полноценных федеральных православных телеканала («Спас», «Союз»), а также радиоплощадки «Радонеж» и «Вера». Эти явления говорят о благополучии взаимодействия Церкви, общественных организаций и государственных структур в сфере социальной деятельности, которая отвечает актуальным вызовам современности.

Одной из официальных площадок, используемых РПЦ для обсуждения важных общественных запросов, выступают «Рождественские образовательные чтения» – выдающийся в Российской Федерации церковно-общественный форум, на котором обсуждаются насущные проблемы церковно-государственного взаимодействия, формулируется позиция Церкви по злободневным темам: образования, воспитания молодежи, семейных ценностей, патриотизма, исторической памяти и пр.

Рождественские чтения, как правило, открывает сам Патриарх. В них участвуют высокопоставленное священноначалие Русской Православной Церкви, представители органов исполнительной и законодательной власти, ученые и общественность.

Этот форум высоко оценивает Святейший Патриарх Кирилл: «Сегодня в Рождественских чтениях мы имеем замечательный образец народной активности всех тех людей, которые активно работают для блага Русской православной церкви, тех кто себя отождествил с церковью. Мы видим стремление встречаться, обсуждать важные проблемы, вырабатывать методологию совместной работы» [11].

Нельзя не отметить, что высокое значение диалога на Рождественских чтениях нередко отмечается представителями государственной власти.

Председатель Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко в своем приветственном слове участникам XXVIII Рождественских чтений отметила: «Диалог представителей органов власти, общественности, религиозных деятелей, деятелей культуры, науки и образования способствует сохранению исторической памяти, наследия и традиций, межнационального и межконфессионального согласия, воспитанию патриотизма и гражданской ответственности, поиску ответов на вызовы современности» [12].

Благодаря продуманной реализации социального служения, РПЦ воздействует на все сферы общественной жизни. По мере осуществления социальной деятельности, РПЦ сталкивалась с различными проблемами российского общества, вырабатывая собственную позицию по основным вопросам. Уже устоявшиеся практики составили единый документ: «Основы Социальной Концепции Русской Православной Церкви» [13].

Итак, основными направлениями в социальной деятельности РПЦ можно назвать:

- духовно-патриотическое и нравственное воспитание молодого поколения;
- дела милосердия и помощь нуждающимся;
- развитие совместных с государством социальных программ;
- науку, исследовательскую деятельность;
- экономическую деятельность на пользу Церкви и государству;
- поддержку института семьи, материнства и детства [14, с. 24].

Несмотря на широкий спектр социальной вовлеченности РПЦ, основной ее деятельностью как активного гражданского общества является помощь нуждающимся.

Дело милосердия – один из постулатов православного вероучения. Так верующие реализуют заповедь Иисуса Христа, сказанной в Нагорной проповеди: *«Прсящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся»* (Мф. 5:42).

В феврале 2011 г. были приняты документы «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви» и «О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви», в которых отмечается потребность оживления социальной работы в приходских общинах.

Церковь обеспечила условия адресной помощи, в которой столь остро нуждается отдельные группы населения.

В соответствии с приведенными документами, социальное служение РПЦ осуществляется в следующих направлениях:

- поддержка, укрепление и защита семьи;
- помощь старикам, инвалидам, людям, страдающим тяжелыми заболеваниями;
- помощь бездомным;
- помощь детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей;
- помощь заключенным или освобождающимся из заключения;
- помощь ВИЧ-инфицированным;
- помощь малоимущим, погорельцам, мигрантам, семьям, потерявшим кормильца, людям, попавшим в иные трудные обстоятельства;
- помощь лицам, страдающим наркотической или алкогольной зависимостью, а также другим людям, нуждающимся в поддержке [16, с. 115].

Государство сегодня, в лице своих социальных программ, бесспорно, на стороне граждан. Его позиция состоит в том, чтобы содействовать некоммерческим организациям, осуществляющим адресную помощь в решении острых социальных задач. Благодаря этому ведут свою работу общества трезвости, движение против абортов, помощь сиротам и прочие направления церковной социальной работы.

Однако социальные задачи РПЦ состоят не в дублировании этих же функций государства, которое стоит на защите своих граждан. В первую очередь ее цель – духовная. Верующие люди реализуют свой религиозный потенциал, который заключается в служении, по словам Иисуса Христа: *«Кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий – как служащий... А Я посреди вас, как служащий»* (Лк. 22:26–27).

Таким образом, в стремительно развивающемся обществе XXI в. Русская Церковь при помощи государства и своих прихожан осуществляет достаточно серьезную деятельность по поддержке нуждающихся людей.

История подтверждает тот факт, что в сложные времена особо важную роль играет деятельность Церкви в поддержке государства и ее граждан не только пу-

тем духовного окормления, но и адресной социальной помощи. Из этого следует вывод, что при повышении социальной напряженности, обусловленного вызовами современного мира, возрастает роль религиозного воспитания.

Отсюда становится понятным, что прогнозирование ресурсности участия в процессе преодоления социального накала имеет несомненную актуальность.

Литература

1. Трофимов Н.И. Уголовно-правовая защита права на свободу совести и вероисповедания // Вестник магистратуры. – Йошкар-Ола: Коллоквиум, 2019. – С. 110–112.
2. Топольян А.П. Духовно-нравственное возрождение как социокультурная основа модернизации России (электронное издание).
3. Фролов К.А., Логинов К.А. Третий Рим. Суверенная модернизация // Наш Современник. – М.: Красная звезда, 2012. – С. 206–226.
4. Левада-Центр. Религиозность. Данные аналитических опросов за 2017 г. // URL: <https://www.lewada.ru/2017/07/18/religioznost/> (дата обращения: 29.10.2022).
5. Капалин А.М. Социальные функции института Русской Православной Церкви. КД. – Тюмень (ТюмГУ), 2009. – 193 с.
6. Цуй Цзявэнь. Роль православия в формировании Русской культурно-цивилизационной идентичности // Общество: философия, история, культура. – Краснодар: Хорс, 2021. – С. 151–156.
7. Документальный фильм «Патриарх» // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IrglFFeWWcM> (дата обращения: 29.10.2022).
8. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Собрание сочинений Ф.М. Достоевского в 12 т. Т. 11. – М.: Правда, 1982. – 622 с.
9. Симонова М.А. Социальная деятельность Русской Православной церкви в 1990–2000-е гг.: концептуальные основания и опыт реализации // Вестник РУДН. – М.: РУДН, 2014. – С. 157–165.
10. Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению // URL: <https://www.diaconia.ru/ob-otdele> (дата обращения: 29.10.2022).
11. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVIII Международных Рождественских образовательных чтений «Великая Победа: наследие и наследники» // URL: <https://tass.ru/obschestvo/7608493> (дата обращения: 29.10.2022).
12. Приветствие председателя Совета Федерации РФ Валентины Матвиенко участникам XXVIII Международных Рождественских образовательных чтений // URL: <https://mroc.pravobraz.ru/privetstvie-predsdatelya-soveta-federacii-rf-valentiny-matvienko-uchastnikam-xxviii-mezhdunarodnyx-rozhdestvenskix-obrazovatelnyx-chtenij/> (дата обращения: 29.10.2022).
13. Основы Социальной Концепции Русской Православной Церкви // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 29.10.2022).
14. Мчедлов М.П. О социальной концепции русского православия. – М.: Республика, 2002. – 399 с.
15. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: РБО, 2003. – 1371 с.
16. Астэр И.В. Социальная деятельность Русской православной церкви как инструмент развития гражданского общества в современной России // Известия ИГУ. – Иркутск: ИГУ, 2016. – С. 110–117.

SOCIAL ACTIVITY OF THE ROC IN THE XXI CENTURY: IDEOLOGICAL PRINCIPLES AND METHODS OF IMPLEMENTATION

Filatov D.L.

The Cathedral of Christ the Savior

The social activity of the Russian Orthodox Church acts as a combination of theory and practice of targeted assistance to the needy segments of the population. At the same time, the Church is guided by both religious principles and the demands of society. Social service itself is essentially a public activity that helps civil society to resolve social tensions. On the one hand, it provides targeted support to those in need, and on the other hand, it realizes religious potential, because the main goal for a believer is spiritual, i.e. the performance of good deeds. Social service is a tool for creating a progressive society, since the ideological participation of a person in the process of solving urgent tasks develops responsibility, forms and develops civic activity. The experience of the Church's social service is determined by the cultural and historical heritage of Russia, which contributes to the continuity of generations, the strengthening of humanity and humanism.

Keywords: ministry, Russian Orthodox Church, Orthodoxy, Moscow Patriarchate, religion, Orthodoxy, patriotism, assistance, social activity, social concept.

References

1. Trofimov N.I. Criminal-legal protection of the right to freedom of conscience and religion // *Vestnik magistratura*. – Yoshkar-Ola: Colloquium, 2019. – P. 110–112.
2. Topolyan A.P. Spiritual and moral revival as a socio-cultural basis for the modernization of Russia (electronic edition).
3. Frolov K.A., Loginov K.A. *Tretiy Rim. Sovereign modernization* // *Nash Sovremennik*. – M.: Krasnaya zvezda, 2012. – P. 206–226.
4. Levada Center. Religiosity. Analytical survey data for 2017 // URL: <https://www.levada.ru/2017/07/18/religioznost/> (accessed: 29.10.2022).
5. Kapalin A.M. Social functions of the Institute of the Russian Orthodox Church. CD. – Tyumen (UTMGU), 2009. – 193 p.
6. Cui Jiawen. The role of Orthodoxy in the formation of Russian cultural and civilizational identity // *Society: philosophy, history, culture*. – Krasnodar: Khors, 2021. – P. 151–156.
7. Documentary "Patriarch" // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lrglFFeWWcM> (accessed: 29.10.2022).
8. Dostoevsky F.M. *Brothers Karamazov* // *Collected Works of F.M. Dostoevsky in 12 t. T.11*. – M.: Pravda, 1982. – 622 p.
9. Simonova M.A. Social activity of the Russian Orthodox Church in 1990–2000-e gg.: conceptual foundations and experience of realization // *Vestnik RUDN*. – M.: RUDN, 2014. – P. 157–165.
10. Synodal Department for Church Charity and Social Ministry // URL: <https://www.diaconia.ru/ob-otdele> (accessed: 29.10.2022).
11. Word of His Holiness Patriarch Kirill at the opening of the XVI–II International Christmas Educational Readings "The Great Victory: Heritage and Heirs" // URL: <https://tass.ru/obschestvo/7608493> (accessed: 29.10.2022).
12. Greeting of the Chairman of the Federation Council of the Russian Federation Valentina Matvienko to the participants of the XXVIII International Christmas Educational Readings // URL: <https://mroc.pravobraz.ru/privetstvie-predsedatelya-soveta-federacii-rf-valentiny-matvienko-uchastnikam-xxviii-mezhdunarodnyx-rozhdestvenskix-obrazovatelnyx-chtenij/> (accessed: 29.10.2022).
13. Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (accessed: 29.10.2022).
14. Mchedlov M.P. On the social concept of Russian Orthodoxy. – M.: Respublika, 2002. – 399 p.
15. Bible. Books of Scripture of the Old and New Testaments. – M.: RBO, 2003. – 1371 p.
16. Aster I.V. Social activity of the Russian Orthodox Church as an instrument for the development of civil society in modern Russia // *Izvestiya ISU*. – Irkutsk: ISU, 2016. – P. 110–117.

Психологический комментарий к мыслям Ф.М. Достоевского о русофобии

Яновский Михаил Иванович,

к.п.н., доцент кафедры психологии, Донецкий национальный университет

E-mail: m.i.yanovsky@mail.ru

Предметом рассмотрения в статье является русофобия как разновидность социальной нетерпимости (нетолерантности). Для анализа используются высказывания Ф.М. Достоевского об отношении европейцев к русским. Русофобия интерпретируется как форма социально-игрового поведения, обуславливаемого ростом притязаний и амбиций субъектов русофобии, на фоне характерной, по мнению Достоевского, для русских черты, названной им «деликатностью» (искусственная, чрезмерная толерантность). Также русофобия рассматривается как следствие ценностного расхождения западного менталитета с русским: западные народы склонны к построению элитаристских социальных отношений, русские – к эгалитарным.

Ключевые слова: русофобия, Достоевский, нетерпимость, нетолерантность, деликатность.

Русофобия – явление давнее, но ставшее особенно актуальным в наше время. Ее определяют как «широкий спектр отрицательных чувств и установок по отношению к русским, от страха до ненависти» [2, с. 6]. Существует много политологических, культурологических, филологических попыток ее рассмотрения, однако практически отсутствует анализ ее психологической стороны. В исследовании этой проблемы представляют интерес соответствующие рассуждения мыслителей периода, когда научной психологии еще не было, особенно с учетом того, что глубина и утонченность их психологического анализа подчас до сих пор остается недостижимым для нас эталоном. Речь о Ф.М. Достоевском. В разных его произведениях встречается немало мыслей об отношении европейцев к русским. Особенно много такого материала в «Дневнике писателя» [2]. Задачей нашей статьи является фиксация и использование этих мыслей для анализа психологической и духовной стороны русофобии.

Для изучения феномена с научных позиций его нужно квалифицировать. На наш взгляд обоснованно можно рассматривать русофобию как особую форму такого явления как *нетерпимость*, т.е., говоря современным социально-политическим языком, *нетолерантность* – непринятие чужих, непохожих на свои, взглядов, мировоззрения, образа жизни, привычек.

Проблемам толерантности-нетолерантности посвящено огромное количество научных исследований, социальных практик, – по большей части на Западе, отчасти также в России. Популярность этой тематики совпала с появлением на Западе волны неоллиберализма, что не случайно, поскольку даже по содержанию понятия «либерализм» и «толерантность» очень близки. Парадокс, однако, в том, что ставя толерантность едва ли не на место ценности номер один, Запад, тем не менее, сам реализует (и поощряет) нетолерантность к русскому, причем не только к политике России, но и русской культуре, языку, обычным людям. Причем, русофобия – явление не последнего, «постфевральского», времени, а достаточно старое. Размышления о причинах негативного отношения Запада к России встречаются уже в XIX в. (у Ф.И. Тютчева, П.А. Вяземского, Ф.М. Достоевского и др.). В целом противоречие между либеральным и неоллиберальным стремлением к толерантности и нетолерантностью к России можно было бы объяснить, помимо прочего, тем, что борьба за толерантность является для Запада политически мотивированной и лишь декларируемой идеологией и не отражает его реальной ценностной направленности. Тогда как в действительности нетерпимость – почти неотъемлемое свойство западного менталитета, по той причине, что невозможно иметь европоцентризм (а он – неотъемлемая особенность европейского самосознания) и одновременно быть терпимым к другим народам. Нетерпимость – неизбежное следствие европоцентризма. Пока существует причина, будет следствие.

«Валидность» психологической проницательности Достоевского в вопросе русофобии подтверждается сбывшимся предсказанием писателя: после принятия «благодетней» со стороны России соседствующими с нею малыми народами, после помощи России в их освобождении от безжалостной тирании более мощных государств (например, Османской империи, жестокость

которой в отношении армян просто более известный эпизод ее истории), эти народы на определенное время станут главными ненавистниками России. Приведем эти ставшие уже широко известными высказывания:

«... по внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, – не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!» [1, с. 888].

«Начнут же они по освобождении свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают. Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшей благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись» [там же, с. 889], спаслись от «порабощения ... жадному, хитроумному и варварскому великорусскому племени» [там же]. «Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чисто славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации» [там же, с. 890].

Вплоть до деталей сбылось почти все, кроме того, что к славянам Болгарии, Польши, Словакии, Украины, Хорватии, Чехии присоединились прибалтийские народы.

Этот парадоксальный – но сбывшийся – прогноз Достоевский объяснял не сверхъестественным наитием, и не знанием «испорченности» этих народов, а выведением следствий из понимания некоего закономерного процесса: «все точно так именно сбудется, как я говорю, и не по низкому, неблагоприятному, будто бы характеру славян, совсем нет, – у них характер в этом смысле как у всех, – а именно потому, что такие вещи на свете иначе и происходить не могут» [там же, с. 889].

Русофобия, таким образом, имеет свою логику. Может быть она – просто правомерная реакция на «варварство и агрессивность» «колосса»?

Ответ Достоевского находим в месте «Дневника», где писатель описывает, как зарождалась русофобия у немцев в XIX веке. В XVIII – первой половине XIX вв. российские войска успешно воевали в разрозненных немецких государствах, которые в то время не были государством единым. Русофобия у немцев тем не менее, даже в минимальной степени, в этот период не существовало. Она стала формироваться по мере того, как происходило, благодаря Бисмарку, сближение Германии воедино. Это, как и поведение славян и других соседей России в прогнозе Достоевского, означает, что русофобия – не реакция на реальную опасность, исходящую от России, а своеобразная игра (с игровой позицией и игровым поведением), появляющееся как раз, когда люди чувствуют себя в безопасности. Но, по утверждению Достоевского, это поведение (т.е. «игра») закономерно возникающее и протекающее. Суть этой закономерности Достоевский, к сожалению, не объяснил прямо. Но по другим рассуждениям в этой части «Дневника» (где опубликован данный прогноз), и рассуждениям о причинах негативного отношения к русским на Западе в других частях, – эту закономерность можно попытаться реконструировать.

В той части «Дневника», где изложен сбывшийся прогноз, говорится о черте русского человека, особенно из интеллигенции, которую он условно называет «дели-

катность» [там же, с. 876–887]. Имеется в виду стремление хорошо выглядеть перед иностранцами, угождать, особенно европейцам. Писатель считал, что эта черта воспитана европеизацией России после петровских реформ. Русская «деликатность» к иностранцам порой приобретает карикатурные, трагикомические формы. Достоевский рассказывает, например, как русские женщины из «образованных» угощали пленных солдатиков пирожными, а русские офицеры возили их по их требованию в каретах («в телегах сильно трясет»), при том, что те были известны своей небывалой жестокостью к болгарскому населению и страшились наказания (ср. обращение с пленными фашистами из «Азова» летом 2022 г.).

На наш взгляд, свойство, называемое «деликатностью», есть не что иное как вариация той же самой толерантности. Неслучайно к демонстрации «деликатности» особую склонность проявляли, как обратил внимание Достоевский, люди из «образованных», с как бы «передовыми» европейскими либеральными взглядами. Проблема однако в том, что русская деликатность – это окаркаатуренный вариант природной русской терпимости, созвучной с идеалами равенства, социальной гармонии, справедливости. Поэтому если на Западе введение норм толерантности может выглядеть как оправданное нововведение, компенсирующее привычные нормы неравенства и жесткости в отношениях, то в России насаждение норм толерантности в обществе, где терпимость – естественна, неизбежно приобретет характер искусственных социальных имитаций, некой карикатурной социальной игры.

«Деликатность» как форма поведения, будучи своеобразным самоуничижением и угождением иностранцу, в сознании русского должна как бы предупреждать и нейтрализовать возможное негативное отношение иностранца. Объективно же она создает питательную, даже провокативную среду для амбиций объекта «деликатности». Если амбиции реализуются, то в догонку им создается мифология, оправдывающая эту амбициозность, а значит и снисходительное презрение, как бы учающую или даже карательную позу (позиция «Злого Родителя» (Э. Берн)).

В целом одно из психологических открытий Достоевского в том и состоит, что человек любит или ненавидит другого не столько в ответ на то, что тот ему сделал что-то хорошее или плохое, сколько потому, что он сам делает или сделал другому что-то хорошее или плохое. Преступник как бы мстит людям за свои преступления против них; святой любит людей, поскольку делает им добро. (Напомним, и по С.Л. Рубинштейну человек создает себя своими поступками.)

Следовательно, учитывая, что русофобия – это не столько «фобия», сколько набор отрицательных чувств, среди которых большой вес имеют пренебрежение, презрение и т.п., т.е. в т.ч. те же амбиции, то русская «деликатность» к иностранцам и создает питательную среду для русофобии. Но *лишь* среду. Основная причина русофобии – в самом русофобе: в его намерениях и действиях. Тот факт, что у немцев русофобия впервые возникла, когда Германия стала империей, подтверждает это. Действительно, к русофобии склонны народы с состоявшимися или несостоявшимися имперскими амбициями: англичане, поляки, американцы, шведы (обратим внимание, что ко всем этим этносам в России были периоды пиететного отношения, увлечения: «англомания», почитания польских аристократов и т.д. – т.е. проявления той самой «деликатности», угождения). Отметим, что возможно тем же объясняется русофобия западно-украинского субэтноса: он, можем предполагать, – ру-

димент австрийской имперской амбициозности, которая по каким-то причинам исчезла у самих австрийцев.

Таким образом, и предсказанная Достоевским волна русофобии ее славянских соседей – вероятно, так же от внезапного высвободившейся амбициозности, подогретой русской «деликатностью», а также открывшейся возможностью «подпитаться» провозглашением своей причастности к высокопрестижному Западу.

Характерно однако, что русская «деликатность», будучи как бы невольным «приглашением» иностранцу к занятию позиции превосходства, сочетается у русских с обычным, но не демонстративным, самоуважением. Это вводит иностранных «партнеров» в ролевой конфликт, фрустрирует и обуславливает появление обвинений к русским в чрезмерной гордыне и самодовольстве. Срабатывает эффект контраста: на фоне формируемого образа самоуничижающегося человека, его «вдруг» появляющаяся гордость воспринимается как наглость. Очевидно, что этот эффект усиливает русофобию и вносит в нее дополнительные составляющие.

К этому, однако, проблема русофобии не сводится. Достоевский упоминает в «Дневнике» еще одну важную причину неприязни к русским – ценностный конфликт. Говоря о глубинных ценностях русского народа, писатель характеризует их как близкие к социализму (сам писатель, как известно, был сторонником христианского социализма): стремление к отношениям равенства, гармонии (что особенно наглядно выражается в отношениях с другими этносами), терпимость, стремление к справедливости, также приоритет содержания перед формой. Для западных иерархически устроенных обществ, – с их древними и новыми «элитариями», с неравенством как основой порядка, с традициями замкнутых мещанских «миров», с приоритетом формы над содержанием, – взаимодействие с людьми, сознательно или бессознательно несущими эгалитарные ценности, воспринимается как угроза своему социальному порядку, как агрессия, опасность что-то потерять.

Развивая эту мысль, можем сказать, что ценностная подоплека русского менталитета нашла символическое выражение в иконе «Троица» Андрея Рублева: Трансцендентное Божественное Начало невидимо присутствует среди видимых субъектов, в их взаимоотношениях. Запад давно отказался от этой христианской идеи, заменив как бы ненадежное нематериальное, невидимое Трансцендентное – надежной осязаемой материальной

силой: властью. Ф.М. Достоевский воплотил эту оценку духовного состояния Запада в «Легенде о Великом инквизиторе», в своем романе «Братья Карамазовы». В этом смысле действительно, в русофобии психологически есть элемент позиции «Инквизитора», описанного Достоевским.

Для русской культуры терпимость – естественное свойство, правда, порой приобретающее неадекватные формы, когда искажается подражанием западному либерализму.

Сделаем вывод. Западная русофобия – «волк в овечьей шкуре»: под прикрытием защиты ценностей либеральной терпимости проявление, на самом деле, нетерпимости к терпимости естественной.

Литература

1. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 1056 с.
2. Кара-Мурза С.Г. Русофобия Запада // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2015. – № 8 (1). – С. 6–14.

PSYCHOLOGICAL COMMENTARY ON F.M. DOSTOEVSKY'S THOUGHTS ON RUSSOPHOBIA

Yanovsky M.I.
Donetsk National University

The subject of consideration in the article is Russophobia as a kind of social intolerance (intolerance). The statements of F.M. Dostoevsky about the attitude of Europeans to Russians are used for the analysis. Russophobia is interpreted as a form of social-gaming behavior caused by the growth of claims and ambitions of subjects of Russophobia, against the background of a characteristic, according to Dostoevsky, for Russians, a trait he called "delicacy" (artificial, excessive tolerance). Russophobia is also considered as a consequence of the value divergence of the Western mentality with the Russian: Western peoples tend to build elitist social relations, Russians tend to egalitarian.

Keywords: Russophobia, Dostoevsky, intolerance, intolerance, delicacy.

References

1. Dostoevsky, F.M. Diary of a writer. – St. Petersburg: ABC, ABC-Atticus, 2021. – 1056 p.
2. Kara-Murza, S.G. Russophobia of the West // Contours of global transformations: politics, economics, law. – 2015. – No. 8 (1). – Pp. 6–14.

Постижение России: прорывы и тупики в развитии отечественной гуманитарной мысли (XVIII-начало XXI вв.)¹

Аванесова Галина Алексеевна,

д.ф.н., профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО) РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
E-mail: gal-09@list.ru

Миронов Анатолий Васильевич,

д.с.н., профессор, Заслуженный работник высшей школы, Почетный работник ВПО РФ

Авторы анализируют, как осмыслили некоторые направления отечественной гуманитарной мысли особенности России – ее истории, общества и культуры Нового времени. Основное внимание уделено консервативной мысли. Эти процессы научно-философского самопознания прослеживаются, во-первых, по ходу взаимодействий России с западноевропейской цивилизацией, с ее гуманитаристикой и теорией познания, во-вторых, в контексте внутренних трансформаций культурно-цивилизационного и парадигмального характера в империи, в советское и постсоветское время.

Ключевые слова: эпистемология/гносеология, отношения между знанием и реальностью в науке, теоретический рационализм, познавательные субстанции разных цивилизаций, парадигма изучения России русской консервативной мыслью, ракурсы понимания России советским марксизмом, теория отражения, наука и политика, понимание научной истины и правды, псевдонаука в период Постмодерна.

4.2. Понимание России/СССР в условиях кризиса: власть, либеральная наука и пропаганда, массовое сознание

После распада СССР (1991–1999). В свое время большевики, захватывая власть, считали гражданскую войну выигрышным для себя ходом. Но та война всем показала неуправляемый нор, развязав деструктивные силы разнородного населения. Она привела белое воинство к краху; большевиков она тоже не раз ставила перед угрозой потери власти; ее стихия рушила и замыслы Запада о России. В конце XX в. глобалистские силы запустили иной развал нашей страны – упразднение СССР без правовой базы лидерами трех республик. Подписание Беловежских соглашений было стремительным; подразумевалось, что их итоги не следует обсуждать или критиковать, ибо они станут благом для всех.

В Беловежье Б.Н. Ельцин не приложил усилий для защиты насущных интересов России и решения ее проблем. Среди последних выделим: возврат отторгнутых от РСФСР территорий с русским населением; наличие для РФ свободной связи с Калининградской областью через государства нового зарубежья; статус и права русскоязычных граждан, нетитульных этносов в появившихся странах и др. Острота этих проблем сразу дала о себе знать, во-первых, действиями четырех непризнанных республик, не пожелавших остаться в новых государствах, во-вторых, хлынувшими в Россию русскоязычными беженцами, в-третьих, стремлением лидеров новых государств сохранить многие советские преференции в отношениях с РФ (низкие цены на российские ресурсы, бесплатное высшее образование для молодежи) и т.п. Вслед за этим либеральная пропаганда начала формировать в обществе позитивные оценки Беловежских соглашений, снижая волю граждан к сопротивлению. Население запугивали с помощью активизации террористов, криминальной среды, военных операций у границ страны. Стало очевидным, что опасные итоги развала СССР проектировались Западом заранее для предельного ослабления России.

Новые кадры власти в РФ создавались из нуворишей-олигархов, активистов-демократов, появившихся политтехнологов; преимущественно это были выходцы из советских партийно-элитных кругов. Заново готовили журналистов, персонал медиа-каналов, отбирая их из молодежи; но часть советских пропагандистов и в этом случае пригодилась. Новые страты начали демонтаж политических структур, хозяйственных комплексов, разрушая социалистический уклад. В руки частных компаний, в т.ч. западных, перешли добывающие, перерабатывающие предприятия, индустриальные производства; немало трудовых коллективов исчезало через банкротства. В госуправлении доля опытных кадров свелась к минимуму; прежде всего избавлялись от тех, кто отторгал новые хозяйственно-политические реалии (вспомним о генерале Л. Шебаршине).

¹ Продолжение. Начало см. в № 3, 4, 5, 6 (2021), № 1, 2, 4 (2022).

Затем начался разгром социальной сферы, образования, науки, культуры. В систему науки и образования внедрялись западные формы обучения и парадигмы европейской гуманитарной мысли. С помощью американских меценатов выпускалась учебная литература для ВУЗов, создавались образовательно-научные центры (Высшая школа экономики и др.), действующие на базе принципов космополитизма, практик открытого мира. В сфере культуры ценности искусства СССР перемещались в запасы, архивы или разбазаривались. Российское искусство резко менялось по содержанию, продуцируя извращенные художественные образы, расширяя дух антисоветизма, коммерции, пошлости.

В то время трудно было оценить, каким у новых политиков, бизнесменов, работников науки, искусства являлось подлинное понимание ситуации на Западе, в РФ, в новых государствах. Члены правительства Е.Т. Гайдара, близкие им теоретики высказывали уверенность, что через год-полтора в стране заработает эффективная капиталистическая экономика современного типа; но этого не произошло. Реформы стали обоснованно критиковать, как наши аналитики, так и известные экономисты Запада, отмечая их непригодность для России. Между тем политики, бизнесмены не прозревали также и своего будущего. Поначалу они заявляли, что их партнерство с элитами Запада равноправно, что сами они участвуют в глобальных проектах. Но наступало время, когда высшие страты, прежде всего реформаторы, олигархи, начинали понимать, что Запад считает их временными статистами, ожидая помощи лишь в развале РФ. Общество тоже убеждалось в старой истине: неадекватные оценки России, незаслуженные богатства, отсутствие патриотизма не гарантировали этим стратам деловых успехов, понимания мировых перемен. Благополучие и жизнь участников этой среды становилась разменной монетой в борьбе за выживание.

Проблемно-тематические направления неолиберального анализа в сферах отечественной науки и СМИ. В данном случае затронем парадигмальные и тематические аспекты перевода новой властью российских гуманитарных наук и СМИ с марксистской на неолиберальную основу. Прежде всего скажем о попытках прямолинейно внедрять в сознание граждан РФ неолиберальные ценности, малосовместимые с отечественным пониманием человека, с массовым сознанием, с этно-религиозными стереотипами, а также с принципами советского марксизма. Так, широко распространялись идеи толерантности, равноправия мировых религий и современных коммерческих сект, а также «этика ненасилия», которые активно продвигались «цветными революциями». В это направление входила «культура отмены», нейтрализующая этнические традиции, связанные с семьей, рождением детей, гендерной идентификацией и т.п. Вместо них внедрялись ценности биоэтики, оправдывающие однополые семьи, сексуальные извращения, «смену» человеком своего пола. Появились ученые, распространявшие идеи о войнах справедливых (защита «ценностей демократии») и несправедливых (ради «целей тоталитарных государств», прежде всего СССР). Ряд исследователей уравнивали политику Сталина по безопасности страны накануне, в период ВОВ с нападением на СССР нацистской Германии. Подобный аналитический поворот требовал от старших поколений РФ публичного покаяния за верность Сталину [1].

Другие российские теоретики стали создавать под контролем американских экспертов «доктринальный фундамент», позволявший взламывать культурные коды, деформировать когнитивные свойства народов, в т.ч. сформированные в советское время. Так, группа

философов-либералов предложила идею межцивилизационного статуса России, которая будто бы застряла между традициями своих этносов и «прогрессивной модернизацией Запада». По их мнению, основой статуса служит «деструктивное воспроизводство культуры и личности» в России, рождавшее-де лишь противоречия, а также бессилие власти и населения освоить либеральные реформы [2]. Опираясь на идеи Данилевского, философы извратили его трактовку локальных цивилизаций, считая, что Россия всегда была слабой, отсталой культурой. По Данилевскому, культурно-исторический тип создается системно-эволюционной самоорганизацией; его субъекты – государственные сообщества, состоящие из этносов-соседей, способных сотрудничать и уживаться. Такие системы самодостаточны; обмен достижениями между ними проходит спонтанно, отчасти через институты государства, но главное – в адаптированных формах, умеренном объеме. Применять к ним ранговые метрики прогресса/отсталости, идею транзита России в цивилизацию Европы ученый считал бы абсурдом. Самодостаточность систем он связал с жизнеспособностью, самобытностью, которые исторически создавались этносами-основателями. Но либералы, по-своему трактуя цивилизацию, совершали аналитическую подмену.

В XX в. теория Данилевского оказалась востребованной на Западе, где аналитики обосновали идею «промежуточных» качеств пограничных этнокультур; этой идеей и воспользовались постсоветские либералы. Народы с такой культурой совершали в истории заимствования и маятниковые перемещения между цивилизациями-соседями. Изначально на Руси славяне/русские, а также угорские, балтские этносы, затем в империи народы Центра и Сибири развивались совместно, создавая в Северной Евразии православное ядро своей цивилизации, не ориентируясь на страны Европы. Эти народы спонтанно формировали интегрирующие механизмы, прилаживая друг к другу свои уклады, несхожие традиции, что рождало самостоятельный исторический тип с государственно-цивилизационной формой единства. В XVIII–XX вв. правители империи/СССР, применяя мало продуманную политику, присоединяли территории с не комплиментарными этносами соседних цивилизаций. В разное время пограничными культурами на западе страны были украинская, польская, еврейская, финская и других этносов, а также мусульманские культуры народов Кавказа, Закавказья, Центральной Азии. Во взаимодействиях западноевропейской и мусульманской, индубуддийской и дальневосточной цивилизаций и др. тоже имели место присоединения территорий с не комплиментарными народами. Включения пограничных культур в иную цивилизацию могли вызывать у принимающей стороны, как конфликты, так и ее обогащение, усложнение за счет инокультурного содержания. Анализ роли этих сообществ в чуждых цивилизациях и ныне остается не простым, требуя от ученых взвешенных выводов о совмещении разных этно-религиозных, расовых начал в том или ином культурном типе.

Возвращаясь к отечественным либералам конца XX в., во-первых, подчеркнем, что их идеи о «промежуточном статусе России», о «транзите России в цивилизацию Европы» противоречат постулатам теории Данилевского о сущности культурно-исторических типов. Постсоветские либералы целостной теории на этот счет не создали, произвольно извращая логику анализа теории цивилизаций, ее ведущих и частных аспектов. Во-вторых, важно указать на неправомочность включения ими в компаративистику цивилизаций критериев отсталости/прогресса. Смыслы этих понятий размыты; как крите-

рии они бессильны в анализе столь сложных и устойчивых систем, в т.ч. их эволюционной самоорганизации на огромной части Евразии.

Наконец, затронем появившееся еще в СССР интеллектуальное учение о системно-мыследеятельностной (СМД) методологии Г.П. Щедровицкого; оно применялось тогда в хозяйственных отраслях для решения комплексных социально-экономических проблем, в т.ч. управленческих, внедряемых с помощью деловых игр. Либерализация отечественной гуманитаристики раскрыла перед СМД-методологами новые горизонты. Философ П.Г. Щедровицкий (сын основателя учения) начал применять эту методологию с либеральными акцентами в сферах образования, науки, культуры. Отечественные специалисты утверждают, что наукометрический террор в образовании, а также политика государства в средней школе РФ на базе Болонской системы не обошлись без усилий этих ученых. Нас в данном случае интересует анализ русского мира, российской культуры с помощью СМД-методологии. Результат изучения этой проблемы П.Г. Щедровицким оказался, на наш взгляд, малоубедительным, ибо не отражал авторского понимания эволюционно-глубинных особенностей российской цивилизации, сосредотачиваясь на социально-политизированных сдвигах общества в XX в. Так, массовые исходы населения на протяжении этого периода из СССР/РФ методолог считает серьезным достижением нашей культуры: якобы складывалась диаспорально-сетевая форма жизни не только русского мира за рубежом, но и российского государства, которое становилось глобальным, космополитическим, переставая быть имперским, национальным [3].

Обобщая указанные направления неолиберального анализа в РФ, сделаем вывод: все аналитические векторы разрушали отечественную гуманитаристику, навязывая обществу чуждые ценности познания, неадекватные методологические основы и принципы осмысления России. В первом случае в общество внедрялись американские и в целом западные идеи, неприемлемые для самосознания российских граждан, для осмысления ими мировых процессов. Во втором случае за счет извращения теории Данилевского о культурно-исторических типах обосновывалась «неотвратимая интеграция» российского общества в цивилизацию Западной Европы, что деформировало понимание гражданами своей культуры, как исторического типа. В третьем случае опасная неустойчивость российского государства и трагическое рассеяние на планете русского мира в XX в. выдается за преимущество этих явлений, связанное с освоением Россией глобального пространства. В итоге все темы и методы анализа России чудесным образом концентрируются вокруг подчинения нашей страны Западу. Однако эти ложные теоретические основы изучения России постепенно становились контрпродуктивными, что так или иначе осмыслялось политиками, гражданами, как гибельный итог для РФ. Нарастание кризисных тенденций, межцивилизационных напряжений на планете, созревание политических конфликтов между Россией и Западом, Россией и рядом новых государств-соседей требовали от наших политиков, граждан адекватных представлений о своей истории, государственном самостоянии, о значении российской цивилизации в современном мире; неолиберальная мысль тормозила эти процессы, но не могла их прервать.

Укажем на роль в изменениях нашего общества медиа-каналов, принадлежавших крупному бизнесу, которые стали яростно очернять историческую Россию, социализм. Бизнес-среда и ее СМИ вели пропаганду американского образа жизни, глобальных свя-

зей, не раскрывая кризисного характера цивилизации Европы и культуры США. Говоря о прозападных СМИ, о неолиберальных позициях в российской науке данного периода, выделим важный момент. В сферах информации, науки подобные идеи и оценки были ведущими, агрессивными, но не единственными. Принцип свободы мнений требовал от властей РФ поддержки в обществе разных позиций, теоретических воззрений. Эту тенденцию закрепило появление Рунета (русскоязычной части Интернета), аудитория которого динамично росла в РФ, Белоруссии, на Украине. Поэтому доминирование лишь неолиберальных позиций, враждебных России, ее гражданам, как это было в СССР с марксизмом в 20–60-х гг. XX в., стало на рубеже миллениума невозможным.

В чьих интересах создавалась РФ? Для ответа на этот вопрос важно учитывать политические и социально-этнические процессы, происходившие на постсоветском пространстве отчасти стихийно, но во многом целенаправленно. Так, на первый план почти везде выходили социальные, межэтнические, межрелигиозные конфликты; в новых странах активизировались крайний национализм и русофобия. Кровавые столкновения, немыслимые в СССР, имели место в Молдавии, на Украине, в странах Прибалтики, Кавказа, Средней Азии. В субъектах РФ тоже появились радикалы, готовые вывести из ее состава свои области, укрупненные территории. С властью Татарстана центр смог договориться, подписав соглашение. Сторонников «Уральской республики» удалось нейтрализовать. На Северном Кавказе стала отделяться Чечено-Ингушетия. Здесь подвергалась насилию русскоязычная среда, что вынудило многих граждан бежать из республики. Автономия распалась на Ингушетию в составе РФ и Чечню, заявившую о суверенитете. Власть начала против сепаратистов военные действия.

Закономерен вывод: новые государства, по замыслам Запада, должны были провоцировать военную, этно-религиозную, политическую нестабильность, а при случае и разрушение РФ. Этим планам помогали невыгодные для РФ договоры, союзы с вновь созданными государствами (СНГ и др.). Напомним слова З. Бжезинского, который заявил, что США возведут мировой порядок «против России, на обломках России, за счет России». Эта стратегическая уверенность американцев насчет истребления врага выглядит несерьезно; она теряет свою силу из-за их скаредности – похороны врага они решают провести за его счет. Сам аналитик незадолго до смерти признался, что Россия оказалась живучей и ее похороны не состоятся. А все потому, что, замахнувшись на Россию, начали считать копейки; а важно было соотносить свои силы с ее жизнеспособностью.

Поставить точку в ответе на вопрос «в чьих интересах создавалась РФ?» позволяет сравнительный анализ политики Б. Ельцина в контексте кризисных ситуаций, когда его действия имели немало общего с активностью других реформаторов Отечества в ходе XX в. Помимо Б. Ельцина, речь идет о А. Керенском, а также о В. Ленине, Л. Троцком в СССР. Не приукрашенные, а реальные действия и результаты политики этих лидеров имели схожие свойства, которые становились для нашего государства и культуры весьма опасными. Напомним о продолжении временным правительством бессмысленной для России войны, но важной для Запада, когда наши войска не знали, за что воюют, а кучка банкиров, нуворишей-посредников быстро обогащалась, поставляя в армию некачественные продукты, задерживая снаряды и военную технику. Скажем также о гражданской войне, которую красная и белая армии вели при скрытой поддержке политиками Запада (США, Англии, Германии)

той и другой стороны, а также о репрессиях большевиков против «классовых врагов» (в т.ч. крестьян, интеллигенции, казаков, верующих), о режиме военного коммунизма и др.

Прогнозы будущей России были у перечисленных лидеров разными; их варианты грядущего являлись заемными, опираясь на политическую мысль и научные проекты Запада. Их цели, планы не обретали конструктивной значимости для России, но ослабляли государство, конфликтовали с духовно-когнитивными смыслами народов Северной Евразии. Вместо консолидации в стране углублялись конфликты; в политике доминировали то одни, то другие социально-этнические группы; обогащались провластные слои, но массы оставались нищими, бесправными; в регионах наступал голод. Такая политика рождала недоверие между властью, ее опорными силами, с одной стороны, и гражданами, с другой. Но правители все же не смогли скрыть от современников и потомков своего подчиненного статуса перед могущественными силами Запада. Подобные отношения не афишировались (за исключением периода Ельцина); но важные повороты своей политики лидеры совершали в интересах определенных сил Запада. Эта зависимость сохранялась и тогда, когда Ленин, его сторонники во власти пытались противостоять деструктивным маневрам дипломатов, агентов спецслужб США и стран Европы во время революции, гражданской войны. При этом новая власть давала возможность английским и американским компаниям добывать в России природные ресурсы на основе договора о концессии [4]. Десуверенизация России/СССР была к 30-м гг. пресечена Сталиным, но с новой силой, открыто проводилась Ельциным. В итоге правители остались в истории самонадеянными временщиками, не способными не только понять свою страну, воплотить конструктивные идеи, но и запятнавшими себя предательством национальных интересов России/СССР/РФ.

О научном анализе массового понимания России в период цивилизационных кризисов. Для анализа России особую значимость приобретает то, как осмысляло население свое Отечество в контексте предыдущих смут и нынешнего кризиса. Еще в Московии народное сознание выделяло периоды, называемые смутой; сегодня их правомерно считать разновидностью цивилизационного кризиса. Смутно-кризисные годы начала XVII, начала XX вв. оставались в памяти потомков, во-первых, как совмещение разных бедствий в стране и природе (государственно-политический хаос, войны внутри и вовне, социальные конфликты, неурожаи, голод, эпидемии), во-вторых, как искаженные процессы общественного познания/понимания. В последнем случае люди примечали: часть прежних социальных смыслов, верований ослабевала, устойчивые критерии правды, лжи размывались, единство населения рушилось.

Ныне, изучая цивилизационные кризисы в глобальном масштабе, аналитики признают: в эти периоды сфера познания путем самоорганизации хаотизируется; часть привычных смыслов, образов в разных странах перестает ориентировать народы в контексте динамичных и, на первый взгляд, ненужных перемен в мире. Но тем самым смуты в странах и региональные катаклизмы на планете выбраковывают устаревшие смыслы. Как при этом создаются у масс новые семантические фокусировки понимания, позволяя адекватно реагировать на перемены? Это отчасти зависит, как от властей, так и в огромной мере – от самого населения конкретных стран. Любое сообщество проявляет в этих ситуациях общечеловеческие свойства познания, психологии, поведения. Так, массы вынуждены считаться с «рваной»

динамикой изменений в стране, с абсурдными действиями властей на фазах «режима с обострением» и сверхбыстрым ходом событий в мире. В это время массам присущи импульсивные реакции, высокая нервозность в одних ситуациях, подавленность в других. И власти, и граждане в сложных коллизиях зачастую не понимают смысла происходящего, что рождает неадекватное поведение той и другой среды [5].

Глобальный кризис рождает и другие угрозы. Так, во время смены когнитивных программ власть и массы той или иной страны могут вступить на легкий путь. Отвергая прежние формы своего познания, сообщество начинает копировать понимание себя и мира, присущее другим народам; чуждые формы знания со стороны кажутся более рациональными. Однако рационализм в смутное время менее всего спасал сообщества; в преодолении же кризиса цивилизаций он беспомощен из-за предельной сложности глобального хаоса. Другое дело, что в этих условиях конкретные страны, в т.ч. из разных цивилизаций, могут сотрудничать друг с другом к обоюдной выгоде. Но пока человечество не выработало общих требований к преодолению глобального кризиса.

Подчеркнем, что немалую значимость и прагматизм в кризисных ситуациях приобретают экстраординарные приемы мышления, спонтанно действующие глубинные свойства познания, импульсы коллективного под-сознания, присутствие страновым или цивилизационным сообществам. Ухудшение ситуации, катастрофический дефицит времени, как правило, активизируют у некоторых слоев инновационно-прорывное познание/понимание, присущее данной культуре. Массы в этих условиях нередко применяют скорректированные традиции, изобретательность в труде, быту, что позволяет им сопротивляться хаосу [6]. В России, в кризисных ситуациях реанимировались давно забытые обществом способы разрешения сложных проблем; их воссоздание шло с поправкой на современность. Вновь напомним опыт войны 1812 г. в империи и ВОВ в СССР, когда в экстремальных условиях отхода войск применялась древнейшая тактика «выжженной земли» скифов; в СССР это делали с помощью современной техники.

Указанные кризисные особенности познания/понимания в истории, в т.ч. в XX в., позволяли вскрывать важные аспекты обновления когнитивной сферы, когда люди индивидуально или сообща ищут и находят выходы из опасных ситуаций. Без спонтанной самоорганизации, исторической памяти, когнитивной воли, а также без осмысленного участия населения в этих процессах власть не сможет реализовать насущные перемены; интеллектуальным группам сложно вырабатывать идеи о будущем развитии страны. Нынешний кризис в РФ дает возможность политикам, населению понять и заблокировать болезненную заикленность, которую проявляли по ходу столетий правители, высшие слои, втягивая общество в русло развития и проектных форм народов Запада. Без этого понимания власть, граждане не восстановят экзистенциально-онтологическую полноту своего прошлого; им будет трудно осознать себя, как самостоятельное сообщество, сильное государство, как цивилизационное единство с оригинальным духовно-когнитивным содержанием и высоким креативным потенциалом.

От марксистских догм к когнитивному шоку. В период власти М. Горбачева было очевидно: ведущие структуры советской науки, принципы марксистской идеологии, ценности массового понимания событий теряли свою силу. Но, как оказалось позже, были и такие единицы советского познания/понимания, которые могли активно востребоваться в будущем. Укажем ряд самых разных принципов марксизма, норм массового сознания,

индивидуальных состояний, личных убеждений в СССР: политизированная картина мира; принципы атеизма, материализма; чувства советского патриотизма; нормы пролетарского интернационализма, установки социального равенства; массовая уверенность в завтрашнем дне и др. Либеральные СМИ их называли манипуляторскими. Что происходило с ними в новых условиях? Если они корректировались кризисом, то как это сказывалось на массовой психологии, групповом поведении, индивидуальном сознании? Если они обесценивались реформами, то какие общественные идеи, убеждения, нормы поведения шли им на смену?

Новая власть на первой стадии правления Б. Ельцина (1992–1993) не упоминала об идеологии, когнитивных принципах своей политики. Но в конфликте с Верховным Советом президент заговорил языком неолиберальных смыслов и враждебных оценок России. Он стал допускать появление «фашистских идей» в обществе, намекая на склонность к этим идеям русской среды. Им одобрялись сугубо этноцентристские интересы ряда регионов; в адрес руководства национальных субъектов высказывался совет брать «столько суверенитета, сколько оно может проглотить» и т.п. Олигархи, бизнес и их СМИ выражали свои позиции более открыто и жестко. Эта среда не раз заявляла свои цели – выкорчевать социализм, переделать общество, мышление граждан на американский лад. В своем кругу они считали, что для таких задач годились сомнительные приемы – от лжи до запугивания людей. Был как-то публично озвучен скрытый императив этой среды: «Больше наглости!». Подобные цели, установки говорили не о вере в свою правоту, а скорее о страхе этих сил встретить массовое отторжение своей политики. В их позициях отчетливо ощущалось предчувствие краха начинаний, которые они и Запад насаждали в РФ.

Если учитывать взгляды, оценки населения России, то в начале 90-х гг. далеко не все граждане, в т.ч. ученые, могли понять, что несет обществу неокapиTaлиCTичеCкий yклад, глобальное применение цифровых практик и т.п. Так, социально активные группы считали, что рынок, цифровые технологии, участие граждан в глобальных связях станут фактором будущего развития РФ и сами начинали осваивать новые практики. Это были лица молодого и среднего возраста, представители интеллигенции, уверенные, что в новых условиях они добьются успеха. Другая группа состояла из тех, кто отчасти верил в капитализм, свободную информацию, хотя сами они не всегда были активны в освоении новых практик. Заметную долю составляли противники рынка и глобальных связей; среди них были сторонники социализма (здесь задавали тон лица старшего, среднего возраста). Борцы за социализм в это время пытались заявить о себе через протесты в столицах, но их лозунги поддерживала небольшая часть граждан. Немалый сегмент общества состоял из неопределившихся в этих вопросах; но эта часть населения была пассивной, выжидая прояснения ситуации [6].

Перечисленные позиции были крайне неустойчивы, подвергаясь ходом событий проверке на адекватность. Они могли радикально меняться, трансформируя идейно-когнитивные балансы, что определялось и реформами, и беспомощностью граждан в понимании ситуаций, которых не было в СССР, а сходные проблемы решались иначе. В итоге массы людей постоянно находились в когнитивном шоке; их ценностно-смысловые ориентиры были непрочными, размытыми; люди не знали, во что верить, как поступать в разных случаях. Например, какой выбор был наилучшим для бедной семьи с малыми детьми, живущей на скудную зарплату рабо-

тавших членов и скопившей небольшую сумму «на черный день», когда агрессивная реклама требовала вложить деньги в финансовую пирамиду, обещая немалое обогащение? Иллюзии, наивные представления были непохожими у разных страт. Так, представители криминальной среды надеялись, что вскоре они смогут контролировать общество. Молодежь городов, видя разрушение жизненного уклада, моральную дезориентацию старших когорт, знакомясь с трактовкой этих процессов, как правило, из либеральных источников, считала, что столь хаотическая ситуация может быть лишь в нашей стране, что она заведомо невозможна ни в США, ни в странах Европы.

Обобщая, сделаем вывод: в начале 90-х гг. наше население проходило через опасность оказаться на какой-либо из двух или на обеих сразу когнитивно-оценочных позициях в отношении к России и Западу. Во-первых, большинство граждан были потрясены или взбудоражены быстрым развалом СССР, перенося свое разочарование и на РФ; эти чувства были присущи, как тем, кто до этого верил в социализм, так и тем, кто его отвергал. Душевный стресс мог одинаково вызывать у тех и других состояние безысходности, утрату смысла жизни, ослабление воли. Во-вторых, массовые слои, не выезжавшие за пределы РФ, переживали отвлеченное восхищение жизнью в странах Европы. Еще в большей мере люди испытывали абстрактное преклонение перед «богатой и успешной» Америкой, «предприимчивыми, раскованными» американцами. Материалы либеральных источников создавали у многих граждан идеальный образ США, как «земного рая». В итоге на кратком отрезке времени наше полностью грамотное население, уклоняясь от народного здравомыслия, проявляло предельно негативное отношение к России, а также слепую веру в прочное благополучие стран Запада. В оправдание нашей аудитории скажем, что она, до этого, десятилетиями пребывала в замкнутом информационном пространстве, испытывая жесткую дрессуру на верность марксизму, что «советская идейность» имела лишь косвенное отношение к процессам познания/понимания российского полигонизиса и весьма неубедительно трактовала «разложение капитализма» на Западе.

Советских политиков мало интересовали вопросы сравнительного понимания гражданами жизни в СССР и в странах Запада. Однако после договора в Хельсинки верховная власть поняла, что идейная атмосфера в стране изменяется; советские люди попадают под воздействие пропаганды Запада, доходившей до них через зарубежный туризм, радиоканалы на языках народов СССР, отчасти через журналы на русском языке («Америка», «Англия» и др.). В целом это воздействие было по масштабам небольшим, но определенные страты, например, «лидеры мнений», ценили эти источники за новизну эффектов воздействия, непривычные фокусы анализа, за парадоксальную трактовку банальных проблем. По приказу сверху аналитикам-гуманитариям поручили изучать альтернативное воздействие зарубежной пропаганды, хотя и в урезанном виде, в сугубо закрытом режиме; но изменить к лучшему нашу пропаганду было уже невозможно. Через 20 лет после договора в Хельсинки постсоветские либералы смогли легко перевернуть сознание молодых поколений РФ: жизнь в нынешней России «адская», а в США, Англии, Франции – «райская». Идейная неадекватность массового понимания себя, мира в позднем СССР и когнитивно-психологическая дезориентация граждан РФ оказались соединены, как причина и следствие.

Как могут быть связаны между собой процессы познания и вымирания народов? Вместе с тем подоб-

ные связи между разными видами познания/понимания людей, а также их самоорганизацией, традиционными формами их жизнедеятельности могли приобрести весьма серьезные последствия. Скажем о первом случае отрицательной зависимости между разрушением массового познания, образа жизни малочисленных народов севера и востока Сибири, с одной стороны, и дестабилизацией человеческого воспроизводства у их новых поколений, с другой. Советская статистика 70–80-х гг. уверенно фиксировала у этих народов тенденции вымирания – снижение рождаемости, увеличение смертности. Демографы, этнологи установили причины этих процессов, начало которым было положено в империи. Речь идет о сложностях совмещения разных по характеру и стадияльно-эволюционным качествам культуры аборигенов (архаическая, кочевая, с семейно-родовыми связями) и культуры русской части населения (переходящая от земледельческого труда к индустриальному, с устойчивой государственностью, растущей долей городского населения и др.). В советский период трудности совмещения культур были усугублены. Вместо того, чтобы укреплять этно-трудовые традиции, заводить семьи, воспитывать детей, молодежь аборигенной среды вынуждено жила в городе и посещала школу, техникум, институт. В городе молодые люди пребывали 3/4 года. Лишь короткий летний период они были в семье, кочуя с оленьим стадом. Но в семейно-родовой среде они чувствовали свою неукорененность. Еще большей трагедией для них была сложность освоения городского образа жизни, а также состояние своей отъединенности от горожан [7]. Можно сказать, что их учеба, система марксистского образования в целом им не помогала, но скорее затрудняла их жизнь. В середине 90-х гг. население Сибири активно обсуждало беды малочисленных народов и пути выхода из них в условиях посткапитализма, кое-что было найдено, например, не дети выезжали в город, а учителя в урочное время приезжали в стойбища, где проводили занятия. Вместе с тем основательность сибирского мышления подсказывала специалистам и рядовым гражданам восточных территорий, что капитализм по-американски угрожает не только малочисленным этносам, но всему российскому народу [8].

Другой случай отрицательной зависимости между разрушением массового познания, образа жизни людей, с одной стороны, и дестабилизацией механизмов передачи традиций, и воспроизводством населения в РФ, с другой, фиксируется в те же 90-е; но быстро понять причины этого исследователи не могли. Советская статистика 60–70-х гг. показывала, что у русской части граждан тогда шел умеренный спад рождаемости. Но в 90-х гг. одновременно имели место обвальная смертность юношей, мужчин в «расцвете сил» и низкая рождаемость у русского населения в обжитых регионах Центра страны. Эта катастрофа воспроизводства русского народа привлекла внимание ученых, медиков, политиков, а также широких слоев. Однако статистика не фиксировала опасных величин у соответствующих показателей. Бесспорно, ведущие качества жизнедеятельности людей в то время были крайне неблагоприятными; но неблагоприятие само по себе не может вызвать демографическую катастрофу, да еще в столь экзотическом сочетании социальных параметров – в русских регионах Центра в мирное время стали массово вымирать юноши и мужчины, а также резко падать рождаемость.

К середине 1990-х гг. специалист по социально-статистическому анализу медико-эпидемиологических проблем И.А. Гундаров заинтересовался этим феноменом. Он изучил статистику факторов, способных вызвать демографические отклонения; при этом учитывалась их

связь между собой в разных регионах страны. Помимо этих методов он беседовал с близкими родственниками умерших, а также с молодыми супругами, которые хотели иметь детей, но у них не было зачатий. Ученый пришел к выводу, что причины спада численности русских людей напрямую связаны с капиталистическими реформами, которые проводились без должной подготовки и учета отечественных традиций в экономике, но подгонялись под американские образцы. В итоге были прямо или косвенно дестабилизированы массовые процессы познания/понимания с их духовными, экзистенциальными ценностями; пострадали, хотя и выборочно, глубинные биологические механизмы воспроизводства населения на местах. Общество, по выражению Гундарова, было ввергнуто в «состояние психо-духовного неблагополучия», которое расширялось в начале 90-х гг. в русских регионах, как заразные эпидемии. «Депопуляция, – счел ученый, – определяется в основном смятением русского народного духа» [9, 10, 11]. Как видим, зависимость этих разных факторов ученый обозначил жестко, прямолинейно; тем самым Гундаров допустил (как было и в случае с вымиранием малочисленных народов Севера) воздействие поврежденного духа на био-телесные процессы. Впрочем, эти зависимости были поняты в истории гораздо раньше; вспомним эмпирическое наблюдение: у солдат, победивших в бою, раны заживают быстрее, чем у солдат, проигравших сражение. Конечно, специалисты знают, что ведущие связи, выявленные Гундаровым, еще предстоит перепроверять на будущих кризисах в России или в других сообществах. Но многие российские демографы, социологи, психологи полагают, что наличие эвристического потенциала в концепции эпидемиологии духовности И. Гундарова в целом обосновано. Сама концепция приобретает немалую значимость для сугубо гуманитарно-философских видов анализа, что стимулирует дальнейшее ее развитие.

Пробуждение евразийского полигнозиса: патристические интересы и здравый смысл в понимании России. В середине 90-х гг. немало граждан еще продолжали ругать РФ, другие желали любой ценой уехать в страны Запада, но в обществе появляются иные познавательные тенденции, которые исходили не от властей, олигархов или их СМИ. Они определялись национальными интересами граждан и массовым желанием понять происходящее; они формировались в эпицентре общественных сдвигов, уточнялись в рутине повседневной жизни, подпитывались разными запросами. В итоге рождались новые фокусы познания России, нетривиальные образы понимания гражданами самих себя, восстанавливались традиционные и казалось, забытые смыслы, ценности, скорректированные с изменившейся обстановкой в стране. Так, военные операции в Чечне и по периметру наших границ возрождали не чисто советский или имперский патриотизм. Но эти процессы ранили обновленные формы верности историческому отечеству и современной Родине у граждан РФ, у русскоязычных сообществ в «горячих регионах».

Эти сложные чувства российского патриотизма были присущи военнослужащим, когда им приходилось не просто считаться с разными позициями, верованиями населения в России или в неприсоединившихся республиках, но, когда они отдавали жизнь за Отечество. Скажем о подвиге в Чечне рядового пограничных войск РФ Е. Родионова. Попав с сослуживцами в плен к сепаратистам, он пережил чудовищные истязания; ему было предложено сохранить жизнь, если он примет ислам. Российский солдат отказался снять нателный крест и был обезглавлен бандитами, погибнув за Христа и за Родину в 1996 г. Его мученическая смерть при-

влекла тогда внимание христиан в разных странах. Православно-христианские общины Северной Евразии восприняли этот подвиг как знак свыше о возрождении своей веры там, где она была исстари – в России, в Белоруссии, на Украине, Северном Кавказе, в Молдавии/Бессарабии и др. В тяжелых обстоятельствах православная вера вспыхивала ярким факелом (в Приднестровье, в Абхазии, на Донбассе и др.), воодушевляя бывших советских граждан бороться за свою землю в составе РФ или в союзе с ней.

В итоге российский патриотизм, традиционные верования возрождались, обогащенные опытом советского развития, но без «стоящих за спиной» марксистских догм, партийного контроля. Немаловажно и то, что появившиеся во второй половине 90-х гг. патриотизм, религиозная вера народов России создавали надежный заслон тем идеям и практикам, которые насаждали в стране либеральные активисты, философы, медиаканалы под контролем американских кураторов. Российские граждане в массе отторгали принципы идейной толерантности, этику ненасилия, не поддерживали разрушение естественных семейных связей, не одобряли организации ЛБГТ. Не удалось внедрить в общество также коммерческие зарубежные секты, радикальные формы ислама. Намерения либералов осудить советские поколения за их поддержку политики Сталина в беспощадной войне против нацистской Германии тоже потерпели фиаско. Авторы данного анализа не сталкивались в сфере информации 90-х гг. с открытыми призывами к этим кощунственным для населения РФ позициям; но вплоть до сего дня можно встретить в академической среде защиту идей, уравнивающих немецкий нацизм и «советский тоталитаризм». Это можно было бы посчитать фанатичной верой в грядущее всечеловеческое равенство и единство, если бы философы стоически ни защищали в основном права нетрадиционных меньшинств, живущих в обществе по извращенным нормам идентификации. Объективно мыслящие ученые заявляли, что в этом случае человечество не достигнет равенства и единства. Критика вела к тому, что двойные стандарты в логике либералов не срабатывали.

Либеральные кадры медиаканалов РФ, поддерживая те же американские цели и смыслы, что и философы, оказались еще более гибкими, вынужденно реагируя на изменения когнитивных запросов масс. В конце 80 – начале 90-х гг. политтехнологи, молодые журналисты не раз с упоением говорили о всемогуществе медиасферы, которое способно трансформировать массовое сознание любой страны; они называли российский аудиторию «совками», «красно-коричневыми» и т.п. Однако через 3–4 года либеральные массмедиа были принуждены считаться с появлением в информационном пространстве РФ патриотических изданий, каналов, сайтов, вызывавших интерес значительной части сограждан. Цели и задачи у либеральных каналов оставались прежними, но в новых условиях они начинали мимикрировать – менять формы подачи своих материалов, приемы анализа России и Запада и др. Они уже не называли сограждан «совками», а российские реалии критиковали всецело с позиций патриотизма.

Значительная часть населения РФ в этот период могла самостоятельно осмысливать актуальные проблемы страны. При этом для граждан становилось очевидным отсутствие у властей и примыкавшей к ним горстки олигархов, интеллигенции каких бы то ни было симпатий к России. Сошлемся на политику власти в сфере демографии, материнства и детства, которую нельзя назвать иначе, как надругательством над российским населением. При размытых причинах резкого сокращения чис-

ленности граждан правительство РФ разрешает усыновление иностранцами российских детей-сирот, а также внедряет на бизнес-основе услуги суррогатного материнства, в т.ч. для клиентов-иностранцев. Каждый год из страны начинают вывозить по 40–50 тысяч младенцев и детей неизвестно куда и кому. Подобные методы государственного управления при президенте Б. Ельцине дали гражданам возможность понять непростую политическую проблему: при глобальном капитализме, при неокOLONIALИЗМЕ при-американски Россия стремительно утрачивала суверенитет. Люди сравнивали: этого цинизма с сиротами и кощунства с суррогатным материнством не было в империи, а также на протяжении большей части советского периода. Сталин запретил аборты; дети-сироты воспитывались государством; усыновление было доступно лишь советским людям. Подобные контрасты позволяли населению оценить опыт сталинского суверенного социализма, с надеждой на то, что конструктивные его формы восстановятся в грядущей России. К властным же структурам РФ у граждан вырабатывалось устойчивое недоверие и презрение. Высшая власть, а также региональные руководители РФ приравнивались обществом к туземной администрации, подчиненной колониальной метрополии.

Это размежевание властей и общества углублялось негативными процессами – чудовищным развалом экономики, новой волной безработицы, предательским вмешательством олигархов в военную операцию в Чечне, очевидным бессилием властей в борьбе с криминалом и терроризмом и др. Но неожиданно для властей, политехнологов, аналитиков ухудшение ситуации не приводило основную часть граждан в отчаяние; оно скорее социально их закаляло и психологически активизировало на местах – в сфере труда и локальной жизни. На наш взгляд, тяжелая, непредсказуемая обстановка пробуждала во многих людях их врожденную познавательную энергию; они смогли адаптироваться к новым условиям, не принимая их, но обеспечивая жизнедеятельность свою и своих близких – брались за любую работу, в т.ч. временную, трудились на дачных участках, жили промыслами, поддерживали повседневную форму путем самообслуживания. Для многих семей спасением стал малый бизнес (в т.ч. в партнерстве с зарубежными фирмами), хотя эта сфера поначалу имела в РФ слабую правовую основу, была криминализована. В обществе также развивались интенсивные социально-групповые коммуникации, создающие у людей сходное понимание сложных проблем и возможности их совместного разрешения.

Кризисные ситуации жестко не диктовали людям линию их поведения в разных обстоятельствах, не предлагали простых подсказок: «это безопасно и морально», а «это опасно и безнравственно». Ситуации заставляли человека продумывать свои решения и результаты с точки зрения правовых норм, не подчиняясь эмоциям, не ожидая случайной наживы или легкой выгоды; главное – ситуации учили совершать свободный и морально ответственный выбор. Постепенно массовое сознание и поведение людей исходило уже не только из деформированных реалий новой жизни. У людей пробуждалось уважение к народному здравому смыслу, к российским традициям, нравственным нормам, о которых марксисты-большевики отзывались с презрением. В конце 90-х гг. граждане РФ могли с пониманием сравнивать свою жизнь, во-первых, в советских и российских условиях, во-вторых, с жизнью в постсоветских странах, в-третьих, с реалиями в макрорегионах мира.

Таким образом, в обществе стали возрождаться массовые элементы евразийского познания/понимания, точ-

нее проступали их размытые, подчас искаженные контуры. Ожидать полной реабилитации российского полигонизиса в ближайшие 50–100 лет (активный период жизни 2–3-х поколений россиян) вряд ли разумно. Кроме того, российские народы в разной степени оказались отъединенными от своих познавательных традиций, неодинаково осваивая когнитивные нормы и смыслы техногенной цивилизации Европы. Обществу еще предстоит выяснить наиболее опасные издержки подобных перекозов, когда в сложном цивилизационном сообществе насильственно подрубаются единый когнитивный корень, разрушается общая семантика понимания себя и мира. Вплоть до нашего времени никто из ученых такие проблемы не осмыслял; лишь в XIX в. на них обратил внимание Н.Я. Данилевский. Ныне они остаются исключительно сложными для исследования. Их должны анализировать когнитологи, которые способны учитывать национальные интересы и опираться на цивилизационное своеобразие изучаемого сообщества. В следующем, последнем параграфе данного раздела авторы рассматривают ведущие направления отечественной гуманитарной мысли, в которых по ходу 1991–1999-х гг. рассматривались проблемы научного постижения современной России (в т.ч. их когнитивных особенностей), исходя из национально-цивилизационной парадигмы анализа.

Литература

1. Гончаров А. Троянские кони / https://zavtra.ru/blogs/filosofiya_dvojnogo_naznacheniya (дата доступа: 01.10.2022).
2. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. – Новосибирск: 1998; он же. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 2. Теория и методология. Новосибирск: 1998; Модернизация в России и конфликт ценностей / Отв. ред. Матвеева С.Я. – М., 1994 и др.
3. Щедровицкий П.Г. Русский мир и транснациональное русское. АТШ, 1999. / <https://shchedrovitskiy.com/russkiy-mir/> Дата доступа 22.06.2019. Щедровицкий П.Г. Русский мир и транснациональное русское. – Библиотека культурной политики.
4. Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция / Пер. с англ. – М., 1998; Шамбаров В.Е. Нашествие чужих: заговор против империи. – М., 2007 и др.
5. Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности / Составитель и отв. ред. О.Н. Астафьева. – М., 2003.
6. Аванесова Г.А. Динамика кризисных изменений: социокультурные практики преодоления // Постклассические практики: Опыт концептуализации. Кол. монография / под ред. В.И. Аршинова и О.Н. Астафьевой. – СПб., 2012.
7. См.: Бабаков В.Г. Кризисные этносы. – М., 1993.
8. См. об этом: Социокультурная динамика ХМАО сегодня и в перспективе XXI века. Сб. тезисов Всероссийской научно-практической конференции. Части 1–3. – Сургут, 1998.

9. Гундаров И.А. Почему умирают в России, как нам выжить? – М., 1995.
10. Гундаров И.А. Парадоксы российских реформ. – М., 1997.
11. Гундаров И.А. Что делать? Концепция возрождения России. – М., 1998.

UNDERSTANDING RUSSIA: BREAKTHROUGHS AND DEAD ENDS IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN HUMANITARIAN THOUGHT (XVIII – EARLY XXI CENTURIES)

Avanesova G.A., Mironov A.V.

RANEPa under the President of the Russian Federation, Higher Education Institution of the Russian Federation

The authors analyze how the peculiarities of Russia – its history, society, and culture of Modern times-have interpreted some areas of Russian humanitarian thought. The main focus is on conservative thought. These processes of scientific and philosophical self-knowledge are traced, first, in the course of Russia's interactions with Western European civilization, with its humanitarianism and theory of knowledge, and secondly, in the context of internal transformations of cultural and civilizational and paradigmatic nature in the empire, in the Soviet and post-Soviet times.

Keyword: epistemology/epistemology, relations between knowledge and reality in science, theoretical rationalism, cognitive substances of different civilizations, the paradigm of studying Russia by Russian conservative thought, perspectives of understanding Russia by Soviet Marxism, reflection theory, science and politics, understanding of scientific truth and truth, pseudo-science in the Post-modern period.

References

1. Goncharov A. Troyanskie koni / https://zavtra.ru/blogs/filosofiya_dvojnogo_naznacheniya. (zugriffs datum: 01.10.2022).
2. Akhiezer A.S. Russland: Kritik der historischen Erfahrung (soziokulturelle Dynamik Russlands). T. 1. Von der Vergangenheit in die Zukunft. (Nowosibirsk: 1998; aka. Russland: Kritik der historischen Erfahrung (soziokulturelle Dynamik Russlands). T. 2. Theorie und Methodik. Nowosibirsk: 1998; Modernisierung in Russland und Wertekonflikt / Hg. Matveeva S.Y. M.; 1994 et al.
3. Shchedrovitsky P.G. Russkii mir i transnational'noe russkoe. ATSH, 1999. / <https://shchedrovitskiy.com/russkiy-mir/> Zugriffsdatum 22.6.2019. Shchedrovitsky P.G. Russische Welt und transnationales Russisch. (Bibliothek für Kulturpolitik.)
4. Sutton E. Wall Street and the Bolshevik Revolution / Übers. mit Englisch. – М., 1998; Shambarov V.E. Invasion of Strangers: A Conspiracy Against the Empire. – М., 2007 et al.
5. Synergetisches Paradigma. Mensch und Gesellschaft unter Bedingungen der Instabilität / Compiler und Herausgeber Hrsq. O.N. Astafyeva. – М., 2003.
6. Avanesova G.A. Dynamiken von Krisenveränderungen: soziokulturelle Praktiken der Überwindung // Postklassische Praktiken: Erfahrung der Konzeptualisierung. Anteil. Monographie / Hg. von V.I. Arshinov und O.N. Astafyeva. – SPb., 2012.
7. Siehe: Babakov V.G. Crisis ethnoss. – М., 1993.
8. Siehe darüber: Soziokulturelle Dynamik des Autonomen Kreises der Chanten und Mansen heute und in der Perspektive des XX1. Jahrhunderts. Saß. Abstracts der Allrussischen Wissenschaftlichen und Praktischen Konferenz. Teil 1–3. – Surgut, 1998.
9. Gundarov I.A. Warum sterben sie in Russland, wie können wir überleben? – М., 1995.
10. Gundarov I.A. Paradoxien der russischen Reformen. – М., 1997.
11. Gundarov I.A. Was tun? Das Konzept der Wiederbelebung Russlands. – М., 1998.

Протестантизм и философская герменевтика Канта

Добреньков Владимир Иванович,

д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой истории и теории социологии, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: Vladimiro040239@mail.ru

В статье подробно проанализированы социально-исторические и идейно-теоретические истоки протестантского либерализма (философия «разума» Канта), раскрыта суть либерально-протестантского метода герменевтики, догматов и положений традиционного христианства и дана критическая оценка результатов использования метода герменевтики для самой христианской теологии, который привел ее к саморазрушению, а христианскую религию к краху. До сих пор в нашей философской литературе тема определения влияния философии Канта на возникновение протестантского либерализма и его стратегического развития не была исследована в достаточной мере. Статья восполняет этот пробел в исследовании вышеизложенной проблемы, без анализа которой в принципе невозможно понять сущность современного протестантского радикального модернизма, сущность тех внутренних процессов, которые происходят внутри христианской теологии.

Ключевые слова: либеральный протестантизм, философия «разума» Канта, христианство, Лютер, Реформация, немецкая философия, теология.

Исторические судьбы философии Канта весьма удивительны. Кант не только положил начало наиболее выдающемуся умственному движению в Германии, явившись родоначальником немецкой классической философии, не только оказал огромное влияние на все последующее развитие буржуазной философии, но и определил вектор и перспективу развития протестантской теологической мысли вплоть по настоящее время.

В чем собственно выразилось влияние философии Канта на протестантскую теологию? Каковы последствия этого влияния для самой протестантской теологии? Ответы на эти два вопроса имеют принципиальное значение не только для понимания сути той специфической связи, которая существует между кантовской философией и современной протестантской теологией, но и в определении судьбы всей христианской теологии в современном мире.

Несмотря на то, что критическая научная литература о Канте и его философии насчитывает огромное количество работ, как отечественных, так и зарубежных ученых, специалистов в области кантоведения, вместе с тем как это не удивительно среди них отсутствуют фундаментальные работы, в которых бы специально анализировалась философия религии Канта и ее влияние на протестантскую теологию. Эта тема, к сожалению, осталась вне поля зрения таких известных отечественных авторитетов в области кантоведения как Асмус В.Ф., Гулыга А.В., Нарский И.С., Ойзерман Т.И.

Данная статья является попыткой восполнить имеющейся в нашей философской литературе пробел в исследовании влияния философии религии Канта на протестантскую теологию и обратить внимание наших философов на важность этой проблемы для наиболее полной и точной характеристики как всей философии Канта, так и специфической ее области – философии религии.

Нельзя игнорировать и обойти молчанием проблему поистине могущественного влияния философии Канта как на современную ему протестантскую теологию, так и на весь ход развития протестантизма, начиная с эпохи Просвещения до наших дней.

Реакция theologов на кантовскую философию была неоднозначной – одни встретили ее с откровенной злобой, другие – с энтузиазмом и одобрением. Представители супранатуралистического пиетизма и церковной ортодоксии, как католические, так и протестантские, не могли не заметить антирелигиозной, антицерковной направленности кантовской философии, и поэтому они с резким ожесточением ополчились против нее. Разве могли быть они равнодушными к тому, что она отвергала все доказательства бытия бога, иронизировала по поводу чудес, осуждала поповщину, отбрасывала религиозный культ, отрицала историческую достоверность Священного писания? Разве могли они обойти все это молчанием? Вот почему они не скупались на бранные слова в адрес как кантовской философии, так и самого Канта, с их точки зрения, богохульника и еретика, осмелившегося посягнуть на вековые устои христианской религии.

Но и тех лиц из богословской среды, которые с восторгом воспринимали кантовскую философию, было не меньше. Она породила массу его сторонников и последователей, которые с энтузиазмом начали пропагандировать и отстаивать кантовскую мысль о том, что толь-

ко на моральном фундаменте теология может получить прочное основание, что моральная теология представляет из себя «единственно ясное, чистое и живое богословие и что вместе с тем это богословие Иисуса и его учеников» [1]. Протестантский богослов из Геттингена Штеудлин, вдохновленный кантовской философией, требовал «духа критицизма во всех направлениях систематических, экзегетических, в исторических монографиях, в различных периодических статьях» и ставил перед собой цель доказать, «каким образом процесс интеллектуальной переработки представления о вере мало-помалу должен созреть до уровня морального истолкования» [1].

В то время многие богословы, проникаясь духом и идеями кантовской философии, становятся правоверными кантианцами и стремятся всем положениям Библии придать моральный смысл и все христианские догмы интерпретировать с моральной точки зрения. Они начинают горячо и упорно убеждать всех, что только через разум человек может стать подлинно религиозным, что никакая религия невозможна без разума. Те богословы, которых увлекала кантовская философия, стали представлять дело таким образом, что учение Христа не только не соответствует требованиям разума, но всецело заимствовано из разума, что нравственный закон Христа всецело совпадает с категорическим императивом. Они доказывали, что христианство не только допускает, но и требует, чтобы соблюдался императив разума. По их представлениям выходило так, что каждый кантианец не только может и должен быть христианином, но и то, что настоящий христианин обязательно должен быть и не может не быть также и правоверным кантианцем. Увлечение Кантом было настолько велико, что в некоторых церквях даже проповеди произносились по основным положениям кантовской философии.

Протестантские кантианцы, стремясь отстоять свои позиции, стали задним числом превращать Лютера из врага рационализма в его ревностного защитника. Они воспользовались в общем-то довольно распространенным приемом, когда для того, чтобы утвердить какое-либо нововведение и укоренить в умах современников, его освящают авторитетом традиции. А если эта традиция расходится с содержанием этого нововведения, обычно предварительно ее старательно подгоняют к последнему. Поэтому для того, чтобы стало возможным подкрепление кантовской позиции в протестантизме традицией, естественно, надо было пересмотреть заново и саму протестантскую традицию, чем и начали усердно заниматься многие из протестантских кантианцев. Те теологи, которые с восторгом восприняли идею о рационалистическом протестантизме кантовского типа, стали видеть в нем не более как восстановление во всей чистоте старого протестантизма времен лютеровской реформации.

Стремление со стороны протестантских теологов представить Лютера, все время боровшегося с разумом, как рационалиста, может в определенном смысле рассматриваться и как попытка оправдать вторжение философского рационализма в протестантскую теологию. Ибо теологов больше устраивала мысль о том, что философский рационализм Канта является порождением протестантизма, чем признать, что теология может попасть в зависимость от светской философии и даже определяться ею.

Но этот стереотип в отношении оценки лютеровского протестантизма и истоков кантовской философии довольно прочно укоренился в сознании и имел хождение и в XIX в.

Например, Гейне в своей работе «К истории религии и философии в Германии» [2] проводит и обосновыва-

ет мысль о том, что не только кантовская философия, но вообще вся немецкая философия в значительной степени была порождением эпохи Реформации и в светской форме выразила взгляды протестантизма. По его мнению, она явилась самым чистым и самым полным выражением той свободы мысли в Германии, которая была узаконена Реформацией, устами Лютера провозгласившей право разума истолковывать Библию и быть верховным судьей во всех религиозных вопросах. Неудивительно, что при таком понимании истоков философского рационализма Канта выходило так, что Кант якобы никак не связан с традицией философии Просвещения XVII–XVIII вв., а является продолжателем традиции Лютера. Такая точка зрения, объявляющая философский рационализм Канта и вообще всю немецкую классическую философию порождением протестантизма, не соответствует историческим фактам действительного развития протестантизма и философии с XVI по XVIII столетие, развитие которых шло в большей степени параллельно до середины XVIII в., т.е. до того момента, когда возникает и формируется философский рационализм кантовского типа.

Влияние кантовской философии на развитие протестантской теологии XIX века было настолько велико и заметно, что многие протестантские мыслители стали воспринимать ее не иначе как единственно адекватную философию протестантизма [3]. Они видели в Канте философа протестантизма. «Я думаю, – писал Ф. Паульсен, – протестантизм не имеет никаких оснований стыдиться кантовской философии, своего законного детища, равно как и Кант не будет отрицать свою зависимость от Лютера» [4]. Взятая в таком категорическом виде, эта оценка, конечно, искажает исторического Канта и его философию религии, которая, несмотря на своеобразное обоснование, остается, тем не менее, в полном соответствии с принципами просветительного рационализма, идеалами эпохи Просвещения, чистой религией разума, совершенно чуждой какого бы то ни было конфессионализма. Кант весьма мало был озабочен судьбами собственно традиционной, христианской религии, так как он лично не проявлял к ней никакого интереса.

Но подлинное влияние кантовской философии на протестантскую теологию выразилось не в том, что ряд протестантских теологов приняли буквально образом позицию Канта и перенесли ее на почву богословия. Такое влияние не могло быть прочным и длительным. И как показывают исторические факты – вскоре подобного рода увлечения философским рационализмом Канта сменились прохладным, а в иных случаях даже враждебным отношением к нему. Такое влияние не затрагивало самих основ протестантской теологии и поэтому не могло определять ее развитие.

Более глубокое влияние идеи кантовской философии стали оказывать на протестантскую теологию в конце XVIII – начале XIX в., когда теологи стали заимствовать у Канта не столько содержание его философии, сколько характерный для его философии религии принцип подхода к анализу религии и попытались приспособить его для своих апологетических целей.

Но если подлинная суть философии религии Канта состоит в ее антирелигиозной направленности, как мы попытались показать выше, то, спрашивается, какое, собственно, значение она могла иметь для протестантской теологии и почему, например, анализируя современную протестантскую мысль, мы должны обращать свой взор к Канту.

Если говорить о влиянии Канта на протестантскую теологию, то основополагающее значение для нее имела прежде всего выдвинутая им идея рационалистической

интерпретации содержания религии, идея философско-го толкования Священного писания. Именно эта идея легла в основу совершенно ранее не известного для христианской теологии либерально-протестантского метода апологии религии, положившего начало либерально-рационалистической тенденции в протестантской теологии. Заметим кстати, что до сих пор кантовская идея философского обоснования религии недостаточно оценена историками философии, а между тем именно она оказала сильнейшее влияние на весь дальнейший ход развития протестантской теологии, на формирование облика современной протестантской теологии, хотя фактически существующая связь между кантовскими принципами философского обоснования религии и современными протестантскими способами апологии религии прямо не всегда видна.

Сущность идеи философско-рационалистического толкования религии, которая была предложена Кантом, заключалась в том, что «места в Писании, содержащие теоретические, объявленные священными учения, которые выше всех (даже моральных) понятий разума, могут, а те места в Писании, которые содержат положения, противоречащие практическому разуму, должны быть истолкованы в пользу разума» [5, с. 337].

С точки зрения Канта, «в делах религии разум – высший толкователь Писания» [5, с. 339]. Он решительно отстаивает право разума «толковать места Писания сообразно со своими принципами, а не буквально...» [5, с. 340] и в споре философии и теологии по поводу преимущественного права определения смысла тех или иных мест Священного писания без колебания отдает предпочтение философии. Он борется не только за право философии отвергать тот традиционный буквалистский смысл религиозных догматов, который дает им ортодоксальная теология, но и за право философии придавать им совершенно иной, отличный от традиционно христианского понимания смысл и значение в соответствии с требованиями разума. Кант считал, что теолог только в том случае остается на почве освященной церковью христианской веры, если он лишь повторяет сказанное в Священном писании, не пытаясь вложить в него никакого другого смысла, кроме того, который уже имеется в нем. Если же он пытается каким-то образом толковать сказанное в Священном писании, то он неизбежно «попадает на открытое, свободное поле собственных суждений и собственной философии» [5, с. 321], ибо всякое толкование с необходимостью сопряжено с обращением к разуму. Именно поэтому Кант и считал, что только философии принадлежит право истолковывать смысл различных положений Священного писания. И задачу философской теологии, за которую он ратовал, он видел, как раз в том, чтобы истолковывать и интерпретировать смысл различных положений Священного писания в соответствии с требованиями разума. Горячо защищая право философии на преимущественное истолкование содержания религии и выдвигая в качестве возможного моральное истолкование, Кант вместе с тем не считает, «что именно таким должно быть философское толкование» [5, с. 337]. Для него важен сам рациональный принцип, лежащий в основе такого истолкования религии, суть которого заключается в придании всем положениям христианской религии такого смысла, который был бы «разумен», т.е. не противоречил разуму. Только в использовании его он видит единственный путь примирения или, как он любит выражаться, мирной, или полубовновой сделки между теологией и философией. И в этом он пытается убедить теологов.

В «Религии в пределах только разума» и в «Споре факультетов» Кант предостерегает христианских теоло-

гов в том, что «религия, которая очертя голову объявляет войну разуму, едва ли может устоять против него слишком долго» [6]. Обращая внимание христианских ортодоксов на то, что «философия, которая как ее противница, для нее опаснее всех других, предлагает ей свои услуги, как спутница и подруга (ибо теперь нельзя уже более требовать, как думали прежде, что она пойдет по ее стопам, как ее прислужница)» [6, с. IX], настоятельно советует не пренебрегать услугами философии. Кант старается образумить христианскую ортодоксию, показать ей всю пагубность и неразумность ее позиции в отношении к философии, стремится заставить ее понимать себя, разъяснить ей, чего он хочет и добивается.

В отстаивании права философии на свободное исследование и интерпретацию религии Кант достаточно категоричен и прямо, в ультимативной форме заявляет, что «если основывающийся на Библии богослов перестанет пользоваться разумом для своих целей, то философский богослов (Кант имеет в виду такого богослова, который принимает идею философского истолкования религии – примечание мое. – В.Д.) также перестанет пользоваться для подтверждения своих положений Библией» [5, с. 345]. Заметим, что в «Споре факультетов» Кант сам лично выделяет эти слова курсивом, как бы специально обращая внимание теологов на то, что философия может спокойно обойтись без теологии, а вот обойдется ли теология без философии, представляется им сомнительным. Кант как бы дает понять теологам, что у нее нет никакого иного выхода, кроме как принять те условия сотрудничества, которые в его лице предлагала ей философия. И хотя сам Кант и высказывал сомнение на тот счет, что «основывающийся на Библии богослов согласится на такую сделку» [5, с. 345], тем не менее, он, чувствуя веяние времени, твердо был убежден в том, что этот теолог не может не принять эту сделку, когда вопрос идет о существовании самой теологии.

Кантовская идея рационализации религии приобретает чрезвычайно важное методологическое значение для последующего развития не только философии религии, но и теологии. Она знаменовала крупный переворот в понимании задач философии в обосновании религии и наиболее полно и ярко выразила суть того нового этапа в истории взаимоотношений теологии и философии, начало которого было положено в XVII в. развитием философского рационализма. Всю длительную в весьма драматическую историю отношений между теологией и философией можно представить в виде нескольких этапов. На первом этапе философия вообще не признавалась, а если и признавалась, то только при условии ее полного слияния с религией. На втором этапе философия уже допускалась, но только как служанка богословия. На третьем этапе философия уже добилась некоторого равноправия с теологией, выражением чего было утверждение и признание двойственной истины – философской и теологической. И, наконец, новый этап этой длительной истории взаимоотношений теологии и философии возвестил о том, что есть только одна истина – философская и традиционная теология вообще упраздняется за ненадобностью. Но если теология еще и признавалась при этом, то только как «естественная теология», согласованная с разумом и не противоречащая ему. Кантовская философия не просто является выразительницей этого нового этапа, но и определенным кульминационным пунктом, в котором как бы подводятся итог длительной борьбы философии за свою свободу и независимость от теологии.

В своем стремлении рационализировать религию Кант выступает продолжателем той философско-

рационалистической традиции, которая получила определенное развитие и выражение в английском и французском деизме XVII в. Но Кант, не будучи простым эпигоном в философии, пошел гораздо дальше своих предшественников и более радикально и смело развивал идею рационализации религии.

Кант, отправляясь от предшествующего ему философского рационализма, критически переосмысливая его, в своей философии выдвинул и обосновал новые принципы рационалистического обоснования религии, которые призваны были сыграть решающую роль в дальнейшем развитии протестантской теологии, в определении ее исторических судеб.

Для того чтобы уяснить, в чем же, собственно, специфика позиции Канта в вопросе рационалистического истолкования религии и чем она отличается от позиции в этом вопросе предшествующих ему философов-рационалистов, представляется целесообразным кратко охарактеризовать суть докантовских способов философской рационализации религии.

Вообще появление в рамках философии тенденции рационализировать религию было обусловлено стремлением ряда философов, во-первых, каким-то образом согласовать веру с разумом и, во-вторых, согласовать эту веру с новыми научными открытиями, с развитием естествознания, в частности. Наиболее ярко эта тенденция получает свое выражение в английском и французском деизме XVII в., который стремился выработать такое понятие религии, которое было бы совместимо с новым светским философско-рационалистическим и естественно-научным мировоззрением, с представлением об автономности разума и самостоятельно действующей по своим механическим законам природой. Характерная особенность такого философского рационализма состояла в том, что его представители стремились не к сочинению какой-то новой религии, а к сохранению, если не всей старой христианской, то, по крайней мере, той минимальной ее части, которую можно было бы согласовать, по их мнению, с новым научным мировоззрением.

Д. Локк посвятил этому специальное исследование, которое так и называлось – «Разумность христианства», Г. Чербери пытался из присущих разуму общих законов вывести «естественную религию» и доказать необходимость «вселенной церкви». Гоббс усматривал задачу естественного рационального богословия в том, чтобы сохранить из ортодоксальной религии только тот минимум, который мог быть принят разумом, а таким минимумом, по его мнению, может быть только одно аналитическое суждение о том, что «Иисус есть Христос». В понятие естественной религии, которую они противопоставляли традиционной христианской религии, они вкладывали не какое-то совершенно новое содержание, а только ту часть содержания старой христианской религии, которая могла, по их мнению, быть примирена с разумом. Они отлично понимали, что все содержание традиционной христианской религии – религии откровения не может быть примиримой с требованиями автономного разума и автономной природы, поэтому они и пытались найти в ней нечто такое, что могло бы быть оставлено в ней и в то же время совместимо с разумом. Деисты стремились к возможному компромиссу с традиционной религиозной верой, искали не войны с ней, а мира почетного для философского рационализма. Таким образом, вместо двойной истины, богословской и философской, они стремились к единой религиозной истине, устанавливаемой двумя путями – богословским и философским. Отказываясь от роли служанки богословия, философия в своем лице предлагала ему услуги союзницы.

Наряду с выше обозначенным типом рационализации религии в XVII в. в рамках философии возникает и другая тенденция, которая очень четко обозначилась в работах таких немецких философов того времени как Вейгель, Пуффендорф, Лейбниц и, наконец, нашла свое логическое продолжение и завершение в философии Христиана Вольфа. Представители этой тенденции занимали более примиренческие позиции к традиционной христианской религии и, чтобы вызвать сочувствие христианских ортодоксов, склонны были идти на еще больший компромисс с ней, на большие уступки, чем делали это деисты.

Сущность этой уступки состояла в том, что философия уже не выбирала из теологии только то, что оказывалось для нее подходящим. Она принимала не только рациональный минимум религии деизма, но также и целый ряд иррациональных, супранатуралистических догматов традиционной христианской религии. И она не только принимала эти догматы, но даже стремилась их оправдать обосновать и притом не богословскими, а чисто философскими средствами, стараясь их таким образом рационализировать.

Так, например, иенский философ и математик Ургард Вейгель стремился подтвердить правильность догмата о триединстве бога принципами геометрии. В этом предприятии и вообще в стремлении рационализировать даже супранатуралистическую сторону религии ему следовали и его ученики. Так, Пуффендорф старался ввести рационалистическое начало в сверхъестественные истины откровенной религии. Он мечтал об «адекватной и доказуемой системе» веры, в которую входили бы все приемы нового светского рационализма XVII в. – демонстрация, и определение, и постулаты, и аксиомы, способные придать ей математический характер.

Еще большую уступчивость по отношению к иррациональным элементам религии проявил другой ученик Вейгеля, Лейбниц. Та «просвещенная любовь к богу», которую он проповедовал, была очень далека от Спинозовой «интеллектуальной любви к богу», ибо Лейбниц, говоря о боге, имел в виду не субстанцию, тождественную с природой, а бога религии, бога христианского откровения. В полную противоположность скептическому Бейлю, своему главному противнику в вопросах богопознания, Лейбниц утверждал, что откровение хоть и сверхразумно, но непротиворазумно. С его точки зрения, философская демонстрация не противоречит откровению, ибо борьба между разумом и верою была бы борьбой между двумя дарами божьими, т.е., в конце концов, борьбой бога с самим собой, чего быть не может.

Лейбниц не желал обострять разногласий между верой и разумом, а, напротив, по возможности стремился их сгладить, не желал замечать, подчеркивать и усиливать различием, напротив, хотел найти сходство между ними, найти его там, где его в действительности никогда не было и нет. Сообразно с этим он уверял, что Лютер вовсе не относился враждебно к философии и разуму и что только впоследствии нашлись протестантские богословы, проявившие в этом отношении непримиримость.

В еще более популярной форме, чем автор «Теодицеи», шел навстречу супранатурализму религии другой писатель конца XVII в., Христиан Томазий. Главной своей задачей в области философии религии Томазий считал не столько рационализацию богословия, сколько мирное и проникнутое духом терпимости разграничение между ним и философией. Он старался не только не разрушать веры и не вводить в нее никаких новшеств, но, напротив, всячески поддерживать ее с помощью, как он любил выражаться, советов умных людей. И если, например, он

советовал «разумную любовь» к богу, то он при этом, так же как и Лейбниц с его «просвещенной любовью» к богу совсем не имел в виду еретическую «интеллектуальную любовь» к богу – природе Спинозы.

Эту линию рационализации религии на манер схоластического рационализма продолжил Христиан Вольф, который полностью сориентировал свою рационализацию религии к утверждению рациональными средствами всего содержания христианского вероучения. В своей работе «Естественная теология» он ставит своей целью помочь вере разумом, оправдать с помощью разума даже сверхразумное, иррациональное содержание религиозных верований. При этом он активно использует весь арсенал рационалистической философии для того, чтобы придать теологии наукообразный рационализированный вид. Вся его работа посвящена философской апологетике традиционного догматического христианского вероучения.

Таким образом, если деисты ратовали за сохранение только определенного «минимума» христианской религии и взывали открыто к борьбе с церковью, то Вольф, напротив, принимал полностью и ортодоксальную церковь, и супранатуральную религию.

Кант решительно отверг лейбницевско-вольфианскую манеру рационализировать религию и рассматривал эту манеру не иначе как пародию на старокатолический способ рационализации. И Лейбниц, и Вольф принимали гетерогенное и гетерономное откровение как нечто безусловное и содержащее в себе религиозную истину. Все их усилия, особенно Вольфа, были направлены к тому, чтобы показать, что содержание откровения, и притом абсолютно все может быть доказано с помощью разума. А это значит, что эта лейбницевско-вольфианская линия рационализации религии в конечном счете вела к тому, что философия ставилась в абсолютно подчиненное положение по отношению к теологии. С этим Кант никак не мог примириться.

В противовес этому Кант выдвигает нечто совершенно новое. По его глубоким убеждениям, *не все то, что есть истина в религии, может быть доказано, а, напротив, только то, что может быть доказано, и есть истина в религии. Кант выступает с требованием обязательного исключения из существующей религии всего того, что противоразумно. И он готов был признать, что, если в результате исследования, будет установлено, что все в ней противоразумно, тогда, следовательно, нужно без сожаления отвергнуть ее полностью.*

Кант стал продолжать и развивать ту первую линию рационализации религии, которая была намечена в философии английских и французских деистов XVII в. Но, в отличие от них, Кант стремился не столько к тому, чтобы сохранить определенный минимум все той же христианской религии, сколько к тому, чтобы создать совершенно новую религию из разума, к тому, чтобы установить тоже некоторый минимум религии, но помимо традиционной христианской религии откровения и даже вопреки ей.

Кант не соглашается с деистами, которые хотели видеть в философии союзника или же равного партнера теологии, не может он, естественно, принять и точки зрения вольфианцев, которые всецело подчиняли философию богословию и в рамках светского мировоззрения провозглашали и отстаивали типичные для схоластического католицизма представления о взаимоотношении философии и теологии.

Ему не по душе был тот способ рационализации религии с помощью философии, которым пользовались деисты и вольфианцы, именно на том основании, что он носил слишком примирительный характер. В самом

деле, как у деистов, так и у вольфианцев в особенности, философии отводилась роль доказывать непреложную истину части или же всех христианских догматов, но никак не вменялось в обязанность и даже запрещалось ставить под сомнение традиционный смысл этих догматов. Философия, по мнению деистов и вольфианцев, не только не должна покушаться на их традиционное содержание, а, напротив, должна обосновывать его рациональными аргументами для того, чтобы продемонстрировать его совместимость с требованиями разума.

Отвергая примирительный философский рационализм деистов и вольфианцев, Кант выступает за более радикальную форму философской рационализации религии и с этой целью предлагает совершенно новый принцип использования философии в деле обоснования религии. *Задачу философии Кант видит не в том, чтобы доказывать истинность того, истинность чего доказать невозможно, а в том, чтобы придавать иной смысл традиционным христианским догматам в соответствии со своими собственными принципами и содержанием.*

Кантовская философия пыталась убедить theologов в том, что единственным способом сохранения ее христианских положений является придание им иного смысла. Таким образом, кантовская философия представила теологии неожиданную возможность попытаться выжить в новых социально-исторических условиях посредством философской реинтерпретации ее традиционных христианских понятий и наполнения их новым содержанием. И теология, как показывает история, не преминула ухватиться с надеждой за эту возможность. *Именно Кант был первым из философов, открывшим перспективу создания так называемой философской теологии, основывающейся на том принципе использования философии в деле обоснования религии, о котором мы уже сказали выше, и который получил свою реализацию в дальнейшем развитии протестантской теологии.*

Чего же, собственно, добивался Кант, предлагая теологии ту сделку, о которой мы говорили выше?

Отстаивая право философии на преимущественное истолкование, определение смысла религиозных понятий, Кант тем самым, по существу, ставил теологию в зависимость от философии. Категорически отказываясь видеть в философии служанку богословия, Кант признает лишь такие отношения философии с теологией, в которых философия будет играть главенствующую роль. Он за такой «компромисс» философии с теологией, при котором философия будет определять и диктовать условия теологии, а не наоборот. По его очень остроумному замечанию, он согласен признать философию служанкой богословия, но при одном обязательном условии, чтобы она несла не шлейф за госпожой, а факел перед нею и, таким образом, указывала ей путь. В этом как нельзя точно выражается позиция Канта. Он отлично понимает, что само по себе признание автономии философии с необходимостью не ведет еще к ее полной свободе, и именно поэтому *он признает и требует такой автономии философии, при которой теология будет подчиняться философии.*

Кантовская философия как бы подытоживает длительный процесс рационализации религии с философской точки зрения и знаменует собой в определенной степени апогей этого развития, когда философия не только полностью эмансипируется от теологии, но и подчиняет ее себе тем, что начинает диктовать ей условия ее развития.

Как показывает история развития протестантизма с самого начала своего возникновения, протестантская ортодоксия всегда крайне враждебно относилась к рационализму и боролась с ним всюду, где она его усматри-

вала, – и в новой философии, и в старой католической теологии, и в попытках рационализации той минимальной части религии, которая, как думали деисты, вполне совместима с разумом. Ее неприязнь к рационализму объясняется тем, что в нем она видела опасность для двух авторитетов – церкви и Священного писания. Протестантская ортодоксия принципиально не признавала никакого рационализма, даже такого, который отчасти или полностью шел навстречу ей. В этом сказывалось вообще типичное для ортодоксального религиозного сознания нежелание получать истину о боге из рук человеческих и от человеческого разума.

И лишь в 60-е годы XVIII в. наблюдается изменение отношения к рационализму не только среди преданных протестантизму кругов образованного общества, но и среди профессиональных протестантских теологов. Успешное развитие философии и естественных наук заставило их серьезно обратить внимание на светскую философию и подумать над возможностью использования ее услуг. Противоречие между религией и наукой, теологией и философией во времена Канта становится настолько очевидным и невыносимым, что все большее и большее количество теологов начинают понимать, что необходимо было что-то предпринять для того, чтобы сохранить уважение, авторитет и влияние христианской религии среди образованных слоев общества. Их не могло не беспокоить падение престижа религии среди интеллектуалов, которые начали откровенно с презрением относиться к ней. Именно в это время перед теологами во весь рост встает проблема разработки новой апологетики религии. И в кантовской философии многие из них увидели плодотворный, как им представлялось, источник для заимствования таких идей, которые могли бы быть чрезвычайно полезными при разработке новых способов обоснования и защиты христианской религии. Вот почему на рубеже XVIII и XIX вв. кантовская философия оказывается в центре внимания протестантских теологов. Протестантская теология в конце концов, несмотря на долгое сопротивление, приняла идею рационалистического философского обоснования религии, и не потому, что она хотела этого, а потому что вынуждена была принять, вынуждена была сделать это для того, чтобы попытаться выжить в новых исторических условиях. Само время поставило протестантскую теологию в такую ситуацию, когда она вынуждена была идти на диалог с философией, когда она вынуждена была заискивать перед ней, подстраиваться под нее, вынуждена была защищаться и оправдываться перед разумом. А это значит, что начиная с конца XVIII в. теология и философия меняются ролями. Именно с этого времени не философия начинает держать ответ перед теологией, а наоборот. Кантовская философия нанесла окончательный удар по протестантской ортодоксии и положила конец ее сопротивлению вторжению разума в свои сферы, убедила ее пойти на уступки. Таким образом, обращение к кантовской философии было обусловлено не тем, что она была проникнута протестантским духом, как это пытались представить некоторые теологи, а теми объективными условиями, которые заставляли теологов лихорадочно искать способы решения проблемы приспособления христианской религии к изменяющейся социально-исторической ситуации, к новым требованиям времени, которые вынуждали их более открыто идти навстречу новым философским веяниям.

Следует заметить, что лейбницевско-вольфианский способ рационализации религии, хотя и пользовался некоторой популярностью в 60-е годы XVIII в. среди некоторой части протестантских теологов, но не укоренился в протестантизме. Пути развития протестантской теологии

скрестились с путями развития рационалистической философии нового времени тогда, когда сформировалась философия Канта. Именно со второй половины XVIII в. с усвоением протестантизмом тех философских принципов обоснования религии, которые выдвинул Кант, и начинается специфически протестантская рационализация христианства. Философское самоопределение протестантизма началось под знаменем кантовской философии. Что могло значить то философское обоснование религии, которое предлагал Кант, для традиционной христианской религии, для нас совершенно ясно из рассмотрения сущности его философии религии. И если все же, несмотря на это, протестантская теология не только не усвоила основные идеи кантовской философии религии, но и дала им определенный импульс для развития уже в своих собственных рамках, то это само по себе является ярко выраженным симптомом кризиса христианско-теистического мировоззрения и прежде всего его религиозно-философских основ и свидетельством острой потребности, испытываемой христианской теологией в ее протестантской форме, непосредственно включенной в процесс культурно-исторического развития общества, в трансформации своих идей с целью их приспособления к изменяющейся исторической ситуации.

Беря на вооружение кантовский метод философской герменевтики, философской интерпретации всех догматов, положений христианской религии, протестантская теология не могла даже представить себе, сколь разрушительные последствия это будет иметь для нее. Этот метод сослужил роль троянского коня, который, оказавшись за оградой теологической крепости, изнутри подорвал и потряс ее до основания. В лице Канта философия не просто оказала сильное влияние на теологию, она подчинила ее себе.

Если говорить о влиянии других идей кантовской философии на протестантскую теологию, то большое значение сыграл, прежде всего, мировоззренческий дуализм, как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Предпринятое Кантом на основе этого дуализма «практическое» обоснование религии многие теологи восприняли как окончательное разрешение ставшей столь мучительной антиномии веры и разума и «торжественное» их примирение. Им представлялось, что с длительной исторической контроверзой этих двух антагонистов покончено, и именно благодаря их сущностному разграничению наука и религия могут заключить нечто вроде союза в сфере духа. Теологи, опираясь на идею разграничения сфер науки и религии, рассчитывали, с одной стороны, освободиться наконец от дискредитированного догматизма как рационалистического, так и иррационалистического типа, с другой же – придать христианской религии универсальную культурную открытость, гибкость и обеспечить тем самым христианству возможность безболезненного включения в процесс социального и культурного развития.

Теологическое развитие идеи Канта искать источник религии вне сферы теоретического разума вело к утверждению за религией «субтеоретического» статуса, то есть к представлению религии в качестве «последней» вне теоретической основы знания. Это свойственно, например, для Шлейермахера, несмотря на весь его теологический антиинтеллектуализм. Кантовская идея о разграничении знания и веры, по-своему понятая теологами, оказывала и продолжает оказывать еще и сейчас существенное влияние на протестантскую мысль.

Не менее сильное влияние на протестантскую теологию оказал и кантовский антропологизм в делах веры.

В общем кантовское обоснование религии должно быть квалифицировано не иначе как антропоцентрическое, в отличие от христианского теоцентризма. В качестве основного требования философия Канта выдвигала требование понять религию из существа человеческого духа. По Канту, источником подлинной религиозной веры, т.е. моральной веры в его понимании, а не церковной, является сам человек, его разум, а не нечто трансцендентное. С его точки зрения, как мы уже говорили, подлинная религиозная вера покоится всецело «на внутренних законах, которые могут быть развиты из собственного разума каждого человека» [5, с. 334]. В этом смысле религия Канта субъективна, поскольку коренится исключительно в моральном субъекте и лишена всякой внешней потусторонней опоры и авторитета. Субъективность кантовской религии состоит еще и в том, что в ней традиционное, объективное по отношению к человеку содержание откровения, данное ему якобы извне, было отвергнуто им. Но следует заметить, что субъективность кантовской религиозной веры ни в коем случае не следует смешивать с субъективизмом в понимании религиозной веры, ибо в основе кантовской религиозной веры лежит общезначимая для всех людей идея нравственного закона. Гарантом общезначимости религиозной веры, хотя ее источник в самом субъекте, является, по Канту, единый для всех людей разум и лежащий в его основе всеобщий нравственный закон.

Хотя кантовское субъективное понимание религии и не совпадает с тем, как субъективность религии понимали такие протестантские теологи, как Шлейермахер, Ричль, Гарнак, но общее между ними то, что в столкновении истоков религиозной веры они разделяют антропоцентрическую позицию. Именно схема кантовского антропоцентрического обоснования происхождения и сущности религии была в дальнейшем положена в основу либеральной протестантской теологии.

Довольно привлекательной для протестантской теологии оказалась и кантовская идея так называемой истинной церкви, «чистой» религии. Конечно, в той форме, как она выражена у Канта, как чистая религия разума, которая лишена, по существу, каких бы то ни было специфически христианских черт, она не могла быть принята протестантскими теологами. Поэтому протестантский теолог Шлейермахер, например, отрицательно оценивал и отвергал как философско-рационалистическое представление о «естественной религии», так и кантовский типично просветительский идеал религии. Однако сама идея «чистой» религии все же в несколько ином виде, но была реализована в либеральной протестантской теологии. Тот же Шлейермахер был озабочен не чем иным, как поисками подлинной сущности христианской религии, поисками «истинного» христианства, а церковь объявляется им обретающейся не в храме, где неразумная толпа поет хоралы, но в тайниках духа. Идея рафинирования, очищения христианской религии оказалась весьма и весьма привлекательной для протестантских теологов, которые были озабочены судьбой христианства.

Таким образом, кантовский метод герменевтики и ряд других принципиальных положений кантовской философии религии после соотвествующей теологической интерпретации был усвоен профессиональными теологами и оказал очень существенное влияние на зарождение нового стиля и методов обоснования религии в протестантской теологии, выразившееся в появлении в противовес ортодоксальному протестантизму так называемого теологического либерализма.

Первым из профессиональных теологов, взявших на вооружение метод философской герменевтики Канта был известный протестантский теолог Ф. Шлейермахер

[7]. Именно он внедрил его в протестантскую теологию, перенес его на богословскую почву, положив начало длительной истории либерально-рационалистического направления внутри протестантизма, которая тянется от него до настоящего времени.

С полным основанием можно утверждать у истоков этого направления, которое в настоящее время находит наиболее яркое выражение в современных радикальных протестантских теологических концепциях, таких как «демифологизация христианства» Р. Бульмана, «онтологической философской теологии» П. Тиллиха, «безрелигиозного христианства» Д. Бонхоффера, «теологии христианского атеизма» Т. Альтицера, «теология смерти Бога», «теология безрелигиозного бога» В. Гамильтона, П. Ван Бурена, «теология процесса» Ш. Огдена, Дж. Кобба [8] стоит величественная фигура Иммануила Канта.

Литература

1. См. История происхождения и общая характеристика книги Канта: «Религия в пределах только разума» // Кант И. Религия в пределах только разума. – СПб., 1908. – С. XXXIX.
2. См. Гейне Г. К истории религии и философии в Германии. Собр. соч. в 10 томах. Т. 6. М., 1958.
3. См.: Паульсен Ф. Иммануил Кант, его жизнь и учение. – СПб., 1905.
4. Паульсен Ф. Философия протестантизма (Кант и протестанство). – СПб., 1905. – С. 1.
5. Кант И. Спор факультетов. Соч.: В 6 т. Т. 6. – М., 1963–1966.
6. Кант И. Религия в пределах только разума. – СПб., 1905.
7. Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям ее презирающим. Монологи. – М., 1911.
8. Добренков В.И. Современный протестантский теологический модернизм в США: его замыслы и результаты. – М., 1980.
9. Асмус В.Ф. Иммануил Кант. – М., 1973.
10. Гулыга А.В. Иммануил Кант: истина, добро и красота. В книге от Лютера до Вайцзеккера. Великие протестантские мыслители Германии. – М., 1994.
11. Гулыга А.В. Кант. – М., 2019.
12. Нарский И.С. Кант. – М., 1976.
13. Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. – М.; СПб, 2020.
14. Ойзерман Т.И. Иммануил Кант – родоначальник классической немецкой философии: Вступительная статья к 1 тому собр. соч. И. Канта в 6 томах. – М., 1963.
15. Шопенгауэр А. Критика кантовской философии. Соч. в 2-х томах, Т. 1 – М., 1993.

PROTESTANTISM AND KANT'S PHILOSOPHICAL HERMENEUTICS ANNOTATION

Dobrenkov V.I.

Lomonosov Moscow State University

The article analyzes in detail the socio-historical and ideological-theoretical origins of Protestant liberalism (Kant's philosophy of "reason"), reveals the essence of the liberal-Protestant method of hermeneutics, dogmas and provisions of traditional Christianity and gives a critical assessment of the results of using the method of hermeneutics for Christian theology itself, which led it to self-destruction and the Christian religion to collapse. Until now, in our philosophical literature, the topic of determining the influence of Kant's philosophy on the emergence of Protestant liberalism and its strategic development has not been sufficiently investigated. The article fills this gap in the study of the above problem, without the analysis of which, in principle, it is impossible to understand the essence of modern Protestant radical modernism, the essence of those internal processes that occur within Christian theology.

Keywords: liberal Protestantism, Kant's philosophy of "reason", Christianity, Luther, Reformation, German philosophy, theology.

References

1. See also The history of origin and the general characteristics of Kant's book: "Religion within the limits of only reason" // Kant I. Religion within the limits of only reason. – SPb., 1908. – P. XXXIX.
2. See also Heine G. K istorii religii i filosofii v Nemerii. Sobr. op. in 10 volumes. T. 6. – M., 1958.
3. See: Paulsen F. Immanuel Kant, his life and teaching. – SPb., 1905.
4. Paulsen F. Philosophy of Protestantism (Kant and Protestantism). – SPb., 1905. – p. 1.
5. Kant I. Dispute of faculties. Op.: V 6 t. T. 6. – M., 1963–1966.
6. Kant I. Religion within the limits of reason alone. – SPb., 1905.
7. Schleiermacher F. Speeches about religion to educated people despise it. Monologues. – M., 1911.
8. Dobrenkov V.I. Modern Protestant Theological Modernism in the USA: Its Ideas and Results. – M., 1980.
9. Asmus V.F. Immanuel Kant. – M., 1973.
10. Gulyga A.V. Immanuel Kant: truth, goodness and beauty. In a book from Luther to Weizsäcker. The Great Protestant Thinkers of Germany. – M., 1994.
11. Gulyga A.V. Kant. – M., 2019.
12. Narsky I.S. Kant. – M., 1976.
13. Kassirer E. Zhizn i uchenie Kant. – M.; SPb, 2020.
14. Oyzerman T.I. Immanuel Kant – the founder of classical German philosophy: Introductory article to volume 1 sobr. op. cit. I. Kant in 6 volumes. – M., 1963.
15. Schopenhauer A. Kritika Kantskoi filosofii. Op. in 2 volumes, Vol. 1, – M., 1993.

Почему Россия хочет мира

Асонов Николай Васильевич,

д.п.н., профессор кафедры политологии МПГУ

E-mail: nbassonov@yandex.ru

В статье на основе методики политического анализа, рассматривающего нормативно-правовое поле как структурный компонент политической системы общества, имеющий связь с культурно-идеологической и институциональной сферами, раскрывается слабость действующего законодательства как эффективного инструмента безопасности современной России, не позволяющего ей адекватно использовать весь набор сопутствующих ресурсов власти. Этот аспект вынуждает Россию максимально сдерживать свою активность на Украине и скрыто добиваться почетного мира путем максимальных уступок.

Ключевые слова: современная Россия, правовое обеспечение, национальная безопасность, государственная безопасность, политическая система.

Для ответа на поставленный вопрос автор решил использовать аналитическую базу теории государства и права. Эта дисциплина тесно связана с политологией и плотно пересекается с ней в области научных интересов. В данной связи есть смысл выделить ряд парадигм, без которых вектор исследования получил бы иную направленность, а также ключевые методы научного анализа, взятые в качестве рабочих инструментов. Это политическая, цивилизационная и конфликтологическая парадигмы, системный, структурно-функциональный, ценностно-целевой, витальный и сравнительный методы.

Не углубляясь далеко в прошлое, находящееся в полном противоречии с тем, что декларирует действующая власть, перейдем к событиям столетней давности. Тут следует сразу признать, что советская модель управления, при которой мы жили более семидесяти лет, добилась существенных успехов во внутренней и внешней политике, сделав СССР ведущей сверхдержавой. И то, что на последних выборах в Госдуму в сентябре 2021 г. за представителей КПРФ было отдано 10,7 млн голосов, указывает на широкую популярность «русского социализма» и его юридической концепции защиты государственных интересов. Ее полное игнорирование в современных условиях может носить для нашего государства фатальный характер, особенно, когда спецоперация на Украине уже перешла свои границы, приняв международный характер.

Ведь политика как главный вид социальной деятельности всегда связана с темой захвата или удержания власти как центрального элемента общественной жизни. Эта деятельность происходит на пяти уровнях. Они включают в себя область межличностных отношений; борьбу в пределах местного уровня власти; в границах управления отдельно взятого государства; в масштабах территориально-цивилизационных регионов, скажем, Европы; и глобальный масштаб противоборства, нацеленный на установление мирового господства в чью-либо пользу. Здесь каждая из сторон опирается на обширную группу ресурсов власти, среди которых нормативно-правовые ресурсы имеют важное положение, получая поддержку от утилитарных и культурно-идеологических сфер. Кроме того, нормативно-регулятивная среда, определяющая правила поведения сторон, встроена в политическую систему, оказывающую решающее влияние на общественное сознание и его ценностно-целевые установки. Поэтому проблему начала боевых действий, как и стремления к миру, нельзя правильно понять без учета этих факторов.

Поскольку в условиях рыночных отношений захват политических высот разного уровня соединен с интересами экономического господства, борьба за власть обязательно носит жесткий характер. И чем выше уровень власти, тем беспощаднее идет борьба. Здесь политический враг «есть именно иной, чужой», и конфликт с ним никогда не будет разрешен «приговором «непричастного» и потому «беспристрастного» третьего лица» [10,

с. 40]. В этом смысле Россия представляет самый лакомый объект интересов всех ее главных конкурентов. Ведь она обладает не только огромным запасом полезных ископаемых, но и, будучи самой большой страной мира, стала неким «middle space», овладев которой, победитель сможет обладать всей Евразией, являющейся «центральной основой для глобального главенства» [3, с. 54].

Осуществить эту цель можно только в том случае, если будет уничтожено цивилизационное многообразие с присущими ему ценностно-целевыми установками. Ведь закономерным финалом всякого спровоцированного конфликта с «чужим» миром становится не его ослабление, а «полное обращение противника в свою веру» [5, с. 104]. Внедрение и закрепление в зоне «противника» своего ценностно-целевого кода с помощью нормы права становится обязательным условием ослабления цивилизационно-культурного суверенитета и безопасности проигравшей стороны в пользу победителя.

Следовательно, все предварительные события, как и сам характер военных действий, начавшихся 24 февраля 2022 г., в Кремле должны проанализировать, исходя из специфики означенных пяти уровней властных интересов. В их контексте интересы «титупной нации», нашего Президента и его партии никогда не будут отвечать аппетитам североатлантической цивилизации, стремящейся к максимальному разобщению и стравливанию Западной и Восточной Руси. Тем более они не будут вписаны в глобальный масштаб строителей «нового мирового порядка». Вот почему с декабря 2020 г. блок НАТО открыто признал нашу страну противником и главной военной угрозой вплоть до 2030 года. Действуя в данном направлении, он создал необходимую базу для вооруженного конфликта и столкнул в кровавой схватке две державы, составляющие основу славяно-православного мира. Переход летом 2022 г. к позиционной войне перевел конфликт между Украиной и Россией в «изматывающую фазу» постепенного ослабления враждующих сторон. А когда они будут окончательно измотаны, страны НАТО легко заменят «косвенное управление» над ними, установившееся после распада СССР, на форму прямого подчинения, способного подавить память о православном и советском прошлом в пользу новых стандартов.

Исходя из выше сказанного, попробуем определить главную причину мирных инициатив России, которая может носить латентный характер и не совпадать с декларативными заявлениями ее власти. Выступая в Кремле 30 сентября 2022 г. по случаю принятия в состав России четырех новых субъектов Федерации, Президент призвал Киев немедленно прекратить огонь и сесть за стол переговоров. «Мы к этому готовы, об этом не раз было сказано. Но выбор народа в Донецке, Луганске, Запорожье и Херсоне обсуждать не будем, он сделан, Россия его не предаст», – уточнил он [4]. Первый раз подобное предложение потупило из Кремля в адрес Президента Украины буквально на второй день после начала военной операции, но упорный отказ В.А. Зеленского сесть за стол переговоров и принять условия В.В. Путина, свидетельствовал о том, что в Киеве знакомы с нашей «ахиллесовой пятой».

Угроза увеличения с мая 2022 г. потенциального театра военных действий от Балтики до Баренцева моря за счет Швеции и Финляндии, вынудила руководство России серьезно задуматься не только о поиске новых средств, но и о наборе новых воинских сил. Встает вопрос – откуда их брать, если военная мощь Швеции, согласно данным «Global Figerpover», несколько ниже украинской и сопоставима с Польшей, а соответствующий

потенциал Финляндии почти сопоставим с Беларусью? Еще хуже положение РФ в области экономики. Наши противники, вставшие на сторону Украины и состоящие в блоке НАТО, занимают по ВВП самые выгодные позиции. Если мы даем чуть более 3%, то в пересчете ВВП на душу населения Россия вообще откатилась на 51-е место. Причем, каждый день такой войны может только ухудшать эти показатели, еще больше подрывая низкий уровень жизни граждан и усиливая их оппозиционные настроения.

Тут стоит вспомнить, что буквально 22 ноября 2022 г. на пленарном заседании VII Международного форума «Экономические бои без правил: рецепты победы», проходившем в стенах Финансового университета при Правительстве РФ, было озвучено удручающее положение в области наших национальных проектов, обязанных в своей совокупности сыграть на пользу России, но так и не решивших поставленных перед ними задач. Все 80 000 проектов оказались практически бездействующими, ибо в них была упущена стратегическая связь между целями и итогами, сведя все к банальной трате денег. У нас продолжает отсутствовать нормальная инвестиционная модель, а из 85 базовых отраслей отечественной экономики 21 отрасль оказалась в состоянии глубокой импортозависимости. На вопрос о том, как в таких условиях строить свой технологический суверенитет, ответа от правительственных структур так и не прозвучало. При этом на форуме было обращено внимание на успешный опыт сталинской модернизации, прямым следствием чего стала наша победа в 1945 году. В значительной степени она была связана с тем, что тогда акцент делался на «промышленные банки», а сейчас ставка идет на прибыль, игнорируя экономический эффект и нормальную инвестиционную политику. Но дела нашей союзницы и того хуже. По данным Всемирного банка Беларусь в сфере экономики заняла 114 место. При этом суммарный потенциал США, Великобритании, Франции, ФРГ, Турции, Италии, Канады, Испании и Польши как самых развитых стран НАТО на весну 2022 г. составил около 32% от общей доли мирового ВВП.

Остается надеяться на патриотизм, который всегда выручал Россию в подобных обстоятельствах. Но сегодня он приобрел «диванный характер» и поставил Кремль в безвыходное положение. Ведь одним из требований тех, кто победил нас в «холодной войне», стало внедрение либеральной модели жизни. В итоге нормативно-регулятивная, политико-культурная, коммуникативная, идеологическая и институциональная подсистемы утратили национально-цивилизационное своеобразие, присущее России еще при Советской власти, превратив ее в придаток североатлантической цивилизации. Конституция 1993 г. закрепила это положение и обязала граждан следовать новым правилам. В сопутствующие ей нормативные акты, регулирующие социально-политические отношения, не было внесено ни одного исправления, обращенного к успешному опыту российского управления. Есть ли в этом некое противоречие? Ведь наша власть тоже говорит о своем патриотизме. Нет, поскольку в политике и праве всегда имеется декларативная и латентная составляющая. Первая должна вызывать доверие общества к власти. Вторая обязана реализовывать ее скрытые интересы, часто не совпадающие с интересами общества. Такая двойственность становится особенно заметной, когда государственная власть теряет часть своего суверенитета и подчиняется более влиятельной силе, провоцирующей ее на опасные действия.

Хорошо известно, что законы пишут только победители, причем, пишут исключительно в своих интересах.

Данное обстоятельство отразилось на судьбе России, встроившей после развала СССР в либеральный контекст стран НАТО. Неслучайно В.В. Путин, став президентом, поспешил заверить представителей ЕС в том, что Кремль принял «к сведению ожидания наших европейских партнеров с точки зрения развития российского законодательства» [8, с. 110]. Если взять в расчет заявление главы нашего государства о широком контроле со стороны спецслужб Запада за проводимыми реформами, включая работу над новой Конституцией, когда в 1990-е годы в правительстве России сидели сотрудники ЦРУ, проясняется смысл «ожиданий» Запада, у которого по этому вопросу к В.В. Путину претензий нет.

Вот почему отказ менять базовые положения в законодательной сфере, созданной под влиянием Запада, надо рассматривать как проявление косвенной зависимости российской власти от блока НАТО. С одной стороны это вызвано колоссальным превосходством его ресурсов. С другой стороны наша власть со времен М.С. Горбачева сама ориентирует себя на Запад. Примером здесь служит Послание В.В. Путина Федеральному Собранию, оглашенное им 16 мая 2003 года. В нем в качестве вектора внешней политики России выделен курс на «широкое сближение и реальную интеграцию в Европу... это – наш с вами исторический выбор. Он сделан. Он последовательно реализуется» [9, с. 112]. Между тем, ни одного опровержения данной установки до сих пор так и не последовало. Доказательством реализации этого курса служат поправки к Конституции 1993 г. и решительный уход власти от всяких форм обсуждения вопроса о внедрении своих ценностей или институтов управления.

И если Конституция 1977 г. несла в себе «привязку» к национально-историческим традициям управления, восходящим к прямой демократии вечевского типа, сохранившейся на уровне местной власти до XX в., то в Конституции 1993 г. этого нет. Соборность перестала быть положительной альтернативой парламентаризму, в котором даже православная церковь видит «не только способ управления государством, но и символ начала необратимого разрушения государственного механизма» [1, с. 526]. Кстати, именно эта позиция оказалась близка русским коммунистам, решившим сделать одну из разновидностей соборности в виде Советов институциональной основой российского социализма.

Только капитуляция перед странами НАТО заставила нашу власть принять чужое и убить свое, уйдя от научного обсуждения новой модели политической системы. Ведь вместе с парламентаризмом основной закон 1993 г. в Статьях 1, 2, 7, 10, 11, 13 и в Главе 4 утвердил все принципы идеологии либерализма, касающиеся институциональной сферы управления. Здесь нашли отражение идеи правового и социального государства, института президентства, многопартийности и разделения светской власти на три ветви. Свою лепту в ослабление безопасности современной России внесла Статья 15. Ее пункт 4 закрепил приоритет международного права, а пункт 1 Статьи 62, следуя духу космополитизма, даровал законное право «иметь гражданство иностранного государства». К этому надо добавить те положения, которые ставят государство в зависимость от индивида и отдают в руки частных лиц право распоряжаться природными богатствами страны (Статья 9, п. 2 и Статья 36, п. 2). Подобный юридический реверанс сделал Россию «ночным сторожем» международного капитала, вставшего на сторону Киева, избавив от наказания представителей «пятой колонны». У нас даже нет ни одной статьи, защищающей честь России от лукавых дельцов, что крайне негативно отражается на ее безопасности.

И если в Конституции 1977 г. защите Отечества отведена целая глава, относящая эту деятельность к «важнейшим функциям государства» и считающая ее «делом всего народа» (Статья 31) [6], то последний основной закон, согласно Статье 59, пункту 1, видит в этом долг и обязанность только гражданина, но не государства и общества. А сам гражданин, если следовать Статье 2, является «высшей ценностью», которой государство обязано служить. В скобках заметим, сегодня юридически Россия ценностью вообще не является. Поэтому, осознав свою «ценность», люди не хотят ставить служение Отечеству выше личных амбиций, даже если они входят в правительство или надевают погоны. Согласно аналитическим исследованиям, у современной студенческой молодежи «на первый план смысложизненных ценностей ... выходят создание хорошей семьи и воспитание детей, возможность самовыражения и творчества, личная свобода и собственно человеческая жизнь. Вместе с тем, современные студенты в гораздо большей степени, чем в восьмидесятые года прошлого века, отдают предпочтение социальному статусу, доходу, а не личностным, духовным качествам» [2, с. 2606]. Растущие эгоистические устремления не только бьют по нашей обороноспособности, но и провоцирует рост коррупции, включая высокий отток россиян в страны НАТО. Ведь принцип их жизни теперь сводится к лозунгу «*ubi bene ibi patria*».

При этом российская власть ссылается на заложенные в Конституции 1993 г. «общечеловеческие ценности», главной из которых, как мы выяснили, стал абстрактный человек, без всякого различия в нем добра и зла. Где даже национальная идея, согласно расшифровке Д.А. Медведева, сделанной им в 2008 г., убила нашу цивилизационную специфику и оформилась в духе сугубо либеральной установки, включив три принципа: «Свобода и справедливость. Второе – это гражданское достоинство человека. Третье – его благополучие и социальная ответственность» [7, с. 46]. Все они, отвечая духу Конституции, не встретили возражений со стороны правящей партии, хотя с такими принципами можно быть гражданином любой страны и при этом оставаться врагом России.

Подорвав жертвенную основу патриотизма, наша власть почти оказалась в положении Временного правительства, уничтожившего всё ранее созданное и утратившего живую связь с народом, но взамен ничего для своей опоры внутри страны не создавшего. Попытка «временщиков» исправить положение, за счет перехода летом 1917 г. к активным боевым действиям, только привела к обострению общего кризиса и завершилась новой революцией. Поэтому всякое затягивание военных действий, ведущее к ухудшению жизни народа, или их активизация, требующая новых жертв и новых солдат, может вызвать волну протестных движений. Сценарий их непредсказуем. Он может иметь сходство с Югославским вариантом и закончиться Гаагским судом, но может повторить специфику русского бунта с его беспощадностью к олигархам.

В любом случае Запад обязательно пойдет на новую провокацию революционных потрясений ради продвижения в российскую власть во всем послушных ему лиц. Думается, эта перспектива стала дополнительной причиной патовой ситуации, заставив Москву задуматься о мире и отказаться от похода на Львов, скрыто добиваясь для себя максимальных уступок.

Литература

1. Александр (Круглов) свящ. Последняя война. – М.: Просветитель, 2004. – 759 с.

2. Ананченко А.Б., Тюков Н.А., Шаповалов В.Л. Ценностные ориентации студентов педагогических вузов и молодых педагогов в контексте формирования российской политической идентичности // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2019. – № 12 (57). – С. 2598–2608. DOI: 10.35775/PSI.2019.57.12.017.
3. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Изд-во АСТ, 2016. – 712 с.
4. Выступление В.В. Путина 30 сентября 2022 г. по случаю принятия в состав России четырех новых субъектов Федерации. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/09/30/15556729.shtml> (дата обращения: 20.11.2022).
5. Киссинджер Г. Понять Путина. Политика здравого смысла. – М.: Алгоритм, 2015. – 208 с.
6. Конституция СССР и развитие советского законодательства. – М.: Юрид. лит., 1983. – 608 с.
7. Медведев Д.А. Выступление на II Общероссийском гражданском форуме, 22 января 2008 г. // Вестник Российской нации. – 2008. – № 1. – С. 44–54.
8. Путин В.В. Заявление для прессы и ответ на вопрос по итогам встречи на высшем уровне Россия-ЕС // Путин В.В. Прямая речь [Текст]: в 3 т. – М.: Звонница-МГ: Новый ключ, 2016. – Т. 2. Выступления, заявления, интервью. – 412 с.
9. Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 16 мая 2003 г. // Путин В.В. Прямая речь [Текст]: в 3 т. – М.: Звонница-МГ: Новый ключ, 2016. – Т. 1. Послания Федеральному Собранию. – 412 с.
10. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – № 1. – С. 37–67.

WHY DOES RUSSIA WANT PEACE

Asonov N.V.

Moscow State Pedagogical University

In the article, author using the political analysis methodology as basis, analyzes the regulatory and legal field as the structural compo-

nent of the political system of the society, which is in a close relationship with cultural and ideological, as well as institutional areas of life, attempts to prove the procedural failure of contemporary legislation in Russia as an effective national security resource, which does not allow it to adequately use the whole set of accompanying resources of political power. This aspect forces Russia to restrain its activity in Ukraine as much as possible and achieve an honorable peace through maximum concession

Keywords: modern Russia, legal support, national security, state security, political system.

References

1. Alexander Kruglov, priest. "The Last War". – Moscow: «Prosvetitel» Publishing House, 2004. – 759 p.
2. Ananchenko A.B., Tyukov N.A., Shapovalov V.L. "Values of students of pedagogical universities and young teachers in the context of the formation of Russian political identity" // Issues of national and federative relations. – 2019. – No. 12 (57). – pp. 2598–2608. DOI: 10.35775/PSI.2019.57.12.017.
3. Brzezinski Zb. "The Grand Chessboard". – Moscow: «AST» Publishing House, 2016. – 712 p.
4. Speech by V.V. Putin on September 30, 2022 on the occasion of the admission of four new subjects of the Federation to Russia. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/09/30/15556729.shtml> (date of access: 20.11.2022).
5. Kissinger H. "To Understand Putin. The politics of common sense". – Moscow: «Algorithm» Publishing House, 2015. – 208 p.
6. The Constitution of the USSR and the development of Soviet legislation. – Moscow: «Attorney Literature» Publishing, 1983. – 608 p.
7. Medvedev D.A. Speech at the II All-Russian Civil Forum, January 22, 2008 // «Vestnik Rossiyskoi Nacii». – 2008. – No. 1. – S. 44–54.
8. Putin V.V. Statement for the press and answer to a question following the results of the Russia-EU summit // Putin V.V. Direct speech [Text]: in 3 volumes. – М.: «Zvonnitsa-MG: New Key» Publishing, 2016. – V.2. Speeches, statements, interviews. – 412 p.
9. Putin V.V. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on May 16, 2003 // Putin V.V. Direct speech [Text]: in 3 vols. – М.: «Zvonnitsa-MG: New Key» Publishing. – 2016. – Vol. – 412 p.
10. Schmitt K. The concept of the political // Questions of sociology. – 1992. – No. 1. – P. 37–67.

Закрепление в федеральном законодательстве России понятия единой системы публичной власти

Борисенко Владимир Иванович,

к.и.н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
E-mail: bvi095@mail.ru

Чернышева Елена Николаевна,

к.ф.н., доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
E-mail: chernel0602@gmail.com

В статье рассматривается приведение федерального законодательства России в соответствие с впервые зафиксированным в Конституции РФ понятием (принципом) единой системы публичной власти.

В центре внимания – ряд законов, в которых нашли своё воплощение различные аспекты функционирования этой системы. Прежде всего, это – Федеральный Закон (ФЗ) «О Государственном Совете Российской Федерации» (08 декабря 2020 года), в котором, в частности, даётся определение нового понятия. Важным этапом приведения законодательства страны в соответствии с рассматриваемым принципом стал ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (21 декабря 2021 года). Ещё одним шагом в указанном направлении должен был стать закон «Об общих принципах местного самоуправления в единой системе публичной власти», проект которого Госдума РФ 25 января 2022 года приняла в первом чтении, однако второе чтение законопроекта пока не состоялось.

Ключевые слова: федеральное законодательство, государственная власть, единая система публичной власти, публичная власть, местное самоуправление.

Статья посвящена приведению федерального законодательства России в соответствие с новыми положениями Конституции РФ, утверждёнными 01 июля 2020 года. Широкий спектр законодательных новелл, касающихся правового и территориального суверенитета России, а также улучшения деятельности федеральных органов государственной власти страны, уже воплощён в российское законодательство [1]. В центре этого исследования – законодательное оформление впервые зафиксированного в Основном Законе страны понятия единой системы публичной власти.

В.В. Путин, выступая в начале 2020 года с Посланием Федеральному Собранию РФ, особо остановился на важных поправках в Конституцию. В частности, он заявил о важности «закрепить в Конституции принципы единой системы публичной власти, выстроить эффективное взаимодействие между государственными и муниципальными органами» [6]. При этом по мнению Президента, права органов местного самоуправления следует расширить и укрепить.

Во вступившей в силу 04 июля 2020 года обновлённой Конституции это предложение Президента было закреплено в ст. 132 п. 3: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в РФ и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» [5].

Указанный принцип предполагает согласованные действия всех уровней власти в интересах граждан. В плане реализации этой конституционной нормы был принят такой важный закон, как Федеральный конституционный закон (ФЗК) «О Правительстве Российской Федерации» (09 ноября 2020 года) [9]. Особое значение для нашего исследования имеет Федеральный закон «О Государственном Совете Российской Федерации» (08 декабря 2020 года), который обозначает основы деятельности единой публичной власти, статус, порядок формирования и деятельности Государственного Совета [7].

Во-первых, в данном законе даётся определение нового понятия: единая система публичной власти это – «федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие ... свою деятельность в целях... создания условий для социально-экономического развития государства» [7, ст. 2, п. 1].

Во-вторых, обозначается круг высших органов государственной власти страны, которые согласно Конституции России осуществляют координацию деятельности единой системы публичной власти, а именно: Президент РФ, Правительство РФ, Государственный Совет, другие госорганы (в пределах своей компетенции) [7, ст. 2, п. 2].

В-третьих, этот закон определил Госсовет как конституционный государственный орган, а также зафиксировал особую роль Госсовета РФ в единой системе публичной власти: «Государственный Совет является конституционным государственным органом, формируемым Президентом Российской Федерации в формах обе-

спечения согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти...» [7, ст. 3, п. 1].

Новым этапом в приведении законодательства в соответствии с обновлениями Конституции стал закон, развивающий положения о системе власти регионов РФ. Инициаторами закона стали главы комитетов Госдумы и Совета Федерации по госстроительству и законодательству П.В. Крашенинников и А.А. Клишас. С сентября 2020 года в парламенте страны велась работа над соответствующим законопроектом, который 14 и 15 декабря 2020 года был утверждён соответственно Госдумой и Советом Федерации. Президент страны поставил подпись под ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» 21 декабря 2020 года [8].

Этот Федеральный закон насчитывает 65 обширных статей, разделённых на 11 глав. В них подробно прописаны многие моменты, которые в предыдущей редакции соответствующего закона были обозначены в самом общем виде.

Так, в новом законе закрепляются принципы работы органов власти в регионах, в частности, реализация прав и свобод граждан, приоритет верховенства Конституции РФ [8, ст. 2, 3], устанавливается единая структура органов власти субъектов федерации [8, ст. 4, 5, 6], при этом регулируются разные аспекты статуса, функций и деятельности этих органов.

Законодательный орган субъекта РФ (структура и наименование) устанавливается с учётом национальных и исторических традиций, но без использования наименований федеральных органов государственной власти [8, ст. 7, п. 3]. Депутат осуществляет свои полномочия в двух формах: с отрывом или без отрыва от основной работы. При этом количество депутатов из первой группы определяется законом субъекта федерации [8, ст. 17, п. 1, 2]. Устанавливаются новые меры ответственности региональных депутатов вплоть до досрочного прекращения их полномочий [8, ст. 21, 22, 25]. Срок деятельности регионального парламента – 5 лет [8, ст. 7, п. 11].

Глава региона выбирается гражданами субъекта федерации либо депутатами законодательного собрания субъекта на срок 5 лет [8, ст. 20]. Количество сроков полномочий региональных глав исключено из закона. Но это не запрещает регионам, учитывая свою специфику, установить в конституциях или уставах количество переизбраний глав субъектов.

Руководитель региона должен именоваться «Глава» с последующим указанием названия региона. С учётом национальных, исторических и других традиций субъекта возможно дополнительное наименование главы, однако в его наименовании не может быть слова «Президент». Глава субъекта, замещающая одновременно федеральную и региональную должность в регионе, выступает, таким образом, связующим звеном в вертикали власти [8, ст. 20, п. 6].

Глава региона может сам возглавить правительство субъекта, или ввести отдельную должность председателя правительства, если это прописано в конституции (уставе) субъекта РФ [8, ст. 32, п. 5].

Расширяются меры дисциплинарной ответственности главы субъекта федерации перед Президентом России, а также причины отстранения главы региона от должности досрочно [8, ст. 29].

Высшим исполнительным региональным органом является «Правительство» с указанием наименования субъекта. Может вводиться и другое наименование, учитывающее исторические, национальные и иные тради-

ции [8, ст. 32, п. 3]. Органы исполнительной власти федерального уровня могут участвовать в формировании правительства региона в таких сферах, как здравоохранение, образование, финансы, жилищный и строительный надзор [8, ст. 4, п. 3, 4].

В каждом регионе должны быть созданы постоянно действующие финансовый и контрольно-счётный органы [8, ст. 34, 38].

Закон включает нормы, имеющие целью повышение эффективности госуправления в регионах. Так, федеральные и региональные исполнительные органы РФ могут передавать друг другу часть своих полномочий [8, ст. 2]. Существенно переработан перечень полномочий совместного ведения органов государственной власти Российской Федерации и субъектов РФ, который включает в себя 170 пунктов [8, ст. 44]. Предполагается дистанционное участие в работе регионального законодательного собрания и дистанционное взаимодействие всех органов власти субъекта РФ [8, ст. 2, п. 2].

ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» действует со дня его официального опубликования – 21 декабря 2021 года, главы 2, 3, 4, 5, 9–01 июня 2022 года, главы 7, 8–01 января 2023 года. Не позднее 01 января 2023 года в соответствие с этим ФЗ должны быть приведены правовые акты субъектов РФ и муниципалитетов.

Одним из знаковых событий на пути воплощения норм указанного закона в жизнь стала унификация должностей субъектов РФ. Так, 12 июля 2012 года Президент РФ подписал указ об изменениях в составе Госсовета РФ, в котором должности ряда руководителей регионов обозначены как «Губернатор» и «Глава Республики». В частности, этим указом должность Р.Н. Минниханова, председателя комиссии Госсовета комиссией по строительству, жилищно-коммунальному хозяйству и городской среде, определяется как «Глава Республики Татарстан» [2]. До этого времени Татарстан долго оставался последней республикой РФ, руководителем которой по конституции именовался президентом. Приведение законодательства Татарстана в соответствие с федеральным законом будет осуществлено до начала 2023 года.

Новый шаг в законодательном оформлении единой системы публичной власти – закон «Об общих принципах местного самоуправления в единой системе публичной власти», авторами которого стали главы комитетов Госдумы и Совета Федерации депутат П.В. Крашенинников и сенатор А.А. Клишас [4].

25 января 2022 года Госдума в первом чтении приняла проект этого закона. Он закрепляет полномочия органов местного самоуправления по обеспечению жизнедеятельности населения, устанавливает одноуровневую систему муниципальной власти в 3-х видах (в отличие от 8-ми видов в настоящее время). При этом формирование муниципальных образований должно осуществляться не по территориальному принципу (как сейчас), а по принципу привязки к населению в зависимости от его численности и плотности, что приведёт к укрупнению муниципальных образований и значительному сокращению их количества.

Не меняется структура местного самоуправления. Выборы являются единственной формой создания местного представительного органа. Устанавливается единый пятилетний срок полномочий для всех должностных лиц местного самоуправления. Усиливается ответственность глав муниципальных образований.

Вступление в силу основных положений закона должно произойти с 01 января 2023 года, переход к одноуровневой организации местного самоуправления – до 01 января 2028 года [3].

Второе чтение в Госдуме было запланировано на конец февраля 2022 года, однако затем оно было отложено на июнь месяц и не проведено до сих пор.

Закрепление в федеральном законодательстве принципа единой системы публичной власти призвано обеспечить согласованное взаимодействие различных уровней власти (федеральной, региональной, местной) как единого целого. В принятых законах устанавливается чёткое распределение полномочий между различными органами власти, а также повышение их ответственности перед вышестоящими органами. Создание стройной системы публичной власти способствует улучшению работы государственного механизма и повышает эффективность управления страной в целях социально-экономического развития государства.

Литература

1. Борисенко В.И., Чернышева В.И. Приведение федерального законодательства в соответствие с поправками к Конституции РФ 2020 года. Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 1. – С. 31–38.
2. Внесены изменения в состав Госсовета и в Указ «Вопросы Государственного Совета Российской Федерации» // <http://www.kremlin.ru/acts/news/68866> (дата обращения: 13.07.2022).
3. Госдума приняла в I чтении законопроект об организации местного самоуправления // <https://tass.ru/politika/13520215> (дата обращения: 02.07.2022).
4. Законопроект № 40361–8 от 16.12.2021 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе политической власти» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 01.07.2022).
5. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. // <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 27.06.2022).
6. Послание Президента Федеральному Собранию. 15 января 2020 года. // <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 27.06.2022).
7. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. N394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // <https://rg.ru/2020/12/11/gossovet-dok.html> (дата обращения 29.06.2022).
8. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации. // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112210031> (дата обращения 29.06.2022).
9. Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // <https://rg.ru/2020/11/09/pravительство-dok.html> (дата обращения: 02.07.2022).

CONSOLIDATION IN THE FEDERAL LEGISLATION OF RUSSIA OF THE CONCEPT OF A UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY

Borisenko V.I., Chernysheva E.N.

Pushkin State Russian Language Institute

The article discusses bringing the federal legislation of Russia in line with the concept (principle) of a unified system of public authority, first fixed in the Constitution of the Russian Federation.

The focus is on a number of laws in which various aspects of the functioning of this system have been embodied. First of all, this is the Federal Law (FZ) “On the State Council of the Russian Federation” (December 8, 2020), which, in particular, defines a new concept. An important stage in bringing the country’s legislation in line with the principle under consideration was the Federal Law “On the General Principles of Organization of Public Power in the Subjects of the Russian Federation” (December 21, 2021). Another step in this direction was to be the law “On the General Principles of Local Self-Government in a Unified System of Public Power”, the draft of which was adopted by the State Duma of the Russian Federation on January 25, 2022 in the first reading, but the second reading of the bill has not yet taken place.

Keywords: federal legislation, state power, unified system of public power, public power, local self-government.

References

1. Borisenko V.I., Chernysheva V.I. Bringing federal legislation into line with the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation. Social and humanitarian knowledge. – 2022. – No. 1. – S. 31–38.
2. Changes were made to the composition of the State Council and to the Decree “Issues of the State Council of the Russian Federation” // <http://www.kremlin.ru/acts/news/68866> (accessed: 07.13.2022).
3. The State Duma adopted in the first reading a bill on the organization of local self-government // <https://tass.ru/politika/13520215> (accessed: 07.02.2022).
4. Draft Law No. 40361–8 of December 16, 2021 “On the General Principles of Organizing Local Self-Government in a Unified System of Political Power” // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (accessed: 01.07.2022).
5. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020. // <http://kremlin.ru/acts/constitution> (accessed: 06.27.2022).
6. Message from the President to the Federal Assembly. January 15, 2020. // <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (accessed: 06.27.2022).
7. Federal Law of December 8, 2020 N394-FZ “On the State Council of the Russian Federation” // <https://rg.ru/2020/12/11/gossovet-dok.html> (accessed: 29.06.2022).
8. Federal Law No. 414-FZ of December 21, 2021 “On the General Principles of Organization of Public Power in the Subjects of the Russian Federation”. Official Internet portal of legal information. // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112210031> (accessed: 06.29.2022).
9. Federal constitutional law of November 6, 2020 N4-FKZ “On the Government of the Russian Federation” // <https://rg.ru/2020/11/09/pravительство-dok.html> (accessed: 02.07.2022).

Идеология государственного служения в Нидерландах

Вафин Артур Мансурович,

к.п.н., доцент Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: arthur.vafin@mail.ru

В работе анализируются нормативные документы Нидерландов, касающиеся феномена идеологии государственного служения. Юридическое в данной работе – это лишь дескриптивная форма, в то время как политическое содержание касается вопроса о ценностях, в первую очередь, ценности служения общему благу. Автор исследует различные этические аспекты государственной службы в Нидерландах. В частности, поднимается вопрос о том, как чиновник может совмещать государственную службу и бизнес, без ущерба общему благу?

Ключевые слова: государственная служба, бюрократия, идеология, общее благо, коррупция, политико-юридический подход.

Мы продолжаем наше исследование идеологии бюрократии. Ранее мы дали теоретическое обоснование идеологии государственного служения на примере Европейского Союза. В данном тексте мы рассмотрим кейс Нидерландов.

Особенностью Нидерландов является регулирование многих государственных вопросов в «полу-публичном секторе», который представляет собой переходную сферу между государственными и частными услугами (например, в образовании и здравоохранении). Разнообразие организационных форм и децентрализация государственного управления обуславливает фрагментированность государственной службы и правил, применяемых к ее различным элементам – например, порядку приема на работу. При этом Закон о государственной службе устанавливает базовые обязанности государственных структур-работодателей в части поддержания высокого этического стандарта государственной службы через поощрение надлежащего служебного поведения, предотвращения конфликта интересов и злоупотреблений властными полномочиями [1].

Отличительной чертой государственной службы в Нидерландах ранее являлось назначение на должность государственной структурой-работодателем (это было закреплено в Законе о государственной службе 1929 г.). В последнее время наблюдается тренд на стирание границ между публичным и частным секторами [2].

В феврале 2014 г. Правительство приняло решение скорректировать статус государственных служащих: государственные служащие больше официально не назначаются на должность, с ними подписывается контракт, как в частном секторе, а вместо законодательного регулирования их статуса вводятся коллективные трудовые соглашения. В целом был предусмотрен постепенный переход от публично-правового регулирования к трудовому [3].

В настоящее время в обновленном Законе о государственной службе государственными служащими считаются лица, нанятые государственным работодателем на основе контракта. Такие существенные изменения обосновывались необходимостью достижения ключевых целей, в том числе «предоставление качественных услуг населению, бизнесу и иным общественным институтам». Основными принципами государственной службы были объявлены: фокус на потребностях населения, быстрота и надежность предоставления государственных услуг, «бесшовность» управления (граждане не должны иметь дело с непонятными различиями между государственными органами, они должны работать как единый механизм), прозрачность, подотчетность и эффективность [4].

В 2018 г. кадровая политика снова была пересмотрена в соответствии с вызовами современности. В Стратегии развития государственных кадровых ресурсов до 2025 г. Центральная администрация (Central Public Administration) характеризуется как «компания» с разветвленной системой подразделений, а также подчеркивается углубление идеи служения обществу: открытость управления ведет к формированию запроса населения на индивидуальный подход к решению проблем, а также на создание государственных продуктов совмест-

но с населением. Это требует от государственной администрации поиска новых способов взаимодействия с заинтересованными сторонами, что, в свою очередь, ведет к изменению требований к государственным служащим. Среди важных качеств чиновников отмечаются: гибкость, устойчивость и ориентация на ценности, а также коммуникативные навыки [5].

Кадровая политика по-прежнему в ведении отдельных государственных органов. Методы отбора не раскрываются, однако отмечается необходимость принимать на службу квалифицированных и мотивированных сотрудников. Кроме того, подчеркнута возрастающая роль Кодекса этики в решении возникающих проблем.

Государственным служащим предписано вести себя надлежащим образом в своих отношениях с частными лицами, организациями и другими государственными служащими. Выборные должностные лица и государственные служащие обязаны вести себя профессионально и этично в соответствии с правилами, закрепленными в Кодексе служебного поведения 2016 г. [6].

Девиз Центральной администрации подчеркивает важность установления доверительных отношений между государственными служащими и населением, которые должны проявляться в честности, надежности, корректности и уважительности. Государство должно быть примером поведения для граждан. Государственные служащие ответственны за собственное поведение и привели его в соответствии с требованиями Кодекса.

Особенность Кодекса в том, что делается акцент на коммуникации и обсуждении положений Кодекса между государственными служащими для лучшего понимания требований к служебному поведению, а также свободный стиль изложения требований, непосредственное обращение к читателю.

Отмечается, что преданность службе должна быть основой этики государственного служащего и пронизывать все отношения, связанные с ней, равно как и профессионализм. Также требуется умение оценивать ситуации с точки зрения служения общественному интересу и действовать самостоятельно с опорой на следующие ценности:

- независимость и нейтральность: свобода от предубеждений и предрассудков, недопущение конфликта интересов и фаворитизма;
- надежность и внимательность: верность своему слову, аккуратное обращение с ресурсами и конфиденциальной информацией;
- личная ответственность: осознание своей публичности в связи с развитием технологий и непрерывный контроль своего поведения.

Государственные служащие не должны поддаваться соблазну в части получения подарков или преимуществ для себя и детально оценивать мотивы дарителя.

Кодекс содержит запрет на получение любых подарков стоимостью свыше 50 евро. Это требование далее раскрывается в других актах: в соответствии со ст. 64 Закона об общих правилах деятельности должностных лиц, государственным служащим запрещается требовать и принимать подарки, компенсации, награды или обещания от третьих сторон, за исключением случаев, когда это разрешено законом. Получение взяток строго запрещено [7].

Государственный служащий обязан сообщать начальству о подарке. Начальство при оценке ситуации должно учитывать мотивы дарителя: насколько открыто был преподнесен подарок; разовый ли это случай, или государственный служащий регулярно получает что-то от этой третьей стороны; пропорционален ли подарок оказываемым государственным служащим услу-

гам в рамках его полномочий; получают ли другие государственные служащие этого департамента подарки от этой третьей стороны [8].

Коммерциализация сведений, полученных в ходе службы, запрещена. Базовыми принципами поведения государственных служащих при участии в конференциях и конгрессах являются безвозмездная основа участия, а также разрешение со стороны руководителя.

Центральная администрация поощряет волонтерскую деятельность служащих во вне рабочее время; государственным служащим также разрешено иметь вторую оплачиваемую работу или собственный бизнес. При этом закреплена обязанность сообщать о своей деятельности вне государственной службы, а в отношении высших руководящих должностей – размещать эти сведения в публичном доступе. Вместе с тем запрещена деятельность, способная подорвать исполнение служебных обязанностей государственного служащего или функций всего государственного органа.

При переходе на новое место работы предусмотрен период «охлаждения» (cooling-off period). Государственным служащим рекомендовано открыто обсуждать карьерные изменения и сопутствующие им риски.

Частью идеологии государственных служащих также является аккуратная работа с информацией, что подразумевает не только сохранение конфиденциальности сведений, ставших известными в ходе службы, но и выражение мнений. Государственные служащие должны воздерживаться от публичного выражения своих мыслей или чувств, а также от реализации права собираться и участвовать в протестах, если такие действия негативно повлияют на выполнение служебной функции или деятельность государственных структур. Также им необходимо помнить, что как действующие государственные служащие они говорят не только за себя, но и представляют министра, под чьим руководством работают.

Нарушение этого правила может повлечь серьезные последствия. Например, в 2014 г. государственный служащий департамента по вопросам терроризма Министерства безопасности и юстиции сделала в своем Твиттере публикацию о том, что террористическая организация «Исламское государство» (ISIS, организация запрещена в РФ) – это выдумка и план Израиля. Это было расценено министром как нарушение служебных обязанностей и привело к освобождению лица от должности [9].

Государственные органы оперируют таким понятием, как «нежелательное поведение» под которым подразумеваются агрессия, дискриминация, жестокость, харассмент, сплетничество, буллинг и распространение слухов [10].

Отдельно в Нидерландах разработан Кодекс поведения государственных служащих в цифровой рабочей среде, в котором базовым принципом является личная ответственность государственного служащего за свое поведение и действия в интернете как на службе, так и дома. К примеру, не допускается посещение сайтов, загрузка или отправка информации с порнографическим, расистским, дискриминационным, экстремистским, террористическим, оскорбительным, сексуальным или иным запугивающим, оскорбительным или угрожающим содержанием. Запрещено пользоваться браузером Tor, обходящим блокировки [11].

Одна из этических коллизий связана с реализацией принципа «speak truth to power»: государственных служащих критикуют за представление рациональных аргументов (как правило, обосновывающих невозможность и ограничения реализации тех или иных предлагаемых мер) без учета политических тонкостей, в результате

чего возникает риск игнорирования политиками представленных советов, что в свою очередь, ведет к тому, что государственные служащие воздерживаются от выражения собственного мнения. Следует отметить, что министры и государственные секретари официально не имеют политических советников и полностью полагаются на государственных служащих [12].

Бывшим министрам и государственным секретарям в течение двух лет после оставления должности запрещено вступать в контакты с сотрудниками своего министерства в целях лоббирования интересов компании, полупубличной или иной организации, имеющей интересы в соответствующей сфере. Запрет включает личные встречи, звонки, обмен электронными письмами, другие способы электронного общения [13].

Нидерланды отличаются низкими показателями коррупции (в рейтинге восприятия коррупции Transparency International в 2020 г. занимает восьмую позицию из ста восьмидесяти [14]). Взятничество запрещено Уголовным кодексом, в случае совершения такого преступления обе стороны несут ответственность в виде штрафа до 87 000 евро и/или лишения свободы до шести лет. Для отдельных государственных служащих (например, для государственных секретарей, мэров) максимальный срок лишения свободы составляет до 8 лет. К таким лицам также может быть применен запрет на занятие определенных должностей [15].

Поводя итог, можно сделать следующие схожие выводы с теми, что были даны нами в исследовании идеологии чиновничества во всем Европейском Союзе (что логично, т.к. Нидерланды – часть ЕС). Скрытые и явные идеологические послы служения чиновников обществу касаются самых разных аспектов: от формального кодекса поведения до борьбы с коррупцией. Довольно необычно то, что нидерландский чиновник имеет право на занятие бизнесом. При этом в стране уровень низкий уровень коррупции. Это как раз объяснимо «идеологически». Идеология государственного служения, ценности работы на общее благо в сознании чиновника настолько сильны, что он спокойно может совмещать свое частное дело (бизнес) с государственным управлением, не нанося ему ущерба.

Литература

1. Ambtenarenwet 2017 (Civil Service Act 2017) // Overheid.nl. URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0001947/2020-01-01> (дата обращения: 11.01.2022).
2. The Dutch public service // Ministry of the Interior and Kingdom Relations. 2016. URL: <https://www.government.nl/documents/reports/2016/01/19/the-dutch-public-service> (дата обращения: 11.01.2022).
3. New Legal Position for Civil Servants // Government of the Netherlands. URL: <https://www.government.nl/topics/public-administration/new-legal-position-for-civil-servants> (дата обращения: 11.01.2022).
4. Letter to the House of Representatives on the Civil Service Reform Agenda // Minister for Housing and the Central Government Sector. 2013. P. 5. URL: <https://www.government.nl/topics/public-administration/documents/parliamentary-documents/2013/05/22/letter-to-the-house-of-representatives-on-the-civil-service-reform-agenda> (дата обращения: 11.01.2022).
5. Working for the public good – Strategic government human resources policy 2025 // Government of the Netherlands. 30.09.2018. P. 14. URL: <https://www.government.nl/topics/public-administration/documents/policy-notes/2018/09/30/working-for-the-public-good>

-strategic-government-human-resources-policy-2025 (дата обращения: 11.01.2022).

6. Code of Conduct for Integrity in the Central Public Administration 31.12.2019 // Ministry of the Interior and Kingdom Relations. URL: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/stcrt-2019-71141.html> (дата обращения: 11.01.2022).
7. Algemeen Rijksambtenarenreglement (General Government Officials Regulations) 2016 // Overheid.nl. URL: https://wetten.overheid.nl/BWBR0001950/2016-07-01/#HoofdstukVIIa_Artikel164 (дата обращения: 11.01.2022).
8. Aanvaarden van geschenken door rijksambtenaren. Circulaire aan de ministers (Acceptance of Gifts by Government Officials. Circular to the ministers) // Government Gazette of the Kingdom of the Netherlands, 1999. URL: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/stcrt-1999-154-p5-SC20085.html> (дата обращения: 11.01.2022).
9. The Dutch public service // Ministry of the Interior and Kingdom Relations. 2016. P. 43.
10. Ongewenste omgangsvormen (Undesirable behavior) // P-Direkt. URL: <https://www.p-direkt.nl/informatie-rijkspersoneel-2020/rechten-en-regels/integriteit/integriteitsbeleid/ongewenste-omgangsvormen> (дата обращения: 11.01.2022).
11. Gedragsregeling voor de digitale werkomgeving (Code of conduct for the digital work environment) // P-Direkt, 2016. URL: <https://www.p-direkt.nl/informatie-rijkspersoneel-2020/documenten/publicatie/2016/06/23/gedragsregeling-voor-de-digitale-werkomgeving> (дата обращения: 11.01.2022).
12. The Dutch public service // Ministry of the Interior and Kingdom Relations. 2016. P. 62–63.
13. Handboek voor bewindspersonen (Handbook for ministers) // Ministry of General Affairs. 03.05.2019. P. 24. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/richtlijnen/2017/10/03/handboek-voor-bewindspersonen> (дата обращения: 11.01.2022).
14. Netherlands. Country data // Transparency International. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nld> (дата обращения: 11.01.2022).
15. Bribery and Corruption 2021. Netherlands // Global Legal Insights. URL: <https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/bribery-and-corruption-laws-and-regulations/netherlands> (дата обращения: 11.01.2022).

IDEOLOGY OF PUBLIC SERVICE IN THE NETHERLANDS

Vafin A.M.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The paper analyzes the normative documents of Netherlands concerning the phenomenon of public service. This analysis is built not as a strict legal interpretation, but as a qualitative political analysis. The legal in this work is only a descriptive form, while the political content concerns the question of values, first of all, the value of serving the common good. The author explores various ethical aspects of public service in the Netherlands. In particular, the question is raised about how an official can combine public service and business, without prejudice to the common good?

Keywords: public service, bureaucracy, ideology, policy, politics, common good, corruption, political and legal approach.

References

1. Ambtenarenwet 2017 (Civil Service Act 2017) // Overheid.nl. URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0001947/2020-01-01> (accessed: 11.01.2022).
2. The Dutch public service // Ministry of the Interior and Kingdom Relations. 2016. URL: <https://www.government.nl/docu>

- ments/reports/2016/01/19/the-dutch-public-service (accessed: 11.01.2022).
3. New Legal Position for Civil Servants // Government of the Netherlands. URL: <https://www.government.nl/topics/public-administration/new-legal-position-for-civil-servants> (accessed: 01.11.2022).
 4. Letter to the House of Representatives on the Civil Service Reform Agenda // Minister for Housing and the Central Government Sector. 2013. P. 5. URL: <https://www.government.nl/topics/public-administration/documents/parliamentary-documents/2013/05/22/letter-to-the-house-of-representatives-on-the-civil-service-reform-agenda> (accessed: 01.11.2022).
 5. Working for the public good – Strategic government human resources policy 2025 // Government of the Netherlands. 09/30/2018. P. 14 URL: <https://www.government.nl/topics/public-administration/documents/policy-notes/2018/09/30/working-for-the-public-good—strategic-government-human-resources-policy-2025> (accessed: 01.11.2022).
 6. Code of Conduct for Integrity in the Central Public Administration 12/31/2019 // Ministry of the Interior and Kingdom Relations. URL: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/stcrt-2019-71141.html> (accessed: 11.01.2022).
 7. Algemeen Rijksambtenarenreglement (General Government Officials Regulations) 2016 // Overheid.nl. URL: https://wetten.overheid.nl/BWBR0001950/2016-07-01/#HoofdstukVIIa_Artikel64 (accessed: 11.01.2022).
 8. Aanvaarden van geschenken door rijksambtenaren. Circulaire aan de ministers (Acceptance of Gifts by Government Officials. Circular to the ministers) // Government Gazette of the Kingdom of the Netherlands, 1999. URL: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/stcrt-1999-154-p5-SC20085.html> (date of access: 01.11.2022).
 9. The Dutch public service // Ministry of the Interior and Kingdom Relations. 2016. P. 43.
 10. Ongewenste omgangsvormen (Undesirable behavior) // P-Direkt. URL: <https://www.p-direkt.nl/informatie-rijkspersoneel-2020/rechten-en-regels/integriteit/integriteitsbeleid/ongewenste-omgangsvormen> (accessed: 11.01.2022).
 11. Gedragsregeling voor de digitale werkomgeving (Code of conduct for the digital work environment) // P-Direkt, 2016. URL: <https://www.p-direkt.nl/informatie-rijkspersoneel-2020/documenten/publicatie/2016/06/23/gedragsregeling-voor-de-digitale-werkomgeving> (accessed: 11.01.2022).
 12. The Dutch public service // Ministry of the Interior and Kingdom Relations. 2016. P. 62–63.
 13. Handboek voor bewindspersonen (Handbook for ministers) // Ministry of General Affairs. 05/03/2019. P. 24. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/richtlijnen/2017/10/03/handboek-voor-bewindspersonen> (accessed: 11.01.2022).
 14. Netherlands. Country data // Transparency International. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nld> (accessed: 11.01.2022).
 15. Bribery and Corruption 2021. Netherlands // Global Legal Insights. URL: <https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/bribery-and-corruption-laws-and-regulations/netherlands> (accessed: 01.11.2022).

Концептуальные подходы к выявлению и оценке ценностных установок семейной молодежи: по материалам российских и международных исследований

Данкова Валерия Владимировна,

аспирант кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: vd.duma@ya.ru

Автор рассматривает основные подходы к исследованию молодой семьи, изучению ценностных ориентиров и жизненных стратегий современной молодежи. Проводится расширенный литературный обзор научных публикаций зарубежных и отечественных авторов. Исследования в статье разделены на три тематических блока: в первую очередь рассматриваются научные труды, предметом которых является изучение трансформаций в восприятии современным обществом института семьи, далее приводятся достижения в сфере изучения государственной демографической и семейной политики, рассматриваются научные труды по анализу федеральных и региональных практик. Заключительная часть обзора включает в себя исследования в сфере молодежной семейной политики, где особое внимание отводится авторам, изучающим ценностные установки молодого поколения. Цель настоящей статьи – теоретический и методологический вклад в изучение вопроса семейных ориентиров современной молодежи посредством обобщения текущих знаний, трудов и достижений в этой области.

Ключевые слова молодежь, молодежные ориентиры, семейная политика, семья, брак, институт молодой семьи.

Среди научного сообщества во все времена наблюдался стойкий интерес к изучению ценностных ориентаций человечества. Молодежь представляет собой наиболее чувствительное и восприимчивое сообщество, их установки играют значимую роль в регулировании взглядов и поведения населения. В условиях быстро меняющегося мира наиболее остро встает вопрос о необходимости изучения ценностных трансформаций: в процессе изменения трендов и государственных приоритетов одни ценности теряют свою значимость или исчезают, другие, напротив, выходят на первый план или, сохраняя свою значимость, меняют внутреннее содержание, появляются ряд принципиально новых ценностных ориентаций.

Устойчивые и традиционные ценности, такие как «семья», «работа» сегодня меняют свое смысловое наполнение, изменяется их восприятие и в молодежной среде. К примеру, такая ценностная установка как «интересная работа» в советское время включала в себя идею творческой самореализации на месте приложения труда, а в наши дни молодые люди чаще связывают это понятие с высоким заработком и наименьшими затратами.

Особый интерес в изучении жизненных ориентиров молодежи в условиях демографических и духовно-нравственных вызовов современного мира представляет восприятие института семьи и брака. В российском законодательстве понятие «молодая семья» появилось относительно недавно – при утверждении Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации» [1] в 2020 году. Согласно нормативно закреплённому понятию молодой семьей в России принято считать лиц, состоящих в официально заключенном браке, в том числе воспитывающих ребенка или нескольких детей, либо лиц, являющихся единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей), в возрасте до 35 лет включительно.

Анализ и учет в государственной повестке ценностной парадигмы молодых людей и их ориентации на вступление в брак и рождение детей является важнейшим аспектом социально-экономического благополучия страны. Однако, к рассмотрению вопроса о семейных ориентирах следует подходить комплексно, ведь молодежь представляет собой значительную часть общества. Поэтому научные труды, которые по содержанию и объекту отражают данный вопрос, условно можно разделить на три группы.

В первой представлены исследования института семьи и его влияния в обществе, выявлены трансформации форм семьи, описана проблематика внутрисемейных отношений, распределения ролей.

В данном аспекте следует отметить достаточно значимый фундаментальный опыт в изучении семейных отношений и взаимодействий. Первые систематизированные труды были опубликованы зарубежными учеными еще XIX веке. Социологией семьи занимался французский методолог Ф. Ле Пле (Le Play, 1855) [2]. Он изучил особенности жизни семей различных социальных групп, проанализировал бюджеты и монографически описал

образ жизни каждой семьи, получив в результате первую типологию семей.

В Союзе ССР исследования семьи приобрели наибольшую популярность во второй половине XX века. За период с 1968 по 1983 в стране опубликовали более 3 тыс. трудов по данному направлению. Наибольшее количество работ касалось вопросов репродуктивного поведения, совмещения профессиональной и семейной роли работающей женщины, распределения обязанностей внутри семьи. Значительный вклад внесло Всесоюзное исследование репродуктивных установок на базе НИИ ЦСУ в 1969 году.

Особое внимание исследователи направили на изучение эмоциональных отношений супругов, внутренних конфликтов в семье, проблематики воспитания детей в неблагополучных семьях, сексуального и добрачного поведения. Изменениям традиционного института брака способствовало принятие РСФСР Семейного кодекса (1926) [13], разработанного сторонницей эмансипации женщин А.М. Коллонтай.

Сегодня зарубежные исследователи часто уделяют внимание изучению трансформации института семьи: помимо традиционной формы (семья с разнополыми родителями), предложил дополнить в классификацию такими позициями, как семьи «с однополыми родителями», «неполные», семьи «усыновителей – иностранцев» и провел сравнительную характеристику воспитания детей в семьях с разнополым и однополым союзом, представив преимущества и недостатки [3].

Вторую группу представляют работы, объектом исследования в которых выступает тема государственной демографической и семейной политики. В данном аспекте научные труды можно разделить на зарубежные и отечественные, а также выделить различные статистические и социологические исследования, мониторинг ситуации.

Научные работы Н.С. Григорьевой (2012) [8], Т.А. Гурко (2011) [10], А.В. Носковой, Е.И. Кузьминой (2019) [16] раскрывают общемировые тенденции: сдвиг возраста вступления в брак на более поздний период, отложенные рождения, увеличение количества разводов, появление новых типов семей: «чайлдфри», «однополые семьи», «пробное совместное проживание и другие). Демографическая динамика и анализ трансформации института семьи за последние 50 лет раскрыта в исследовании О.Л. Рыбаковского (2018) [17]. Воздействие государства на демографическую и семейную политику описывается в трудах В.П. Борисовенкова, О.В. Гукаленко (2014) [6].

Эффективные меры государственной поддержки и их влияние на рождаемость в России раскрываются в трудах В.Н. Архангельского (2017) [5], В.В. Елизарова, Е.В. Кочкиной (2014) [11] и других исследователей. Социальные практики поддержки семьи перечислены в сборнике под редакцией Е.И. Холостовой и Г.И. Климантовой (2018) [20].

Отдельной группой выступают региональные исследования и практики в области демографической и семейной политики, особый интерес вызывают работы по субъектам с наиболее высокой рождаемостью, к примеру: А.В. Седен рассматривает гендерные различия в представлениях тувинской молодежи о семье и браке (2012) [18], а А.А. Ануфриева рассматривает формирование и реализацию семейной политики в Иркутской области (2017) [4]. А.Р. Мухаметлинова, М.А. Полищук исследуют ценности городской молодежи в Республике Удмуртии (2022) [15]. Демографическая политика и опыт целого ряда субъектов описывается в исследовании А.А. Гнедаш (2015) [7].

К третьей группе можно отнести исследования в области молодежной семейной политики: изучению про-

блем молодых семей, ориентиров современной молодежи, изучения места семьи в системе ценностей молодого поколения. Следует отметить, что изучение непосредственно молодого поколения предпринималось и советскими деятелями науки, при этом непрерывная трансформация института семьи и технологический прорыв, повлекший за собой изменение привычных форм жизнедеятельности, предоставляет широкие возможности для описания ситуации сегодня. Современные представления о проблеме родительства, взгляды молодежи раскрываются в работах [16–20]

Наиболее полный обзор основных исследований семьи в зарубежной и отечественной литературе, включая характеристики семейных ориентиров и стратегии современной российской молодежи, представлен в докладе доктора политических наук, профессора кафедры политического анализа Н.С. Григорьевой, созданного при поддержке ПРООН-МОТ [8]. Также ориентиры современного поколения и проблемы брачного поведения, установки на рождение детей описываются в трудах [7–9].

Рассматривая вопросы изучения института молодой семьи и семейных ориентиров молодежи, следует отметить значительное снижение количества научных трудов в сравнении с темами, где предметом исследования является семейная, демографическая политика и институт семьи. Исследования семейных установок молодежи имеют место в экспертно-аналитических трудах научного сообщества, однако вопрос об изучении института молодой семьи, в том числе семьи студенческой, поднимается редко.

Вместе с тем, институт молодой семьи олицетворяет будущее общества. Молодость имеет стратегическое значение в обеспечении репродуктивной мобилизации страны, при этом посредством семьи передаются ценности – социальные, политические, культурные, нравственные, экономические. На семью ложится осуществление важных функций по обеспечению всестороннего развития личности, воспроизводству и воспитанию здорового и психически полноценного потомства. Но молодежное сообщество подвержено влиянию моды, различных трендов и течений, характеризуется высокой скоростью трансформации взглядов, проявлением противоречивых тенденций и требует осуществление непрерывного мониторинга состояния ценностных установок. Важно изучение института молодой семьи и для разработки актуальных социальных программ помощи молодым людям. Такие категории семей больше других нуждаются в помощи и поддержке общества.

Повышение эффективности мер, направленных на стабилизацию современной молодой семьи в России, и ориентация молодежи на семью напрямую зависят от вопросов, которые сегодня стоят на повестке у экспертного сообщества. Однако качество формирования семейной политики и реализации демографического потенциала страны возможно только с учетом мнения непосредственной той части общества, на которую эта политика распространяется – российской молодежи. Таким образом актуальность и значимость исследований института молодой семьи и семейных стратегий молодых россиян не вызывает сомнений.

Литература

1. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/400156192/>, дата обращения: 10.11.2022
2. F. Le Play, Les ouvriers européens, 1855.
3. Marc A. M., A Review of Methodological and Ethical Issues Surrounding the New Family Structures Study,

2014 [Электронный ресурс] URL: <https://ru.scribd.com/document/260747196/Musick-s-report#scribd+review>, дата обращения: 26.10.2022

4. Ануфриева А. А., Дифференцированный подход к формированию и реализации семейной политики в Иркутской области, *Baikal Research Journal*. 2017. Т 8, № 4
5. Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В., Коротаев А.В., Шульгин С.Г. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки // Социологические исследования. 2017. Вып. № 3. с. 43–50.
6. Борисовенков В.П., Гукаленко О.В. Институт семьи и семейная политика в современной России: проблемы, тенденции и перспективы / В.П. Борисовенков, О.В. Гукаленко [Электронный ресурс] // Интернет-журнал Науковедение. 2014. № 5. URL: <http://naukovedenie.ru>, дата обращения: 30.09.2022
7. Гендаш А.А., Гендерные различия в представлениях тувинской молодежи о семье и браке, *Женщина в российском обществе*, 2015. № 3/4 (76/77). с. 96–108
8. Григорьева Н.С. Семейные стратегии современной российской студенческой молодежи. Решение конфликта «Работа – семья», Субрегиональное бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии, Первое издание, 2009
9. Григорьева Н.С., Дюпра-Куштанина В.А., Чубарова Т.В., Яковлева И.В. Брачность и родительство в контексте эволюции современной семьи: обзор международных исследований // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 35. С. 1–22.
10. Гурко Т.А. Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. 2011. Вып. № 4. с. 26–45.
11. Елизаров В.В., Кочкина Е.В. Государственная семейная и демографическая политика в России: к разработке эффективных мер повышения рождаемости. М.: Вариант, АНО Совет по вопросам управления и развития, ИСЭПН РАН, 2014.
12. Зарубежный опыт социальной работы / Холостова Е.И., Дашкина А.Н., Малофеев И.В. М.: Дашков и К, 2017. 368 с.
13. Кодекс законов о браке, семье и опеке, принят РСФСР 19 ноября 1926 г.
14. Мацковский М.С., Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики // М.: Наука, 1989. 116 с.
15. Мухаметдинова А.Р., Полищук М.А., Место семьи в системе ценностей современной городской молодежи // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6., вып. 1. с. 42–52
16. Носкова А.В., Кузьмина Е.И. Семьи сквозь призму разнообразия (о IX Конгрессе Европейского общества семейных отношений) // Социологические исследования. 2019. Вып. № 3. с. 153–155.
17. Рыбаковский О.Л. Демографическая динамика России: основные понятия, показатели, итоги за 1946–2017 гг. // Народонаселение. 2018. Вып. № 4. с. 14–22.
18. Седен А. В., Гендерные различия в представлениях тувинской молодежи о семье и браке, Вестник Тувинского государственного университета // Социальные и гуманитарные науки, 2012, № 1 с. 54–57
19. Семейная политика современно России/ авт. Воронов А.Н. [Электронный ресурс] Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Меж-

дународные отношения науки, 2006. серия 6 выпуск № 4 /URL:// <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynaya-politika-sovremennoy-rossii/>, дата обращения: 30.09.2022

20. Энциклопедия социальных практик поддержки семьи и детства в Российской Федерации / под ред. Е.И. Холостовой, Г.И. Климантовой. – 4-е изд. М.: Дашков и К, 2018. 752 с.

CONCEPTUAL APPROACHES TO IDENTIFYING AND EVALUATING THE VALUES OF FAMILY YOUTH: BASED ON RUSSIAN AND INTERNATIONAL STUDIES

Dankova V.V.

Lomonosov Moscow State University

The author examines the main approaches to the study of a young family, the study of value orientations and life strategies of modern youth. An extended literary review of scientific publications of foreign and domestic authors is carried out. The research in the article is divided into three thematic blocks: first of all, scientific works are considered, the subject of which is the study of transformations in the perception of the family institution by modern society, then achievements in the field of studying state demographic and family policy are presented, scientific works on the analysis of federal and regional practices are considered. The final part of the review includes research in the field of youth family policy, where special attention is paid to the authors studying the values of the younger generation. The purpose of this article is a theoretical and methodological contribution to the study of the issue of family orientations of modern youth by summarizing current knowledge, works and achievements in this field.

Keywords youth, youth guidelines, family policy, family, marriage, young family institute.

References

1. Federal Law No. 489-FZ of 30.12.2020 “On Youth policy in the Russian Federation” [Electronic resource] URL: <https://base.garant.ru/400156192/>, date of request: 10.11.2022
2. F. Le Play, *Les ouvriers européens*, 1855.
3. Marc A. M., *A Review of Methodological and Ethical Issues Surrounding the New Family Structures Study*, 2014 [Electronic resource] URL: <https://ru.scribd.com/document/260747196/Musick-s-report#scribd+review>, accessed: 10/26/2022
4. Anufrieva A. A., Differentiated approach to the formation and implementation of family policy in the Irkutsk region, *Baikal Research Journal*. 2017. Т 8, No. 4
5. Arkhangelsky V.N., Zinkina Yu.V., Korotaev A.V., Shulgin S.G. Modern trends in fertility in Russia and the impact of state support measures // *Sociological research*. 2017. Issue No. 3. pp. 43–50.
6. Borisovenkov V.P., Gukalenko O.V. Institute of family and family policy in modern Russia: problems, trends and prospects / V.P. Borisovenkov, O.V. Gukalenko [Electronic resource] // *Online journal of Science Studies*. 2014. No.5. URL: <http://naukovedenie.ru>, accessed: 30.09.2022
7. Gendash A.A., Gender differences in the ideas of Tuvan youth about family and marriage, *A woman in Russian society*, 2015. No.3/4 (76/77). pp. 96–108
8. Grigorieva N.S. Family strategies of modern Russian student youth. *Work–Family Conflict Resolution*, ILO Sub-Regional Office for Eastern Europe and Central Asia, First Edition, 2009
9. Grigorieva N.S., Dupra-Kushtanina V.A., Chubarova T.V., Yakovleva I.V. Marriage and parenthood in the context of the evolution of the modern family: a review of international studies // *Public administration. Electronic bulletin*. 2012. No. 35. pp. 1–22.
10. Gurko T.A. Institute of family in post-industrial societies // *Values and meanings*. 2011. Issue No. 4. pp. 26–45.
11. Elizarov V.V., Kochkina E.V. State family and demographic policy in Russia: towards the development of effective measures to increase fertility. М.: Variant, ANO Council on Management and Development, ISEPN RAS, 2014.
12. Foreign experience of social work / Kholostova E.I., Dashkina A.N., Malofeev I.V. М.: Dashkov and K, 2017. 368 p.

13. The Code of Laws on Marriage, Family and Guardianship, adopted by the RSFSR on November 19, 1926.
14. Matskovsky M.S., Sociology of the family: problems of theory, methodology and methodology// Moscow: Nauka, 1989. 116 p.
15. Mukhametdinova A.R., Polishchuk M.A., The place of the family in the value system of modern urban youth // Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relations. 2022. Vol.6., issue 1. pp. 42–52
16. Noskova A.V., Kuzmina E.I. Families through the prism of diversity (about the IX Congress of the European Society of Family Relations) // Sociological research. 2019. Issue No. 3. pp. 153–155.
17. Rybakovsky O.L. Demographic dynamics of Russia: basic concepts, indicators, results for 1946–2017. // Population. 2018. Issue No. 4. pp. 14–22.
18. Seden A.V., Gender differences in the ideas of Tuva youth about family and marriage, Bulletin of Tuva State University // Social and Humanitarian Sciences, 2012, No. 1, pp. 54–57
19. Family policy in modern Russia/ author. Voronov A.N. [Electronic resource] Bulletin of St. Petersburg University. Political science. International Relations of Science, 2006. Series 6 issue No. 4 /URL:// <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynaya-politika-sovremennoy-rossii/>, accessed: 30.09.2022
20. Encyclopedia of social practices of family and childhood support in the Russian Federation / edited by E.I. Kholostova, G.I. Klimantova. – 4th ed. M.: Dashkov and K, 2018. 752 p.

Кучинов Артемий Михайлович,

доцент кафедры гуманитарных и социальных наук ВАВТ
Минэкономразвития России
E-mail: arkuchinov@yandex.ru

В статье исследуется проблема возникновения института из неинституциональных практик на языке агентно-структурных теорий структуризации Э. Гидденса и морфогенеза М.С. Арчер. Сформулированы две модели: «проторённой тропинки» и «опричины».

Ключевые слова: институт, морфогенез, норма, причина, правило, практика, структурация.

Критерии дифференциации института и практики недостаточно разработаны, кроме того, это – некий континуум явлений, а не дискретно различимые сущности. Ни один институт не формируется мгновенно, но формируется постепенно из неинституциональных практик. В данной работе предпринята попытка создать один из многих вариантов дифференциации континуума практик и институтов в виде двух моделей.

Под **институтом** понимается *систематически воспроизводимая (не просто декларированная) акторами правило (норма и (или) интерпретативная схема – по Э. Гидденсу), предполагающее ожидаемые нормативно-ролевые действия акторов в его рамках*. [2, с. 35–40]. **Практика**, в отличие от института – не систематическая, а ситуативная, поэтому в рамках практик невозможно предсказать поведение актора с настолько высокой достоверностью, как при работающих институтах.

С использованием языка описаний структурно-агентного подхода теории структуризации Э. Гидденса [1] и теории морфогенеза М.С. Арчер [3] сформулированы две модели возникновения института: «проторённой тропинки» и «опричины».

Э. Гидденс и М.С. Арчер относятся соответственно к неофункционалистскому и постструктуралистскому этапам развития социальной теории, являются представителями структурно-агентного подхода. Этот подход позволяет моделировать социальность как взаимодействие структур (правила (нормы и интерпретативные схемы) и ресурсы) и агентности (свойства менять или воспроизводить структуру, в т.ч. посредством бездействия). Начало такому пониманию структуры дано в 1984 г. Э. Гидденсом в книге «Устройство общества».

Теория морфогенеза М.С. Арчер, с одной стороны – идёт в продолжение теории структуризации Э. Гидденса, с другой – рассматривает иные аспекты социальности в иных проекциях. Если теория структуризации более подходит для исследования статики, то теория морфогенеза – динамики. М.С. Арчер воспринимает вслед за Д. Локвудом [4] социальность как два уровня: социальный (взаимодействие людей) и социетальный (взаимодействие институтов). Социетальному уровню свойственны те или иные «ситуационные логики», которые оказывают воздействие на акторов на социальном уровне (это первая стадия морфогенеза – «структурное обусловливание»), в зависимости от этого воздействия происходят те или иные взаимодействия акторов между собой и с социальной системой (это вторая стадия – «социальное взаимодействие»). В итоге на третьей стадии «выработка структуры» создаётся новая структура. То есть если у Э. Гидденса структура дуальная, то у М.С. Арчер принципиальная позиция в том, что та структура, которая служит ориентиром для акторов и та, которую они вырабатывают, может и не совпадать – так при любых структурных изменениях.

Модель 1 «проторённой тропинки»

Актуальные события иногда приводят исследователей к научным рассуждениям, так и случилось в 2022 г. после острых событий международных отношений и мировой политики. Украина, которая мыслилась поколениям людей

дружелюбным соседним «братским» государством, оказалась уязвлённой насильственными практиками в запрещённых в России организациях, доведёнными до официального уровня. В рамках данной работы рассматривается только институциональная социолого-политологическая, но не историческая сторона проблемы.

На примере происхождения ныне существующих институтов неприязни некоторых граждан Украины к России можно наблюдать следующие этапы формирования института из практики. **Первым этапом** можно предположить замечаемые ещё в советское время и наблюдаемые автором данного исследования в 1999–2003 гг. практики неприязни некоторых людей к России и русской культуре, которые выражались в отказах от приветствий, указания дороги и разговоров на улице с русскоговорящими людьми. Тогда появились лишь интерпретативные схемы, описывающие значения объекта неприязни для некоторых людей (вроде «москаля» – «нехорошие»). При этом этот этап тоже неоднороден и должен составлять континуум состояний, поскольку интерпретативная схема в виде просто ненависти и целая сложная обоснованная аргументированная «теория» ненависти – это не одно и то же. На первом этапе ненависть ещё не переходила в действия за пределами мысленных. **Вторым этапом** можно считать возникновение сюжетов, когда ввиду неприязни люди могли на повседневном межличностном уровне менять отношение друг к другу, например, не садиться в столовой за один стол или отказываться от совместных игр, экскурсий, прогулок. Здесь уже появились неписанные нормы, актуальные для каких-то общностей (например, некоторых или многих семей), но не всего общества, т.е. пока на социальном, а не социетальном уровне. Эти нормы на **третьем этапе** закреплялись на социетальном уровне, сначала в неписанных правилах. Фактически это уже – институт. Например, институциональные ограничения русского языка и «пророссийских» интерпретаций истории сначала никак не могли быть отражены в законодательных актах, но уже регулярно воспроизводились на социетальном уровне, поскольку охватывали общегосударственный масштаб (например, составление программ, учебников и стратегий преподавания истории – инициативами некоторых педагогов). И лишь на **четвёртом этапе** эти нормы оказывались законодательно закреплёнными. Наличие агрессивных и ксенофобических идей в содержании тех практик и институтов, их проведение в жизнь силами оружия, в т.ч. запрещёнными в России организациями, делают своё трагичное дело.

Таким образом, обобщить (табл. 1) процесс формирования института из практики по этой модели можно, обозначив 4 вышеприведённых этапа как 1 – интерпретативную схему без норм вне социетального уровня, 2 – как интерпретативную схему + неписаную социальную норму вне социетального уровня, 3 – как институт на базе неформальных правил, 4 – как институт на базе формальных правил. Этапы 1 и 2 – практики, 3 и 4 – институты. Далеко не только процессы на Украине можно изучать через эту схему, должно быть, эта модель лишь удачно иллюстрируется конкретным примером.

Вне описанного примера оказываются случаи, когда та или иная интерпретативная схема воспроизводится на социетальном уровне, но, как и на этапе 1, не ведёт за собой возникновения норм (обозначим это вариантом 1а). Например, интерпретативная схема «Иконы Андрея Рублёва – ценное культурное наследие» влечёт за собой институт, в рамках которого можно предполагать действия людей, следующих этой интерпретативной схеме. Например, будет ожидать, что они понимают что-то в искусстве и не будут топить иконами и картинами печи.

Или при социетальной интерпретативной схеме акторы могут пользоваться социальными нормами, не воспроизводимыми на социетальном уровне (обозначим как вариант 2а). Например, сегодня при универсальной интерпретативной схеме «жить в мире лучше, чем воевать», люди руководствуются в её исполнение разными нормами. Если вариант 1а – это институт, поскольку акторы могут предполагать поведение друг друга в условиях сходного понимания той или иной проблемы, просто плоскость норм не актуализируется; то вариант 2а – это поведение акторов по рассогласованным «алгоритмам» (нормам) пусть даже при одинаковом понимании проблемы (при использовании универсальных интерпретативных схем). Таким образом удаётся сформулировать ещё одну трактовку института – как соответствия интерпретативных схем и норм на социальном или социетальном уровнях.

Таблица 1. Возникновение института из практики по модели «проторённой тропинки»

Этап или вариант	Интерпретативная схема	Норма
1	Социальная	Не актуально
1а	Социетальная	Не актуально
2	Социальная	Социальная
2а	Социетальная	Социальная
3 и 4	Социетальная	Социетальная

Если рассмотреть эту модель в проекции теории морфогенеза М.С. Арчер, то при условии наличия структурных изменений каждый из вышеприведённых этапов или вариантов соответствует тем или иным стадиям морфогенеза. Этапы 1 и 2 соответствуют тому, что происходит на стадии «социального взаимодействия», этапы 1а, 3 и 4 соответствуют тому, что она называла «выработкой структуры» в случае, если это – результат структурного изменения.

Модель 2 «опричнины»

Имеет начало своих акцентов не с интерпретативных схем, а наоборот, с норм. Этимологически «опричнина» понимается как некое исключение из общего контекста, от слова «прочь». Слово «опричнина» оказывается нарицательным при описании разного рода автономий или чего-нибудь «с особым статусом», когда для какого-либо региона, экономического феномена, предприятия или учреждения, создаются утверждённые на социетальном уровне отличные («опричные») правила. Например, НИУ ВШЭ как успешный вуз, Республика Татарстан как передовик экономической политики и т.п.

Ранее нами была предложена последовательность формирования «опричного» института. Первый этап возникновения института по такой модели – создание сильной институциональной автономии от уже существующей институциональной среды, второй – наличие и воспроизводство акторов для воспроизводства нового института, третий – обеспечение ресурсами, четвёртый – обеспечение экономической эффективности (effectiveness). [2, с. 111–113] Если переложить это в плоскость агентно-структурного подхода, то на **первом** этапе должна сформироваться социетальная норма для «опричного» института, на **втором** в него отбираются акторы (т.е. имеет место своего рода кадровая конкуренция), на **третьем** – ресурсы, на **четвёртом** «опричный» институт переживает конкуренцию с иными ин-

ститутами, а в ходе неё **далее на пятом этапе**, должно быть – постепенно полностью или частично замещает старую институциональную среду. На каждом этапе новой норме на социетальном уровне должна следовать новая интерпретативная схема. Если она бытует на социетальном уровне – мы имеем дело с институтом, если на социальном – с практикой. В ходе формирования нового «опричного» института, проходя каждый этап, он может быть то практикой, то институтом.

В проекции теории морфогенеза М.С. Арчер первый этап выглядит как стадия «структурного обусловливания», остальные кроме пятого – «социального взаимодействия», пятый – «выработка структуры».

Если выходить выше на смысловой уровень, можно сказать, что две сформированные модели имеют разные акценты, но описывают в чём-то разные аспекты сходных процессов. Если в модели «опричнины» видно структурное обусловливание, а в модели «проторённой тропики» оно не отмечено, это не значит, что его там нет. Просто в разных ситуациях сложно заметить *формальные процессы* влияния структуры на людей или наоборот – в силу того, что наблюдатель и исследователь обычно увлекаются более *содержанием* института или практики. Вопрос что первично – влияние структуры на акторов или преобразующей деятельности акторов на структуру (дискуссия structure-agency) задавать не стоит, поскольку уже общеизвестно, что этот вопрос подобен вопросу первичности курицы и яйца. Большинство изучаемых институциональной политической наукой проблематик, так или иначе, связаны со статикой или изменением, формированием новых институтов. В том числе созданные модели весьма подходят для рассмотрения изменения в институтах, связанных с гражданскими качествами, ответственностью, эмпауэрментом, политическим участием и действиями, политической вовлеченностью.

Литература

1. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации – 2-е изд. / пер. Тюрина И. – М.: Академический проект, 2005. – 528 с.
2. Кучинов А.М. Структуры и акторы формирования российского политического пространства: институциональные аспекты [Диссертация ... кандидата политических наук]. – М., 2021. – 210 с.
3. Archer M.S. Realist social theory: the morphogenetic approach. – Cambridge: Cambridge university press, 1995. VII+354 pp.
4. Lockwood D. Social integration and system integration // Social change: Explorations, diagnoses, and conjectures / Ed. by G.K. Zolichan, W. Hirsch, with an introduction by Don Martindale. – New York: John Wiley and sons, 1976. – P. 370–383.

FROM PRACTICES TO INSTITUTES

Kuchinov A.M.

Ministry of Economic Development of Russia

The problem of formation of an institute from non-institutional practices is discussed in the language of structure-agency theories of structuration by A. Giddens and morphogenesis by M.S. Archer. Two models are formulated: “beaten path” and “oprichnina”.

Keywords: institute, morphogenesis, norm, oprichnina, practice, rule, structuration.

References

1. Giddens E. Arrangement of Society: Essay on the Theory of Structuration – 2nd ed. / per. Tyurina I. – M.: Akademicheskii proekt, 2005. – 528 p.
2. Kuchinov A.M. Structures and actors of the formation of the Russian political space: institutional aspects [Dissertation ... Candidate of Political Sciences]. – M., 2021. – 210 p.
3. Archer M.S. Realist social theory: the morphogenetic approach. – Cambridge: Cambridge university press, 1995. VII+354 pp.
4. Lockwood D. Social integration and system integration // Social change: Explorations, diagnoses, and conjectures / Ed. by G.K. Zolichan, W. Hirsch, with an introduction by Don Martindale. – New York: John Wiley and sons, 1976. – P. 370–383.

Правовое регулирование и механизмы предотвращения появления неграждан в Федеративной Республике Германия

Зяблова Ольга Александровна,

доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков, Дипломатическая академия МИД России
E-mail: oaziablova@mail.ru

В предлагаемой статье представлен краткий обзор причин возникновения апатризма в Германии, рассматриваются последствия, спровоцированные вынужденной миграцией, нестабильностью политических и социальных процессов в национальном государстве. Анализ норм международного и национального права, межрегиональных соглашений и конвенций по вопросам защиты прав человека, затрагивающих исключительно проблему безгражданства, закона о пребывании иностранцев на территории ФРГ, особенностей натурализации в ФРГ позволил автору выявить специфику и совокупность прав и обязанностей лиц без гражданства в ФРГ, практически приравненных к статусу иностранных граждан. Статистические данные международных и региональных организаций свидетельствуют о том, что Германские национальные системы учёта не в полной мере приспособлены для определения точного количества лиц без гражданства, пребывающих в ФРГ.

Ключевые слова: апатризм, безгражданство; апатрид; лицо без гражданства; миграция; беженцы; ФРГ, законодательство гражданство.

Проявление кризиса безгражданства (апатризма) на территории Германии началось в годы Первой мировой войны как препятствие процессу реэмиграции беженцев, лишенных гражданства; во время Второй мировой войны лицами без гражданства оказывались граждане, проживавшие в иностранном государстве нелегально, которые независимо от их волеизъявления с течением времени и изменением политической ситуации в стране утрачивали наличие у них гражданства страны происхождения и соответственно правовую защиту.

Изменение территориальных и политических границ отдельных государств в конце XX начале XXI вв. вследствие подписания Беловежского соглашения о создании Содружества Независимых Государств 8 декабря 1991 года, военные конфликты в арабском мире и, как следствие – увеличение миграционных потоков в азиатско-африканском регионе принесли тяжелые последствия как для общества в целом, так и для отдельных граждан, в виде утраты национального гражданства, целенаправленной дискриминации, нестабильности государственных устоев, напряженности обеспечения социального единства.

В существующем мировом сообществе проблема безгражданства затрагивает более 10 млн человек [1]. Увеличение числа лиц без гражданства, серьезные вызовы и проблемы, возникающие у людей в связи с отсутствием у них гражданства, поставили международное сообщество перед необходимостью определения правового статуса лиц без гражданства, закрепленного в международных нормативно-правовых актах. Статья 1 Конвенции 1954 г. о статусе апатридов [2] закрепляет определение лица без гражданства как лица, фактически утратившего свою национальную принадлежность, регламентирует правовой режим нахождения лиц без гражданства на территории государства-участника, личный статус лица без гражданства, включенного в целостность социальной общности и имущественных прав, приравненного к статусу иностранного гражданина.

Положениями Конвенции 1961 года о сокращении безгражданства [4] закрепляется принцип недопустимости лишения гражданства и принятия государственных органами государств-участников произвольных решений, направленных на прекращение устойчивой правовой связи гражданина с государством-участником на территории которого он пребывает. Упомянутые конвенции закладывают правовые основы для предотвращения случаев безгражданства и создают гарантии предоставления как минимум правового статуса лицам без гражданства, что юридически обосновывает их пребывание на территории государства.

Положения Конвенции 1954 года предусматривают возможность решения вопроса о признании лица апатридом, либо отказ признания лицом без гражданства в рамках внутренней политики и исключительно на основе законодательных норм отдельного государства-участника (безгражданство *de jure*). Признание лица

в качестве апатрида требует необходимости предъявления доказательной базы об отсутствии у лица правового статуса, свидетельствующего о наличии гражданской принадлежности. В контексте мероприятий, регулирующих регистрационный учёт граждан, действенными мерами по идентификации лиц без гражданства признаны специализированные процедуры по признанию статуса «без гражданства» и документированию лиц без гражданства соответствующими «удостоверениями», легализующими пребывание на территории иностранного государства и позволяющими действовать в соответствии с нормами национального законодательства [5]. В 2007 г. Венгрия применила специально разработанную процедуру, регулиющую признание статуса лица без гражданства в случае нахождения лица в особой ситуации (например, государственные власти проверяют и принимают бремя доказательств заявителя для установления фактов отсутствия у лица гражданской принадлежности [6].

На территории Германии правооснование нахождения лица без гражданства приравнено к иностранным гражданам, однако дипломатическую защиту со стороны дипломатической миссии, аккредитованной на территории Германии государства происхождения лица без гражданства, они, как иностранные граждане не имеют. Государство может осуществлять дипломатическую защиту в отношении лица без гражданства, лишь в том случае, если на дату причинения ему вреда и на дату официально предъявленного требования лицо без гражданства на законных основаниях находится на территории иностранного государства. Конвенция 2006 года о недопущении безгражданства в связи с правопреемством государств [7], ратифицированная Советом министров Совета Европы закрепляет правила по предупреждению случаев появления лиц без гражданства.

Зачастую поиск решения проблемы безгражданства со стороны национальных государств в глобальном понимании видится в разработке и принятии новых законов о гражданстве, для успешной реализации которых соответствующее лицо должно пребывать на территории иностранного государства на законных основаниях либо иметь правовой статус, признанный иностранным государством.

Правовое положение апатрида на территории Германии равно как и соответствующее удостоверение личности, предполагают, в частности, для бывших граждан СССР: легальное пребывание иностранца в Германии, отсутствие гражданства (*de iure*-апатрид, в качестве доказательства достаточно справки из посольства), безуспешная попытка восстановить либо принять гражданство России или постсоветских республик. В период выяснения вопросов принадлежности к гражданству власти Германии выдают иностранцу документ означающий нелегальное пребывание иностранца в Германии ввиду невозможности его депортации «*Duldung*» «отложенная депортация», а также в соответствии со статьями 39 и 15 Федерального закона об иностранцах временный документ, заменяющий удостоверение личности (*Ausweiser-satz*) или проездной документ (*Reisedokument*).

Бессрочный вид на жительство предоставляется апатридам согласно статье 35 Федерального закона об иностранцах после 8 лет владения документом, разрешающим пребывать в Германии (в гуманитарных целях или для соблюдения политических прав) (*Aufenthaltsbefugnis*), т.е. не сразу после признания лицом без гражданства. Этот документ, как правило, оформляется после двух лет владения *Duldung*'ом и безуспешных попыток германского ведомства по делам иностранцев депорти-

ровать апатрида в предоставленный ему на выявление факта принадлежности к гражданству двухлетний срок. В соответствии со статьями 55, 56 Федерального закона об иностранцах на *Duldung* иностранец может претендовать в том случае, если его депортация в какое-либо другое государство либо фактически, либо юридически невозможна.

Иностранец, проживающий в Германии с *Duldung*'ом, однозначно не имеет права на воссоединение семьи, так как закон об иностранцах не регламентирует этого права. Статья 6 Основного закона Германии [8], в рамках которой и осуществляется воссоединение семьи, не распространяет своё действие на иностранцев, нелегально пребывающих в Германии. 2. Что касается апатрида с *Aufenthaltsbefugnis*, то его супруга и дети могут претендовать на воссоединение с ним, если последние необходимо по гуманитарным причинам. Гуманитарные причины имеют место особенно тогда, когда иностранец, находящийся в Германии с *Aufenthaltsbefugnis*, не может вести семейные отношения в стране проживания супруги и детей. Т.е., если апатрид может беспрепятственно проживать со своей семьёй в России, то воссоединение с ним в Германии исключено. Право на воссоединение семьи исключено также, если до въезда в Германию апатрид и его проживающая за пределами Германии жена не находились в браке. Т.е. брак с апатридом, обладающим *Aufenthaltsbefugnis*, не обосновывает права на воссоединение с ним его жены-иностранки.

Многочисленные лица без гражданства, проживающие нелегально на территории Германии не имеют правового статуса и законных правооснований для их проживания.

Национальные системы учёта в ФРГ недостаточно технически адаптированы для выявления количества пребывающих лиц без гражданства в границах территории государства. Данные национальных систем учёта свидетельствуют об отсутствии в Германии унифицированного межземельного регламента по отнесению граждан, утративших национальную принадлежность, к категории лиц без гражданства. В зависимости от законодательства федеральной земли, на территории которой пребывает лицо, утратившее национальную принадлежность, оно может быть легализовано со статусом иностранного гражданина или имеющего правовой статус гражданина – резидента. В отдельных федеральных землях лица без гражданства отнесены к категории граждан страны происхождения в то время, когда их гражданская принадлежность не подтверждена. В силу политических соображений имеются случаи легализации лиц с правовым статусом без гражданства, однако эта информация не распространяется. Многие лица без гражданской принадлежности отнесены компетентными властями федеральных земель к категории беженцев или лиц, обратившихся с ходатайством о политическом убежище, даже в тех случаях, когда они получили отказ по их заявлениям или не обращались за предоставлением убежища вовсе. Пропорционально процессу увеличения случаев пересечения границ иностранных государств лицами утратившими свою гражданскую принадлежность или их нахождения в рамках границ территории иностранного государства, растёт количество лиц без гражданства, находящихся в местах заключения.

В настоящее время положение лиц без гражданства, проживающих на территории ФРГ отягощается негативными процессами, развивающимися на международно-политической арене: трансформация этнических и расовых представлений о национальной идентичности и культурном коде, социально-экономические проблемы, нота-

риальные вопросы – регистрация браков, рождение детей, гражданско-правовой статус женщин и детей.

Национальное законодательство Германии в сфере миграционной политики нацелено на сокращение присутствия лиц без гражданства на внутри страны. Однако неоправданно завышенная самооценка правящей элиты западных стран и Германии, их агрессивная политика по отношению к военной спецоперации России на Украине, приверженность и подчинённость идеологии НАТО, намеренное раскачивание противостояния и обострение межэтнических конфликтов – бросают вызов вынужденной миграции и увеличению числа лиц без гражданства, препятствуют достижению цели устранения причин безгражданства на законодательном уровне.

Государственные гарантии реализации права на гражданство, обеспечение полной и эффективной государственной защиты при применении различных процедур установления и выявления гражданской принадлежности лиц, утративших гражданство, или, не имеющих законных оснований на пребывание в рамках границах территории иностранного государства, исключают противоречивые действия со стороны государственных властей и гарантируют реализацию прав и свобод человека.

Литература

1. УВКБ ООН, «Кто не имеет гражданства и где» – URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/53ec9c474.pdf> (дата обращения 16.12.2022).
2. УВКБ ООН, Руководящие принципы по вопросам безгражданства № 1: Определение понятия «лицо без гражданства» в статье 1 Конвенции 1954 г. о статусе апатридов, – URL: <http://www.refworld.org/docid/4f4371b82.html>; УВКБ ООН, Руководящие принципы по вопросам безгражданства № 2: Процедуры определения статуса лица без гражданства, – URL: <http://www.refworld.org/docid/4f7dafb52.html>; (дата обращения 10.01.2023).
3. Конвенция 1954 г. о статусе апатридов 2010 г., – URL: <http://www.unhcr.org/4ca5941c9.pdf> (дата обращения 10.01.2023)
4. Конвенция 1961 г. о сокращении безгражданства 2014 г., – URL: <http://www.unhcr.org/4ca5937d9.pdf> (дата обращения 10.01.2023)
5. УВКБ ООН, Руководящие принципы по вопросам безгражданства № 2: Процедуры определения статуса лица без гражданства, – URL: <http://www.refworld.org/docid/4f7dafb52.html> (дата обращения 10.01.2023).
6. Безгражданство в Венгрии. Защита лиц без гражданства и предотвращение и сокращение безгражданства, Венгерский Хельсинкский комитет, 2010 г., – URL: <http://www.refworld.org/docid/4d6d26972.html> (дата обращения 17.12.2022)

7. Конвенция Совета Европы о недопущении безгражданства в связи с правопреемством государств ETS N200 (Страсбург, 19 мая 2006 г.) – URL: base.garant.ru (дата обращения 15.12.2022)
8. Основной закон Федеративной республики Германия – URL: Министерство Юстиции Германии <http://www.gesetze-im-internet.de>

LEGAL REGULATION AND MECHANISMS FOR PREVENTING THE APPEARANCE OF NON-CITIZENS IN THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY

Ziablova O.A.

The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The proposed article provides a brief overview of the causes of apatrimism in Germany, examines the consequences provoked by forced migration, instability of political and social processes in the nation-state. Analysis of international and regional human rights treaties, conventions – 1954 on the status of stateless persons, 1961 on the reduction of statelessness, affecting exclusively the problem of statelessness, the law on the stay of foreigners on the territory of Germany, the features of naturalization in Germany allowed the author to identify the features of determining the status of stateless persons in Germany, practically equated to the status of foreign citizens. Statistics from international and regional organizations indicate that the German national accounting systems are not fully adapted to determine the exact number of stateless persons staying in Germany.

Keywords: statelessness; stateless people; forced migration; displacement; refugees; Federal Republic of Germany; legislation citizenship.

References

1. UNHCR, “Who is stateless and where” – URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/53ec9c474.pdf> (accessed 12/16/2022).
2. UNHCR, Statelessness Guidelines No. 1: Definition of “Stateless Person” in Article 1 of the 1954 Convention Relating to the Status of Stateless Persons, URL: <http://www.refworld.org/docid/4f4371b82.html>; UNHCR, Statelessness Guidelines No. 2: Statelessness Determination Procedures, URL: <http://www.refworld.org/docid/4f7dafb52.html>; (accessed 10.01.2023).
3. 1954 Convention relating to the Status of Stateless Persons 2010, URL: <http://www.unhcr.org/4ca5941c9.pdf> (Accessed 10.01.2023)
4. 1961 Convention on the Reduction of Statelessness 2014, URL: <http://www.unhcr.org/4ca5937d9.pdf> (Accessed 10.01.2023)
5. UNHCR, Statelessness Guidelines No. 2: Statelessness Determination Procedures, URL: <http://www.refworld.org/docid/4f7dafb52.html> (Accessed 10/01/2023).
6. Statelessness in Hungary. Protection of Stateless Persons and Prevention and Reduction of Statelessness, Hungarian Helsinki Committee, 2010, URL: <http://www.refworld.org/docid/4d6d26972.html> (Accessed 12/17/2022)
7. Council of Europe Convention on the Prevention of Statelessness in Connection with the Succession of States ETS N200 (Strasbourg, May 19, 2006) – URL: base.garant.ru (accessed 12/15/2022)
8. Basic Law of the Federal Republic of Germany – URL: German Ministry of Justice <http://www.gesetze-im-internet.de>

Особенности корреляции темпоральности и социального времени в структуре субъективного времени индивида во включающем обществе: концептуально-семантический аспект

Попов Виталий Владимирович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
E-mail: vitl_2002@list.ru

Тимофеенко Вероника Андреевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры экономики и гуманитарно-правовых дисциплин Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
E-mail: nika61ru@mail.ru

Показывается, что использование концептуально-семантического аппарата современной философии позволяет интегрально представить особенности субъективного времени индивида с ограниченными возможностями в обществе инклюзии, основываясь на его базисных характеристиках, и, прежде всего, темпоральности в русле синтеза субъективного и социального времени. Демонстрируется, что в контексте использования темпоральной координации, субъективное время человека с ОВ (ограниченными возможностями) исследуется на основе его чувственного восприятия с позиции хронологически обозначенных в периодах социального времени процессов и событий. Анализируются ситуации, в которых в рамках периода социальной нестабильности человек с ОВ своеобразно отражает, воспринимает и осмысливает темпоральную координацию в процессе длительности собственной жизнедеятельности во включающем обществе. Показывается, что формирование профессионально-ориентированной группы индивидов с ОВ в контексте социального времени отличается некоторыми особенностями и наиболее весомыми из них представляются процессы проживания и переживания человеком необходимых этапов своего вхождения в повседневный мир включающего общества. Постулируется, что профессионально-ориентированная социализация человека с ОВ в специальной группе приоритетно детерминируется значимостью переживаемых событий в профессионально-коллективной жизнедеятельности с позиции ритма и интенсивности восприятия содержания субъективного времени. Выявляется, что субъективное время является уникальным и неоднородным, поскольку внутренний человеческий опыт имеет комплексы ментально-локальных ощущений и образов субъективного времени, индексируемым прошлым опытом, имевшимся до вхождения индивида в специальную группу людей с ограниченными возможностями.

Ключевые слова: включающее общество, темпоральность, социальное время, темпоральная координация, ограниченные возможности (ОВ).

Введение. Широкое обсуждение концептуальных и инструментальных аспектов развития инклюзивного социума значительно опережает конструирование адекватной методологической основы. Значимым и актуальным является формирование категориальной системы в контексте современных философских направлений, выступающих в качестве методологического основания для всестороннего и адекватного отражения и интерпретации различных моментов социального времени общества инклюзии. Применение концептуально-семантического аппарата современной философии позволяет интегрально представить особенности субъективного времени индивида с ограниченными возможностями в обществе инклюзии, основываясь на его базисных характеристиках, и, прежде всего, темпоральности в русле синтеза субъективного и социального времени. В подобном синтезе на приоритетную позицию выходит концепт темпоральной координации.

Основная часть. В контексте использования темпоральной координации, субъективное время человека с ОВ исследуется на основе его чувственного восприятия с позиции хронологически обозначенных в периодах социального времени процессов и событий. Соотнесение субъектов темпоральной координации позволяет вести дискурс, касающийся особенностей повседневной жизнедеятельности людей с ОВ, сохраняя упорядоченность, целостность и системность чувственного восприятия формирующейся структуры включающего социума. Представляя различные аспекты темпоральной координации индивидов с ОВ, отметим наличие ситуаций, в которых индивиды решают инструментально-прагматические и ценностно-целевые проблемы с выделением профессионально-ориентированного подхода. Возникают различные вопросы корреляции субъективного и социального времени у индивидов с ОВ и акценты исследования переносятся в сферу переживания человеком своего индивидуального времени.

Приоритетным направлением становится комплексное отражение переживаний индивидов с ОВ периода вхождения в специальную группу, причем темпоральная координация проявляется у индивидов с ограниченными возможностями в рамках социального времени весьма многообразно. Отметим, что правомерно утверждение относительно аккумуляции накопленного коллективного опыта в соотнесении с базисными задачами, стоящими перед человеком с ОВ во включающем социуме. С другой стороны, само субъективное время является уникальным и неоднородным, поскольку внутренний человеческий опыт имеет комплексы ментально-локальных ощущений и образов субъективного времени, индексируемым прошлым опытом, имевшимся до вхождения индивида в специальную группу людей с ограниченными возможностями.

В рамках периода социальной нестабильности человек с ОВ своеобразно отражает, воспринимает и осмысливает темпоральную координацию в процессе длительности собственной жизнедеятельности во включающем обществе. Заметим, что в современной фило-

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–00515, <https://rscf.ru/project/22–28–00515/> в Ростовском государственном экономическом университете в рамках научно-исследовательского проекта «Субъективное время индивидов с ограниченными возможностями во включающем обществе» (Руководитель: профессор В.В. Попов).

софской литературе малоисследованными являются особенности переживания коллективного социального времени в специальной социальной группе с выделением аспекта коллективно-профессионального времени с позиции его проживания индивидом с ОВ. Незначительные научные результаты в этом направлении демонстрируют, что проживание и переживание коллективно-профессионального времени касается восприятия, сохранения, оценки и переработки оперативной информации, что показывает персонифицированную синхронизацию системы профессионально-ориентированных знаний и коллективного опыта.

Отдельный интерес в рамках представления социального времени вызывает использование парных характеристик: напряженности и ненапряженности, негативности и позитивности, дискретности и континуальности, раскрывающих эмоциональное соотношение внутренних смыслов и установок субъективного времени с конструируемой темпоральной координацией. Данные характеристики обозначают различные уровни непосредственного воздействия на механизмы и характер различных проявлений интересубъективности во включающем обществе. Отметим, что приоритетно выражена такая характеристика темпоральной координации как «напряженность», а в минимальной степени – эмоционально-позитивное соотношение субъективных предпочтений и установок человека с периодом проживания и переживания темпоральной координации в социальном времени жизнедеятельности специальной социальной группы.

В практическом плане формирование профессионально-ориентированного коллективного времени группы людей с ОВ отличается диалектическим синтезом представленных характеристик, вариативностью их сочетания и реальным доминированием выбранной характеристики в определении коллективно-ориентированного опыта человека с ограниченными возможностями. Формирование профессионально-ориентированной группы индивидов с ОВ в контексте социального времени отличается некоторыми особенностями и наиболее весомыми из них представляются процессы проживания и переживания человеком необходимых этапов своего вхождения в повседневный мир включающего общества.

Профессионально-ориентированная социализация человека с ОВ в специальной группе приоритетно детерминируется значимостью переживаемых событий в профессионально-коллективной жизнедеятельности с позиции ритма и интенсивности восприятия содержания субъективного времени. Наблюдается альтернативность субъективных предпочтений и оценок механизма и особенностей профессионально-ориентированной синхронизации значимых событий, определяющих развитие социальной группы. Конечно, подобные оценки и предпочтения характеризуют многоплановость профессионально-значимых событий, однако, в известной мере, дискурс может проходить и относительно профессионально-неорганизованных событий, ассоциирующихся с принятием «неограниченности» времени профессионального становления личности.

Такое понимание связано с длительностью адаптации человека с ограниченными возможностями к условиям специальной социальной группы и отсутствием правильного представления, касающегося выбора оптимального варианта обратного перехода из специальной группы в сферу традиционной профессиональной деятельности в рамках современного социума. С другой стороны, присутствуют предпочтения и оценки, рассматривающие профессионально-значимые события с позиции их однообразности, однако как локально-

организованные и хронологически упорядоченные. Подобное представление определено стремлением индивидов с ограниченными возможностями освоить правила и стереотипы деятельности и поведения обычных людей традиционного социума. Нередко интерпретация и оценка профессионально-значимых событий приводит к их определению как «однообразных» с позиции корреляции профессионального образования во включающем обществе и традиционном. В таких ситуациях индивид реально не принимает подобный вариант конструирования в рамках социального времени специальной социальной группы, поскольку она, в принципе, накладывает ограничения на свободу коммуникационной деятельности в группе.

Теория социального действия в социальном времени нашла отражение и в оригинальных идеях П. Бурдьё относительно становления и функционирования включающего общества. Эти идеи касаются выделения группы инвалидов среди людей с ограниченными возможностями [1]. На приоритетные роли вышли концепты социального действия, габитуса и культурного капитала. Габитус понимается как особый привычный и естественный способ и комплекс правил социальной коммуникации и социального взаимодействия. Функционирующие в социуме символы культуры, обычаи и стереотипы, значимые для всех социальных групп и общностей обозначают социально-экономические параметры внутри поля социальной коммуникации и социального действия, что нередко используется в направлении темпоральных трансформаций социума. Отметим, что социальная конструкция определяет содержание понятий «нарушение» и «инвалидность». Подобная концепция постулирует, что индивиды имеют некоторые нарушения, если для них характерно физиологическое или поведенческое состояние, идентифицируемое в качестве болезни или психологического расстройства, а иногда квалифицируется как особенность или стереотип поведения, негативно принимаемый особой группой людей. С этой позиции, например, утверждение об инвалидности индивида предполагает, что он подвержен дискриминации, так как имеющиеся физиологические ограничения налагаются на социальные ограничения. Поэтому в контексте такой социальной конструкции понятия «нарушение» и «неспособность» имеют разнопорядковые смыслы. Например, «неспособность» выступает такой конструкцией, которая представлена в соотношении с сегментами духовной культуры включающего общества, позволяющими ставить людей с локальными нарушениями в ситуации, когда эти нарушения становятся основанием для определенной дискриминации индивида (особенно в сфере образования). С другой стороны, «нарушение» демонстрирует отрицательную оценку обществом физиологических или психических характеристик индивида с ограниченными возможностями. В этом случае индивид утрачивает возможность приобретать социально-значимые параметры, поскольку они непосредственно касаются конкуренции на рынке образовательных услуг и рынка труда.

Заключение. В специальной социальной группе люди с ограниченными возможностями, разновекторно упорядочивающие и хронологизирующие качественные параметры профессионально-значимых событий, различаются внутри темпоральной координации относительно сферы «прошлое-настоящее-будущее», наличных уровней их осмысления и понимания, а также интерпретацией профессионально-значимых событий в рамках собственной жизнедеятельности. Целостность и осмысленность коммуникаций в социальных группах вызывает эмоционально-ценностную связь между индивидами,

переживающими ее в качестве целостного образа повседневного мира включающего общества, отражающего их ценности и интересы, коррелирующие с индивидуальным опытом конкретных людей.

Литература

1. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
2. Вачков И.В. Полисубъектный подход к инклюзивному пространству // Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность. Москва: МГППУ, 2019. С. 16–20.
3. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИНФОРМАЦИЯ, АНАЛИЗ, ПРОГНОЗ // Липская Т.А., Алдашова Е.Н., Атласов И.В., Батракова Т.С., Воронина Л.В., Гринь А.И., Гущина О.М., Донских Т.П., Дроздова Н.В., Егоров Д.В., Ильченко И.А., Каменева И.Ю., Колобкова Н.Н., Кондратьева М.В., Копытина М.Ю., Липич В.В., Мифтахова Г.М., Никитина В.В., Паракхонский А.П., Попрядухина Е.А. и др. Под общей редакцией профессора О.И. Кирикова / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2009. Том 25. 244 с.
4. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИНФОРМАЦИЯ, АНАЛИЗ, ПРОГНОЗ // Кравчук П.Ф., Попов В.В., Лыгина Н.И., Копылов В.И., Кириков О.И., Коровин С.С., Рындак В.Г., Усенко Н.И., Лазарева В.А., Нохрина Н.Н., Семенченко И.В., Щеглов Б.С., Петрушенко С.А., Гриценко Н.В., Иванова Р.П., Корнажевская Л.А., Симонова Г.И., Склярков И.Ю., Соколова Е.Н., Ковелина Т.А. и др. Под общей редакцией профессора О.И. Кирикова / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2003. Том 1. 268 с.
5. Попов В.В. Логические и теоретические модельные аспекты исследования темпоральности в социально-философском дискурсе // Научная мысль Кавказа. 2006. № 1. С. 24.
6. Попов В.В., Щеглов Б.С., Усатова Ю.Н. Случайность в системе динамических категорий // Философия права. 2015. № 1 (68). С. 25–29
7. Попов В.В., Солодухин О.А. К логической проблеме изменений во времени // Философские науки. 1991. № 5. С. 174.
8. Попов В.В., Щеглов Б.С., Грановская М.В. Специфика концепта «интервал» в исследовании социальных процессов // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–4. С. 872–875.
9. Попов В.В., Лойтаренко М.В., Таранова В.А. Социальные противоречия и переходные периоды: философско-методологические аспекты // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 8–2. С. 42–46.
10. Попов В.В., Музыка О.А. Фактор темпоральности в контексте бытия социального субъекта // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3–2. С. 40–43.
11. Попов В.В., Музыка О.А. Специфика интервальной концепции времени: опыт концептуализации // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3–2. С. 36–39.
12. Попов В.В., Музыка О.А., Дзюба Л.М. Фактор и уровни темпоральности в контексте субъективной реальности человека // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 419–421.
13. Попов В.В., Музыка О.А., Максимова С.И. Альтернативистика в контексте социального развития // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 373–375.
14. Шеманов А.Ю. Инклюзия в контексте современных дискуссий: философские и культурологические проблемы / Психолого-педагогические основы инклюзивного образования: коллективная монография. М.: МГППУ, 2013. С. 25–38.
15. Greene, S. The Nature of Immobility in Russian Society // Pro et contra. 2015. № 2 (1). P. 6–19.
16. Hall, J.P. Narrowing the breach: Can disability culture and full educational inclusion be reconciled? / J.P. Hall // Journal of Disability Policy Studies. 2002. № 13 (3). P.144–152.

FEATURES OF CORRELATION OF TEMPORALITY AND SOCIAL TIME IN THE STRUCTURE OF SUBJECTIVE TIME OF AN INDIVIDUAL IN AN INCLUSIVE SOCIETY: A CONCEPTUAL-SEMANTIC ASPECT

Popov V.V., Timofeenko V.A.

Taganrog Institute A.P. Chekhov (branch) of the Rostov State University of Economics (RINH)

It is shown that the use of the conceptual and semantic apparatus of modern philosophy makes it possible to integrally present the features of the subjective time of an individual with disabilities in an inclusive society, based on its basic characteristics, and, above all, temporality in line with the synthesis of subjective and social time. It is shown that in the context of the use of temporal coordination, the subjective time of a person with physical disabilities (disability) is studied on the basis of his sensory perception from the position of processes and events chronologically indicated in periods of social time. Situations are analyzed in which, within the period of social instability, a person with disabilities reflects, perceives and comprehends temporal coordination in the process of the duration of his own life activity in an inclusive society in a peculiar way. It is shown that the formation of a professionally oriented group of individuals with disabilities in the context of social time is distinguished by some features, and the most significant of them are the processes of living and experiencing by a person the necessary stages of his entry into the everyday world of an inclusive society. It is postulated that the professionally oriented socialization of a person with disabilities in a special group is primarily determined by the significance of the events experienced in professional and collective life from the standpoint of the rhythm and intensity of perception of the content of subjective time. It is revealed that subjective time is unique and heterogeneous, since the inner human experience has complexes of mental-local sensations and images of subjective time, indexed by past experience that existed before the individual entered a special group of people with disabilities.

Keywords: including society, temporality, social time, temporal coordination, limited opportunities (OS).

References

1. Bourdieu P. Sociology of social space. SPb.: Aletheya, 2007. 288 p.
2. Vachkov I.V. Polysubject Approach to Inclusive Space// Inclusive Education: Continuity and Continuity. Moscow: MGPPU, 2019. P. 16–20.
3. SCIENTIFIC RESEARCH: INFORMATION, ANALYSIS, FORECAST // Lipskaya T.A., Aldashova E.N., Atlasov I.V., Batrakova T.S., Voronina L.V., Grin A.I., Gushchina O.M., Donskikh T.P., Drozdova N. .V., Egorov D.V., Ilchenko I.A., Kameneva I. Yu., Kolobkova N.N., Kondratieva M.V., Kopytina M. Yu., Lipich V.V., Miftakhova G.M. , Nikitina V.V., Parakhonsky A.P., Popryadukhina E.A. and others. Under the general editorship of Professor O.I. Kirikov / Voronezh State Pedagogical University. Voronezh, 2009. Volume 25. 244 p.
4. SCIENTIFIC RESEARCH: INFORMATION, ANALYSIS, FORECAST // Kravchuk P.F., Popov V.V., Lygina N.I., Kopylov V.I., Kirikov O.I., Korovin S.S., Ryndak V.G., Usenko N.I., Lazareva V. .A., Nokhrina N.N., Semenchenko I.V., Shcheglov B.S., Petrushenko S.A., Gritsenko N.V., Ivanova R.P., Kornazhevskaya L.A., Simonova G.I. , Sklyarov I. Yu., Sokolo-

- va E.N., Kovelina T.A. and others. Under the general editorship of Professor O.I. Kirikov / Voronezh State Pedagogical University. Voronezh, 2003. Volume 1. 268 p.
5. Popov V.V. Logical and theoretical model aspects of the study of temporality in socio-philosophical discourse // *Scientific Thought of the Caucasus*. 2006. No. 1. S. 24.
 6. Popov V.V., Shcheglov B.S., Usatova Yu.N. Randomness in the system of dynamic categories // *Philosophy of Law*. 2015. No. 1 (68). pp. 25–29
 7. Popov V.V., Solodukhin O.A. To the logical problem of changes in time // *Philosophical sciences*. 1991. No. 5. S. 174.
 8. Popov V.V., Shcheglov B.S., Granovskaya M.V. Specificity of the concept “interval” in the study of social processes // *Fundamental Research*. 2015. No. 2–4. pp. 872–875. 32
 9. Popov V.V., Loitarenko M.V., Taranova V.A. Social contradictions and transitional periods: philosophical and methodological aspects // *International Journal of Experimental Education*. 2014. No. 8–2. pp. 42–46.
 10. Popov V.V., Muzyka O.A. The factor of temporality in the context of being a social subject // *International Journal of Experimental Education*. 2015. No. 3–2. pp. 40–43.
 11. Popov V.V., Muzyka O.A. The specificity of the interval concept of time: the experience of conceptualization // *International Journal of Experimental Education*. 2015. No. 3–2. pp. 36–39.
 12. Popov V.V., Muzyka O.A., Dzyuba L.M. Factor and levels of temporality in the context of human subjective reality // *Eurasian Law Journal*. 2017. No. 4 (107). pp. 419–421.
 13. Popov V.V., Muzyka O.A., Maksimova S.I. Alternative studies in the context of social development // *Eurasian legal journal*. 2017. No. 4 (107). pp. 373–375.
 14. Shemanov A. Yu. Inclusion in the context of modern discussions: philosophical and cultural problems / *Psychological and pedagogical foundations of inclusive education: a collective monograph*. M.: MGPPU, 2013. S.25–38.
 15. Greene, S. The Nature of Immobility in Russian Society // *Pro et contra*. 2015. No. 2 (1). R. 6–19.
 16. Hall, J.P. Narrowing the breach: Can disability culture and full educational inclusion be reconciled? / J.P Hall // *Journal of Disability Policy Studies*. 2002. No. 13 (3). R.144–152.

Потенциал медийно-информационного образования в системе российской высшей школы

Иванова Татьяна Валерьевна,

к.п.н., доцент, доцент кафедры контрастивной лингвистики
Института иностранных языков Московского педагогического
государственного университета
E-mail: jane130@yandex.ru

Афанасьев Максим Юрьевич,

магистрант Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
E-mail: maxim-a15@yandex.ru

Статья посвящена исследованию потенциала медийно-информационного образования (МИО) в системе российских университетов и университетов стран Содружества независимых государств (СНГ). Потребность в этом новом виде образования сегодня ощущается всеми, однако, далеко не все руководители университетов, которые отвечают за учебный процесс, и преподаватели высшей школы понимают смысл, цели и содержание этого образования, а также каким образом оно может быть интегрировано в традиционную систему обучения. При этом в современных учебных планах университетов имеются некоторые элементы МИО, его составляющие можно обнаружить в системе дополнительного образования и во внеурочной деятельности. Для определения потенциала университетов России и стран СНГ в области реализации программ по повышению медийно-информационной грамотности студентов и запроса на системную работу в этом направлении экспертами Евразийской ассоциации педагогических университетов (ЕАПУ) и Ассоциации специалистов медиаобразования (АСМО) при поддержке кафедры ЮНЕСКО медийно-информационной грамотности и медиаобразования граждан при Московском педагогическом государственном университете был проведен масштабный опрос руководителей вузов России и других стран СНГ на предмет востребованности теории и практики медийно-информационного образования. Результаты этого опроса дают основание полагать, что в настоящее время в ведущих университетах постсоветского пространства сформировался запрос на реализацию комплексного подхода к решению проблем медийно-информационного образования студентов, а также возникла потребность в повышении квалификации работающих преподавателей.

Ключевые слова: Медийно-информационная грамотность, медийно-информационное образование, медиакомпетенции, образовательный процесс, система высшей школы, медиапространство.

The problem of public media literacy is currently evolving from the area of purely scientific interest demonstrated by researchers (Kotilainen: 2010, Perez-Tornero, Varis: 2010, Catts, Lau (2008), Ghendina: 2011, Zhilavskaya: 2014), and UNESCO experts program materials (Wilson, Grizzle, Tuzon, Akyempong, Cheung: 2011), into one of the most important areas of the educational policy in Russia and the CIS. Amid today's chaotic media environment with continuously raging information wars and against the backdrop of state goals to develop digital economy, there is an ever increasing need for a person to acquire new competencies that will enable him to successfully and safely exist in modern complex and dynamic world.

The focus here is on media literacy achieved through media education. This type of modern education has not yet been sufficiently studied or put into practice and is viewed by many universities in Russia and the former USSR as an extremely important and much needed domain. According to researcher Anna Onkovich, "the relevance of introducing media education is due to the fact that a fundamentally new concept of professional training appears in the educational process, including media educational strategies in order to form media culture as a necessary component of the professional culture of a future specialist" [Onkovich, 2013: 87]. On top of professional competencies, a contemporary graduate is supposed to acquire media competencies to understand the processes unfolding in media environment, to be able to distinguish fake information, to take the right side amid multiple views on the political agenda, economic processes, social relations, to be able to build effective media communication, and aptly avert the risks posed to the person in contemporary highly toxic digital media. There are already universities today that begin to introduce media education elements into their curricula, while others limit themselves to launching additional education courses or professional skill upgrade courses. Yet, nearly all of them are looking to integrate media education elements into their basic university curricula, and to make media education consistent and comprehensive. This is the conclusion one will make based on the study of the materials drawn from the surveys covering heads of universities on the proposed topic.

The key material for this article is based on the findings from surveys covering heads of universities in Russia and other CIS countries to identify the relevance of the theory and practice of media education (ME) in the higher education system.

To determine the potential of universities in the field of implementing programs to increase students' media and information literacy and to request systematic work in this area, experts from the Eurasian Association of Pedagogical Universities (EAPU) and the Russian Media Education Specialists Association (MESA) with the support of UNESCO Chair for public media literacy and media education under the auspices of Moscow Pedagogical State University there was conducted a survey of classical state universities authorities, as well as of pedagogical universities in Russia,

Kazakhstan, Armenia, the Republic of Belarus and other CIS countries. The survey involved such higher educational institutions as Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Grodno State University named after Yanka Kupala, Armenian State Pedagogical University named after Khachatur Abovyan, Sevastopol State University, North Caucasus Federal University, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Far Eastern Federal University, Toliatti State University, Bratsk State University, Dagestan State Pedagogical University, Buryat State University, Trans-Baikal State University, Kemerovo State University, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy and many others. In total, the study involved authorities of 46 Russian universities as well as leading universities in the countries-members of the Commonwealth of Independent States.

The questionnaire participants were asked 5 questions that revealed, firstly, the possibilities of universities in this area of training, secondly, revealed the systemic aspects of media educational activities, and, thirdly, allowed to see the development prospect of media education in the vast higher education school. The questions are the following:

1. What courses of study and programs, related to media education, are implemented in the educational system of students at your university?
2. Are the noted by you above courses compulsory, variable-based or elective disciplines of the curriculum?
3. In what other forms is media education implemented at your university?
4. How is the media environment formed at your university?
5. What do you think should be done in order to make media education a true priority in the training system – at your university, in your country?

Answers to these questions revealed the general presence of media education elements in the structure of educational programs of universities and relevant ideas of the education system leaders about possible scenarios for the development of this promising area of students' training.

In particular, answering Question 1 about **the courses and programs related to media education that are implemented in the educational system of students of your university**, almost all respondents name the following courses: "Information and Communication Technologies" and "Computer Literacy". In just over half of the universities, the courses "Information Security" and "Information Security of the Person" are implemented. There is a huge number of technological courses such as "Information Technologies in Education", "Information Systems", "Programming and Information Technologies", "Information and Communication Technologies in Education", "Audiovisual and Multimedia Tools in Education", "Computer Networks, "Internet and Multimedia Technologies", "Fundamentals of Information Security", "Languages and Programming Methods", "Architecture of Computer Networks and Systems" etc. Social courses ("History and Theory of Media", "Media Literacy", "Media and Information Literacy", "Media Text in the Electronic Mass Media", "Fundamentals of Media Pedagogy" and others) are thought to a less degree, but nevertheless presented in Bachelor's and Master's programs at state universities such as Grodno, Nizhnevartovsk, Saratov, Gomel, Zabaykalsky, Tolyatti, Sevastopol, at pedagogical universities – Altai, Armenian, Yaroslavl, Bashkir, Orenburg, Moscow Psychology and Pedagogy University. This fact indicates some rethinking by the pedagogical community of the traditional, very narrowed interpretation of computer science as a science about the methods and processes of collecting, storing, processing,

transmitting, analyzing and evaluating information using computer technologies.

Question 2 is asked to specify the first one. **Are the courses compulsory, variable-based, or elective?** The vast majority of respondents answer that disciplines on information and communication technologies are compulsory, while the courses related to the broader – media and information education – remain in the variable part of the curriculum among elective or optional courses.

This indicates the fact that universities of Russia and the CIS countries in such fields of knowledge as information, media and communication are dominated by technocratic disciplines designed to increase the level of computer literacy and information security of students. These are the disciplines that solve the tasks of bygone days. Nowadays, a teacher, a historian, a librarian, a culture worker, a manager in any field of activity, all these professionals urgently need such competencies as the ability to analyze professional information from various points of view, to understand the development trends of the media sphere, the development of legal and ethical standards of information work, the formation of ideas about how the modern media space exists and how a person implements his functions in it – searching and processing information, critical thinking, and production and promotion of information products. Only a third of universities make attempts to introduce new courses and disciplines into the educational process related to media literacy as the new literacy of the future, in general they are very fragmented and are unsystematic. Obviously, these disciplines are not provided in sufficient quantities with professional personnel and high-quality teaching aids.

To Question 3 about **other forms, apart from the academic ones, of media education that are being implemented at your university**, two thirds of the respondents answer that it is done in the format of refresher courses, 26 out of 46 – in the form of additional education, 25 – in the format of media experts stakeouts, 23 – in the format of sporadic lectures, 22 – in the form of media or information centers, 17 name special clubs and media studios, 11 note film classes, 9 note media laboratories, 6 mention open discussions and only 5 universities (Krasnoyarsk State Pedagogical University, St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education, Buryat State University, State University of Humanities and Technology, Glazov State Pedagogical Institute, Saratov National Research State University) note media education centers. This indicates that the spectrum of forms, except for educational ones, in which media education can be implemented, is very poor. Mainly, this is done in the form of upgrade qualifications and additional education, which does not always correspond to the task of increasing the level of media literacy. Such resource as film education is not used enough by universities, also there are extremely few media laboratories where students of non-media specialties can practice; not all universities have media and information centers, and media education centers are a rarity in higher education system, which in fact could function as a kind of resource centers in the development of the of media and information education system both at the university and beyond it.

To Question 4, **how is media environment formed at your university**, almost all respondents answer that they create it using the official website, 36 note corporate media (a newspaper, a magazine, university television, radio), 23 refer to informal groups and students' accounts, 25 – to professors' accounts, 23 universities identify the activity of students' media centers, and 28 – identify activities of information structures of students' self-government bodies (students press centers of institutions and faculties, etc.) as essential in the formation of the media environment, 15 note a university media center, just 8 universities name media volunteers and

only 9 universities believe that media environment of higher professional school is formed due to a well-planned communication policy.

The results obtained indicate that in the vast majority of universities, the traditional technologies of the university official website and university media remain the main technologies by which the media environment is formed, while these technologies are not effective enough. Such activity as media volunteering is unfortunately very poorly developed, while it could have a positive impact both on the formation of an open media environment of a university and on increasing the level of media literacy of students. Also, the problem of creating an effective communication policy still remains unsolved, which in itself should be the key to the formation of a meaningful, creative and effective media environment.

The most informative part of the questionnaire was the answer to Question 5 about **what needs to be done in order to make media education really a priority in the training system**. Universities almost unanimously suggest that media courses should be included in the curriculum as a priority. Moreover, respondents claim it significant to introduce courses "Media Literacy" / "Fundamentals of Media Literacy" in all major curricula of higher education. Furthermore, university authorities offer to widely use various forms of additional education of students, to expand the possibilities of including media literacy / media education in extracurricular activities.

In general, all respondents' answers to the fifth question can be grouped into several blocks.

Block 1. Suggestions for the organization of the educational process

- To introduce metadisciplinary course "Media Literacy" into the curricula of all areas of training.
- To introduce a course on media-education, media-psychology and media literacy into the curricula at all educational levels / bachelor's, master's degrees /.
- To include the assessment of media knowledge and skills in the program for assessing educational results.
- To develop and implement educational programs promoting skills of working with big data in the field of the Internet of things and other modern technologies.
- To develop educational programs design in "Digital Pedagogy".
- To introduce tasks on the use of the media environment in the educational process into the content of internship practice.

Block 2. Further education and advanced training of teachers

- To develop and implement media literacy courses for teachers and professors.
- To expand the range of media literacy issues in the content of additional education programs for students of different areas of training.
- To hold various workshops on the use of media technologies in the educational process.
- To develop new programs of additional professional pedagogical education (for example, in the field of information security, cyber hygiene, cybersecurity).
- To develop a personalized learning environment to stimulate the professional self-development and self-education of teachers.
- To develop MOOCs (Massive Open On-Line Course) in order to provide mass advanced training in media education in the remote mode.
- To encourage teachers' participation in students media projects.
- To demonstrate to students the successful practices in the use of digital competencies in teachers' activities.

Block 3. Students Activities and Initiatives

- To expand the participation of students self-government bodies in educational campaigns aimed at popularizing media education: conducting interactive classes, event promotions, etc.
- To develop a system of applications for grant support contests of the Federal Agency for Youth Affairs on media literacy.
- To hold students' competitions in media competencies.
- To create students scientific associations (problem groups, scientific clubs) engaged in research work in the field of media literacy.
- To create students clubs of interest, thematic clubs of media orientation.

Block 4. Structural and organizational activities

- To open university media education centers and media laboratories.
- To implement "Digital University" program at universities.

Block 5. Research in the field of media education and international cooperation

- To stimulate scientific research related to media pedagogy, media education.
- To promote the development of professional and research strategies related to media literacy. To develop appropriate scientific projects on the problems of media, information, communication and test their results at international conferences.
- To create a tradition of prolonged (at least one-year long) online participation of scientists and teachers in anniversary events dedicated to outstanding national scholars, so that international cooperation expands and material is accumulated on the experience of using best ideas in the world psychological and pedagogical practice.

Block 6. Application of skills in the field of media literacy as public relations

- To unite media informational and educational resources of structural units with the aim of an integrated presentation of the university efficiency.
- To carry out educational and social integration of vocational education, culture and production using media technologies.

In conclusion, university authorities almost unanimously claim it important to include media disciplines in the educational programs of all areas of training as a priority. For pedagogical universities, the most significant task is to introduce the discipline "Media Literacy" / "Fundamentals of Media Literacy" in all the main higher education programs Enlarged Groups of Specialties and Fields "Education and Pedagogical Sciences". In addition, universities offer to widely use various forms of additional education of students and teachers, to expand the range of media literacy / media education in the system of extracurricular activities. In all proposals from universities, a common structure is traced, which as a whole consists of designing a strategy for the development of media education, conducting scientific research in this area of knowledge and organizing well-planned systematic work, which should be provided with regulatory documents and qualified personnel. All this testifies to the readiness of the higher school to integrate media education into the existing system of training.

Литература

1. Catts R., Lau J. Towards Information Literacy Indicators: Conceptual framework paper. Paris: UNESCO – 2008. URL: http://www.uis.unesco.org/Library/Documents/wp08_InfoLit_en.pdf (accessed: 10.01.2023).
2. Gendina N.I. Indicators of media literacy and the problems of their development: the first UNESCO International Meeting / Prep. N.I. Gendina // *Bibliosphere*. – 1. – 2011. – p. 88–89.

3. Kotilainen, S. & Arnolds-Granlund, S-B. (eds.) *Media Literacy and Education: Nordic Perspectives*. Gothenburg: Nordicom & Finnish Society in Media Education. – 2010. URL: <https://researchportal.tuni.fi/en/publications/media-literacy-education-nordic-perspectives> (accessed: 10.01.2023).
4. Zhilavskaya I.V. The problem of the formation of the conceptual apparatus of media education in the conditions of convergence of media literacy / I.V. Zhilavskaya // *Fundamental research*. – 5. – 2014. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=33816> (accessed: 10.01.2023).
5. Onkovich A.V. *Mediadidactics of higher education: professionally-oriented media education* / A.V. Onkovich // *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 22. – 2013. – p. 86–91.
6. Perez-Tornero, J.M. & Varis, T. *Media Literacy and New Humanism*. Moscow: UNESCO Institute for Information Technologies in Education. – 2010. – 136 p. URL: <http://iite.unesco.org/pics/publications/en/files/3214678.pdf> (accessed: 10.01.2023).

MEDIA EDUCATION POTENTIAL IN RUSSIAN HIGHER EDUCATION SYSTEM

Ivanova T.V., Afanasev M.Y.

Pedagogical State University, Lomonosov Moscow State University

This article focuses on the study conducted to determine the potential of media education (ME) in the system of Russian Universities and those of the CIS. The demand for this new type of education is felt by nearly all but is hardly understood by all university management responsible for the educational process or by university professors who should be able to embrace the meaning, the objectives and the contents of this education and how it could be integrated into the traditional educational system. Meanwhile, contemporary university curricula nowadays do incorporate certain media education elements and its components may already be found in the system of additional education or as part of extra-curricular activities. Experts from Eurasian Association of Pedagogical Universities (EAPU) and

Media Education Specialists Association (MESA) supported by UNESCO Chair for public media literacy and media education under the auspices of Moscow Pedagogical State University conducted a comprehensive survey of higher educational institutions authorities in Russia and other CIS countries to determine the potential of Russian and CIS universities to implement student media literacy improvement programs and the demand for consistent effort in this area, as well as to determine the relevance of media education theory and practice. The survey findings show that there is a clear demand at the leading universities of the former USSR to implement a comprehensive approach to addressing student media education issues and there is a requirement for university teaching staff to upgrade their skills.

Keywords: Media literacy, media education, media competencies, educational process, higher education system, media environment

References

1. Catts R., Lau J. *Towards Information Literacy Indicators: Conceptual framework paper*. Paris: UNESCO – 2008. URL: http://www.uis.unesco.org/Library/Documents/wp08_InfoLit_en.pdf (accessed: 10.01.2023).
2. Gendina N.I. Indicators of media literacy and the problems of their development: the first UNESCO International Meeting / Prep. N.I. Gendina // *Bibliosphere*. – 1. – 2011. – p. 88–89.
3. Kotilainen, S. & Arnolds-Granlund, S-B. (eds.) *Media Literacy and Education: Nordic Perspectives*. Gothenburg: Nordicom & Finnish Society in Media Education. – 2010. URL: <https://researchportal.tuni.fi/en/publications/media-literacy-education-nordic-perspectives> (accessed: 10.01.2023).
4. Zhilavskaya I.V. The problem of the formation of the conceptual apparatus of media education in the conditions of convergence of media literacy / I.V. Zhilavskaya // *Fundamental research*. – 5. – 2014. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=33816> (accessed: 10.01.2023).
5. Onkovich A.V. *Mediadidactics of higher education: professionally-oriented media education* / A.V. Onkovich // *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 22. – 2013. – p. 86–91.
6. Perez-Tornero, J.M. & Varis, T. *Media Literacy and New Humanism*. Moscow: UNESCO Institute for Information Technologies in Education. – 2010. – 136 p. URL: <http://iite.unesco.org/pics/publications/en/files/3214678.pdf> (accessed: 10.01.2023).

Деструктивная трансформация фундаментальных аспектов жизни современника модными трендами

Фомин Максим Сергеевич,

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Новосибирского высшего военного командного ордена Жукова училища, доцент кафедры языковой подготовки и межкультурных коммуникаций Сибирского государственного университета геосистем и технологий
E-mail: fomax@ngs.ru

Англицизмы в русском языке сегодня стали нормой. Однако зачастую их употребление не столь безобидно как кажется. Являясь атрибутом новомодных трендов, они оказывают существенное влияние на концептуальную плоскость – понятия и смыслы. Характерной чертой многих из таких тенденций является упрощение и профанация того, к чему они присоединяются. Распространяясь на сферу образования, данная тенденция негативно влияет на нее в концептуальном отношении, превращая его в симулякр, что, однозначно, обесценивает его. Сегодня это, в частности, осуществляется посредством русификации английских слов и выражений, а также через специфическую смысловую нагрузку значений получившихся новообразований.

Ключевые слова: образование, девальвация образования как угроза бытию человека, современные вызовы, упрощение и профанация сознания, симулякр.

В настоящее время англицизмы в русском языке стали весьма и весьма распространённым явлением. Иногда их использование оправдано и даже неизбежно, однако, зачастую их употребление является просто атрибутом тех или иных новомодных трендов, овладевающих сознанием граждан России, преимущественно молодой части общества. В таком случае они по-настоящему уродуют и речь современников, и ход их мысли, что является много большим злом, чем просто коверкание языка. Последнее опасно, в частности, тем, что способно весьма радикально трансформировать, а точнее – извратить – понимание и значение фундаментальных (т.е. решительно важных) для жизни явлений, отражаемых теми или иными понятиями. Одним из них, безусловно, является понятие «образование», не оказавшееся в стороне от тлетворных тенденций обесценивания смыслов. Сегодня это, в частности, осуществляется посредством русификации английских слов и выражений, а также через специфическую смысловую нагрузку значений получившихся новообразований. Это и рассматривается одним из деструктивных трендов современности, о котором предлагается подумать в настоящей статье.

В английском языке есть словосочетание *must have*, которое в чисто лингвистическом, свободном от культурных веяний и тенденций смысле, означает «должно/нужно иметь». Однако в силу крепнущего и распространяющегося сегодня потребительского (консюмеризм) подхода к жизни, неизбежно отражающегося на всех ее сферах и аспектах, в т.ч. и на лексике и грамматике русского языка, указанное выражение приобрело специфически окрашенный оттенок смысла, заключающийся в том, что им стало обозначаться *нечто*, которое современник-потребитель просто обязан (*must*) заполучить и владеть (*have*) им, без чего он оказывается не современным, не в тренде, не своим – выпадающим «из мира», что, естественно, удивляет и обескураживает, расстраивает и разрушает его. Такое *нечто* и стало именоваться «*must have*» или «мастхэв» в русской транслитерации. Примечательно, что эта калька и в языковом, и в содержательном плане перешла в отечественную реальность из Западного мира, до сих пор мнящего себя авангардом всего прогрессивного.

Психологическая сторона «мастхэва» может быть описана так: это приходящее (формируемое, приобретаемое) состояние острой потребности, дужды в чем-то, которое отвлекает на себя все психические, ментальные и физические силы человека, всецело охватывает и обволакивает его, лишая способности рационально и взвешенно оценивать происходящее, в т.ч. даже на фоне и в связи с приобретением вождя на данный момент «мастхэва», не говоря о ситуации его отсутствия, ввергающей его в сильнейшую фрустрацию. Как показывает практика, действительно суровая проза жизни его достижение реализуется далеко не всегда. Собственно, по этой причине, оставаясь острым раздражителем и возбудителем, на горизонте начинают появляться уже их субституты, т.е., фактически, подделки подделок, производные от фэйка, если воспользоваться вошедшим в оборот иностранным словом. Кроме того, накал страсти в подлинном, а не метафорическом смысле

ле слова, обуславливается и напрямую зависит от величины, масштаба «мастхэва»: чем он больше, тем более трудно достижимым он оказывается, при этом, единожды закравшись в ум, он только разрастается, прогрессирует, в силу чего увеличивается и расстояние до него, а потому и симулякризация (фэйковизация) реальности. Порочный круг, таким образом, замыкается, поработавшая человека.

Трендовая сторона явление заключается в следующем. Потребительско-мещанский дух нынешней эпохи, обуславливает основные свойства всякого «мастхэва», а именно его тенденциозность и однодневность. Именно поэтому в данном периоде/сезоне/неделе первостепенно и значимо одно, а в следующем уже совсем другое увлечение. Критичность ситуации придает то обстоятельство, что указанные сущностные характеристики всякого «масхэва» способны деформировать, обесценивать и профанировать фундаментальные явления и жизненные процессы, отражаемые теми или иными понятиями и терминами. Возможно это происходит в виду того, что все основательное и долговечное рассматривается и понимается своего рода угрозой: их наличие и преобладание делают не необходимыми и не важными калейдоскоп преходящих тенденций и трендов. Возвращаясь к размышлению, следует отметить, что одним из таких концептуальных понятий, попавшим под давление, является «образование». Сегодня оно оказывается под воздействием обеих, описанных выше, сторон обозначенного явления. Результатом его постепенного подтачивания извне, а также в силу развития патологических процессов внутри него самого, стал факт его обращения в тот самый «мастхэв». Это, к сожалению, подтверждается многолетней педагогической практикой. Очевидно, что пока это не носит тотального характера, т.е. так его видят и рассматривают не все современники, однако, в той или иной мере такой новомодный тренд уже коснулся довольно многих и при этом он продолжает набирать силу и распространение.

Примером этого может быть, скажем, не один раз наблюдавшаяся ситуация, когда молодой человек учится на специальности «Финансы», но при этом в будущем видит себя каким-то блогером или фрилансером, что не имеет никакого отношения к осваиваемой сфере деятельности, но при этом он же заявляет о потребности и нужности ему именно диплома об образовании, пусть и по специальности «Финансы», который в его представлении есть просто «корочка». Действительно: «мастхэв» порождает «корочки» и «корочковость» образования. В этом и заключается его профанация и деградация, а в не далекой перспективе в таком ключе и его разрушение.

Понятно, что такого рода позиция и поведение во многом обуславливаются возрастом и причастностью-погруженностью в некие движения, течения и тренды, представляющиеся современными и прогрессивными, которые весьма вероятно уже через некоторое время перестанут быть таковыми для неизбежно взрослеющего, а потому меняющегося человека, которые тем самым освободят его от своих требований и притязаний (тех самых *must have*'ов периода/сезона/недели). Зачатую это так и происходит. Однако после освобождения от плена таких субституттов (заменителей) реальности, человек оказывается опустошённым, подобно сосуду (бак, баллон) из которого выпустили/вытек весь имевшийся там объём вещества (газа): субстанция вытекла – её не стало, но сам сосуд физически остался сосудом первоначального объёма, который оказался незаполненным, т.е. пустым, который теперь надо снова чем-то заполнять.

Параллель с осмысливаемой здесь темой образования прямая. Развлечение с образованием, а «мастхэв» есть именно развлечение и потеха, средством и поводом которых предстает глыба образования (явление, процесс, институт), обращает его, отождествляет с детской игрой в понарошку. В таком случае в нем все делается понарошкой или в понарошку: учебный процесс, т.е. лекции, семинары, курсовые работы; экзамены, как итоговые испытания, позволяющие оценить меру успешности прохождения дистанции; сам документ, т.е. диплом/свидетельство/сертификат, как доказательство образованности. Собственно, поэтому сегодня сосуд, т.е. человек, его сознание, заполняется одним *must have*'ом, а завтра он же вместил в себя другой и т.д. Большой разницы нет, ведь все «по приколу», просто так.

В целях сохранения объективности осмысления проблематики важно отметить следующее. И в случае подлинного образования, и в случае его повреждения коверканием имеет место, происходит, как отмечалось ранее, процесс заполнения, т.е. помещение внутрь вместилища чего-то, почитаемого важным, ценным, должным. Отличие является то, что в первом случае, т.е. образовываясь, человек обретает *знания, умения и навыки*, а во втором, забавляясь с «мастхэвами», он получает лишь подделку или, как приятно говорить сегодня, фэйк. Примечательно и важно то, что в обоих случаях расходуется ресурс, который *невозможно* восстановить – время.

Развлекательный модус, доминирующий и властвующий в новомодном случае, опасен и коварен тем, что когда-то роза ветров меняется и всё мало-мальски, худо-бедно собранное-скопленное, обесценивается и выбрасывается, ведь приходит нечто новое, которое человека снова *must have*. Это, однако, оставляет его неготовым и уязвимым перед лицом «внезапно» и «неожиданно» для него самого появившихся реальных вызовов и угроз, обусловленных открывшейся и засиявшей личной необразованностью и без-образностью, в полной мере предстающих взору в момент избавления от выходящего из оборота тренда – актуального сегодня «мастхэва». В этом и состоит злая шутка развлечения: оно, как некогда выразился физик и философ Блез Паскаль, нас забавляет, но тем и позволяет приблизиться к смерти незаметно, которую следует понимать и в прямом, и образном смысле. «Мастхэв»-тренд делает образование развлечением, которое *надо всего лишь иметь, причем*, не по существу, но только по форме (диплом, ставший «корочкой») или по факту (есть у всех). Очевидно, что это не сказывается положительно на личностных и профессиональных качествах человека, но обращает его в пешку, а не фигуру на шахматной доске собственной жизни. Делает его только подвластным и манипулируемым объектом, но не самостоятельно действующим лицом. И все это на том фоне, что сам он этого *не видит и не осознает*, что вполне понятно и объяснимо. Он занят. Он увлечен очередным *MUST HAVE*'ом.

В силу причин, сформулированных выше, т.е. под воздействием новомодной, но однодневной идеологии, многие и многие юноши и девушки, ставшие студентами колледжей/вузов, сегодня, так сказать, «спят и видят» себя кем-то из приводимого далее списка. Или блогерами на различных интернет-площадках, зарабатывающим совсем не 30к в месяц как какие-то там на заводах (пояснение: сленговое выражение «30к/10к/100к» вошло в оборот и закрепилось в употреблении в среде молодых людей, живущих в сети Интернет, где «к» – это редуцированное начертание префикса, обозначающего «1000», используемого в Международной системе единиц. В интернетной, но уже и не только, жизни такой эфемизм, используется в отношении получаемых чело-

веком денежных средств – заработной платы. Так стали говорить и люди, живущие обычной жизнью, и граждане, решившие быть вне закона, например, зарабатывающие распространением наркотиков. Или «красавчиками, поднимающими денег» там же, но на различных ставках в спорте. Или, что крайне активно продвигается сегодня, геймерами, черпающими доход компьютерной лудоманией, эффектно именуемой «кибер-спортом». Или, что преимущественно характерно для девушек, уходом за заработком в т.н. «бьюти-индустрию», т.е., если говорить по-русски, в обеспечение себя подстриганием ногтевых пластинок на фалангах пальцев рук и ног граждан, а также удалением лишнего волосяного покрова на различных частях их тел и/или приведением его в некоторую, мыслимую клиентом красивой (в угоду актуальной тенденции), форму. Или, что удивительно, но факт – фрилансерами, вкалывающими доставкой еды заказчикам, т.е. обыкновенным, примитивным курьерством, не требующим специального, а тем более высшего образования, правда, романтизированным и приукрашенным созданным ему ныне имиджем прогрессивности, а также использованием продвинутых гаджетов – смартфонов, через которые получают заказы, а также электросамокатов, позволяющих стремительно рассекать пространства городов (однако в основном всё осуществляется пешком).

Ознакомившись с логикой и формулировками приведенных примеров, в сознании прочитавшего может возникнуть укор так мыслящему автору за кажущуюся очевидной недооценку и уничижение им молодых современников. Однако этого нет, т.к. вполне принимается и разделяется разумный довод о недопустимости осуждения, ибо указанное есть удел всякого молодого человека, начинающего трудовой путь с целью обеспечения себя в условиях отсутствия трудового опыта и высокой профессиональной квалификации: с одной стороны, каждый хочет участи-работы полегче, с другой – каждый должен пройти специфическое искушение-закалку тем, что интеллектуально и эмоционально полагается и рассматривается не очень приятным вариантом обеспечения-содержания себя в тактическом плане и уж тем более не самым вожделенным способом существования в стратегическом измерении.

В этом смысле и контексте принципиальной противоположностью и одновременно мощным искушением простотой-лёгкостью предстаёт возможность написания комментариев происходящего, каких-то текстов или же видеороликов для собственной странички, открытой на платформе той или иной социальной сети, что само по себе резко отличается от труда сталевара, шахтёра, нейрохирурга или, скажем, механизатора – работающего в поле тракториста, управляющего пусть и самым современным комбайном (с анатомическим креслом, гидроусилителем руля, кондиционером, сложное цифровое и технологическое оборудование, лишь дополнительно осложняющие и утяжеляющий базовый, традиционно понимаемый труд комбайнёра), но всё-таки трудящегося в поле, что никак не сравнимо с деятельностью в Интернете из кресла/дивана в квартире. Речь здесь, опять же, не идёт о возвеличивании первых и принижении вторых: не менее очевидно, что написание серьёзного текста статьи или аналитического комментария, а тем более съёмка качественного видеопrodukта, требует и большого профессионализма, и специфических знаний, и высоких морально-деловых качеств, и сил, т.е. всего того, что вкладывается в понятие «образование», но никак не «корочки», которые суть просто must have.

Выводы. Авторский акцент в данном случае делается именно на том, что многие и многие молодые со-

временники, а речь идёт о студентах младших курсов колледжей и вузов России, в силу и под воздействием названного выше тренда, соблазняются и ориентируются, причём, априорно, на то, что именно полегче, требует меньших затрат и усилий, что может быть и эффективно (финансово) сейчас, но однодневно, а, более того, бесплодно в стратегическом отношении, т.к. не выводит человека/общество в прорыв, а потому обрекает их лишь на проедание доставшегося либо даром (созданная некогда инфраструктура городов, например), либо почти даром, т.е. с частичным несением расходов (для ведения блога, например, приходится приобретать компьютер, т.е. претерпевать стартовые издержки).

Все это становится реальностью в силу того, что образование становится понарошкой. Но в след за понарошкой, обусловливаемой очередным «мастхэвом», таковой становится и вся жизнь современника, желающего легчайшего пути, и находящего его именно в нем, т.к. подлинное образование – это трудный и тяжкий путь. Он ошибается, но ошибается *не* в понарошку.

Литература

1. Достоевский, Ф.М. Дневник писателя. – Спб.: Лениздат, 1999
2. Оруэлл Джордж «1984», – М.: Астрель, 2012
3. Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2004
4. Панарин А.С. Правда железного занавеса. – М.: Алгоритм, 2006
5. Паскаль Б. Мысли. Афоризмы – М.: Астрель, 2011
6. Проблемное преподавание философии в вузе: сборник научных трудов. – Свердловск УрГУ, 1988
7. Франкл В. Воля к смыслу. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018
8. Франкл В. Доктор и душа. Логотерапия и экзистенциальный анализ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018

DISRUPTIVE TRANSFORMATION OF CONTAMPORARY'S FUNDAMENTAL ASPECTS OF BEING BY THE MODERN TRENDS

Fomin M.S.

Siberian State University of Geosystems and Technologies

Anglicisms in Russian language have become a norm today. However, the use of them is not as harmless as it seems at sight. Being the attribute of modern trends, they seriously influence the conceptual sphere of human existence – the terms & the senses. The peculiar character of the majority of such tendencies is simplification & profanation. Everything they touch turns the same. The sphere of education is not an exception. They (simplification & profanation) influence it negatively disrupting it on the conceptual level turning it to simulacrum, that devaluates it. Today it is being carried out through the anglicisms (words & phrases) in Russian language & especially by the specific semantic load of the new terms & notions.

Keywords. Education, devaluation of education as the threat to human existence, modern challenges, simplification & profanation, simulacrum.

References

1. Dostoevsky, F.M. Diary of a writer. – Spb.: Lenizdat, 1999
2. Orwell George "1984", – M.: Astrel', 2012
3. Osipov A.I. The Way of Reason in Search of Truth. – M.: Izdatel'stvo Sretensky monastery, 2004
4. Panarin A.S. Pravda zheleznyaya curtaina. – M.: Algorithm, 2006
5. Pascal B. Thoughts. Aphorisms – M.: Astrel', 2011
6. Problematic teaching of philosophy at the university: a collection of scientific works. – Sverdlovsk UrSU, 1988
7. Frankl V. Volya k smyslu. – M.: Alpina non-fiction, 2018
8. Frankl V. Doctor and soul. Logotherapy and existential analysis. – M.: Alpina non-fiction, 2018